

ISSN 0201-470X

Альманах библиофила

Слово
о князе Игоре

800
лет

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

Гордиться славою своих предков не только можно,
но и должно; не уважать оной есть постыдное
малодушие.

А. С. ПУШКИН

Альманах библиофила

Выпуск 21

Слово
о князе Трубецком

800

лет

Главный редактор
Е. И. Осетров

Ответственный секретарь
Л. В. Букина

Редакционный совет:
И. В. Абашидзе, К. С. Айни,
О. М. Виноградова, В. И. Десятерик, Н. Х. Еселев,
Е. А. Исаев, А. И. Калашников, Е. П. Кирилук,
В. В. Кожин, А. Ф. Курилко,
В. Я. Лазарев, Д. С. Лихачев, Ю. П. Некрошюс,
Е. Л. Немировский, А. И. Овсянников, Л. А. Озеров,
П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, В. В. Чикин

Составитель
В. М. Гуминский

Рецензенты:
Л. А. Дмитриев,
член-корреспондент АН СССР;

Г. Н. Моисеева,
доктор филологических наук

Художник
Е. Соколов

"Слово
о герку Игореви,
и жизнь
~
~

Все образы тут почерпнуты из природы; характеры рисованы с натуры, и пока не изменится природа славянства, поэма об Игоре всегда будет народной и, больше того, сохранит печать актуальности.

А. МИЦКЕВИЧ

Евгений Осетров

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ИЛИАДА

По решению ЮНЕСКО во всем мире отмечается 800-летие бессмертного памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве» — как знаменательная годовщина в истории мировой культуры. Трудно переоценить значение этого великого творения, являющегося одновременно эпосом и лирической поэмой, в котором с такой силой прозвучали глубокие раздумья о судьбах земли русской, страстный призыв к объединению и отпору вражеским полчищам. «Слово» живет и будет жить всегда, радуя и восхищая все новые и новые поколения, пробуждая высокие чувства, связанные с борьбой за мир и дружбу, за единение перед лицом военной опасности. «Слово» — единое творение трех нераздельных братских культур — русской, украинской и белорусской.

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Судьба «Слова о полку Игореве» неповторима. Не много найдется в мировой литературе произведений, которые вызывали бы к себе столь длительный и все усиливающийся интерес. Поэма, внутренняя протяженность и глубина которой оказалась бесконечной, влечет к себе с неодолимой силой. Ее читают и перечитывают. Создана библиотека поэтических вариаций на темы «Слова». О поэме, многократно переведенной на европейские и восточные языки, спорят ученые в различных странах мира.

На последнем всемирном конгрессе славистов, проходившем в 1983 году в Киеве, сообщения, связанные со «Словом», вызывали к себе всеобщее внимание, словно речь шла не о средневековом памятнике, а о наисовременнейшем творении. Художественные идеи произведения не могут не волновать нас, живущих на исходе двадцатого столетия. Поэтическая энциклопедия Киевской Руси, созданная в конце двенадцатого века, живописует такие состояния, как война и мир; призывает к единению перед лицом всеобщей военной опасности, несущей гибель и разорение; воспеваает доблесть, отвагу, верность, красоту.

Одной фразой древнерусские писатели умели создать красочную и навсегда запечатлевающуюся в памяти читателя картину.

Так, например, в знаменитом «Поучении» Владимира Мономаха достоверно и выразительно описывается опасный выезд из Чернигова дружины князя, с детьми и женами, после замирения: «И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза на горах». Простое и меткое сравнение — перед нами живописная картина, которая просится на полотно.

Поэма о походе Игоря в Степь и сегодня воспринимается не как музейный рукописный памятник невозвратимой старины, а как живое и трепетное искусство. Ее образы, пейзажи, лирические монологи, метафоры и другие поэтические тропы волнуют нас, современников космических полетов.

Поэма создавалась не на голом месте. Уже существовала знаменитая «Повесть временных лет». И сегодня это произведение поражает своей грандиозностью, сплавом достоверных фактов с очаровательными народными легендами. Составленная из разножанровых отрывков, созданных в несхожие эпохи, она — единое целое, включившее в себя важнейшие сведения о жизни страны, войнах и разорениях, характеристики князей, похвалы героям, плачи о погибших, дипломатическую и придворную хронику, сказание о чудесах, назидания потомкам. И все это — в непринужденной художественной форме, паразитирующей емкой и лаконичной. Читатель «Повести» ощущает себя приобщенным к вечной мудрости мира; летописцами были люди большой художественной культуры, искренне заботившиеся о судьбах своей родины, мыслившие широко, государственно, во вселенских масштабах.

Воодушевленная патриотической идеей объединения всех русских княжеств перед угрозой нашествия кочевников, поэма рассказывает о героическом, хотя и неудачном, рейде в землю Незнаемую. Половцы, как известно, были народом тюркского происхождения, кочевавшим в беспредельных причерноморских степях, постоянно совершавшим разбойничьи набеги на русские города и села. Великий князь Владимир Мономах, увещевая ссорившихся между собой младших князей, говорил о том, что жизнь пахаря в те времена находилась под постоянной угрозой. Уйдет оратай, говорил Мономах, пахать в поле, а в это время половчанин ограбит его дом, уведет в плен жену и детей.

Весь художественный строй поэмы свидетельствует о высоте культуры в двенадцатом веке, о силе и значительности народного самосознания. Общественный смысл произведения, его пафос, которым живет автор, заключен в страстном призыве прекратить междоусобицы, объединиться для отражения внешней опасности. Если вспомнить, что поэма-предупреждение создавалась накануне нашествия степных орд, то становится понятно ее значение в восточно-славянской культуре.

* * *

Двадцатое столетие шаг за шагом открывало Древнюю Русь.

Если в первые десятилетия века рублевская «Троица» привлекала художников да знатоков, то ныне ее всенародная и всесветная слава стала явью. Затем наступила пора всеобщего увлечения памятниками строительного искусства — знаменитый храм Покрова на Нерли под Владимиром стал восприниматься как «архитектурное эхо» античности; полюбили лирическое звучание деревянных зданий — будь то крылатые ветряк-мельницы, мощные северные избы или сказочный островной вид в Кижах на озере Онего. Вновь найденным «материком культуры» явилась древнерусская музыкальная область — от ростовских звонов, которыми некогда самозабвенно увлекались Шаляпин и Рахманинов, до совсем недавно обнаруженных «кряковских записей» — Федора Крестьянина, гениального музыканта русского средневековья.

Игореву Песнь давно сравнивают со скандинавскими сагами, с немецкими «Нибелунгами», с французской «Песнью о Роланде», испанской «Песнью о моем Сиде». Теперь круг уподоблений существенно раздвинулся; в разговор вовлечены гомеровские образы (напомню, справедливости ради: едва ли не первым сопоставил в прошлом веке нашу Ярославну с гомеровской Андромахой поэт-философ Владимир Соловьев), японская эпическая поэзия, как, впрочем, и образы новой литературы — от эпических фигур «Истории» Карамзина, от Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского до Михаила Шолохова и Леонида Леонова. Есть и другие соответствия, связанные с выявлением художественной целокупности «Слова».

Стала очевиднее и такая особенность произведения, как противопоставление двух человеческих состояний — мира и войны. Об этом невозможно не думать ныне, в пору, когда мир рассматривается как первейшая ценность человеческого бытия. Мы глубоко понимаем, какой смысл имела в XII веке поэма-предупреждение. Нашествие степняков было войной-вторжением, агрессией в наиболее законченном виде, злом как таковым, преодоление и низвержение которого потребовало усилий многих поколений.

О, долог и тяжек был путь от Каялы до Непрядвы...

ДВА МИРА

История открытия и изучения «Слова о полку Игореве» имеет столь жизненно важное значение, что в этой области

необходимо разбираться едва ли не каждому из нас, а не только тем, кто постигает средневековье с научными целями.

Читатель наших дней, привыкший самостоятельно вникать в подробности (а они, бывает, меняют и общую картину), не может равнодушно относиться к тому, как определяется время создания поэмы; какова была культурная высота эпохи, породившей «Слово», — то есть можно ли рассматривать Русь домонгольскую как страну — такие попытки (пусть тщетные!) предпринимались — «интеллектуального молчания». Конца нет спорам об авторстве произведения, существует множество предположений и объяснений — ни одно не нашло прямых подтверждений, а косвенные догадки можно толковать по-разному. Положительная сторона многолетних устных и печатных штудий заключается в том, что теперь окончательно отпали подозрения в подделке произведения, хотя были времена, когда скептики проявляли невероятную бойкость и «легкость в мыслях необыкновенную».

Читая «Слово о полку Игореве», размышляя о нем, не будем забывать, что перед нами — *художественное* произведение. Подходить к нему надо так, как подходим к творениям Гомера, Софокла, Расина, Шекспира, Пушкина, Достоевского... Конечно, средневековая нормативная поэтика отлична от художественных систем нового времени, забывать об этом нельзя, но не настолько, чтобы мы не получали от давнего произведения сегодня непосредственного ощущения прекрасного и возвышенного. И ныне художественное пространство «Слова о полку Игореве» — подвижно, величественно, лирично, лишено всякой архаической пыли. Пусть лингвисты поправляют окончания слов, пусть историки спорят, какие отношения были у Всеволода Большое Гнездо с рязанскими удалцами или каков был Святослав Киевский в действительности — все это важно, но не следует забывать, что мы читаем поэму, то есть художественное создание.

Два мира органично объединяет «Слово» — мир зримотелесный, внешний, и мир, видимый только «духовными очами», то есть символический, условно обозначающий образ, понятия, идею, «знак». Чаще всего двоимирие слито; эта нераздельность и породила бесконечные исследовательские споры.

Древнерусская литература не знает другого произведения, в котором так подробно, точно и красочно был воспроизведен мир природы. Картины природы Игоревой песни хочется сравнить с голубцом, заливающим рублевскую «Троицу». Голубой цвет у Андрея Рублева, как известно, выполняет многообразные обязанности. Он символизирует чистоту и светлость героев, воплощает в себе всю красоту окружающей природы. Колористические тона «Слова» напоминают о гамме средневековых мозаик в Киеве.

М. В. Алпатов — один из проникновенных знатоков отечественного искусства — отмечает, что красочные симфонии той поры выражают не только отдельные состояния человека: радость или печаль, покой или возбуждение — они выражают его духовный подъем; они, как хор женских голосов, доносящийся под высокие своды, вселяют в человека уверенность в том, что ему доступна высшая чистота чувств.

Такова и природа в «Слове», живущая нераздельной жизнью с героями, действующая в сюжете, создающая фон и пространство, показывающая движение во времени. Во взгляде Автора мы угадываем и любование зелеными просторами, и доподлинное знание окружающего — от степной травы, прелестных птах, диковинных зверей до могучих рек и синих морей, смерчей и гроз. Автор глядит в мир полей, рек и гор то взглядом поэта-живописца, то охотника, то воина, то историка, то философа-политика, то провидца. Никогда не упускает он из поля зрения родную землю, бесконечную и всегдашнюю свою любовь.

Московский исследователь К. А. Уваров сопоставляет образы и метафоры «Слова» с прославленной накладной скульптурой, украшающей памятники зодчества Владимирского Ополя:

«Скульптура фасадов Георгиевского собора, как и «Слово о полку Игореве», — своеобразный народный эпос, в котором отразились наблюдения над окружающей действительностью, бытом людей, повадками животных, красотой русской природы. Растительный мир поэмы отличается разнообразием:

- «Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию...»
- «Ничить трава жалощами,
а древо с туюю къ земли преклонилось».
- «...мое веселіе по ковылю развемъ...»
- «...поскочи горностаемъ къ тростію...»
- «Уныша цвѣты жалобою...»

На каменных полотнах храма резцом мастеров созданы деревья с опущенными ветками, цветы, напоминающие ирисы, тюльпаны, ромашки и лилии, переплетающиеся виноградные лозы, причудливо извивающиеся стебли, похожие на хмель, бегунок, повилику и множество других стилизованных растений.

И в поэме, и в скульптурном декоре мир флоры поэтизирует основные образы, придает им лирическую окрашенность.

Многообразна и фауна обоих творений. Описание животных и птиц, данное автором «Слова», сходно с народным истолкованием зверей и птиц в рельефах Георгиевского собора и по внешнему изображению, и по внутреннему смыслу (символике).

ЖИЗНЬ ФАНТАСТИЧНЕЕ ВЫДУМОК

Несколько соображений, связанных с безымянностью литературного памятника... Отсутствие имени тревожит, ибо авторская тень, подобно тени отца Гамлета, следует за нами неотступно. Мы не можем примириться с тем, что произведение, на каждой лексеме которого выжжено тавро личности, не имеет подписи. Но, дорогие друзья, не будем забывать, что в своем большинстве творения средних веков (за редким исключением)— мозаика Софии Киевской, накладная скульптура Владимира, храм Покрова на Нерли—создания неизвестных нам мастеров. С этим приходится мириться. Почитался заказчик, а не творец. Прославленный «белокаменный лебедь», столько столетий отражающийся в водах Нерли, сооружался, как известно, по желанию Андрея Боголюбского, скорбившего по-отцовски о погибшем сыне Изяславе. Это мы знаем. Сообщение закреплено письменностью. Но Некто, помнивший об античном «золотом сечении» в зодчестве, редкостно удачно возвел здание, самый изысканный памятник средневековой Руси. Теперь храм сродни всей окружающей князьминской пойме и воспринимается—особенно на расстоянии—как природное диво, что под стать дубравам, лугам, воде, небу... Мы не знаем, и, наверное, никогда не узнаем зодчего—гадать об имени бессмысленно.

Творения письменности иногда подписывались. Авторство даже подчеркивалось в тех случаях, когда оно сопутствовало человеку, обладавшему властью—светской, военной, духовной. Вспомним Илариона—первого митрополита из русских, особенно его непревзойденное «Слово о законе и благодати», утверждавшее равенство народов, приобщившихся к «книжному свету». У всех перед глазами Владимир Мономах и его переписывавшееся столетиями «Поучение» детям.

Правила, как мы знаем, не бывают без исключений. Печерский монах Нестор пришел в обитель безвестным молодым человеком, лучшие годы жизни посвятил «Повести временных лет» (она потом подвергалась переделкам и редактированию), но ему принадлежит по праву ядро произведения—автора чтили современники и отдаленные потомки. Иногда имя творца окружали легендами—лучшие из киевских икон исстари приписывались Алимпию, но его руку мы, увы, не знаем. Легенды окутывают облик Даниила Заточника, создавшего самый острый памфлет древнерусской литературы.

«Слово о полку Игореве» окружено молчанием. Могли ли современники не знать поэта? Это исключено, ибо о живых героях произведения автор говорит с достоверностью, как свой о своих,—спрятаться было бы ему невозможно. Есть предположе-

ние, что-де он, автор, ревностно, а не «отай» вспоминал обитателей языческого Олимпа и поэтому, опасаясь преследований со стороны к лира, предпочитал оставаться в тени. Довод не выдерживает критики. Двоеверие носило почти официальный характер. Следы двоеверия мы встречаем в сочинениях даже такого просвещенного и облеченного властью человека, каким был Владимир Мономах, находившийся у всех на виду. Двоеверие, как видим, не очень таилось, и осуждение его в домонгольскую пору носило, скорее, риторический характер; чаще всего оно не было тогда и позднее осознанным: берегинь — дев с рыбьим туловищем — в заволжских селах вырезали на домовых наличниках даже в наше время...

Как видим, поэту едва ли было нужно укрываться в тени. Сын эпической эпохи, он разделял воззрения современников, видя дальше своих литературных героев. Ведь тогдашняя половецкая опасность была всего-навсего прологом трагедии, связанной с предстоявшим нашествием степняков, извергнувшихся из глубин Азии, чтобы ураганом пронестись в мировом пространстве.

Силой воображения, энергичным художественным воззванием поэт хотел убедить читателей-слушателей в необходимости братского единства — главного оружия в борьбе с иноземными поработителями. Его-то и не хватало земле, раздираемой княжескими междоусобицами.

Иногда с упреком говорят, что исследователям до сих пор не удается обнаружить имя автора «Слова». Это действительно так. Кому только не приписывалось создание «Слова» — и «сыну тысяцкого», и «словутному певцу» Митусе, и галицкому боярину Петру Борисевичу, и даже... самому князю Игорю. Многочисленные попытки прикрепить произведение к какой-либо известной нам личности успеха не имели. Величайшие средневековые сооружения, как я уже отметил, безымянны. Мы не знаем зодчих, создавших величественные храмы Константинополя, Киева, Парижа. Нам неизвестны имена тех, кто одарил нас мозаиками и фресками Софии Киевской. Также безымянны литературные памятники — завеса времени скрыла от нас имена хронистов, повествователей и поэтов. Летописец воздавал хвалу заказчику, но свое имя не считал часто нужным упомянуть. Можно даже сказать, что безымянность входила в правила средневекового искусства. Устами книжников говорило их время. Вполне возможно, что мы так и не узнаем, кто написал гениальную поэму, если не будет сделана какая-либо неожиданная находка, — услышали же мы голоса простых жителей Новгорода, когда стали находиться — одна за другой — берестяные грамоты. Жизнь фантастичнее всех выдумок, и она то и дело

преподносит нам открытия, которых и не чаяли. Новейшую сводку данных о неизвестном певце-поэте опубликовал Дмитрий Сергеевич Лихачев в статье «Размышления об авторе „Слова о полку Игореве“», напечатанной в третьей книжке журнала «Русская литература» (1985). Д. С. Лихачев, в частности, отмечает, что если автор-певец «был и политическим деятелем, то это бы объяснило изумительную осведомленность автора «Слова» в политической ситуации во всей русской земле, его знание князей и княжеств, их истории, без которой не обходилась политика, и своей современности. И это сделало бы понятным его властный призыв к князьям выступить за Землю русскую. Этот призыв был бы смешон в устах скомороха, бессилен в устах певца из народа, недозволителен в устах чрезмерно зависимого придворного или простого воина, но он был возможен под прикрытием князя-покровителя... Скорее всего, это был «хоть» Игоря. И не только потому, что он почти как свидетель знал все о походе Игоря, но и потому еще, что он, как мне представляется, был летописцем Игоря, изложившим поход Игоря в его летописи, выразившим в этом описании заветные думы Игоря — его исповедь».

Небезуспешными остаются поиски, ведущиеся среди рукописной старины. Многое удалось прояснить Галине Николаевне Моисеевой, тщательно изучавшей ярославские архивы, — ведь именно в старом городе на Волге некогда хранился сборник с последним уцелевшим списком «Слова», приобретенный известным собирателем Мусиным-Пушкиным. В последние годы Моисеева успешно работает над изучением архивов зарубежных славистов, выявляя подробности бытования «Слова» в допечатный период.

В настоящее время, после известных работ Г. Вагнера, посвященных владимирской накладной скульптуре, открываются новые возможности для осмысления того, как выглядит поэма в богатейшем культурном контексте своего и последующих времен. Совершенно необходимо сказать также о том, что только с Пушкиным и Толстым можно сопоставить «Слово» по силе воздействия на литературу нового времени. Прозаические и поэтические переложения, стихотворные вариации, использования и перетолкования образов, картин, афоризмов в прозе и поэзии, обращения к затейливому рисунку произведения — все это с неослабевающей энергией делается со времен Карамзина и молодого Пушкина до наших дней. Иван Бунин воспринимал излюбленный пейзаж южных степей как современное продление Игоревых путей: «Не тот это шлях, где Игоря обозы проходили на синий Дон?» Своеобразная страница — обращение к древнеславянской мифологии, в том числе к Игоревой песни, Велимира

Хлебникова и его окружения. Пытаясь восстановить архаическое мышление, Хлебников искал «первородное слово» в устном народном творчестве, мечтал найти страну будущего, в которой родятся произведения, равные по силе воздействия «Слову о полку Игореве». Поэтический строй «Слова» наложил властный отпечаток на поэтику Сергея Есенина, особенно на его исторические поэмы, такие, как «Марфа Посадница».

Далеко не всегда влияние было непосредственным. Лучший поэт-песенник двадцатого столетия Михаил Васильевич Исаковский, прослушав радиопередачу, посвященную «Слову», позвонил мне однажды по телефону и сказал:

— Ярославну люблю чуть не с детских лет...

Я спросил, не думал ли он о героине старой поэмы, когда работал над созданием Катюши?

— Нет, этого не было. Но и Ярославна, и Катюша заняты одним — ведь они подруги воинов.

Молодой Леонид Леонов увлекался «Словом». Думаю, что ритмически прихотливый рисунок северных леоновских сказов прямо или косвенно связан с поэмой двенадцатого века.

Внутреннее ритмическое единство с Игоревой песней обнаруживает глава «Русского леса», написанная ораторской прозой — великолепнейший фрагмент-лекция, органично объединяющая историю и современность, являющаяся идейно-художественным центром леоновской эпопеи. Дело, конечно, не сводится к музыкальной перекличке. Основное, заставляющее говорить о родстве поэмы и романа, разделенных пропастью времени, общий герой — Русская земля как объект воспевания. И в Игоревой песни, и в романе авторы отдали ей весь жар сердец. Если мы сопоставим Русскую землю, воспетую в «Слове», с Русской землей, нарисованной Леонидом Леоновым, то увидим, что перед нами один персонаж, отличия в облике носят характер, представляющийся весьма значительным, — ведь минуло — ни много ни мало — восемь столетий.

Что касается авторской речи и словесных соответствий, то их перекличка представляется мне несомненной. Вспомним, как Поэт восхищается трофеями, захваченными в победной схватке:

Чрълень стягъ, была хорюговъ, чрълена
чолка, сребрено стружие — хроброму Святъславлячю.

Автор любит каждый предмет, словно берет его в руки и рассматривает при свете солнца. Нечто подобное находим мы и в ораторской речи Леонида Леопова.

...Пахучие валдайские рогожи,
цветастые валдайские санки
и холмогорские сундуки на тюленевой подкладке,
мед и воск, соболи и черная лисица для византийских
щеголей.

Сделаю небольшое отступление. Я однажды напомнил Леониду Максимовичу Леонову о том, что он некогда уподобил «Слово о полку...» материнской ладанке на шее. Писатель припомнил отеческие годы, когда он постоянно читал Киево-Печерский Патерик, восхищаясь давними монастырскими преданиями. И вдруг Леонов начал читать — по памяти! — Игореву песнь. Никогда не слышал я столь дивного чтения! Старинные обороты звучали легко и естественно в устах автора «Русского леса».

* * *

Великая Отечественная война, вызвавшая глубокий национальный подъем, взяла на духовное вооружение в освободительной борьбе с иноземными полчищами самое ценное из литературного наследия прошлого. На фронте и в тылу звучали не только героические строфы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, но и «Слово о полку Игореве». Поэты-воины обращались постоянно к образам Ярославны, Бояна, Игоря, сравнивали нашествие с набегами кочевников и т. д. Сергей Наровчатов — в ту пору молодой поэт — создал формулу: «И в каждой бабе видел Ярославу, во всех ручьях Непрядву узнавал». В осажденном Ленинграде в 1944 году был напечатан перевод В. Стеллецкого, характерный обостренным интересом к ритмическому строю поэмы.

В сорок пятом году появился перевод-пересказ, сделанный А. К. Юговым, полемически считавшим, что «Слово» надо воспринимать «со стороны его строения как поэму-ораторию, сказанную песноречием. Ритмическая поступь «Слова» — четкая, несомненная, явственно слышимая, если читать как следует, вслух».

Продолжали создаваться поэтические вариации, среди авторов которых мы видим Александра Прокофьева, Сергея Городецкого, Виссариона Саянова, Веру Звягинцеву, Людмилу Татьяничеву...

Крупнейшими же событиями в духовной жизни страны стало появление переложений, сделанных такими выдающимися поэтами, как Николай Заболоцкий и Николай Рыленков. Их варианты отмечены высокой стиховой культурой.

Николай Заболоцкий пришел к работе над «Словом» мастером, пережившим много напряженных исканий, в том числе на модернистских перепутьях, накопившим значительный переводческий опыт, ставшим убежденным сторонником классической ясности и четкости стиха. «Слово» Заболоцкого — вольный пересказ. Хотя поэт и подходил бережно к тексту, сохранив непринужденную мелодичность подлинника, чередуя рифмованные стихи и белые, ритмическую прозу с силлабическими размерами, — все же произведение скорее воспринимается как творение

Заболоцкого. Вот, скажем, как под пером Заболоцкого выглядит знаменитый монолог о курынах:

А куряне славные
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как войны,
С конца копья вскормлены.

Заболоцкий сильно увлекался — иногда даже чрезмерно — полифоническим звучанием творения. Но поэт возражал против того, чтобы зачислять «Слово» в разряд русских былин двенадцатого века, как предлагали это некоторые ученые, например, А. И. Никифоров в докторской диссертации, написанной еще в предвоенное время. Опираясь на поэтику «Слова», Заболоцкий убедительно доказывает, что если в киевских былинах исторические события носят отвлеченный характер, то в Игоревой песни событие исторически правдоподобно; если былинные образы обобщены, то характер героя «Слова» индивидуализирован и т. д.

Поэт работал над пересказом «Слова» в трудных условиях, но с редкостным воодушевлением. Позднее Заболоцкий рассказывал, что, читая подлинник, он восклицал: «Боже, какое счастье, что я русский человек!»

Много лет шел к «Слову» Николай Рыленков, создавший еще до войны несколько стихотворных вариаций по мотивам Игоревой песни. Всю жизнь Рыленков прожил в Смоленске, где проходил по Днепру путь из «варяг в греки», он изучал старославянскую книжную речь, летописи, былины, исторические песни и т. д. В итоге многолетнего труда Рыленкову удалось создать перевод-пересказ, редкостно приближенный к оригиналу. Поэт мечтал максимально воспроизвести звучание и старую лексику.

Характерно, что, передавая текст современным языком, Рыленков все-таки сумел сохранить лаконичность поэмы, не сделав ее многословной. Перевод словно предназначался для того, чтобы войти в школьные хрестоматии.

Можно, пожалуй, сказать, что в наши дни пересказ Рыленкова венчает довольно успешно многолетнюю традицию поэтических воспроизведений «Слова».

ПОРТРЕТ ПОЭТА

По бранным останкам — есть такое предположение — можно восстановить облик человека, черты его лица. Этим некогда занимался скульптор и антрополог Михаил Герасимов. Произве-

дение, чему бы оно ни посвящалось, все-таки одновременно говорит об авторе «Борис Годунов» и «Полтава», «Граф Нулин» и «Медный всадник» дают нам возможность воссоздать поэтический мир Пушкина и во многом даже подробности его биографии.

Что может сказать о поэте XII века текст, которым мы владеем?

Что могут дать летописные повествования о походе в Степь?

Игорь повел свое войско в землю Незнаемую в апреле 1185 года, пережил с содрузгами по оружию затмение в начале мая, выиграл в Степи первое сражение, а затем проиграл решительную битву, был пленен, бежал, оставив сына у половцев... Почти никто не отрицает, что поэма создавалась по свежим следам событий. В самом конце произведения мы видим Игоря едущим по Боричеву спуску — по дороге с Подола в нагорный Киев; и радуемся мы весело сияющему над русской землей солнцу. Даже судьба сына Игоря нас, по правде говоря, не слишком беспокоит — ведь половецкие ханы сочли за благо «опутать» молодца красной девицей, то есть женить на половчанке. В таких случаях говорят: перемелется, мука будет, то есть все само по себе устроится.

Занавес опускается, и все дальнейшее может постигаться по воле воображения-разумения.

Событие совершилось и отливается в поэтическую форму. Произведение создавалось, надо думать, не ранее второй половины 1185 года, хотя отдельные ритмические периоды, метафоры и уподобления, как часто бывает, поэт мог вынашивать в пору похода, находясь в дружине Игоря или, скажем, горнице Святослава.

Тогда жили, действовали Святослав Киевский, Всеволод Большое Гнездо, Галицкий Осмомысл... Никто не скажет, сколько ушло времени на то, чтобы завершить произведение. Последняя дата, связанная с поэмой, — апрель 1187 года, когда умер один из Глебовичей — Владимир Переяславский. Таким образом, рождение произведения произошло в этом промежутке: 1185—1187 годы. Пропетое «на одном дыхании» творение едва ли долго вымучивалось. Сравнительно небольшое по объему, оно, наверное, все-таки обрело жизнь в 1185—1186 годах.

ЕДИНСТВО

Написано, произнесено произведение, спето?

Три подхода к произведению, имеющие сегодня ревностных приверженцев. Есть и «золотая середина» — сначала «Слово» было произнесено, а потом записано. В сущности, от признания

последнего ничего не меняется. Произведение многое роднит с ораторской прозой—особенно орфоэпический строй произведения. В частности, риторы двенадцатого века свои речи называли то словом, то песнею, то повестью—в этом смысле Автор следует Илариону и Кириллу Туровскому и их продолжателям. Но ведь выдающиеся речи тех лет—литературные произведения, написанные рукой. Разве можно представить, что «Слово о законе и благодати» Илариона приносилось без предварительной подготовки? Не было написано заранее?

«Слово о полку Игореве» могло быть произнесено—в 1187 году половцы в очередной раз напали на Русскую землю: политическое красноречие, обращение к русичам, призыв к единству были нужны как хлеб в то время.

Пушкин вслух читал «Бориса Годунова» и себе, и няне, и друзьям... Почему не мог это делать создатель Игоревой песни? Тогда еще была в полном расцвете устная литература, и люди твердо полагались на свою память. Отделка произведения, вся художественно-произносительная, художественно-письменная система говорят нам о тщательной работе с лебяжьим пером в руке.

Спорить, предшествовало ли произведение записи или сначала «Слово» было произнесено, а потом записано,—значит сводить дело к схоластическому спору о том, что появилось раньше—яйцо или курица.

Произведение музыкально, и его могли петь. Но вполне очевидно, что былинный речитатив, что бы мы ни говорили, тут неуместен. Поэзия же и проза в устной словесности и письменности были тогда нерасчлененными и жили в неразрывном единстве.

СТИКС И КАЯЛА

Двенадцатый век, пожалуй, как никакой другой, ценил красоту, все то, что «красно дело», будь то лес, степь, река, город, село, здание, одежда, оружие, живопись, музыка... Всей этой праздничной благодатью до предела насыщено «Слово», заставляющее нас своими глазами увидеть войнов, коней, гусли, птиц, лисиц, щиты, богатую добычу, бросаемую в грязь, схватки, синие молнии, солнце, мечущее лучи-стрелы в безводную степь, сабли, золото, жемчуг, колчаны, городские стены, ветры, реки, терема... Непрерывное движение несет внутреннюю нагрузку, силу—зримую и слышимую. В русской литературе надо дойти до Пушкина, чтобы встретить столь овеществленный динамизм жизни,—вспомним битву в «Полтаве» или, скажем, наводнение в «Медном всаднике».

Синие молнии среди черных туч, гонимых с моря, пограничный холм, вызывающий вздох, червленые щиты, перегораживающие степь,—краски «Слова».

Скрип телег, говор галок, звон мечей, посвист соловья, рокот струн — музыка «Слова».

Игорь, скачущий на коне, ведущий дружину в Степь; Ярославна в Путивле, на стене, обращающаяся с языческими молитвами к природным стихиям; куряне-воины, вскормленные с конца копья; Святослав Киевский, окруженный в тереме боярами; Всеволод Суздальский, могущий Волгу веслами расплескать; оборотень, мчащийся по небу вместе с тучами,—образы «Слова».

На все это довольно часто обращали внимание многочисленные исследователи. В последнее время чаще и чаще упор делается на символизм поэмы, на мятущуюся стихию произведения, полную также намеков, иносказаний, развернутых уподоблений. Античность и средневековые воспринимали помрачение солнца как дурное знамение: отменялись или задерживались важные государственные дела, походы, свадьбы, торговые или иные сделки... В поэме затмение не просто пролог грядущей трагедии; оно выявляет со всей очевидностью своеволие Игоря, оно знак помрачения его разума, оказавшегося не в силах бороться с «неразумной частью» человеческой природы, как именовал страсти Платон. В эпизоде выстраивается система намеков, характеризующая образ, хотя и прямой смысл не исчезает. Небесное явление соотносится с душевным состоянием главы похода, исход которого очевиден изначально всем, кроме Игоря, решившего стать выше уготованной судьбы, точнее, вступить в спор с силами, не подвластными земным обстоятельствам.

Уподобления природе, если не рассматривать устное творчество, часто встречаются в сочинениях Даниила-игумена, совершавшего путешествие на Ближний Восток; у Кирилла Туровского, любившего применять в Словах пышные, развернутые метафоры. В Игорева песни нет ухищрений риторического порядка, всякое украшательство совершенно чуждо поэту. Иносказательная сторона — составная часть художественного мира, в который уверенно вводит нас автор.

Поведению и характеру Игоря в поэме противостоит образ и способ действия Ярославны; она олицетворяет женственность, мягкость, домашность. Одновременно — она праматерь сущего, следственно, всемогуща. Она обращается к стихиям — воде, ветру, солнцу — с просьбой о спасении Игоря и его воинства. Ярославна — воплощение дуализма поэмы, ее материального и духовного миров. Она — жена, ожидающая воина из похода, и одновременно олицетворение связи человека с силами сверхъе-

стественными. Ее кроткие обращения обладают силой, которой лишился Игорь, попав в плен. Все меняется после ее языческого моления, ее просьба услышана, муж-князь благополучно бежит из плена, «страны ради, гради весели»...

Не утихают поныне споры о Каяле; являет ли она мифическую реку вроде Стикса, реку смерти и печали, или — есть и такое мнение — перед нами действительное географическое наименование? В сознании автора гидроним Каяла и глагол «каяти», то есть приносить покаяние, живут единой жизнью, и в этом сказывается мудрость поэта в обращении с названиями, его реальное и символическое двоемирие. В народе издавна — по Далю — считали: старого не бьют, мертвого не кают.

ДЕВА С ЛЕБЕДИНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Славянская средневековая поэзия — устная и книжная — не знает другого произведения, в котором бы, как в «Слове», был столь широко и многообразно представлен языческий Олимп. Как же выглядят идолы в поэме, каковы их облики и дела?

Сказав, что далеко залетел сокол, птиц бия, — к морю, что Игорева храброго полку не воскресити, Автор горестно рисует: «За нимь кликну Карна и Жля поскочи по Руской земли...»

Карна и Жля — Огонь и Кровь. Карна полыхает, Жля, жальница по мертвым, потоками разливается по земле, неся гибель городам и селам. Есть и другие представления об облике мифических существ, но все согласны с тем, что Карна и Жля — олицетворение печали, скорби, даже отчаяния. Напомню, что в Ипатьевской летописи глагол «карить» употребляется в смысле — оплакивать умерших.

Дева Обида плещет лебедиными крыльями, напоминая царевну Лебедь волшебных сказок, героини и сюжеты которых, несомненно, связаны с пластами языческой культуры. В нашем теперешнем воображении рисуется образ, навеянный Врубелем, живо чувствовавшим средневековье; в этом смысле, кстати говоря, Врубель сопоставим с Гоголем, обладавшим гениальным мифологическим мышлением. Б. А. Рыбаков, обозревая изделия прикладного искусства Киева и южнорусских княжеств, отмечал, что «на серебряных пластинках с цветной эмалью имеется интересное изображение, позволяющее приблизиться к пониманию одного из мифологических образов Древней Руси: представлена птица с женской головой». Эта птица-дева широко распростерла оба крыла... Но есть ли это, спрашивает ученый, знаменитая дева Обида, печальное и гневное божество несчастий?

Див, зловещее чудище, которое с высоты древа кличет, велит себя слушать всей земле Незнаемой—от Сулы и Волги до Сурожа и Тьмутаракани. Див—по внешнему виду хищная птица—враждебен Игорю, и его крик предупреждает половцев об опасности. Див—символ дикого кочевника-разведчика. Дажьбог и Хорс—исконно славянские божества, олицетворяющие солнце. По мифологическим представлениям, русский народ—внук Дажьбога, подателя всех благ. Некогда, во времена Владимира Красное Солнышко, на холме в Киеве стояли кумиры, изображающие Хорса и Дажьбога.

Тьмутараканский болван еще не нашел общепризнанного истолкования. Вполне возможно, что «болваном» названа половецкая статуя или какой-либо памятный пограничный столб. Иногда вспоминают о величественном памятнике, оставшемся долгое время от античного Боспорского царства. Не исключено, что болван для Певца Игоря полка—олицетворение Тьмутаракани и мест, к ней прилегавших.

ЯРОСЛАВНА

Все образы «Слова» вошли в читательское сознание, но даже князь Игорь по известности не может тягаться с Ярославной. О ней охотнее всего пишут поэты, ее изображают живописцы, она вдохновляет композиторов. Для читателей она—любимейшая героиня. Ее положение среди других персонажей исключительно. Игорь и Всеволод при всей силе и храбрости, рыцарском благородстве и мужественной чести, в конце концов, неразумные князья, причинившие молодеческими действиями много несчастий родной земле. Перед Святославом Киевским можно благоговеть, испытывать восхищение, но едва ли можно видеть в нем родного человека, ибо образ его отвлеченно-условен.

Ярославну же нельзя не любить. Стоит представить старые крепостные дубовые стены над рекой, как воображение мгновенно дорисует женскую фигуру, вздымающую руки к небу... Во все века женщины провозжали воинов, поэтому лирические сетования Ярославны так понятны и близки несхожим эпохам. Более того, каждая женщина в какую-то пору жизни попадает в положение Ярославны или в обстановку, напоминающую—пусть отдаленно—горе жены воина, не подающего вестей.

Речь Ярославны, обращенная к природным силам, по литературной форме—плач-заклинание, рожденное поэтической стихией славян, столетиями поклонявшихся солнцу. Все в мифическом разговоре Ярославны со стихиями—от устного творчества и обращения, и вопросы, и просьбы, и причитания. Воины Игоря до пленения вооружены мечами. У Ярославны есть оружие—

заповедные слова, с ними-то она и вступает в пределы земли Незнаемой.

Ярославна хочет полететь кукушкой по Дунаю, смочить рукав в Каяле-реке, чтобы исцелить им кровавые раны Игоря. Дунай от Путивля далек. Вполне возможно, что княгиня вспоминает реку детства — ведь на Дунае сидел, как об этом говорится в «Слове», ее отец — Осмомысл Галицкий. Ярославна хочет утереть водой кровавые раны Игоря. В русских, украинских и белорусских песнях Дунаем, кстати говоря, называли реку как таковую. Недаром и теперь столько Дунаек протекает по среднерусской равнине.

Автор вложил в уста Ярославны обращения-заклинания к ветру, реке и солнцу. У Ярославны были основания упрекать ветер в том, что он метал вражеские стрелы на войска Игоря, — ведь в дни битвы несся ураган с моря, то есть с половецкой стороны. К Днепру Ярославна обращается почтительно — Днепр Словутич, — то есть славный. Так называли с древнейших времен великую реку восточные славяне. Есть достоверная подробность в разговоре с солнцем, которое всем тепло и прекрасно, но чьи горячие лучи оказались губительными для Игоря и Всеволода. В самом деле, в трехдневном бою дружины Игоря и Всеволода перенесли невыносимую жару, а воды не было.

ИДЕЯ МИРА

Одна из важнейших особенностей поэмы в том, что в ней главенствует идея миролюбия. Возвращением Игоря, пусть потерпевшего поражение, все довольны и «дятлове тектом» путь к реке кажут, соловьи песнями встречают рассвет. Бегство из плена удалого князя означало:

Солнце свътитя на небесь—
Игорь князь въ Руской земли.

И далее «...страны ради, гради весели». С возвращением князя начинается пора мира, когда каждый мог заниматься своим делом, блюсти «свычай и обычай», то есть поддерживать то, что в наши дни именуется стабильностью, традиционностью, установившимся порядком. Самое большое зло, думалось поэту, состояло в том, что малое стало представляться великим, когда про наследственные владения князя говорили: «Се мое, а то мое же». Поэтому с любовью и трепетом Автор произносит слово «брат», наполняя это понятие прямо-таки солнечным сиянием. В русской литературе — средневековой да и новой — нет другого произведения, в котором бы показывалась такая искренняя и

мужественная любовь брата к брату, как у героев «Слова» — Игоря и Всеволода. В решающее мгновение битвы, когда земля была под копытами конями засеяна и кровью полита, Игорь поворотил полки, ибо — «жаль бо ему мила брата Всеволода». Игорь предпочел бы умереть, чем сдаться в плен, но любовь к брату оказалась превьше всего. Нельзя в этом видеть только родственные чувства.

С времен, когда были канонизированы Борис и Глеб, их культ служил делу единения Русской земли — ведь братья предпочли мученическую смерть распрям-раздорам; таким образом, непокорность младших старшим была объявлена наибольшим злом, что имело для того времени насущное значение.

Время выражают не только произведения первого ряда. Если, например, обратиться к девятнадцатому веку, то увидим, сколько живых, невыдуманных подробностей сохранил для нас так называемый «физиологический очерк», хоть он сам по себе не был крупным художественным явлением. Лет приблизительно за десять до «Слова о полку Игореве» появилось «Слово о князьях», вызванное к жизни исторической необходимостью — стремлением осудить раздоры между черниговскими и новгородскими князьями. «Слово о князьях» припоминало не только Бориса и Глеба — имена их знал каждый, — оно содержало призыв к единению, сделанный в непритязательном, но энергичном духе. Все видели, каждый испытывал на себе, что такое вражда старших и младших, сюзерена, старшего среди родичей, с вассалами, последних между собой; более всех от нее страдали простые люди, ибо для них феодальные усобицы оборачивались пожарами, кровопролитием, мором, прочими невзгодами военных лихолетий. Когда же всенародно произносились осуждения всем этим бедам: «Постыдитесь, враждующие на братию свою...», — то можно не сомневаться, что слушатели сопереживали. Был в «Слове о князьях» нарисован и образ идеального героя — Давида Святославича, которому надлежало подражать, — он, как считал Автор, напоминал кроткого голубя. Кротость же ценилась необычайно высоко. Если летописец хотел кого-то похвалить, то непременно вспоминал это определение.

Творец «Слова о полку Игореве», конечно, знал «Слово о князьях». Знакомство было неизбежно, ибо речь шла о Чернигове и Новгороде-Северском, то есть о родных местах для героев Игоревой песни. Если создатель последней был участником похода в Степь, то майским днем, когда отмечался день переноса мощей Бориса и Глеба, поэт не мог не вспомнить призыв из «Слова о князьях»: «Слышите, князья, противящиеся старейшей братьи... за малу обиду вражду смертоносную возвижите...» То, что в устах простеца звучало назидательно-прямолинейно, наста-

вительно, то в «Слове о полку Игореве» обрело художественную плоть. Обида явила себя девой Обидой, плещущей лебедиными крыльями. Да и все размышления о войне и мире, братстве и вражде, о необходимости единения перед лицом общей опасности обрели эстетическую мощь, которой, конечно, недоставало нужному и полезному «Слову о князьях». Кстати говоря, в последнем говорится, что Давида Святославича братья слушались, как отца. Образ Святослава Киевского, который, узнав о поражении Игоря, уронил «злато слово слезами смешено», в поэме воспринимается как отзвук героя, которого помнил и ценил обширный и богатый Чернигов да и вся воинская Русь.

НОВЕЙШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Много лет вокруг «Слова» разгорались полемики. Далеко не все из них носили плодотворный характер, но недаром говорится, что в спорах рождается истина. Выросла и возмужала наука, посвященная памятнику, да и всей средневековой культуре. Приведу несколько примеров. Событием крупного и общекультурного значения является «Словарь русского языка XI—XVII вв.», задуманный и выпускаемый ныне как общедоступное справочное пособие. Мы имеем теперь возможность—в настоящее время вышло одиннадцать томов—воспользоваться плодами работы нескольких поколений ленинградских и московских ученых, создавших единственную по своему характеру картотеку, содержащую до полутора миллионов словарных цитат из памятников письменности. Все мы еще только начинаем осваивать огромное речевое богатство, несомое словарем, наглядно свидетельствующее о том, что Игорева песнь не была уединенной вершиной в пустыне; нет, ей предшествовала прочная традиция дописменной, а затем и рукописной словесности. Среди тех, кто принимал участие в создании Словаря,—Ф. П. Филин, бывший знатоком русской лексикографии, а также такие ученые, как Г. А. Богатова, А. П. Евгеньева, О. В. Творогов, О. Н. Трубачев...

Порадовал многих «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» (составитель В. Л. Виноградова), вобравший в себя лексику и фразеологию поэмы. В емких томах справочника в качестве иллюстраций взяты не только цитаты из книжных источников, но и материал русского, украинского и белорусского фольклора—былины, исторические песни, думы. Поэма—единный памятник культур восточных славян. Словарь поэмы составлялся в расчете на специалистов и переводчиков, но стал настольной книгой для пытливых читателей. «Словарь-справочник» выполняет задачу двоякого рода. Он позволил увидеть «Слово» как памятник языка на фоне всего словарного

состава языка давних лет и как памятник литературы на фоне других произведений литературы и фольклора. Таким образом, открылась возможность тщательно рассмотреть поэму на фоне всей духовной культуры своего времени — этому способствуют комментарии к словарным статьям.

* * *

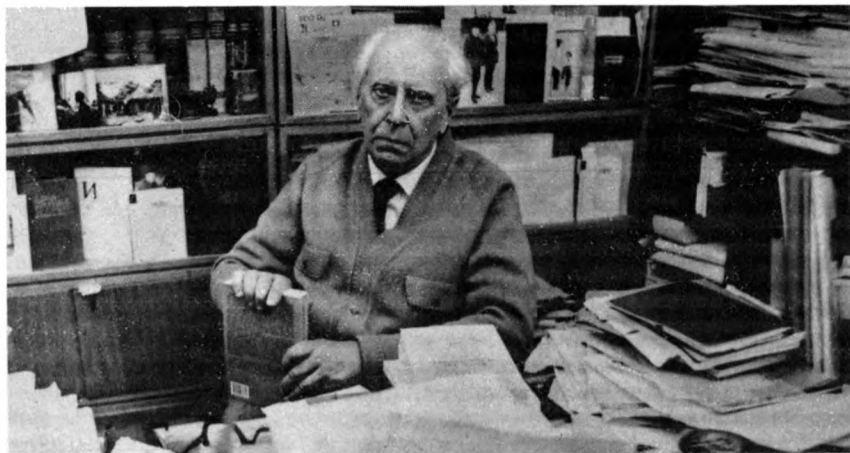
Давно замечено: тот, кто попал в силовое поле поэмы, того она не отпускает. Вспомним судьбы таких рыцарей Слова, как Н. М. Карамзин и В. А. Жуковский, как неутомимые исследователи Михаил Максимович, Александр Потебня, Владимир Перетц, наконец, унаследовавший лучшие традиции Ключевского и Буслаева, — незабываемый Александр Орлов... Этот список невольно хочется умножать и умножать, ибо в нем — «и звезда с звездой говорит». Работы Дмитрия Сергеевича Лихачева и его помощников и последователей издаются не только в странах славянского языка, но и во многих других странах, в том числе — Англии, Франции, Италии, США.

Можно не сомневаться в том, что и впредь композиторы, графики, скульпторы, филологи, историки, знатоки материальной культуры, поэты, прозаики будут обращаться к «Слову о полку Игореве», как неиссякаемому источнику, щедро одаряющему тех, кто припадает к его живой воде. Познание «Слова» носит у нас всенародный характер, представляя собой прекрасное и волнующее, вечно живое явление отечественной культуры.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Современное изучение «Слова о полку Игоре» невозможно в настоящее время представить без многочисленных и основополагающих трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Исследование «Слова» стало одной из важнейших и любимейших тем его научной деятельности с конца сороковых годов. Особенно знаменателен 1950 год, когда в работах ученого «Слово о полку Игоре» было рассмотрено сразу в нескольких аспектах. Прежде всего следует назвать издание «Слова о полку Игоре» в академической серии «Литературные памятники», подготовленное Д. С. Лихачевым. Кроме подготовки древнерусского текста с подробным комментарием, Д. С. Лихачеву в этой книге принадлежат: историко-литературный очерк, два перевода «Слова» — ритмический и объяснительный, обширный «Комментарий исторический и географический». Важным новшеством был именно «Объяснительный перевод». Это не перевод с «подсказкой», с дополнительными примечаниями для людей мало сведущих в древнерусской истории или поэтике, а принципиально важная демонстрация того факта, что в «Слове о полку Игоре» за каждым словом стоит сложный мир, который современник воспринимал на лету, со слуха, а мы постигаем с трудом, вчитываясь в комментарии специалистов. Это и понятно — для нас имя князя — просто имя, для современника за каждым именем вставала реальная личность, со своим характером, со своими деяниями, своей славой. И вот поэтому необходимо пояснить: «Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! Высоко (на горе в Галицком кремле) сидишь ты на своем златокованном престоле, подпер (ты) горы Венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли)...» Или: «Ингварь (Ярославич) и Всеволод (Ярославич) и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод — князья волынские)!»¹. Такой перевод не спешит удов-

Д. С. Лихачев. 1985

летворить любознательность читателя: напротив, он призывает глубже вчитаться в текст, и не только в текст — взглядеться в саму эпоху «Слова о полку Игореве». Но наиболее полное и глубокое истолкование мы находим в комментарии к тексту. «Комментарий исторический и географический», написанный для рассматриваемого издания, остается по сегодняшний день наиболее полным и разносторонним. Это не только свод собственно исторических и географических справок. Это одновременно и свод толкований «темных мест» «Слова», и свод справок, необходимых для лучшего понимания значения отдельных слов, фразеологизмов, художественных образов. Но самое главное достоинство комментария в его фактической оснащенности. Здесь мы найдем не только обширную библиографию основных работ по «Слову», но и ценнейший сопоставительный материал, извлеченный Д. С. Лихачевым из летописей и других памятников древнерусской литературы, материал, с помощью которого исследователь обосновывает свои суждения, не оставляя места для догадок, ибо его суждения — гипотезы. И чтобы спорить с ними, нужно не просто выдвинуть альтернативное мнение, но так же, как это делает Д. С. Лихачев, подтвердить его фактами, и прежде всего — фактами историческими или языковыми, извлеченными из древнерусских источников.

Перевод и комментарии лишь тогда обретают научный смысл, если они основаны на глубоком и систематическом

постижении материала: не только текста самого «Слова», но и явлений его времени — исторических, политических, мировоззренческих, литературных. И не случайно, что в том же 1950 году в сборнике исследований, посвященных «Слову о полку Игореве», Д. С. Лихачев публикует две принципиально важных статьи, каждая из которых начала собой отдельное направление в изучении этого произведения. Одна из них — «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“»². Статья эта представляет собой вдумчивый анализ исторической обстановки на Руси XI—XII веков и ее отражения в летописях и в устных исторических преданиях. Однако Д. С. Лихачев не ограничивается только этими аспектами в поставленной им проблеме — он стремится познать и продемонстрировать читателю сами принципы средневековой историографии, увидеть, как оценивали древнерусские летописцы и автор «Слова» те или иные исторические коллизии, поступки, взаимоотношения князей. Историческая основа «Слова о полку Игореве» приобретает таким образом глубину и многомерность: это, во-первых, сами исторические факты, во-вторых, — их оценка древнерусскими книжниками, в-третьих, — оценка тех же самых фактов автором «Слова», иногда традиционная, а иногда своеобразная, обусловленная индивидуальной позицией автора по тому или иному вопросу. Поупуто Д. С. Лихачев затрагивает и тему — «Слово» и летописи. Итоги наблюдений по этому вопросу подведены Д. С. Лихачевым в статье: «Летописный свод Игоря Святославича и „Слово о полку Игореве“»³. (Необходимо отметить, что тема эта, в той или иной связи, затрагивается и в целом ряде других работ исследователя, посвященных «Слову».)

Вторая статья 1950 года, опубликованная в сборнике исследований о «Слове», — «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“»⁴, останавливается на другой весьма важной проблеме памятника. Д. С. Лихачев показывает здесь, как автор «Слова» творчески осмысляет фольклорные образы, обороты обыденной речи, феодальную военную терминологию, символику, свойственную художественному мышлению той поры. И эта тема найдет дальнейшее развитие в трудах Д. С. Лихачева.

Постепенно углубляясь, обогащаясь новым материалом, смыкаясь с результатами исследований, нашедших отражение в книгах Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (1958; 2-е изд. — 1970) и «Поэтика древнерусской литературы» (1967; 2-е изд. — 1971; 3-е изд. — 1979), она превратится в исследование «Слова» на фоне эстетических представлений его времени, в историческое описание поэтики «Слова» как элемента исторической поэтики древнерусской литературы вообще. Этой

проблематике посвящены работы Д. С. Лихачева „Слово о полку Игореве“ и особенности русской средневековой литературы»⁶ и „Слово“ и эстетические представления его времени»⁶. Именно в трудах Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» перестало восприниматься как загадочное, в определенной степени странное явление на фоне древнерусской культуры, каким оно казалось исследователям прошлого века, и было поставлено в ряд других блестящих памятников древнерусской литературы XI—XII веков. Разыскания Д. С. Лихачева убедили в высоком развитии древнерусской культуры, подтвердили мысль, высказанную в свое время Б. Д. Грековым, что «волнующая красота и удивляющая глубина «Слова» — не чудо, а закономерность»⁷.

В том же 1950 году выходит в свет книга Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк» (2-е изд.—1955). В этой и последующих книгах того же жанра, адресованных широкому читателю, Д. С. Лихачев показывает, как можно, не поступаясь научной основательностью, интересно и доступно изложить ряд сложнейших проблем: «Слово» и историческая обстановка его времени, идейное содержание и поэтика памятника, проблема жанра и т. д. Именно в этих работах специально ставится вопрос о нравственных проблемах, поднятых в «Слове» его автором-патриотом. Образ Игоря освобождается от налета поверхностной, театральной героичности, Д. С. Лихачев подчеркивает личную трагедию князя. Его честолюбивые замыслы принесли немало бед Русской земле, в защиту которой он намеревался выступить. Подлинным патриотом, человеком с государственным кругозором оказывается не он, доблестный новгород-северский князь, а автор «Слова». «За поиски личной славы он осуждает Игоря Святославича и его брата Всеволода, Бориса Вячеславича и других русских князей. Однако во всех тех случаях, где речь идет о славе в более широком патриотическом значении, автор «Слова» сочувственно говорит о ней. Честь и слава родины, русского оружия, князя как представителя всей Русской земли волнует автора прежде всего... Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей для борьбы за единство Русской земли»⁸.

Изучение памятника немислимо без установления его «канонического», наиболее адекватного рукописи текста. Поэтому большое значение имело обращение Д. С. Лихачева к вопросу о принципах, которыми руководствовались первые издатели «Слова». Тщательный анализ издательских принципов, существовавших в конце XVIII века, позволил Д. С. Лихачеву в статье «История подготовки к печати текста „Слова о полку Игореве“»⁹ объяснить многие особенности первого издания «Слова» в 1800 году, показать, в чем издатели выступали как новаторы, в

чем оставались в русле традиций. Эта тема нашла свое развитие в несколько ином аспекте в работе «Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности»¹⁰. Здесь в центре внимания оказался уже не столько труд первых издателей, сколько восприятие издания современниками — русской научной и общественной мыслью первых десятилетий XIX века. Эта тема оказалась чрезвычайно актуальной буквально через три года после выхода статьи, когда стал обсуждаться вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве»: тогда оказалось, что анализ исторических и эстетических воззрений XIX века — времени, когда «Слово» было издано и когда началось его изучение — не менее важен для доказательства подлинности «Слова», чем анализ самого «Слова» на фоне литературы XII века — времени его создания. Д. С. Лихачев убедительно показал естественность «Слова» в литературе XII века и проанализировал причины, по которым еще в XIX веке родилось ложное представление о «несоответствии» «Слова» его эпохе, представление, порожденное недостаточным знанием уровня русской культуры в Киевскую эпоху Древней Руси.

Дискуссия о подлинности «Слова» побудила Д. С. Лихачева обратиться к вопросу о соотношении «Слова» и «Задонщины». (Следует отметить, что обращение к теме «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» не было для Д. С. Лихачева совершенно новым: еще в 1941 году он опубликовал статью «Задонщина», принципиально важную для понимания сущности обращения автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве».)¹¹ Не касаясь собственно текстологических вопросов (он обратится к ним позднее, в связи с гипотезой итальянского ученого А. Данти)¹², Д. С. Лихачев сосредоточил внимание прежде всего на явлении, названном им «поэтикой подражания». Впервые эту проблему он поставил в статье «Черты подражательности «Задонщины» (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»)», опубликованной в журнале «Русская литература» (1964, № 3. С. 84—107). Здесь стоит обратить внимание на характерную черту исследовательского метода Д. С. Лихачева: отталкиваясь от частного случая — от подражания автора «Задонщины» «Слову», — он выводит одну из закономерностей средневековой поэтики и поэтики подражания в целом. Не случайно эти наблюдения легли в основу специального раздела его «Поэтики древнерусской литературы» (раздел «Нестилизованные подражания» в главе «Поэтика литературных средств»).

Д. С. Лихачев не раз выступал в защиту «Слова», оберегая его от сенсационных открытий, от попыток без достаточных к тому оснований пересмотреть, а порой и перечеркнуть наши традиционные представления о памятнике. Некоторые из его

полемиических статей такого характера устарели по самому предмету спора, но они никогда не устареют по своей методологии. «Не лишним... представляется подытожить некоторые ошибки, совершаемые этими лишенными чувства ответственности «исследователями» и дать некоторые рекомендации начинающим ученым, собирающимся посвятить свои усилия изучению „Слова“,» — пишет Д. С. Лихачев в одной из таких статей¹³. И он призывает, иллюстрируя это конкретными примерами, не допускать тенденциозности, предвзятого отношения к памятнику, призывает к источниковедческой тщательности, к обязательному установлению соответствий новых прочтений грамматическому строю древнерусского языка и к особенностям поэтики древнерусской литературы.

Вообще для работ Д. С. Лихачева по «Слову о полку Игореве» характерно уважительное отношение к языку памятника. Хочется в этой связи напомнить очень меткое высказывание об отношении к языку «Слова» академика А. С. Орлова, сделанное им по поводу скептических и дилетантских обращений к этому произведению. «Язык — самое опасное, чем играют без понимания и дискредитируют памятник»¹⁴. Тонкий, профессиональный подход к языку «Слова о полку Игореве» отличает все работы Д. С. Лихачева. Значителен его вклад в изучение языка «Слова» в качестве редактора многотомного «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“»¹⁵. Он не только неоднократно предлагал уточнения в толковании отдельных слов, не только обращал внимание на поэтические образы и символы, требующие особого искусства для словарной интерпретации, но и выступал как рядовой «выборщик»: в секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома хранится много карточек с цитатами из древнерусских памятников, специально выписанных Д. С. Лихачевым для «Словаря-справочника». В 70-х годах Д. С. Лихачев обращается к самой сложной теме «слововедения» — вопросу о жанре памятника. Он приходит к ней, опираясь на глубокие исследования системы жанров в древнеславянских литературах и в литературе древнерусской (этим темам были посвящены его доклады на V и VII Международных съездах славистов); он решает эту проблему, основываясь и на своих разысканиях о древнерусском фольклоре, особенно фольклоре Киевской Руси. Поэтому его статья «„Слово о полку Игореве“ и процесс жанрообразования XI—XIII вв.»¹⁶ важна не только для характеристики жанра «Слова», но имеет и теоретическое значение, так как в ней рассматривается сам «механизм» жанрообразования в древнерусской литературе. Соглашаясь с тем, что в «Слове» сильно ораторское начало, Д. С. Лихачев выявляет и близость поэтики памятника к двум жанрам устной народной поэзии: «плачам» и

песенным прославлениям — «славам». Исследователь указывает на вероятную причину возникновения того жанра, который представлен «Словом»: «Ни система фольклорных жанров, ни система византийско-славянских литературных жанров, перешедшая на Русь, не были приспособляемы для выражения новых тем. Первая — в силу своей архаичности, вторая — в силу своей преимущественной церковности»¹⁷, в результате и появились произведения, которые, подобно «Слову», стоят как бы вне жанровых систем. В той же статье Д. С. Лихачев высказывает предположение, что «Слово» вышло из «среды княжеских певцов», отмечает, что в «Слове» чрезвычайно сильно сказывается «голос автора», хотя это «авторское начало еще слито с началом исполнительским, не отделено от него»¹⁸. В дальнейшем Д. С. Лихачев развил и углубил свою мысль. В статье «Предположение о диалогическом строении „Слова о полку Игореве“» Д. С. Лихачев высказал догадку: «Не рассчитано ли было «Слово о полку Игореве» на двух исполнителей, на амебейное исполнение?» Догадка эта обосновывается наблюдениями над текстом памятника, над своеобразной бинарностью «Слова»: его текст постоянно отражает две позиции, два подхода: «...как бы вопрос и ответ, как бы факт и обобщение, как бы обобщение и факт»; второй певец словно бы «развивает мысль первого, его факт, его образ, вводит иногда свое толкование или аналогию». «Отсюда, — продолжает Д. С. Лихачев, — многочисленные повторения в «Слове», создающие его своеобразный ритм: ритм не только слов, но и ритм мыслей и образов»¹⁹.

Так естественно подтверждается и углубляется другая догадка: «Слово» создано не в результате случайного озарения, снизошедшего на княжеского дружинника или соратника — современника событий и участника похода, как наивно думали многие исследователи и учителя «Слова», а создано профессионалом, княжеским певцом. И одна из недавних статей Д. С. Лихачева посвящена именно княжеским певцам, упоминаемым в «Слове о полку Игореве»²⁰.

Вопрос об авторе «Слова» решается не только в плане личностном, но и в плане мировоззренческом. Образ автора как патриота всегда присутствовал в работах Д. С. Лихачева о «Слове», в которых подчеркивалась политическая мудрость и прозорливость автора, его способность оценить современность и прошлое не с позиций приближенного одного из князей, а с позиций гражданина всей Русской земли.

Труды Д. С. Лихачева о «Слове о полку Игореве» — важнейшая веха в изучении и популяризации памятника. Если попытаться в самых общих чертах охарактеризовать основное, что сделано Д. С. Лихачевым для художественного освоения

«Слова», то можно указать на три важнейших направления.

Во-первых, именно он поставил во всей своей глубине проблему связи «Слова» с культурой его времени. Работы Д. С. Лихачева, проникнутые любовью к «Слову», отличается, однако, не восхищенное удивление необычайностью памятника, а, напротив,—поиски обстоятельного ответа на вопрос: почему появление «Слова» в конце XII века стало возможным и закономерным, как именно развитие русской культуры подготовило это появление. Отсюда глубокий интерес исследователя к эстетическим представлениям XI—XII веков и к их преломлению в «Слове» (напомним хотя бы анализ этикетной «церемониальности» в памятнике), к особенностям поэтики других литературных памятников той же поры, поэтики древнерусского фольклора, оказавшего столь ощутимое влияние на «Слово», наконец, к особенностям художественно организованной устной речи, аккумулировавшей в традиционных оборотах, образах и символах основные черты средневекового восприятия и осмысления действительности. Отсюда — и анализ идейного содержания «Слова» в тесной связи с историческими и политическими воззрениями его времени.

Во-вторых, Д. С. Лихачев много сделал для выработки методологии изучения «Слова». Во всех его работах мы видим привлечение огромного фактического материала, при этом факты рассматриваются им не сами по себе, а как отражение системы — системы воззрений, системы канонов эстетических и литературных, языковой системы. Рассмотреть язык «Слова» на фоне языка современных ему литературных памятников и языковых явлений Древней Руси — вот идея, вызвавшая к жизни «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“». В работах Д. С. Лихачева стиль «Слова» сопоставляется не с отдельными стилистическими параллелями из других памятников, а со стилистической системой эпохи.

При таком методологическом подходе не остается места для легкомысленных догадок или исправлений по смыслу, которыми порой грешат многие работы о «Слове».

И, наконец, последнее. Работы Д. С. Лихачева никогда не были элитарными, узкоспециальными штудиями. Они, при всем своем высоконаучном уровне, всегда обращены и к широкому кругу специалистов, и к широкому читателю. Написанные просто и изящно, они не только сообщают новое и важное, но и прививают любовь к литературе и культуре Древней Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Слово о полку Игореве/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93—94.
- 2 Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и ст./Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 5—52. Эта статья под заглавием «Исторические и политические представления автора „Слова о полку Игореве“» была переиздана в кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 75—149 (2-е изд. Л., 1985. С. 76—144).
- 3 Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 145—175.
- 4 Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и ст. С. 53—92. То же. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 182—229.
- 5 См.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века М.; Л., 1962. С. 300—320. То же. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 6—38.
- 6 В кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 39—75.
- 7 Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10.
- 8 Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Ист.-лит. очерк. М., 1976. С. 82—83.
- 9 Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66—89. С дополнениями см.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 293—331.
- 10 «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. С. 5—78.
- 11 «Задонщина»: [О древнерус. повести начала XV в., посвящ. Куликовской битве 1380 г.] // Лит. учеба, 1941, № 3. С. 87—100.
- 12 Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций «Задонщины» (Об исследовании Анджело Данти) // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 278—295.
- 13 См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 310. См. также в этой книге статью «Несколько замечаний в помощь начинающим изучать „Слово о полку Игореве“». 2-е изд. С. 332—336.
- 14 Орлов А. С. Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1946. С. 212.
- 15 Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»/Составитель В. Л. Виноградова; Под ред. Б. Л. Богородского, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1965—1984. Вып. 1—6.
- 16 Тр. Отд. древнерус. лит. Л., 1972. Т. 27. С. 69—75.
- 17 Там же. С. 71.
- 18 Там же. С. 73.
- 19 Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Рус. лит., 1984, № 3. С. 130—131.
- 20 Тип княжеского певца по свидетельству «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 230—233.

ПАМЯТНИК БЕСКОНЕЧНОСТИ

В канун празднования 800-летия «Слова о полку Игореве» редакция обратилась к заместителю председателя Юбилейной комиссии, секретарю Правления Союза писателей СССР, лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда, поэту Егору Александровичу Исаеву:

— Чем дорого вам это удивительное произведение? Как поэту? Как человеку?

— Во-первых, чувством горизонта. Не только визуально-исторического. А прежде всего, чувством горизонта в самом языке, в мирах «Слова», населяющих его великий космос. Задумайтесь — в «Слове» присутствуют реки и степи, солнце и луна, лисицы и волки, степняки, русские, венецианцы, немцы, греки и чехи — все взаимодействует. Прошлое и настоящее. В ткань поэмы включено и будущее. И оно не замедлит откликнуться — через триста лет в «Сказании о Мамаевом побоище». Подлинное художественное произведение всегда должно быть настоящим космосом — только в этом случае оно вечно. Слышите, как оно, «Слово», откликается сейчас, через восемь столетий? И будет откликаться в тысячелетиях...

Вчитываясь в «Слово», мы оказываемся в гуще событий — собирают ополчение русские князья, плачет Ярославна в Путивле, где-то в степях томится князь Игорь, уже замысливший бегство. Сталкиваются не только людские страсти, сталкиваются стихии. А на перекрестке бушующих стихий — памятник бесконечности, вечно прекрасное «Слово о полку Игореве».

— Воспринимаете ли вы «Слово о полку Игореве» как памятник устного народного творчества или как письменное литературное произведение?

— «Слово» появилось на перекрестке двух традиций — устной и письменной. Безусловно, оно распевалось как песня или былина. В нем соединяются важные качества древнерусского произведения — безымянность, присутствие великого дарования и

личности творца. В «Слове» такой мощный сгусток энергии, что перед моим взором всегда рисуется толпа слушателей, а посреди них — былинный певец, распеваящий «Слово». Можете представить, как живо откликались слушатели на призыв к единению, на слова о страданиях Ярославны или князя Игоря, видящего, как бьется его брат буй-тур Всеволод.

— *Повлияло ли «Слово» на ваше собственное творчество?*

— Безусловно. «Слово о полку Игореве» — это источник, от которого начались реки русской поэзии. Монументальность и лиричность — вот те два качества, которые многому научили меня. Я позволю назвать себя всего лишь ручейком-ручеечком в бассейне этой великой реки.

Юрий Лощиц

НЕ ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Иногда кажется, что мы все еще не доросли до подлинного понимания «Слова о полку Игореве». Что в нашем подходе к нему все еще присутствует какая-то эстетическая экзальтированность. Отсюда частые попытки «обожествить» Игореву песнь, вынуть ее из живой плоти древнерусской письменности, поставить надо всем, обозначить как недостижимую, исключительную величину на фоне довольно-таки средней руки сочинений. Но разве «Слово о полку Игореве» упало к нам с неба? Разве оно отлито из иных, неведомых литературе Древней Руси сплавов? Упаси боже, «ковать крамолу» вокруг «Слова», но должны же мы себя иногда одергивать, чтобы снова различать трезвенным взглядом: «Слово» — не исключение, на самом деле оно окружено вершинами, оно — одно из равных. И только благодаря давней традиции эстетического любования получается так, что в широких читательских кругах о «Слове» слышат и знают гораздо больше, чем, к примеру, о таком грандиозном историко-литературном памятнике, как «Повесть временных лет» или о таком уникальном своде биографических повествований, как Киево-Печерский Патерик. Иначе мы не забывали бы отмечать юбилеи и «Повести временных лет», и Патерика, и «Слова о законе и благодати», и «Моления Даниила Заточника» и многих других выдающихся образцов древней нашей словесности. (Дело не только в юбилеях — свидетельствах массовой популярности; в научном обиходе также не обходится без эстетического идолопоклонства перед «Словом».)

Чем можно объяснить эту его избранность? Прежде всего, поздними сроками возрождения к жизни. Песнь об Игоре-вом полку буквально восстала из пепла. То действительно счастливое для нашей земли, радостное для культуры славянства событие совпало с явлением миру Пушкина...

Могут сказать, что Пушкина упоминать в связи со «Словом» как раз невыгодно. Ведь никто иной, именно Пушкин заявил

однажды во всеуслышание: «„Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». Что ж, можно сослаться еще и на Карамзина, выразившего ту же мысль, но в несколько более смягченном виде: «...жалеем, что «Слово о полку Игореве» одно служит для нас памятником российской поэзии двенадцатого века...» Но нужно ли доказывать неправоту этих преувеличений? И психологически, и нравственно такая неправота извиняема, к тому же и вдохновенна. Как вдохновенен неправильный с житейской точки зрения поступок пастыря, который оставляет все стадо, чтобы найти одну потерявшуюся овцу. Так в семье, где родился (будто нашелся) поздний, уже и не чаянный вроде ребенок, на нем сосредоточивается все родительское любованье. А остальные дети оказываются на время, иногда и на долгое, «в пустыне» невнимания.

Но все же — на время. А в наш век закреплять подобную упорную избирательность в любви к одному из чад древней письменности — вроде бы поступать уже не *по-пушкински*. Тем более, что тот исторически продолжительный исход древнерусской литературы и культуры из тьмы забвения, который в пушкинскую эпоху едва начинался, сейчас, в наши дни, в известном смысле завершается. Вот всего одно из многих тому подтверждений — факт многотомного издания «Памятников литературы Древней Руси», начатого в 1978 году («Слово о полку Игореве» вошло во 2-й том; в настоящее время издано уже семь томов этого свода, по середину XVI века включительно). В пушкинскую эпоху подобное издание целого свода литературных произведений Древней Руси, снабженное переводами и научными комментариями, было немислимо. Эта письменность, за редкими исключениями, пребывала еще в «пустыне» неведения — литературного, читательского, научного.

Может быть, дорости до подлинного понимания «Слова» сподобимся мы лишь теперь — через преодоление подхода к нему как явлению исключительному. Невозможно открыть громадный материк враз, сначала осваивается малая пядь, но подробное знакомство с нею в итоге должно дать навык для скорейшего освоения целого. То, что сама эта пядь очень хороша, еще не свидетельствует об отсутствии материка. Какое бы из великих достоинств «Слова» как художественного и общественного явления мы ни назвали, будь то сконцентрированная образность или чрезвычайный накал гражданственности, или изумительная поэтичность в описаниях природы, или захватывающая дух масштабность исторического и географического видения, или пластическая мощь и лаконизм батальных картин, — что бы мы ни назвали, *каждое* из этих достоинств мы найдем в других литературных памятниках тех столетий. Разве менее поэтичны

образы природы, допустим, у Кирилла Туровского? Разве меньше мудрого государственного разумения в «Поучении» Владимира Мономаха, а гражданской страстности в проповедях Серапиона? Разве не отличает создателей «Повести временных лет» и «Слова о погибели Русской земли» такое же сферическое, как у автора Игоревой песни, видение историко-географических реалий своей земли и окружающих ее стран? Описаниям победы и поражения князя Игоря не уступят в мастерстве панорамные картины сражения в «Сказании о Мамаевом побоище». А знаменитое «слушание земли» русскими князьями в ночь перед битвой — из того же «Сказания»! В нем — тончайшее чувство природы и глубина душевного сострадания, и ворожба слов.

Да, «Слово», к счастью, у нас не одно, не единственное. Оно окружено великой и достойной родней. Его красота отражена во многих. Но и оно отражает, впитывает в себя красоту других — своего ближнего и неближнего по времени родства. Причем, впитывает с такой силой, что становится как бы сгустком всех тех достоинств, которые присутствуют в его окружении, но в несколько более рассеянном, неуплотненном составе. Эти узлы родства простираются и за пределы собственно письменности. Так, «Слово» оказывается своим, легко узнаваемым в могучей семье былин «киевского цикла». Уже по всему по этому «Слово о полку Игореве» — не один в поле воин. Полюбив и познав «Слово», полюбим и познаем в такой же мере всю литературу, из высот которой оно является. Это будет необходимая ступень к пониманию Игоревой песни.

А за ней, может быть, различим еще одну ступень, пока лишь предполагаемую... «Книг же многое множество снесено со всего града и из сел в соборных церквах до стропа наметано», — так летописец свидетельствовал о несчетности книжных сокровищ, укрытых москвичами в стенах Кремля, когда к городу подошли войска Тохтамышша. Книги складывались прямо на пол, и было их столько, что книжные стопы выросли до самых стропил. Какая ошеломляющая подробность! И все это — неведомое — погубило в огне, как только враги ворвались в Кремль. А ведь такое случилось тогда на Руси чуть не каждое десятилетие. Сколько же списков «Слова о полку Игореве» превратилось в те века в пепел? Сколько подобных ему великих творений исчезло навсегда? Нет, не один был в поле воин. Но можем ли мы хотя бы приблизительно представить себе размеры потерь? Или только — молчание?..

Может быть, наступит срок, когда исследователи, вооруженные исчерпывающим знанием «Слова», всего свода произведений древнерусской литературы, приступят к выявлению подлинного объема утрат. А затем — и к научной реконструкции того грандиозного свода, которым эта литература когда-то являлась.

Виктор Калугин

ОТ КАЯЛЫ ДО КАЛКИ...

Патриотические идеи, впервые с такой глубиной и поэтической силой выраженные автором «Слова о полку Игореве», в дальнейшем стали центральными для всей русской истории и русской поэзии. Пламенный призыв к единению древнерусского поэта прозвучал в тяжелые времена княжеских усобиц и накануне самого тяжелого испытания, которое предстояло выдержать средневековой Руси. А потому грядущие победы, как и поражения, тоже оказались связанными с первым словом о Родине, о ее судьбах в прошлом и настоящем.

Этим очищающим трагическим смыслом наполнены и древнерусские повести о походе князя Игоря, сохранившиеся в составе двух летописных сводов — Ипатьевском и Лаврентьевском. Ведь о многих других походах на половцев летописные своды сообщали предельно лаконично. Даже знаменитый Шаруканский поход Владимира Мономаха в 1111 году — взятие половецкой столицы Шарукани и «брань люта» — не выделен в летописях, не стал ни литературной, ни летописной воинской повестью или воинской эпической поэмой. А по сравнению с ним поход князя Игоря — лишь эпизод в многовековом противостоянии Руси и Дикого поля. Но именно этот героический и трагический эпизод привлек внимание как древнерусского поэта, так и летописцев. Из ближайших исторических событий второй половины XII века летописцы особо выделили рассказ об убийстве Андрея Боголюбского в 1174 году, а из событий предшествующих — рассказ об убийстве Бориса и Глеба в 1015 году.

И это тоже далеко не случайно. Повесть о походе князя Игоря как бы дополняла эти летописные рассказы о трагических событиях прошлого и настоящего, рассказы, выражавшие общие идеи, звучавшие набатом, историческим предупреждением накануне вторжения «языц незнаемых». Как не случайно и то, что летописная повесть о походе князя Игоря вошла в Лаврентьевскую летопись. В летопись, созданную за три года до Куликовской

битвы и с наибольшей полнотой отразившую двухвековую борьбу русского народа с татаро-монгольским игом. И здесь летописная повесть о походе князя Игоря оказалась рядом с другими воинскими повестями, в том числе с повестью о битве на реке Калке в 1223 году, когда русские войска приняли первый удар Батыевой рати, сражаясь вместе с недавними своими врагами — половцами. Летописный рассказ о походе князя Игоря на половцев в 1185 году нисколько не утратил своего значения и через два столетия. Наоборот, перед Куликовской битвой он вновь приобрел актуальность.

За землю Русскую сложили свои головы воины князя Игоря в 1185 году в Диком поле «на реке на Каяле у Дона Великого».

За землю Русскую вышли на Куликово поле воины князя Дмитрия Донского в 1380 году «у реки Непрядвы, меж Доном и Днепром».

Два века минуло, как прозвучал голос древнерусского поэта, создателя «Слова о полку Игореве». Два века больших и малых побоищ, превративших в пепелища «узорочья» древнерусских городов. И два этих века еще более убедили, что, только сплотившись, Русь могла «загородить полю ворота» как в тревожном 1185, так и в 1223, 1238—1240 годах, когда уже не половцы, а «поганые агаряне» пришли с того же Дикого поля, на котором полегли в неравном бою дружины князя Игоря.

«А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет», — напоминает автор «Задонщины» основные вехи русской истории.

Сто шестьдесят лет, уже под иноземным и иноязычным игом, не знавшим предела в жестокости, накапливала Русь силы, чтобы ранним сентябрьским утром 1380 года выйти на Куликово поле уже сплоченной, уже способной противостоять любой орде.

Именно в этом заключается историческое значение Куликовской битвы. Не только в победе над Мамаем, а в утверждении основного принципа, на котором отныне будет зиждиться государственное и нравственное могущество Руси. Ведь сама битва, как известно, не принесла окончательного освобождения от ига (оно падет лишь через сто лет), но даже Тамерлан — еще один претендент на мировое господство — после 1380 года повернет свои войска назад, не решится войти в пределы Руси. Куликово поле преградит и ему дорогу.

В Куликовской битве Русь утвердила себя как государство, победу одержала идея единения, сплочения Руси.

Идея «Слова о полку Игореве».

Так было во времена Куликовской битвы, когда «Слово» возродилось в «Задонщине»: поэма о поражении князя Игоря вновь, через два столетия, зазвучала в поэме о победе Дмитрия

Донского как ее внутренний рефрен, как второй «голос», доносящийся сквозь века. И в этом смысл необычайной поэтики «Задонщины» (не подражавшей, а преображавшей «Слово») — иначе, действительно, трудно понять, почему «Слово» возродилось именно в этом произведении, а не в «Повести о битве на реке Калке», в «Повести о разорении Рязани Батыем», в проповедях Серапиона Владимирского или во многих других словах о гибели Русской земли, тематически как раз близких к «Слову», посвященных трагическим событиям русской истории.

Так продолжалось и в дальнейшем — во все «минуты роковые» нашей истории. Даже гибель рукописи «Слова» в пожаре Отечественной войны 1812 года — это продолжение его судьбы.

И здесь невольно вспоминается одна из самых прекрасных и глубоких по смыслу древнерусских легенд — легенда о невидимом граде Китеже. «Слово о полку Игореве» — это невидимый град Китеж русской литературы, звон колоколов которого мы слышим сквозь толщу веков...

Невидимый, исчезающий при появлении врага и — каждый раз возрождающийся. После Куликовской битвы — в «Задонщине»; после Отечественной войны 1812 года — в переводах В. А. Жуковского, в стихах Федора Глинки, Николая Языкова, Ивана Козлова; после Великой Отечественной войны — в переводах Николая Заболоцкого, Алексея Югова.

Так было не только *после*. Во время Отечественной войны 1812 года В. А. Жуковский создал воинскую эпическую поэму «Певец во стане русских воинов»; во время гражданской войны к «Слову» обратился великий белорусский песняр Янка Купала, пытаясь найти ответы на мучительные вопросы своего времени; во время Великой Отечественной войны образы и идеи «Слова» вновь возрождались в стихах советских поэтов.

Вспомним ныне уже классические строки Сергея Наровчатова:

В своей печали древним песням равный,
Я села, словно летопись, листал,
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мезтью мстить мне за тебя?

Под этими строками стоит дата — 1941-й. А в 1943-м созданы «Ярославна» Людмилы Татьянической и «Ярославна» Николая Брауна. 1944 годом датирован цикл стихов «Ярославна» Павла Антокольского, 1945-м — рассказ Всеволода Иванова «Слово о

полку Игореве». Все это — художественная летопись Великой Отечественной, ее яркие страницы, неотделимые от судеб «Слова».

Это ли не бессмертие древнерусской поэмы, ее жизнь во времени, в веках!

Время выделило в поэме две основные темы, ставшие «вечными» в отечественной культуре, — героическую, гражданскую (трагический образ Игоря) и не менее значимую — лирическую (Ярославна).

Время приблизило к нам «Слово» в переложениях классиков русской, украинской и белорусской литератур (Жуковского, Майкова, Тараса Шевченко, Янки Купалы, Николая Заболоцкого, Максима Рыльского, Николая Рыленкова), в переводах на языки народов СССР и почти всего мира.

Время доказало, что высшие достижения поэзии неотделимы от высших гражданских чувств, а судьбы поэзии — от судеб Родины. И лучшее тому свидетельство — выдающийся памятник мировой литературы «Слово о полку Игореве».

"Слово
о храме игоже,
в бытичотелсах
и у бытичотелов
~

В Москве восхищались драгоценной песнью Иг-
ря как родным произведением древнерусского ге-
ния, списывали и переписывали ее...

Е. В. БАРСОВ

ЭКЗЕМПЛЯРЫ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
В НЕКОТОРЫХ ЧАСТНЫХ МОСКОВСКИХ СОБРАНИЯХ

Экземпляры первого издания «Слова о полку Игореве» имеют не только библиографическую ценность, но зачастую содержат новый материал для исследователей, занимающихся вопросами комментирования и прочтения «Слова», историей русской литературы и культуры. Л. А. Дмитриев в монографии «История первого издания „Слова о полку Игореве“» описал 60 известных к 1960 году экземпляров «Слова», находящихся в нашей стране. В 1975 году, когда наша общественность отмечала 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве», стали известны новые, до сих пор неучтенные, экземпляры первого издания памятника древнерусской литературы. В книгохранилищах и частных собраниях нашей страны было обнаружено еще семь книг первого издания «Слова». В монографии Л. А. Дмитриева описаны 19 экземпляров «Слова» из московских книгохранилищ и 7 экземпляров из частных собраний Москвы: М. Н. Тихомирова, Л. С. Павлушкова, Н. А. Старицина, Н. П. Смирнова-Сокольского, И. М. Кудрявцева, Н. К. Гудзия, И. И. Пулькина. За истекшее время некоторые экземпляры «Слова» были переданы государственным хранилищам: экземпляр Н. П. Смирнова-Сокольского находится сейчас в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, экземпляры Н. К. Гудзия и И. И. Пулькина в Научной библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова, экземпляр М. Н. Тихомирова в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск), судьба экземпляра Л. С. Павлушкова после смерти владельца нам неизвестна.

Настоящая статья посвящена экземплярам «Слова» из московских собраний А. Ф. Базавлука, В. и Т. Гончаровых, Ю. и Т. Назаровых. Отметим, что экземпляр А. Ф. Базавлука до сих пор в библиографии отмечен не был.

В конце 1780-х годов из собрания бывшего Спасо-Ярославского монастыря поступил в собрание известного коллек-

ционера древностей графа А. И. Мусина-Пушкина рукописный сборник, содержащий «Слово о полку Игореве». Как убедительно показала Г. Н. Моисеева, эта рукопись была передана А. И. Мусину-Пушкину архиепископом Ростовским и Ярославским Арсением (Верещагиным). В описи казенного имущества Спасо-Ярославского монастыря 1787 года указано, что она «отдана», а уже в описи 1788 года против нее значится «за ветхостию и согнитием уничтожена». Замечание «отдана» было вымарано и только новейшие методы исследования помогли восстановить эту запись¹.

Пергаменная рукопись, содержащая «Слово», заняла достойное место в собрании А. И. Мусина-Пушкина. Современники по достоинству оценили «Слово», которое заставило пересмотреть отношение к нашей древней литературе и истории Древней Руси.

Работа над «Словом» началась сразу же после получения рукописи.

Как установил В. П. Козлов, в седьмой части исторического труда И. Елагина «Опыт повествования о России» имеется авторская вставка И. Елагина из «Слова»: «Мы можем притом показать сохраненное от древности Похвальное слово Игорю Олговичу в его время, то есть в начале XII века писанное и несумненное потому, что сказано в нем: „Почнемъ, братіе, повесть сію отъ стараго Владиміра донынешняго Игоря, иже истягну ум крѣпостію своею и поостри сердца своимъ мужествомъ!“» Слово сие преизполнено все-можныя риторическия красоты»².

В 1797 году в журнале «Le Spectateur du Nord» об открытии «Слова» оповестил европейского читателя Н. М. Карамзин. Отклики на открытие «Слова» содержались в произведениях В. Т. Нарезного и М. М. Хераскова. Переводы «Слова» на современный язык распространялись в списках. До нас дошли три списка XVIII века, восходящие к переводу А. И. Мусина-Пушкина. Копия с древнерусского текста, перевод и комментарий к тексту были направлены Мусиным-Пушкиным Екатерине II.

Трудности прочтения памятника, наличие темных мест и сложности комментирования заставили А. И. Мусина-Пушкина не спешить с публикацией «Слова», ожидаемой русским просвещенным обществом. Сам А. И. Мусин-Пушкин писал об этом: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю, который чрез старания свои и просьбы к знающим достаточно российской язык доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оный на свет. Но как при всем том остались еще некоторые места невразумительными, то и

просит всех благонамеренных читателей сообщить ему свои примечания для объяснения сего древняго отрывка российской словесности». Этот призыв издателя к благонамеренному читателю содействовать прояснению непонятных мест памятника продолжает вот уже 185 лет подвигать не только специалистов-профессионалов, но и многочисленных любителей «Слова» к внесению своего вклада в его понимание и изучение. Свидетельством этому служат также многочисленные пометы, правки и комментарии на экземплярах первого издания «Слова».

Для своего издания А. И. Мусин-Пушкин привлек опытных архивистов: Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского, имевших большой навык работы с древнерусскими рукописными материалами. Как вспоминает типографщик С. А. Селивановский, «корректуру держали А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, от чего печатание шло медленно».

Когда книга была сброшюрована, выявились некоторые противоречия в комментариях к тексту и приложенной к книге поколенной росписи князей, упоминаемых в «Слове», а также был сделан ряд корректурных исправлений в древнерусском тексте и переводе. Дошедшие до нас экземпляры первого издания «Слова» позволили исследователям представить, как издателя вышли из положения. Четыре восьмушки страниц 1—2, 7—8, 15—16, 37—38 были заново перепечатаны. Новые восьмушки подклеивались в книгу либо к полоскам бумаги, оставшимся от вырезанных восьмушек (фальчикам), либо к соседним страницам. Однако не все экземпляры первого издания (их было напечатано 1200, и большая часть тиража, как сообщил А. И. Мусин-Пушкин, сгорела вместе с его домом в 1812 году) оказались с перепечатанными восьмушками. Л. А. Дмитриев в результате сопоставления 60 советских экземпляров первого издания «Слова» пришел к выводу, что 49 из них представляют собой книги с перепечатанными заново восьмушками, 5—с первоначальным видом четырех восьмушек и 6—с первоначальным видом двух или одной восьмушки³. Заметим, кстати, что здесь нужно внести одну маленькую поправку. В экземпляре И. М. Кудрявцева (ныне он принадлежит Назаровым), который Л. А. Дмитриев, основываясь на описании, сделанном А. В. Позднеевым и И. М. Кудрявцевым, относил к первоначальному виду, восьмушка со страниц 1—2 перепечатана и подклеена к фальчику; таким образом число экземпляров с первоначальным видом всех четырех восьмушек сокращается до 4.

Почему же не во всех экземплярах первого издания соответствующие восьмушки были заменены? Л. А. Дмитриев полагает,

что замена восьмушек коснулась только «улучшенных» экземпляров: «.. экземпляры первого издания из собраний государственных деятелей и высокопоставленных лиц конца XVIII—начала XIX века (Павла I, графа Н. П. Румянцева, князя П. И. Шаликова, княгини Е. Р. Дашковой, митрополита Евгения Болховитинова) — с замененными восьмушками. Книги в дорогах переплетах, современных первому изданию, — с замененными восьмушками. В то же время все экземпляры первого издания, в которых восьмушки не переклеивались, — либо в первоначальной бумажной обложке, либо в переплетах позднего времени. Ясно, что страницы заменялись лишь в более дорогих «улучшенных» экземплярах, а в основной части тиража делать замену, видимо, не собирались. То, что сохранилось больше книг с замененными восьмушками, не должно нас удивлять: более дорогие книги, попадающие в богатые библиотеки, сохраняются лучше, чем книги обычные, предназначенные для широкой продажи, к тому же, как мы знаем, большая часть тиража погибла»⁴. Если следовать этой гипотезе Л. А. Дмитриева, который как никто другой основательно изучил историю первого издания «Слова», то издатель решил для именитых людей выпустить исправленный тираж, а для широкой читающей публики оставить все в первоначальном виде, тем более, что книга уже была сброшюрована и переклейка восьмушек требовала новых затрат. Однако в числе 56 исправленных экземпляров находятся такие, которые никак не назовешь подарочными. Описываемые нами ниже три экземпляра первого издания «Слова» тоже никак не назовешь «улучшенными» в смысле внешнего вида, два из них были куплены в С.-Петербурге, третий переплетен ярославским владельцем вместе с книгами, связанными с Ярославлем, и тоже никак не мог претендовать на какое-то «улучшенное» качество. Эта гипотеза не разъясняет и то обстоятельство, почему ряд экземпляров имеет одну, две или четыре перепечатанные восьмушки. Скорее всего мы имеем дело с обычной практикой, когда по вине типографии без ведома издателя в небольшой части тиража не были произведены все переклейки заменяемых восьмушек.

Издание вышло в свет не раньше ноября 1800 года. Известен экземпляр «Слова», подаренный А. Тургеневым В. Жуковскому, с датой 24 ноября 1800 года. Первым откликом в русской периодической печати на издание «Слова» послужило своеобразное аннотированное объявление о продаже книги в лавках купца Кольчугина, помещенное в «Московских ведомостях» от 5 декабря (1800, № 97) и затем дважды повторенное 12 и 19 декабря. Первым указал на это объявление П. Н. Берков⁵. Поскольку оно интересно не только как пример первой восторженной оценки

«Слова», но и дает представление об издательской деятельности А. И. Мусина-Пушкина, позволим привести его: «Между полезными и заслуживающими наибольшее одобрение всего здравомыслящего читателя книгами, изданными доселе на российском языке и вновь издаваемыми, самое первое по справедливости занимать должны место те, кои относятся до отечественной нашей истории и, представляя картину времен отдаленных, изображают дух тогдашнего века, обычаи, употребления и узаконения оного, патриотическую любовь древних наших соотечественников, беспритворную правду и неизменяемую простоту оных, разительно потомков их удивляющую, и многие другие, не менее важные предметы, удобные остановить внимание наше, возбудить и воспламенить любовь к дражайшему отечеству... Не распространяясь здесь в наименование других в сем роде книг, нужным почитается привести чрез сие на память почтенной публике токмо следующие четыре творения, тем паче, что оные изданием своим в свет обязаны одному из почтеннейших наших соотечественников, любителю отечественной истории и ее древностей, тонкому и просвященнейшему исследователю исторической истины, и обогащены от него примечаниями, делающими великую честь обширным его сведениям в науках и словесности:

1. Правда Русская, или Законы великих князей, Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, с предложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших; М., 1799. Изданные доньше под сим именем в 1767 и 1786 годах Ярославовы законы весьма неполны, неисправны и недостаточны; но здесь оные выдаются с самого верного списка, сличенного со многими другими рукописями, пополненного и исправленного, и присовокуплено, во-первых, объяснение и толкование смысла древних и почти совсем уже из употребления вышедших слов, основываясь на достовернейших источниках; а потом замечания о современных оным законам нравах, обычаях и обрядах общежительных и судопроизводных, кои, быв извлечены из самых редких рукописей, и отличаясь духом любознания и нравственности, а равномерно плавностию и приятностию слога, представляют из себя сколько занимательное и любопытное, столько же и наставительное и для любителей истории наиприятнейшее чтение.

2. Ироическая Песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского, Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с предложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.—В поэме сей описан неудачный поход князя Игоря Святославича против половцев в 1185-м году, и сочинитель, сравнивая сие несчастное поражение

(приведшее всю Россию в уныние) с прежними победами, над половцами одержанными, припоминает некоторые достопамятные происшествия и славные дела многих российских князей,—любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства. Почтеннейший издатель, сверх прекрасного и возвышенности слога соответствующего предложения, присовокупил еще разные исторические примечания, к объяснению материи служащие.

3. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения, изданное по высочайшему ее императорского величества, Екатерины II, самодержицы всероссийская, повелению. Спб., 1794.—Здесь предлагается исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения (острова Тамана), выбранное из разных достовернейших летописей, с доводами, опровержением ложного заключения некоторых дееписателей, и многими объяснениями. Для большего же удостоверения присовокуплены к сему исследованию: 1) родословник князей российских, владевших в Тмутаракани, с генеалогическою таблицею, на меди вырезанною; 2) рисунок с найденного на острове Тамане в 1793 году мраморного камня со словами, в точной их величине и почерке в двух строках на боку оного высеченными; 3) чертеж, изображающий часть древней России с окрестными народами и 4) описание означенных в нем народов, городов и урочищ, с показанием, откуда сведения сии взяты.

4. Евгения Булгара, архиепископа славенского и херсонского, историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги, писанное на латинском языке с присовокуплением российского перевода. Спб., 1792.—Сочинение сие преосвященного архиепископа Евгения, мужа высокого ума, учением своим в Европе прославившегося, и одобряемого за свои сочинения учеными обществами, отличается тонкостию исторического розыскания, основательностию доводов и правильностию суждения, а сверх того был писан на латинском языке самым прекраснейшим и в цвѣтах испещренным слогом, рекомендует себя не только любителям истории, но и упражняющимся в латинской литературе может служить образцом краснописания. Со стороны типографической напечатана книга сия со всевозможною чистотою, и украшена двумя эстампами, прекрасно выгравированными славным художником в Санкт-Петербурге, Валкером, из коих один изображает портрет преосвященного Евгения, а вторый представляет, как российская великая княгиня Ольга просвещена святым крещением в Цареграде.

Все вышеупомянутые четыре книги продаются по комиссии

в книжных купца Кольчугина лавках, что на Никольской улице по нижеследующим ценам:

Правда Русская; в перепл. 210 коп.

Ироическая Песнь и пр. в бум. 130 коп.

Историческое исследование и пр. в пер. 330 коп.

Евгения Булгара и пр. в перепл. 330 коп.

Иногородные, желающие получить сии книги, присовокупляют за пересылку по 2 коп. за каждые 100 верст.

В оных же лавках продается того же почтеннейшего издателя книжка, под титулом Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской: Поучение. Спб., 1793, без перепл. 60 коп., в папке 1 руб.».

В объявлении купца Кольчугина указана цена издания «Слова» — 130 коп. Через 13 лет в С.-Петербурге экземпляр книги был куплен за 1 руб. 50 коп. Это показывает, что, несмотря на гибель большей части тиража в пожаре 1812 года и интерес русского просвещенного читателя, проявленный к «Слову», цена на книгу существенно не поднялась. Приводим описание этого экземпляра, принадлежащего А. Ф. Базавлуку, у которого обширное собрание книг, связанных с изучением, изданием и переводами «Слова». Переплет (по классификации Л. А. Дмитриева) библиотечный — обложка первого издания (бумага под мрамор) наклеена на картон, уголки и корешок кожаные. На корешке вытеснено золотом: «пѣс<нь> Игор<я>». Владычешская запись на форзаце: «В. Шилейко. Москва 19 1/1 27». На титуле: «Владимир Владимирович Зернов». На обороте титула другим почерком: «Спбург 18 $\frac{21}{XII}$ 13—1—50». Книга напечатана на

белой с сероватым оттенком бумаге. Восьмушки со страницами 1—2, 7—8 напечатаны на белой с голубоватым оттенком бумаге, подклеены к соседним страницам. Восьмушка со страницами 15—16 подклеена к фальчику, бумага голубоватого оттенка, восьмушка со страницами 37—38 подклеена к фальчику, бумага того же типа, что и во всей книге. Концовка первого вида — лира, на которой лежит веточка розы. Имеются незначительные исправления XIX в. в тексте перевода «Слова». С. 36: «Ківа» исправлено на «Кіева»; с. 42: «темныя» исправлено на «темные».

Интерес представляет экземпляр известного библиофила, артиста Московского художественного театра Ивана Михайловича Кудрявцева (ныне собрание Ю. В. и Т. И. Назаровых). Широкому кругу библиофилов И. М. Кудрявцев известен как собиратель дубликатов изданий, бывших в библиотеке А. С. Пушкина. Его коллекция передана в музей А. С. Пушкина в Михайловском. Специалистам по древнерусской литературе и всем любите-

лям «Слова» он известен по небольшой заметке к тексту «С той же Каялы Святоплѣк...» в «Слове о полку Игореве», в которой разрешил одно из темных мест «Слова», давно волновавшее профессиональных исследователей. Дело в том, что фразу «С той же Каялы Святоплѣк повелея отца своего между угорьскими иноходцы ко святей Софии к Киеву» предлагали толковать по-разному. Так как Святополк не участвовал в бою 1078 года, где был убит его отец Изяслав, и последний был похоронен по данным киевской летописи не у св. Софии в Киеве, а у св. Богородицы в Десятинной церкви, то одни исследователи предлагали заменить чтение «Святоплѣк» на «Яроплѣк», другие, такие авторитетные, как А. С. Орлов, Н. К. Гудзий, В. Ф. Ржига, считали, что речь идет не о похоронах родного отца Святополка Изяслава, а о похоронах его тестя Тугорокана. И. М. Кудрявцев, основываясь на Софийской I и Новгородской V летописях, показал, что никакого противоречия в «Слове» нет, что текст следует принимать таким, каким он дан в первом издании «Слова», что автор «Слова» обращался к летописи, где факт похорон Изяслава в главной церкви Киева был описан ошибочно, видимо, по аналогии с черниговскими обычаями. Теперь это разъяснение принято комментаторами «Слова».

Экземпляр «Слова», принадлежащий ныне Ю. В. и Т. И. Назаровым, в картонном переплете XIX века, бумага с голубоватым оттенком. На тыльной стороне книги запись рукой И. М. Кудрявцева: «Прежний владелец книги — Григорий Лисенко Петербургский книготорговец, могила на Ал<ександро>-Нев<ской> Лавре.

Прохожий, бодрыми шагами
И я ходил здесь меж гробами,
Читая надписи на них,
Как ты мою теперь читаеш
Намек ты этот понимаеш?»

2-й лист перед титулом на бумаге конца XVIII века с филигранью с литерами МРСТ.

Восьмушка со страницами 1—2 подклеена к фальчику. Концовка — корзиночка, обвитая гирляндой из роз. На переплете карандашом обозначено «150» — имеется в виду цена, установленная комиссионным магазином г. Ленинграда, где в 1937 году за эту сумму приобрел книгу И. М. Кудрявцев.

На авантитуле запись XIX века: «О сей пѣсни въ трудах общества исторіи и древностей Рос. печ. в Москвѣ с записками и трудами того общества 1824 на стр. 35 и далѣ послѣ 112-мъ любопытно. 21 марта 1830 Гр<игорий> Л<исенко>. Здесь же: «Ивана Бѣльскаго». Первого владельца книги книгопродавца Г. Лисенко заинтересовала статья К. Ф. Калайдовича «Биографические сведения о жизни, ученых трудах и Собрании россий-

ских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина», опубликованная в книге «Записки и труды Общества истории и древностей российских, учрежденного при имп. Московском университете. М., 1824. Ч. 2». На странице 35 Калайдович писал: «Что касается до вопроса: на чем, как и когда писана Пѣснь Игорева? где найдена? и кто был участником в переводѣ и издании оной? послушаем самого графа, который на сие отвечал мне, декабря 31, 1813 года, следующее: на чем, как и когда писана? «Писана на лощеной бумаге, в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века». Где найдена? «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архирейский дом, управлял оным архимандрит Иоль, муж с просвещением и любителем словесности; по уничтожении штата, остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игоревѣ». О прежних переводах и кто был участником в издании? «Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и предложением оныя Пѣсни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно; потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было ее разделить на периоды, и потом добираться до смысла; что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился».

На титуле также имеются библиографические отсылки к трудам исследователей XIX века: «Истор<ия> Госуд<арства> Рос<сийского> Карамз<ина>. Т. III, стр. 220. Труды общ<ества> Л<юбителей> Р<оссийской> С<ловесности> 4 XI. Журн<ал> Мин<истерства> народ<ного> Просв<ещения> 1836. Апр. стр. I. 22». На странице 18 тем же почерком XIX века, что и запись на титуле, поставлен +. В примечании над словом «фунтов», где идет речь о цене выкупа за князя Игоря, приписано: «Смотри Ист. Госуд. Рос. Карам. т. III и проч. вездѣ 1/2 фун.». На странице 28 тем же почерком к слову «Кощей» поставлена звездочка и на нижнем поле листа сноски: «Смотри Истор. Госуд. Рос. Т. II, примѣч. 420». Здесь имеется в виду замечание Н. М. Карамзина к переводу и комментариям первых издателей: «В Слове о полку Игореве (стр. 28) сказано: «Была бы Чага по ногатѣ, а Кощей по рѣзани», то есть: пленницы, жены варваров, продавались бы по ногате, а Отроки их, по резани.

Издатели не разумели слова *чага*, ни *Кошея*, приняв их за собственные имена».

И. М. Кудрявцев так же, как и его предшественники XIX века, обращался к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Так, на странице 8 он подчеркивает слово «къмети» и пишет «поданные (См. Ист. Гос. Рос. III, с. 166, примечание 164 стр.). См. также Лавр<ентьевскую> летопись 1075 г.»; на странице 11 подчеркнуто «стружие». На поле: «Древко см. Карамзин ист. т. III, 220 стр.». На странице 14 «Н. М. Карамзин, видевший рукопись, утверждает, что напечатано неправильно, нужно сѣчи Тр<ояни> см. Ист. гос. Рос. прим. к I т. с. 31». Любопытное замечание сделано И. М. Кудрявцевым на странице 37: подчеркнуто «птицю» и на поле приписан предлагаемый им перевод выражения «птицю горазду» — «Птицю — 80-рицею теперь бы сказали сторицею, тогда и счет был до 8, 80 — сравни Осмомысл выше».

Интересный экземпляр первого издания «Слова» имеется в коллекции книг, посвященных «Слову о полку Игореве» и принадлежащих В. и Т. Гончаровым⁶. Он представляет собой книгу в картонном переплете, обтянутом кожей. Книга попорчена жучком. На корешке вытеснено заглавие: «Героическая песнь» и имеется бумажная наклейка XIX века: «№ 59». На внутренней стороне переплета — владельческая запись: «Св<ященник> В. Корсунский» и уже современная запись: «Приобретена Вл. Нейштадтом 4 января 1958 г.». Эклибрис В. Нейштадта. Книга конволют: первое издание «Слова» в одном переплете с другими изданиями конца XVIII — первой четверти XIX века.

Состав сборника:

1. Ироическая пѣснь о походѣ на половцов удѣльнаго князя новгорода-сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходѣ XII столѣтїя с переложением на употребляемое нынѣ наречїе. Москва, в Сенатской типографїи, 1800.

2. Карта, изображающая часть древней Россїи до нашествїя татар, из «Историческаго исследования о местоположенїи древне-го Россїйскаго Тмутороканскаго княжества» (1794 г.) графа А. И. Мусина-Пушкина.

3. Историческіе разговоры о древностях Великаго Новгорода. Москва, в губернской типографїи у А. Решетникова, 1808 г.

4. Слово на случай выборов в Ярославской губернїи судей, говоренное Антоном, архїепископом Ярославским и Ростовским, кавалером. Москва, в Сїнодальной типографїи, 1812 года.

5. Oratio quam ad avgustissimi mum imperatorem Alexandrum totius Russїai autocratora postquam Regrie insignibus inauguratus-

set habuit emineentissimus archiepiscopus Plato mitropolita mosquensis. Mosqux. Anno 1801, sept. 15 die.

6. Слово на случай присяги при избрании судей в Ярославской губернии, говоренное Ярославской семинарии ректором архимандритом Неофитом, Москва, в Синодальной типографии, 1817 года.

7. Слово в неделю Цветоносную о достойном прославлении Бога, говоренное Спасо-Ярославского архиерейского дома в церкви Входа в Иерусалим Господа нашего Иисуса Христа Ярославской семинарии учителем риторики Федором Ширяевым апреля 2 дня 1805 года. Москва, в Синодальной типографии 1817 года.

Перечень книг, сброшюрованных в один сборник, позволяет сделать вывод: владелец был тесно связан с Ярославлем. «Слово на случай присяги при избрании судей» ректора Ярославской семинарии архимандрита Неофита, «Слово в неделю Цветоносную» учителя риторики Ярославской семинарии Федора Ширяева, «Слово на случай выборов в Ярославской губернии судей» Антония, архиепископа Ярославского и Ростовского — все они были заказаны и имели сугубо местное распространение. Владельческая запись «св. В. Корсунский» подтверждает это наблюдение. Корсунские были широко известны в Ярославле как потомственные священники. Из этой семьи вышел известный проповедник Николай Корсунский, в Ярославском архиве сохранились его проповеди 1820—1860 годов. Его сын, Николай Николаевич Корсунский, был учителем греческого языка в духовной семинарии и редактором «Ярославских епархиальных ведомостей». В Ярославском областном архиве имеется собрание рукописей, которое в свое время Н. Корсунский передал Ярославской архивной комиссии. Примечательно, что большая часть этого собрания относится к концу XVIII — началу XIX века и состоит из проповедей и сочинений учителей и учеников Ярославской духовной семинарии или, по крайней мере, была связана с ней. Не исключено, что владелец первого издания «Слова» видел рукопись этого произведения в ризнице Спасо-Ярославского монастыря, книгами которой пользовались учителя и ученики семинарии.

Описываемый экземпляр напечатан на бумаге трех типов: плотной, толстой кремового оттенка, без водяных знаков; голубоватой, плотной с очень частым понтюзо (вертикальными линиями металлической сетки); верже, белая с сероватым оттенком и более гладкой поверхностью. Концовка книги — лира, на которой лежит веточка розы. Восьмушки со страниц 1—2 и 7—8 подклеены к следующим страницам, а со страниц 15—16, 37—38 — к фальчикам. «Поколенная роспись» вклеена перед

последней восьмушкой книги. Вклейка «Погрешности» отсутствует.

В экземпляре имеются многочисленные пометы и записи, сделанные простым карандашом, почерком, отличным от владельческой записи В. Корсунского. Судя по почерку, они были сделаны в первой половине XIX века. Записи и пометы касаются главным образом критики древнерусского текста, его интерпретации и примечаний первых издателей.

Как известно, в «Слове» наблюдаются колебания в употреблении *ы* и *и* после гортанных. В рассматриваемом экземпляре везде *и* после гортанных подчеркнута и на поле поставлено карандашом *ы* (полкы, Кыев, великых). Окончания прилагательных типа «угорский» заменены на «угорския», а после плавной, оканчивающей группу согласных, поставлены *ъ* или *ь* в тех случаях, когда *ъ* и *ь* стоят перед ними: так на странице 3 подчеркнута *пър* в слове *първых* и на поле вынесено *пръ*.

Представляет интерес ряд имеющихся на полях книги конъектур: еще И. Сахаров предложил читать одно из темных мест первого издания «небылонъ» как сочетание «не был нь»⁷, автор помет, имеющихся на экземпляре Т. и В. Гончаровых, предложил конъектуру «не был к» (с. 13).

В тексте первого издания на с. 13 имеется фраза: «Руския плъкы отступиша», которая плохо увязывается с предшествующей: «Половци идут от Дона, и от моря и всех стран». Несмотря на смысловое противоречие, это прочтение долгое время сохранялось, даже в переводе Жуковского находим: «Русские полки отступили»⁸. В 1857 г. М. А. Максимовичем была предложена аргументированная конъектура — «обступиша», которая принята сейчас во всех изданиях «Слова»⁹. В описываемом экземпляре в слове «отступиша» подчеркнута приставка *от* и на поле вынесена приставка *об* — «обступиша». Заметим, что в переводах на современный язык, в частности, в наиболее авторитетном прозаическом переводе «Слова» Д. С. Лихачева, а также в переводе Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова тоже находим «обступили»¹⁰.

Заслуживают внимания и те объяснения и комментарии, которые даются на полях книги. Так, на странице 10 против слов «Заря свет запала» стоят синонимы «уронила», «загасила». В переводе Д. С. Лихачева использовано выражение — «Заря свет уронила»¹¹. Отметим, что различные толкования в объяснении этого выражения проходят не только через весь XIX век, но имеют место у современных переводчиков: так в переводе В. И. Стеллецкого встречаем — «Заря свет зажгла»¹², у И. А. Новикова — «Свет заря задержала»¹³, у И. Шкляревского — «Свет заря запалила»¹⁴.

На странице 9 против слов «Тмутороканьский блъван» на поле стоит значок и предположение — «маяк?». С подобным же предположением выступила археолог Г. Ф. Корзухина, которая считает, что под Тмутараканским болваном «Слова о полку Игореве» можно полагать маяк, который мог быть воздвигнут где-то между III в. до н. э. и III в. н. э. в районе кос Чушки и Тузлы¹⁵. Интересно, что, по-видимому, современный автор помет на экземпляре Т. и В. Гончаровых извместный сатирик В. Капнист дал подобное толкование совсем другому слову: «диву», понимая под ним маяк, который выставлялся на насыпных холмах половцами. Маяк был в виде птицы, чаще всего представлял собой чучело филина с трещетками, при помощи которых можно было быстро передать на большое расстояние сигналы тревоги. К этой догадке Капнист пришел при размышлении над выражением: «Уже вержесе див на землю». «Сии слова,— писал В. Капнист,— изображают, может быть, что половцы в безопасности от русских нападений, уже снимали, побросали на землю маяки свои»¹⁶. По-видимому, наш комментатор вкладывал в слово «маяк» то же понятие, что и В. Капнист. Нельзя не отметить еще одно совпадение: как нашему комментатору, так и В. Капнисту казалось, что сочинитель «Слова» ошибочно поставил имя Олега вместо Владимира Игоревича в выражении «И с ним молодая месяца Олег и Святъслав» на том основании, что младшему сыну Игоря Олегу тогда только исполнилось 10 лет и он не мог принимать участие в походе.

Самое интересное примечание находится на странице 38; здесь подчеркнуто слово «бегрян», а сверху страницы написан его перевод — «шелковый». Около 150 лет понадобилось нашей науке, чтобы прийти к правильному переводу слова «бегрян». В 1956 году Н. А. Мещерский опубликовал в Ученых записках ЛГУ статью, где показал, что ряд древнерусских произведений, датированных временем не позднее начала XI века, дают основание считать, что прилагательному «бегрян» свойственно значение «шелковый» или близкое ему по значению «виссон», «тонкое полотно»¹⁷. Это открытие, безусловно, могло состояться задолго до этого, если бы экземпляр В. и Т. Гончаровых был описан и учтен раньше.

Автор помет на экземпляре «Слова» из коллекции В. и Т. Гончаровых хорошо знал события, изображенные в «Слове», что дало ему возможность в ряде случаев спорить с первыми комментаторами и издателями «Слова». Так, на странице 32 фраза «и все три Мстиславичи» комментировалась в первом издании под сноской: «Потомки великого князя Мстислава Владимировича Мономахова сына. У Мстислава было пять сыновей». Против этого разьяснения ярославский комментатор

справедливо заметил: «Но они все умерли ранее: разве это не дети ли Мстислава Ростиславича?» Это суждение также заслуживает внимания. Комментаторы «Слова» до сих пор не пришли к единому мнению, кого понимать под Мстиславичами. Д. С. Лихачев в комментарии к «Слову о полку Игореве» (Литературные памятники. М.; Л., 1950. С. 447) и в последующих работах разделяет предположение, высказанное И. М. Кудрявцевым, что под Мстиславичами следует понимать сыновей Мстислава Изяславича. Б. А. Рыбаков не разделяет соотнесение Мстиславичей «Слова» с сыновьями Мстислава Изяславича и также, как наш комментатор XIX века, полагает, что в «Слове» речь идет о сыновьях Мстислава Ростиславича Храброго: Владимире (ум. в 1226), Давыде (ум. в 1226) и Мстиславе Удалом (ум. в 1228)¹⁸.

Из всего приведенного можно заключить, что автор помет на ярославском экземпляре «Слова» хорошо понимал этот памятник, а его комментарии и примечания не потеряли ценности и для нашего времени.

Первое издание «Слова о полку Игореве» всегда привлекало внимание библиофилов и широких кругов ценителей русской литературы. Предпринятое в 1920 году издательством Сабашниковых факсимильное издание «Слова о полку Игореве» было с восторгом встречено обществом. В собрании старейшего книголюбца Москвы М. И. Чуванова имеется экземпляр этого издания, подаренный Мариной Цветаевой в день именин Татьяне Федоровне Скрыбиной, в котором дается высокая оценка книге — на обороте титула надпись: «Дорогой Татьяне Федоровне Скрыбиной — в день ее именин — одна из последних книг на Б!» (ять).

Марина Цветаева.

Москва, 12-го русск. января 1921 г.»

На стр. III читаем строки Цветаевой:

Вопль стародавний
Плач Ярославны —
Слышите?

Как тонко заметил С. С. Аверинцев в статье, помещенной в № 10 журнала «Коммунист» за 1985 год, «плач Ярославны близок самым разным эпохам русской жизни. Стремление Ярославны утереть «кровавые его раны на жестоцем его теле» — эти слова можно повторять снова и снова. Без них и без всего, что им сродни, Россия не была бы Россией». Тема женской жалости, сострадания, деятельного соучастия, начиная с первых лет русской истории по нынешний век, была ведущей в русской литературе и находила отклик у читателя. Призыв М. Цветаевой «слышать плач Ярославны» хотя и не был предназначен широ-

кой аудитории, имеет обобщающее значение и свидетельствует о непреходящем активном восприятии «Слова о полку Игореве».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 67—98.
- 2 Козлов В. П. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопр. истории. 1984. № 8. С. 28.
- 3 См.: Дмитриев Л. А. Нестареющее слово // В мире книг. 1976. № 7. С. 87.
- 4 Там же. С. 87.
- 5 См.: Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // Тр. Отд. древнерус. лит. 1947. Т. 5. С. 129—132.
- 6 Полное описание см.: Гребенюк В. П., Гончарова Т. Б. Неизвестный экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Памятники лит. и искусства XI—XVII века. М., 1978. С. 176—185.
- 7 Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. 3-е изд. Спб., 1841. Т. 1. Кн. 4. С. 38.
- 8 Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 106 (Лит. памятники).
- 9 Максимович М. Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII века на древнем русском языке. Киев, 1857. С. 59.
- 10 Слово о полку Игореве. С. 58 (Лит. памятники); Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 59. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- 11 Слово о полку Игореве. С. 57 (Лит. памятники).
- 12 Там же. С. 185.
- 13 Там же. С. 149.
- 14 Шкляревский И. Тайник. М., 1981. С. 69.
- 15 См.: Корзухина Г. Ф. Еще раз о Тмутараканском болване // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 25—29.
- 16 Цит. по: Бабкин Д. С. Слово о полку Игореве в переводе В. В. Капниста // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 354.
- 17 Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1956. № 198. Сер. филол. наук. Вып. 24. С. 3—9; Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 43—44.
- 18 Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 484—489.

В. А. Кучкин

РАННИЕ УПОМИНАНИЯ
О МУСИН-ПУШКИНСКОМ СПИСКЕ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Почти до середины XX века считалось, что наиболее ранние известия об открытии «Слова о полку Игоре» относятся к 1797 году. Одно из них принадлежало Н. М. Карамзину. В письме, адресованном издателю журнала «Северный зритель», выходившего в Гамбурге, он сообщил о находке в России неизвестной до того времени замечательной древней поэмы. Письмо было помещено в октябрьском номере журнала за указанный год.

Впрочем, в России об открытии «Слова о полку Игоре» узнали немного раньше. Известный поэт М. М. Херасков во 2-м томе своих «Творений» в поэму «Владимир» внес новые строки, ясно свидетельствующие о его знакомстве со «Словом»:

О! древних лет певец, полночный Осиян!
В развалинах веков погребшийся Баян!
Тебя нам возвестил незнаемый писатель;
Когда он был твоих напевов подражатель,
Так Игоревы песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины;
Ты, может быть, Баян тому свидетель был,
Когда Владимир в Тавр закон приять ходил,
Твой дух еще когда витает в здешнем мире!
Води моим пером, учи играть на лире...

В примечании к слову «Осиян» М. М. Херасков написал, что «недавно отыскана рукопись, под названием: Песнь полку Игореву, неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Баян, российский песнопевец». «Творения» М. М. Хераскова вышли из печати несколькими месяцами раньше публикации Н. М. Карамзина, но относятся к тому же 1797 году.

В 1947 году П. Н. Берков обратил внимание на статью «Нечто о врожденном свойстве дум российских» П. А. Плавиль-

щикова, опубликованную в февральском номере за 1792 г. журнала «Зритель», издаваемого последним вместе с А. И. Клушиным и И. А. Крыловым. Полемизируя с теми из своих современников, кто склонен был отрицать грамотность и самую письменность в Древней Руси, П. А. Плавильщиков указывал на то, что «даже во дни Ярослава сына Владимировича были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все, существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и, может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не счадят ни чего, дабы собрать сии сокровища». П. Н. Берков полагал, что слова о поэмах в честь Ярослава Мудрого и его детей, хотя и «в очень неотчетливой форме», отразили знакомство автора статьи с началом находившегося в собрании А. И. Мусина-Пушкина «Слова о полку Игореве». Действительно, в «Слове» говорится о том, что вещей Боян пел песни «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю», т. е. Ярославу Владимировичу, его брату Мстиславу и внуку Ярослава Роману. Однако о поэмах (песнях) в честь детей Ярослава Мудрого, на чем настаивал П. А. Плавильщиков, в «Слове» не говорится. Нет там и указания на отчество «старого Ярослава». Если П. А. Плавильщиков написал о древних поэмах XI века на основании «Слова о полку Игореве», то скорее всего он знал о памятнике по рассказам его толкователей, а не по тексту самого произведения. Но возможно, что фраза в плавильщиковском «Зрителе» появилась в результате знакомства издателя с каким-нибудь другим памятником древнерусской литературы, например с «Задонщиной», где прямо говорилось о киевском «гораздом гудце» Бояне, восхвалявшем песнями и «гуслеными буйными словесы» древних князей Рюрика и Игоря Рюриковича, Ярослава Владимировича и его сына Святослава Ярославича (см. «Задонщину» по Кирилло-Белозерскому списку XV века). Поэтому настаивать на знакомстве русской общественности со «Словом о полку Игореве» уже в феврале 1792 года нельзя. Бесспорной датой такого знакомства оставался 1797 год. Но оставался до самого недавнего времени.

В августовском номере журнала «Вопросы истории» за 1984 год с интереснейшим сообщением о самом раннем свидетельстве существования в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина рукописи с текстом «Слова о полку Игореве» выступил старший научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР Владимир Петрович Козлов. Изучая труды русских историков конца XVIII—начала XIX века, он обратился к неиздан-

ным историческим сочинениям Ивана Перфильевича Елагина, вельможи и царедворца, служившего при дворах Елизаветы, Петра III и Екатерины II. Последняя оказывала особые милости И. П. Елагину, сделав его в одно время даже своим статс-секретарем. Затем И. П. Елагин как человек достаточно просвещенный был назначен директором императорских театров. Освобожденный от этой должности, уже на склоне лет, И. П. Елагин задумал писать историю России и в конце 80-х гг. XVIII в. приступил к исполнению своего замысла. Начал он с описания правления Ивана III, которое закончил к началу 1788 года, 7 января 1788 года И. П. Елагин продолжил свой труд рассказом о временах Василия III. В первые месяцы 1790 года он довел повествование до 1564 года, эпохи уже Ивана Грозного. Другья И. П. Елагина, а он входил в кружок любителей российской истории, группировавшийся вокруг А. И. Мусина-Пушкина, советовали ему изложить историю России с древнейших времен. Вняв их призывам, И. П. Елагин в мае 1790 года начал трудиться над описанием начального периода русской истории и к 1 января 1792 года довел изложение до 1224 года. В процессе работы над «Опытом повествования о России» (так назвал свой труд И. П. Елагин) он неоднократно возвращался к написанному ранее, редактируя текст, учитывая замечания своих друзей, знакомившихся с «Опытом» в рукописи, внося в него дополнения из новых рукописных и печатных источников.

Одно из таких дополнений оказалось вписанным в ту часть «Опыта», которая была посвящена эпохе Ивана III. Излагая события 1472 года, И. П. Елагин присоединил к ним свое рассуждение относительно писателей, которые «в свет выдают, якобы Россия во вся времена подобно дикому народу во мраке невежества пребывала». Полемизируя с ними, И. П. Елагин указывал на то, что от домонгольского времени сохранилось немало храмов, где «живописи греческой и мозаичных украшений остатки» свидетельствуют о распространении «художеств», и переведенных с греческого языка книг, что «знание (в Древней Руси.— В. К.) словесных наук утверждают». Вернувшись позднее к этому рассуждению, И. П. Елагин после приведенных слов красными чернилами на боковом и нижнем полях своей рукописи сделал вставку, содержащую еще один аргумент против «неправедных понятий» критикуемых писателей. (Текст вставки приводится по оригиналу— рукописи ГПБ, ф. 550, ОСПК, Ф. IV. 651/3, с. 206—207, поскольку опубликованный в 1984 году текст имеет некоторые неточности.) «Можемъ мы притомъ показать сохраненное отъ древности прекрасное Похвальное Слово (+) Игорю Святославличу, внуку (с. 207) внуку Олгову, въ его время, то есть лѣта отъ Рож: Хрис: писанное; несум[не]ное потому, что

сказано въ немъ: «Почнем, братіе, повѣсть сію, отъ старого Владимера до нынешняго Игоря, иже истягну умъ крепостію своею, и поштри сердца своимъ мужествомъ!» И».

О правописании вставки и цитаты из «Слова о полку Игореве» необходимо сказать несколько слов. Во вставке два раза повторено слово «внуку». Первый раз это слово заканчивает вставку на нижнем поле с. 206, второй — начинает вставку на боковом поле с. 207. Повтор слова, которым оканчивалась страница рукописи или книги, на следующей странице — типичный прием в русских рукописных и печатных книгах XVII—XVIII вв. Слово «несум[не]ное» было написано И. П. Елагиным с ошибкой: «несумное». Позднее переписчик рукописи, заметив эту ошибку, вставил буквы «не», но уже не красными чернилами, а обычными черными. После слов «Рож: Хрис:» И. П. Елагин оставил чистое место в 5—6 букв, чтобы впоследствии вписать нужную дату. Далее И. П. Елагин написал красными чернилами буквы «пр», но тут же зачеркнул их. Цитата из «Слова о полку Игореве» первоначально была начата с предлога «отъ», однако это слово было зачеркнуто теми же красными чернилами, и цитата стала начинаться со слова «Почнем». Возможно, что сначала И. П. Елагин хотел процитировать середину фразы: «отъ старого Владимера», однако изменил решение и стал цитировать с начала предложения. После слова «мужествомъ» И. П. Елагин закрыл кавычки, хотя места для них не оставил: кавычки легли поверх последней буквы «ъ», а не сбоку. Очевидно, первоначально он намеревался не прерывать цитату на слове «мужествомъ», а продлить ее дальше, о чем свидетельствует не только отсутствие места для кавычек, но и следующая за кавычками буква «и». О значении этого рудимента будет сказано ниже. В слове «поштри» И. П. Елагин на третьем месте поместил греческую омегу. Но это не отражение графики рукописи «Слова», а норма письма самого И. П. Елагина: ср. «сооружаютъ» (с. 134), «сообихъ» (там же).

Знак (+), стоящий после слов «Похвальное Слово», повторен на боковом поле с. 207 и продолжен фразой: «Смотри примѣч. №». Такие ссылки на будущие примечания, которые по замыслу И. П. Елагина должны были быть помещены в конце «Опыта», разбросаны по многим страницам его сочинения (см., например, с. 437). Но ниже указанных слов приведен отчеркнутый двумя вертикальными чертами следующий текст: «Изъ Кн: Хр: господ. Пушкина MS древній». Заметка сделана, очевидно, для памяти и должна была быть развернута в будущем примечании. Сокращение «Кн: Хр:» В. П. Козлов передает как «кн[иго]хр[анительницы]». Такая расшифровка возможна, но допустима и иная. Сокращение «кн:» встречается в рукописи И. П. Елагина много-

кратно как в основном тексте, так и в правке, сделанной красными чернилами: «Ст: кн.: Ст: XV. Г. 30» (с. 569)—Степенная книга, степень XV, грань 30; «Ст: Кн: ст. XV, титло 5, лис: 107» (с. 107)—Степенная книга, степень XV, титло 5, лист 107. Очевидно, что «Кн:»—это «книга», а «Хр:»—скорее всего «Хронограф». Иными словами, И. П. Елагин указывает на «Книгу Хронограф», в составе которого, как известно, и попало к А. И. Мусину-Пушкину «Слово о полку Игореве». Аббревиатура MS В. П. Козловым была прочитана как NB. Последнее сокращение встречается в некоторых местах рукописи (например, на с. 269), но начертание его иное, чем в приведенной ссылке на «Книгу Хронограф». Аббревиатура MS есть также на с. 437 и 568, где относится к Никоновской летописи. Ясно, что это сокращение слова «m[anu]s[criptum]», т. е. рукопись. «MS древний»—«манускрипт древний». Так должна читаться самая ранняя цитата из мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве» и елагинская пометка к примечанию относительно этой цитаты.

Когда же появилась в елагинском труде ссылка на «Слово» и выдержка из замечательной поэмы? Очевидно, не раньше 6 января 1788 года, когда И. П. Елагин закончил описание времени великого княжения Ивана III и перешел к описанию правления Василия III. Другой ограничительный рубеж—смерть самого И. П. Елагина. Уже после публикации в «Вопросах истории» В. П. Козлову удалось установить, что И. П. Елагин скончался 22 сентября 1793 года. Отсюда время редактирования И. П. Елагиным своего рассуждения под 1472 годом можно определить так: между 6 января 1788 года и 22 сентября 1793 года.

На основании ряда вставок, сделанных красными чернилами в более поздние экземпляры «Опыта» и содержащих ссылки на появившиеся в печати источники, В. П. Козлов в 1984 году предложил более узкую дату вставки: апрель 1792 года—май 1793 года.

В настоящее время вставку можно датировать точнее, исходя из материала, содержащегося в той самой рукописи елагинского «Опыта», где впервые было процитировано «Слово о полку Игореве».

На с. 101 И. П. Елагин внес поправку красными чернилами. В поправке речь идет о смене власти и в качестве примера названа Франция, где такие смены были часты. Указание именно на Францию едва ли случайно. И. П. Елагин, видимо, имел в виду события Великой французской революции. В таком случае правку красными чернилами своего труда И. П. Елагин предпринял после лета 1789 года.

На боковых полях некоторых страниц И. П. Елагин теми же

красными чернилами проставил названия ряда источников, которые следовало или дополнительно использовать или на которые нужно было сослаться при окончательной редакции труда. Так, на с. 172 отмечены: «Цар. лѣт. Никон. лѣт. Новгород. лѣт.»; а на с. 230 — «Цар. лѣт. Ст. кни: Ник. лѣт.». «Цар. лѣт.» — это Царственный летописец, изданный в 1772 году. «Новгород. лѣт.» — Новгородский летописец, опубликованный в 1786 году. «Ст. кни:» — Книга Степенная царского родословия, напечатанная в 1775 году. «Никон. лѣт.» — это Никоновская летопись. Излагая события русской истории от Ивана III до Ивана IV, И. П. Елагин ссылался на Никоновскую летопись, неизменно сопровождая эти ссылки аббревиатурой MS (манускрипт). Такое уточнение было необходимо, поскольку тогда Никоновская летопись была известна и в печатном виде. К 1788 году были изданы три части этой летописи, но в них изложение доводилось только до 1362 года. Поэтому для освещения событий XV—XVI веков И. П. Елагину приходилось пользоваться рукописью. Но в 1788—1790 годах из печати вышли еще три части (4—6) Никоновской летописи. В 6 части излагалась как раз история XV—XVI веков. Указание в отсылках на с. 172 и 230 на Никоновскую летопись без уточнения MS, упоминания ее в ряду только печатных изданий свидетельствуют о том, что И. П. Елагин имел дело уже с печатной книгой, а она вышла в 1790 году. Следовательно, записи красными чернилами были сделаны после выхода в свет 6 части Никоновской летописи.

Для определения времени, позже которого елагинская правка не могла появиться, чрезвычайно важное значение имеет его вставка красными чернилами на с. 236. И. П. Елагин написал здесь об изображении на русской золотой монете XVII века, «сохраняемой въ собрании церемониймейстера Алексѣя Ивановича Пушкина», которую «видѣть мнѣ случилось»... Выясняется, что И. П. Елагин не только был хорошо знаком с рукописным собранием А. И. Мусина-Пушкина, но и с его коллекцией древностей. Обращает на себя внимание указанная в приведенной цитате И. П. Елагиным должность А. И. Мусина-Пушкина — церемониймейстер. Эту должность А. И. Мусин-Пушкин получил в 1775 году и исполнял до своего назначения обер-прокурором Синода 26 июля 1791 года¹. Следовательно, правка рукописи красными чернилами и цитирование «Слова» были сделаны И. П. Елагиным между 1790-м и 26 июля 1791 года. К этому времени в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина уже хранилась «Книга Хронограф», содержавшая текст «Слова о полку Игореве». Рукопись с древней поэмой попала в руки А. И. Мусина-Пушкина или в первой половине 1791 года, или в 1790 году, или же в конце 80-х годов XVIII века. Но как бы то ни было,

существенно то, что «Слово» оказалось у А. И. Мусина-Пушкина до того, как он стал обер-прокурором Синода. Тем самым снимаются всякие подозрения относительно того, что А. И. Мусин-Пушкин прямо или косвенно использовал свое служебное положение главы духовного ведомства для незаконного присвоения рукописи со «Словом» из библиотеки какого-либо монастыря или епархии. Резко возрастает правдоподобность свидетельства самого А. И. Мусина-Пушкина о приобретении им «Слова о полку Игореве» у бывшего настоятеля Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского.

На использовании «Слова» редактирование И. П. Елагиным рассуждения о писателях с «неправедными понятиями» не кончилось. К упомянутому месту и к выдержке из «Слова о полку Игореве» он возвращался еще дважды. Когда писец изготовил чистовую копию, где были учтены все поправки красными чернилами, сделанные И. П. Елагиным, последний вновь прошелся по тексту, в частности, и по тому месту, где упоминалось «Слово». Он вычеркнул слово «прекрасное», вместо «Святославичу, внуку Олгову» написал «Олговичу», так что вместо Игоря Святославича героем поэмы стал Игорь Ольгович, вместо неопределенной ранее даты: «лета от Рож.[дества] Хрис.[това]» он поставил «в начале XII века писанное». После цитаты из «Слова», которую он оставил без изменений, сняв лишь последнюю букву «и», И. П. Елагин поместил еще одну фразу от себя: «Слово сие преизполнено все-можных риторския красоты». Переделал он и примечание. Теперь оно читалось так: «(+)
Смотри примеч. №. Древняя ско (эти три буквы были потом зачеркнуты.— В. К.) рукопись книгохранительн. г-на Пушкина». С этими поправками рукопись была вторично переписана копиистом. И. П. Елагин вновь просмотрел заново перебеленный текст и сделал еще три поправки в цитате из «Слова»: в слове «Владимера» он «е» переправил на «і», в слове «крепостию» «е» заменил на «ѣ», а вместо «серца» он написал «сердца», и текст «Опыта» принял свой окончательный вид. Таковы находки и наблюдения, сделанные В. П. Козловым. Он обнаружил самое раннее беспорное указание на рукопись со «Словом о полку Игореве» в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина. Весьма примечательно, что ссылка на это произведение приведена не при описании майского похода 1185 года Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев, а в совершенно ином месте елагинского «Опыта», где шло рассуждение о художественных и литературных ценностях Древней Руси. Если до сих пор исследователи искали следы знакомства со «Словом о полку Игореве» в изложении историками XVIII века событий 1185 года и при отсутствии таких следов отказывались от дальнейших поисков, то после открытия

В. П. Козлова становится ясным, что исторические сочинения позапрошлого столетия следует изучать, что называется, от корки до корки. Только на этом пути можно ожидать новых важных и ценных находок.

Из приведенных В. П. Козловым фактов делается очевидным, что И. П. Елагин, как, вероятно, и А. И. Мусин-Пушкин и их друзья — любители русской истории, первоначально затруднялся определить, какой князь Игорь и какой его поход воспеты в поэме. «Слово» имело заголовок: «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова» (так в первом издании памятника 1800 года; так и в копии, сделанной для Екатерины II, с единственным отличием: «полку» вместо «плъку»). Перед первыми читателями и толкователями «Слова» стояла дилемма: как понимать заглавие памятника? Идет ли в нем речь о князе Игоре, сыне Игоря, внуке Святослава, относившегося к Ольгову роду, или «Слово» посвящено Игорю Святославичу, внуку Олега? При весьма поверхностных знаниях в конце XVIII века о древнерусских князьях (следует напомнить, что несколько лет спустя после смерти И. П. Елагина в комментариях к первому изданию «Слова о полку Игореве» многие названные в памятнике князья оказались не определенными; так, к имени князя Святополка, который велел везти тело своего отца «с той же Каялы» к Киеву, было сделано примечание: «пять исчисляется Святополков; до которого же из них касается сие обстоятельство, ничем не объяснено», хотя речь шла о будущем киевском великом князе Святополке Изяславиче; обращение ко князю Всеволоду Большое Гнездо, который мог «Волгу веслы раскропити», издатели поняли как обращение к Всеволоду Ольговичу, князю черниговскому и киевскому, и т. д.), трудно ожидать от занимавшихся в ту пору русской историей быстрого и точного решения вопроса. Отсюда колебания, наблюдаемые у И. П. Елагина. С одной стороны, первоначально он верно назвал героя поэмы: Игорь Святославич, внук Ольгов. С другой — это имя ему ничего не говорило. Он не знал, когда жил Игорь Святославич, а потому оставил открытым вопрос о времени написания «Слова»: «лета от Рож: Хрис:», надеясь в будущем найти более точную дату. Он даже не догадался о том, что «Слово» повествует о том злосчастном походе на половцев Игоря Святославича в 1185 г., который он сам же описал в той части «Опытов», что была закончена 1 января 1792 г.

При вторичной правке рукописи И. П. Елагин решил, что речь в поэме идет не о князе Игоре Святославиче, а о князе Игоре Ольговиче, который был более известен историкам. Красочный рассказ об убиении этого князя читался во многих русских летописях, в том числе и опубликованных к концу

XVIII века, под 1147 годом. Отсюда выводилась И. П. Елагиным и дата поэмы: начало XII века. Такое заключение лишний раз говорит о том, что ссылки на «Слово о полку Игореве», цитаты из него в русских исторических или публицистических трудах конца XVIII века совершенно необязательно искать при изложении событий 1185 года.

К целому ряду важных выводов позволяет прийти сравнение фрагмента из «Слова», приведенного И. П. Елагиным, с соответствующими местами из первого издания памятника и екатерининской его копии. В издании 1800 года отрывок, процитированный И. П. Елагиным, читается так (в скобках приведены различия по екатерининской копии): «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ (умъ) крѣпостію (крѣпостію) своею и поостри сердца своего мужествомъ...» Идентичность, по сути дела, в данном месте первого издания «Слова» и екатерининской его копии, показывает, что текст этот читался в рукописи в том виде, как он воспроизведен выше по первой публикации. Сравнение с ним елагинской цитаты обнаруживает несколько различий. Прежде всего оказывается, что отрывок из «Слова» в «Опыте повествования о России» ближе к екатерининской копии (одинаковое написание слов «умъ», и употребление *i* в слове «крѣпостію»), что, возможно, прольет свет на происхождение последней. Из отличий следует обратить внимание на следующие: «почнем» (у И. П. Елагина) вместо «почнемъ же» и «поостри сердца своимъ мужествомъ» вместо «поостри сердца своего мужествомъ». Эти, казалось бы, весьма несущественные различия на самом деле являются важными и приводят к заключениям о характере мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве».

Почему И. П. Елагин написал «почнем», не заметив следующей за этим словом частицы «же»? Ответ может быть только один: буква «ж» была написана в рукописи более мелким почерком вверх строки, являясь так называемой «выносной буквой», причем написана она была столь мелко или неразборчиво, что ее очень трудно было прочитать.

Чтение «серца своимъ», приведенное у И. П. Елагина, очень интересно и показательно. В рукописи, несомненно, стояло «сердца своего», как это зафиксировано и в издании 1800 года, и в екатерининской копии. Елагинское прочтение этого места объясняется тем, что в рукописи была аббревиатура «срца» (под чертой — «титлом», обозначававшим сокращение слова), а последняя согласная в слове «своимъ» была выносной и в какой-то степени рождала варианты прочтения. К тому же для И. П. Елагина сам оборот «поостри сердца своего мужествомъ», где после глагола «поостри» существительное с прилагательным стояли в

родительном падеже (и это особенность древнерусского языка, где после некоторых глаголов мог стоять не только винительный, но и родительный падеж; ср. налить воду и налить воды — т. н. родительный «части») вместо привычного винительного, видимо, был совершенно необычен. И будучи уверен, что глагол «поостри» требует после себя традиционного винительного падежа, И. П. Елагин вместо «своего» поставил «своимъ», согласуя это со словом «мужествомъ» и принимая «сердца» не за родительный падеж единственного числа, а за винительный множественного. Ошибку И. П. Елагина можно считать типичной для лиц, только-только знакомившихся со «Словом о полку Игореве». Последующий разбор текста участниками кружка А. И. Мусина-Пушкина привел их к верному, хотя и парадоксальному для XVIII века прочтению — «своего», что отразилось как в первом издании памятника, так и в копии, попавшей к императрице.

Объяснение разночтений между цитатой из «Слова», включенной И. П. Елагиным в свой «Опыт», и текстами издания 1800 г. и екатерининской копии вполне подтверждает слова А. И. Мусина-Пушкина, отвечавшего на вопрос известного слависта К. Ф. Калайдовича о характере письма утраченной в 1812 году рукописи «Слова»: «...хотя довольно ясным характером была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов». Ученые уже неоднократно писали о том, что бывший в руках у А. И. Мусина-Пушкина список «Слова о полку Игореве» был написан полууставом, переходящим в скоропись (последняя, весьма аргументированная работа на эту тему принадлежит профессору Л. В. Милову и опубликована в журнале «История СССР» № 5 за 1983 год.). Выдержка из памятника, приведенная И. П. Елагиным, в определенной степени подкрепляет такой вывод, поскольку ее ошибки объясняются характером письма списка, где были сокращения слов и выносные буквы, читавшиеся с трудом.

Цитируя «Слово», И. П. Елагин имел дело непосредственно с рукописью памятника, а не с писарской копией с нее. Показательное елагинское написание «серца своимъ» могло возникнуть только при прямом знакомстве с рукописью.

Об этом же свидетельствует еще одна особенность данной И. П. Елагиным цитаты. И. П. Елагин привел только часть фразы памятника, оборвав ее посередине. Фраза имеет продолжение: «напльнѣнъ ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую» (издание 1800 года). Если бы И. П. Елагин имел дело с какой-то писарской копией, то ему не составляло труда привести всю фразу из «Слова» до ее логического конца. Он же этого не сделал. Оборвав цитату на

слове «мужествомъ», И. П. Елагин написал еще букву «и». Характерно, что в рукописи А. И. Мусина-Пушкина за словом «мужествомъ» читалось слово «напльгився», начинавшееся с буквы «н». В древних рукописях буквы «н» и «и» часто писались схоже, и, думается, И. П. Елагин начал писать слово «напльгився», но, приняв «н» за «и», остановился, из-за своей ошибки не поняв смысла слова. Такие случаи при чтении рукописей в практике И. П. Елагина бывали. Так, на вставном л. 130 об. (карандашной пагинации), включенном позднее в рукопись «Опыта», И. П. Елагин написал: «сосудъ к или млѣка кобыльѣ», не прочитав одного слова, начинавшегося, по его мнению, с буквы «к», и оставив место для последующих букв. А впоследствии красными чернилами он сумел внести уточнение, написав вместо «к» — «съ кумысом». Таким образом, заключительная буква «и» в самой ранней цитате И. П. Елагина из «Слова» должна расцениваться как результат непосредственного знакомства И. П. Елагина с рукописью памятника.

Последующее редактирование И. П. Елагиным вставки с цитатой из «Слова» обнаруживает, что он, по-видимому, снова обращался к рукописи. Так, в измененном примечании к заново отредактированному месту своего «Опыта» И. П. Елагин написал о «Слове»: «Древняя ско рукопись книгохранительн. г-на Пушкина». Буквы «ско» И. П. Елагин зачеркнул, видимо, по некотором размышлении. Похоже, что это начало слова «скорописная». Видимо, И. П. Елагин первоначально хотел именно так охарактеризовать рукопись, но потом отказался от своей мысли, поскольку почерк сборника не подпадал целиком под такую характеристику. Скорописные рукописи И. П. Елагин знал, он прямо писал о имевшейся в его распоряжении «скорописной летописи под именем Мамаева побоища», т. е. о Сказании о Мамаевом побоище, списки которого в подавляющем большинстве случаев относятся к XVII—XVIII векам и действительно написаны скорописью. Почерк же «Слова» отличался от «скорописной летописи», хотя, возможно, в чем-то и напоминал. В конце концов И. П. Елагин решил не определять этот почерк, который по современным представлениям являлся полууставом, переходящим в скоропись. Но раздумья И. П. Елагина об этом почерке, отраженные во вторичной правке им ранее сделанной вставки, свидетельствуют о том, что И. П. Елагин снова видел мусин-пушкинский список «Слова».

И не только видел, но вновь и вновь внимательно вчитывался в него. При вторичном редактировании в елагином «Опыте» появляется новая фраза, содержащая характеристику неизвестного до той поры памятника: «Слово сие преизполнено все-можных риторския красоты»². Еще не было ясно, кто такие «удалые сыны

Глебовы», которыми мог «стрелять» князь Всеволод, но то, что это «удалые сыны», было понятно. Художественные образы и высокая патетика «Слова»: «лице жь потяту быти, неже полонену быти», «солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою», «итти дождю стрѣлами», «ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земле преклонилося», «изрони жемчужну душу из храбра тѣла чресь злато ожерелие» и т. д., были понятны всякому культурному человеку конца XVIII века, хоть немного начитанному в русской истории. Можно было с ошибками читать текст старой рукописи, можно было не понимать смысла отдельных слов и выражений, заблуждаться относительно исторических реалий, щедрой рукой разбросанных в поэме, но даже в конце XVIII века невозможно было не понять, что найдено новое, очень древнее и высокохудожественное произведение русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1899. С. 271—272.
- ² Три незначительные поправки в цитате из «Слова», произведенные И. П. Елагиным при третьем редактировании своего «Опыта», сделаны на основании грамматических норм XVIII века и не свидетельствуют о новом обращении к рукописи.

СОБРАНИЕ ОДНОЙ КНИГИ

Увлечение «Словом о полку Игореве» к одним приходит в школьные годы, во время знакомства с ним на уроках литературы, к другим (и их большинство)—уже в зрелом возрасте. В зрелом возрасте занялся «Словом» и я. Все началось с краеведения.

Мои детские годы прошли в Новгороде-Северском, небольшом городке Черниговской области. Именно отсюда, с крутых холмов, нависающих над красавицей Десной, 800 лет назад уводил в поход на половцев свою дружину Игорь Святославич.

Шли годы. Судьба забросила меня в далекий Новосибирск. И здесь, в начале семидесятых годов, встретила меня книга Георгия Лаппо «Рассказы о городах». Начал просматривать. Автор увлеченно рассказывал о городах, их судьбах. С особой теплотой говорилось о судьбе малых городов. В глаза бросились строки писателя Николая Вирты, посвященные родному городу: «Если будете в Новгороде-Северском, не поленитесь забраться на монастырский холм. Он властвует над огромной долиной—поймой Десны. Могучая быстротечная река эта, петляя, уходит на юг, чтобы влиться в Днепр. С холма она видна на много километров. Необыкновенная ширь обзора, ограниченного массивной стеной лесов, зеленый ковер лугов, блистающие на солнце озерца и заливчики, махонькая избушка лесного кордона, легко скользящие по реке моторные лодки, сине-синие небеса—ах, боже мой, да не наглядеться на эту чудесную картину и не забыть ее тому, кто хоть однажды побывал здесь!»

О многовековой истории Новгорода-Северского можно рассказывать долго. Археологические раскопки, проводившиеся здесь в течение последних лет, позволили установить его тысячелетний возраст. С городом связана судьба князя Игоря Святославича, судьбы других героев «Слова». Со столицей Северского княжества связано и первое летописное упоминание о столице нашей Родины—Москве. «Приди ко мне, брате, на Москов»,—писал в

1147 году новгород-северскому князю Святославу Ольговичу (отцу князя Игоря) Юрий Долгорукий. А в XVII веке здесь, в Спасо-Преображенском монастыре, была основана первая в Левобережной Украине типография; во времена Екатерины II появилась гимназия, ставшая вскоре лучшей на Украине. Постоянный интерес к «Слову о полку Игореве» прослеживается в творчестве М. А. Максимовича, К. Д. Ушинского, П. А. Кулиша и других выпускников Новгород-Северской гимназии.

Увлечение этим литературным памятником раннего средневековья пришло ко мне после встречи еще с одной книгой. Зимой 1976 года в Новосибирске я приобрел историческую повесть пермского прозаика и поэта Алексея Домнина «Матушка-Русь». Рассказывалось в ней о «Слове», о трагических событиях Игорева похода. Повесть привлекла искренностью, живым и ярким поэтическим языком, глубоким проникновением в жизнь эпохи. Я заново перечитал «Слово». С этого момента начала формироваться моя «Словiana».

Знакомство со «Словом» я начал с изучения библиографии. Это, безусловно, помогло сориентироваться в книжном океане, порожденном «Словом», облегчило поиск нужных изданий и исследований. И если количество слов в «энциклопедии древнерусской культуры», как иногда называют поэму, не превышает трех тысяч, то число ей посвященных научных работ давно уже превысило эту цифру.

Вскоре я переехал в Пермь и включился в лекционную работу по пропаганде «Слова». Здесь встретились мы с Алексеем Михайловичем Домниним.

Ему принадлежит поэтическое переложение «Слова». В сокращенном виде оно впервые опубликовано в пермской газете «Молодая гвардия» за 1 октября 1967 года, а затем включено в его сборник «Заклинание огня» (Пермь, 1971). После поездки в Новгород-Северский и Путивль Домнин переработал свое переложение и вместе с повестью «Матушка-Русь» включил в сборник «Тропы предков» (Пермь, 1978). Изданные небольшими тиражами в местном издательстве, книги эти прошли незамеченными для многих исследователей и почитателей «Слова».

Для примера, приведу лишь несколько строк домнинского переложения, посвященных курынам:

Под клич трубы
Повивали их,
Под шеломами
Пеленали их,
А вскормили их
С остря копыа,
А взрастили их
В ярых-злых боях.

Ведом им любой
 Путь овражистый,
 Им потеха—бой
 С силой вражеской.

Вряд ли кто сможет назвать точное количество изданий «Слова» на всех языках мира. Известно, что лишь в нашей стране, за годы Советской власти, отдельные издания «Слова» выходили более 110 раз общим тиражом свыше восьми миллионов семисот тысяч экземпляров. Давно превысило сотню и число изданий в моей «Словiane». О некоторых из них хочется рассказать подробнее.

Передо мной объемистая книга «Слово о полку Игореве, Святъславля пестворца старого времени», изданная в 1844 году в Москве. Ее автор—магистр Московского университета Дмитрий Дубенский известен как один из учителей М. Ю. Лермонтова в пансионе. Основную часть книги занимают набранные крупным шрифтом древнерусский текст и его прозаический перевод, сопровождаемые многочисленными интересными комментариями и подстрочными примечаниями—их более семисот. Во вступительной статье «Взгляд на историю литературы „Слова о полку Игореве“» автор подвел итоги изучения «Слова» за сорок лет со дня его первой публикации. Дубенский высоко оценил этот памятник и признал его язык свидетельством высокой культуры Древней Руси домонгольского периода.

Дорожу я переводом моего земляка Николая Гербеля «Игорь, князь Северский. Слово о полку Игореве». Перевод этот в свое время выдержал шесть изданий. Положительные отзывы о нем достигли даже Новопетровского укрепления в Оренбургской губернии, где отбывал ссылку Тарас Шевченко, и в письме от 14 апреля 1854 года украинский поэт просит друзей раздобыть ему эту книгу для работы над переводом «Слова».

К сожалению, мне не удалось разыскать первое издание этого перевода с иллюстрациями М. А. Зичи, вышедшее в 1854 году, но три последние издания у меня имеются. По ним можно судить, что поэт постоянно совершенствовал перевод. Открываю пятое издание (Спб., 1876): перевод помещен параллельно с древнерусским текстом. Издание хорошо для того времени иллюстрировано. В предисловии перечислены существующие переводы, приводятся их образцы.

Существует еще одно издание Гербеля, не учтенное библиографами. Книга выпущена в 1887 году во Львове, в серии «Международная библиотека» под общим названием «Венец славянских поэтов. Сборник памятников поэзии славянского мира». В этом издании, кроме древнерусского текста, помещены три славянских перевода «Слова»: русский—Николая Гербеля,

чешский — Карла Яромира Эрбена и польский — Адама Красиньского.

Переводил «Слово» и Дмитрий Иванович Минаев.

Вот, к примеру, картина затмения:

На своде безоблачном
 Стало гаснуть солнышко...
 Стала ночь тюрьмы черней:
 Могильными сводами
 Спустилась над Игорем,
 Зарычала вокруг него
 Стаями звериными...
 Заржал леший по лесу,
 Крикнул от вершин дубов...

Минаев видел цель своего перевода в том, чтобы дать «народное лицо этой баянке и сделать ее доступною всем читающим сословиям».

Среди редких изданий — перевод С. П. Кораблева «Слово о полку Игоря Святославича, внука Ольгова» (М., 1856) и украинские переводы И. Гушалевича «Слово о полку Игоря Святославича» (Львов, 1850) и Панаса Мирного «Дума про вийско Игоря» (Киев, 1914).

Совсем недавно получил из Новосибирска интересный сборник «Русские былины и сказания. Новгородский и новейший периоды», изданный в 1895 году в Петербурге. В сборнике, иллюстрированном художником В. Поляковым, представлены три былины и «Слово о полку Игореве».

Из наиболее редких в моем собрании — статьи Н. Грамматина «Критическое рассуждение о „Слове о полку Игореве“» и Н. Арцыбашева «Игорь, или Война половецкая», опубликованные в журнале «Вестник Европы» за 1822 и 1826 годы. Ценю книгу П. Пекарского «„Слово о полку Игореве“ по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II» (СПб., 1864), в которой впервые была опубликована копия, снятая с мусин-пушкинского списка памятника. Работа эта положила начало палеографическому изучению «Слова». Книги Н. Головина «Примечания на „Слово о полку Игореве“» (М., 1846), В. Миллера «Взгляд на „Слово о полку Игореве“» (М., 1877) и А. Потехина «Слово о полку Игореве» (Воронеж, 1878) интересны своими подробными разборами древнерусского текста.

Рядом с этими книгами стоит трехтомник Е. В. Барсова «„Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси». Этот труд, созданный видным этнографом и собирателем древностей, в свое время называли энциклопедией «Слова». Да и сейчас ни один серьезный исследователь не может обойтись без этой книги.

Интерес к «Слову» не только не ослабевал, но еще сильнее проявлялся в трудные для нашего Отечества годы. Патриотический призыв Игоревой песни воодушевлял воинов Дмитрия Донского и отразился в памятниках Куликовского цикла. Есть в моем собрании ряд изданий и исследований, появившихся в годы революции, гражданской и Великой Отечественной войн. 1917 год представлен пятым изданием перевода «Слова» С. К. Шамбинаго в серии «Универсальная библиотека» и четырнадцатым изданием И. Глазунова в серии «Русская классная библиотека». Рядом — глазуновское издание и перевод В. Щурата на украинском языке, вышедшие в 1918 году, скромная на вид книга Л. К. Ильинского «Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века» (Петроград, 1920). В ней опубликован перевод, существовавший в рукописи еще до появления мусин-пушкинского издания «Слова» 1800 года. Автором этого перевода считают князя А. М. Белосельского, воспользовавшегося, по видимому, оригиналом Мусина-Пушкина, человека большой культуры, поэта, драматурга, написавшего пьесу «Олинька, или Первоначальная любовь», члена Российской Академии.

Здесь же, на полке, стоит фототипическое издание «Слова» выпущенное в 1920 году издательством М. и С. Сабашниковыми. Сравниваю его с рядом стоящим суворинским изданием 1904 года, отпечатанным на добротной, плотной бумаге (будто вчера из типографии!), и все же отдаю предпочтение первому. Оно появилось в трудное и славное время, было одобрено Отделом печати Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Вот книга академика А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» — московское издание 1923 года. Точно такая же хранится в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина. Простое собиранье литературы было совершенно чуждо Ильичу. Прорабатывая огромное количество книг, он оставлял в своей библиотеке лишь необходимые для работы и любимые книги. Таковой оказалась и книга А. С. Орлова.

Текст «Слова» Владимир Ильич хорошо знал еще с гимназической поры.

В трудах «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге» (написаны соответственно в 1918 и 1921 годах) четыре раза повторяется выражение «растекаться мыслью».

Из книг, изданных в суровые годы Великой Отечественной войны и попавших в мое собрание, не могу не рассказать об одной. Это работа Л. А. Творогова «Слово о полку Игореве». Место издания — Новосибирск, 1942 год. Она выдавалась вместе с оружием политрукам воинских частей, отправлявшихся на фронт. Я сделал все, чтобы разыскать эту книгу. Выспрашивал о

ней у книжников, искал в библиотеках и даже упоминал в выступлении по телевидению.

Небольшая брошюра, отпечатанная на серой газетной бумаге. В выходных данных значится: «Тираж 400 экз., бесплатно». Рассказывается об истории мусин-пушкинского списка «Слова». Позже мне удалось списаться с исследователем «Слова», доктором филологических наук О. В. Твороговым. Получил объемистую бандероль. В ней было несколько авторских оттисков работ Олега Викторовича и все работы военных лет Леонида Алексеевича Творогова. Было и «Слово о полку Игореве» 1942 года издания.

В сборнике «Через годы, через расстояния...» (Новосибирск, 1977), рассказывающем о боевом пути 140-й Сибирской Новгород-Северской дивизии, я обнаружил воспоминания Дмитрия Дажина об агитаторе дивизии, капитане Александре Карпове. Случилось так, что дивизия, сформированная в конце 1942 г. в Новосибирске, в августе 1943 года участвовала в боях за освобождение от фашистов Новгорода-Северского. Александр Карпов перед решающим боем рассказывал бойцам о славной истории города, о «Слове». И звучали в окопах слова:

А мои ведь курыне
Бывалые войны:
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны.
Пути им ведомы,
Овраги ими знаемы,
Луки у них натянутаы,
Колчаны отворены,
Сабли изострены.
Сами скачут,
Словно серые волки в поле,
Ишучи себе чести...

Вскоре древний город над Десной был освобожден, а дивизия удостоена почетного наименования «Новгород-Северская». Сослужило добрую службу в этих боях новосибирское издание. Как дорогую реликвию храню ее рядом со сборником «Героическая поэзия Древней Руси», составленном в блокадном Ленинграде, где помещен и перевод «Слова» В. И. Стеллецкого.

Радуюсь, когда удается разыскать какое-либо зарубежное издание поэмы,—поиски таких изданий очень сложны. Дорожу роскошным болгарским изданием с красочными иллюстрациями Г. Попова. В нем помещен полный перевод «Слова» и статья академика Л. Стоянова, а также статьи Н. Дылевского и Б. Ангелова. Книга издана Болгарской Академией наук в 1954 году.

Перевод замечательного польского поэта Юлиана Тувима издан в 1928 году в Кракове. Вот отпечатанное в 1964 году в

Любляне «Слово о полку Игореве» на словенском языке с иллюстрациями советского графика В. Фаворского.

Раздел миниатюрных изданий моей «Словианы» открывает изящная книжечка размером 70×70 мм, изданная в Праге в 1978 году. В ней помещено поэтическое переложение «Слова» на чешский язык Отто Либертина.

Моему другу, новосибирскому библиофилу Борису Иванову, я обязан приобретением многих редких изданий и исследований, посвященных «Слову». Среди них — перевод поэмы на язык эсперанто. Он опубликован в двенадцатом номере издававшегося в Петербурге журнала «Есперо» за 1908 год.

Интересное зарубежное издание «Слова» пришло из Тамбова. Его подарил Борис Николаевич Двинянинов. На скромной серой обложке название — «Слово о полку Игореве. Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания С. Плаутина. Париж, 1958». С экземпляром этой книги тамбовский ученый ознакомился в Ленинграде, в Пушкинском Доме, а в Тамбове, в одном из апрельских номеров институтской газеты «Народный учитель» за 1959 год дал восторженный отзыв о работе французского исследователя.

Этот отзыв попал во Францию. Между исследователями завязалась переписка. Встретились они в 1961 году, когда Сергей Николаевич Плаутин посетил нашу страну. В одном из писем Б. Н. Двинянинов вспоминает: «Встретились мы лично только один раз в Москве (до этого он был в Ленинграде, у Д. С. Лихачева, В. И. Малышева в ИРЛИ). Беседовали о «Слове». Время было позднее — к ночи. Он на память начертил мне свою родословную, идущую от М. В. Ломоносова». Добавлю, что Плаутин ребенком был увезен родителями во Францию, и начавшаяся вскоре первая мировая война отсекла от Родины. Всю жизнь он тосковал по России. Умер в Париже в 1970 году.

И вот передо мной его перевод. Автограф: «Дорогому Борису Николаевичу Двинянинову дополнения и исправления к моей работе о «Слове о полку Игореве» с просьбой ими воспользоваться и их огласить. От тяжко больного С. Плаутина. Париж, 31 июля 1964 г.».

По сути, вся книга испещрена многочисленными, внесенными рукою автора, исправлениями, дополнениями, интереснейшими историко-филологическими примечаниями, и поэтому она представляет большую ценность.

В переводе немало удачных находок. Наиболее интересен комментарий к тексту. Так, Троян по мнению Плаутина, — злое языческое божество, Трояновы века — эпоха зла, княжеских усобиц. «На седьмом веке Трояни» переводчик предлагает понимать как седьмое тысячелетие от сотворения мира. Выражение

«стяги глаголют» Плаутин переводит как «полотница стягов плещут» (от сохранившегося в народном языке глагола «гологолати», т. е. «болтать»).

Недавно моя «Словиана» пополнилась изданием «Слова», которое разыскивал многие годы. Это фолиант размером 42×29 сантиметров, древнерусский текст написан и проиллюстрирован палехским мастером Иваном Голиковым. Книга вышла в 1934 году в издательстве «Academia» по инициативе А. М. Горького и причислена к вершинам палехского искусства. Голиковская книга переиздана «Современником» в 1975 году. Размеры уменьшены. Тремя изданиями в Ярославле выходило и малоформатное «Слово» в переводе Аполлона Майкова, иллюстрированное палехским художником Романом Белоусовым.

В 1980 году в Перми проходила выставка книг, посвященная 180-летию первого издания «Слова». В Пермской книжной типографии № 2 отпечатан миниатюрный каталог размером 68×93 мм, в котором описано 180 книг из моего собрания, представленных на выставке. Недавно, в конце 1984 года, Западно-Сибирское книжное издательство выпустило первое советское миниатюрное издание «Слова о походе Игоревом, Игоря сына Святославова, внука Олегова». Размер книжечки—72×85 мм. В ней помещен хорошо известный прозаический перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова. Вся книга, в том числе суперобложка, цветные иллюстрации, заставки, концовки и даже текст перевода, имитирующий древнеславянскую кириллицу, исполнены художником Сергеем Рубцовым.

Вот еще одно мини-издание. Оно вышло почти одновременно с новосибирским в Кемеровском книжном издательстве. Размер этой книжечки—70×100 мм. В ней помещен древнерусский текст поэмы в редакции Д. С. Лихачева и сделанные им же перевод и примечания к тексту. Книга проиллюстрирована кемеровским художником Германом Захаровым.

Собрание растет с каждым днем. Хочется верить, что придет время, когда все собранное станет достоянием музея «Слова о полку Игореве».

Владимир Лазарев

ТАЙНА СЛОВА

Всегда смотрю с недоумением,
Когда у праздничных ворот
Толпа в порыве нетерпенья
Свои догадки и прозренья
К творенью вечному несет.

И каждому открытѣ брезжит
Как бы доступной Красоты.
Не захватать бы эту свежесть
Касаниями суеты.

Но это чудное строенье
В жемчужном светится огне.
Стою я тихо в изумленьѣ
От шумных всплесков в стороне.

И образ сладостно-суровый
Не даст мне разглядеть вдали
Светящуюся тайну Слова,
Как тайну Храма на Нерли.

Ночелу
и Населу
~
~

**Появление «Слова» в печати сделало эпоху в
нашем литературном мире...**

А. Н. МАЙКОВ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО «СЛОВОМ» И. П. ЕЛАГИНА

1. О ПОЛЬЗЕ ФАКТОВ

В истории открытия «Слова о полку Игореве» и первого издания поэмы в 1800 году есть еще немало загадок и неясностей. Спорным является хотя бы вопрос о времени поступления древнерусского памятника в библиотеку екатерининского вельможи графа А. И. Мусина-Пушкина, а значит, и введении его в широкий общественный оборот.

Главная причина существующего положения — скудость фактов, их неопределенность, создающая возможность выдвижения различных гипотез. Сам граф, говоря о приобретении поэмы, ограничился сообщением о том, что она была куплена его комиссионером «в последние годы» жизни бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилия Быковского после преобразования монастыря в архиерейский дом. Упразднение монастыря состоялось в 1787 году, а смерть Иоилия Быковского последовала в августе 1798 года, поэтому, строго говоря, между этими двумя датами, следуя указанию Мусина-Пушкина, и состоялось приобретение «Слова о полку Игореве». Столь неопределенная датировка уже давно не удовлетворяла исследователей. Замечательный знаток истории и литературы XVIII века П. Н. Берков попытался обнаружить первое печатное упоминание поэмы в статье П. А. Плавильщикова, опубликованной в февральском номере журнала «Зритель» за 1792 год. В ней сообщалось о скором выходе «стихотворных поэм в честь Ярослава Мудрого и детей его». Однако приведенный Берковым факт слишком неясен, чтобы видеть в нем указание именно на «Слово о полку Игореве». По мнению Г. Н. Моисеевой, в петербургских кругах о рукописи «Слова о полку Игореве» стало известно уже в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII века.

Бесспорными фактами, указывающими на бытование поэмы в XVIII веке, долгое время считались три. Первый — печатное сообщение в примечании М. М. Хераскова к переизданию поэмы «Владимир», относящееся к январю 1797 года. «Недавно, — писал

здесь Херасков,—отыскана рукопись под названием «Песнь полку Игореву», неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки в ней упоминается Баян, российский песнопевец». Второй—указание Н. М. Карамзина, опубликованное на французском языке в октябрьском номере гамбургского журнала «Северный зритель» за 1797 год, где сообщалось, что «два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием «Песнь Игоревых воинов», которую можно сравнить с лучшими поэмами Оссиана и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем». Третий—наличие копии и перевода «Слова о полку Игореве» в так называемых «Бумагах Екатерины II», бумаги А. Ф. Малиновского, относящиеся к его работе над подготовкой первого издания поэмы, а также три рукописных перевода памятника. Все эти материалы с известной долей осторожности можно датировать последним десятилетием XVIII века. Таковы факты. Их анализ позволил существенно продвинуть вперед ряд важных вопросов, связанных с текстологией, палеографическими признаками «Слова о полку Игореве», его изучением в XVIII веке.

2. КРУЖОК «ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ И ИСТОРИИ»

Поиски новых фактов неизменно заставляли исследователей обращать внимание на окружение последнего известного владельца «Слова о полку Игореве»—современников Мусина-Пушкина, составивших вместе с графом неофициальное общественное объединение, которое уже давно в литературе получило название мусин-пушкинского кружка. К сожалению, об этом замечательном, во многом не имевшем аналогии объединении, своеобразном предшественнике знаменитых «колумбов российских древностей» начала XIX века—Румянцевском кружке мы знаем до обидного мало. Кое-какие сведения, впрочем, можно встретить в работах помощников Мусина-Пушкина, не раз настойчиво указывавших, что в их подготовке они широко пользовались помощью и советами «друзей» и «приятелей». Едва ли не первое такое известие содержится в опубликованных в 1788 году, но написанных в 1784—1786 годах критических примечаниях И. Н. Болтина на историческое сочинение о России француза Леклерка. Болтин здесь писал: «Некоторые из приятелей моих старались отвратить меня от моего намерения (т. е. написать критику на Леклерка.—В. К.), представляя, что напрасно теряю время и труды, возражая на такую книгу, которая не стоит прочтения». Ссылки на советы «приятелей» содержатся и в других, более поздних трудах Болтина. В 1792 году от лица «любителей отечественной истории» был

опубликован древнейший законодательный памятник — Правда Русская. Имя одного из них — Мусина-Пушкина стало известно в конце XVIII века; другой — Елагин поспешил заявить о себе и еще одном «приятеле» — Болтине в подготавливавшемся труде «Опыт повествования о России». В 1793 году впервые увидело свет замечательное древнерусское литературное сочинение «Почучение» Владимира Мономаха. Мусин-Пушкин, издатель и автор «Предуведомления», сообщал, что подготовка этой публикации осуществлялась им опять же с помощью «приятелей». Еще один труд Мусина-Пушкина, посвященный местоположению Тмутараканского княжества, позволяет установить и наиболее позднюю дату начала «бесед» кружка — 1789 год. Именно с этого времени, по словам Мусина-Пушкина, Болтин «по дружескому своему почти ежедневному со мною обращению» оживленно беседовал с графом о географии Древней Руси.

Елагин сохранил для нас любопытное свидетельство о том, как пытались совместно члены кружка решать сложные исторические проблемы. Сообщая о подготовке издания Правды Русской, он писал: «Я сам имел счастье в числе сих любителей русской истории быть и хотя при издании в печать не участвовал, но первые замечания и сношения летописцев и слов объяснения при мне между прочими происходили». Впрочем, пишет дальше он, в кружке непререкаемым авторитетом был Болтин, который в данном случае «один, по отменному знанию русской истории, к изданию упрощен был и един трудился».

Итак, кружок «любителей отечественных древностей и истории» возник около 1784—1786 годов и уж, во всяком случае, действовал в 1789 году. Три точно известных и наиболее активных его члена — Мусин-Пушкин, Болтин и Елагин представляли примечательных лиц своего времени. Несмотря на разницу в возрасте (Болтин родился в 1735 году, Елагин — в 1725 году, Мусин-Пушкин — в 1744 году) и разный жизненный путь до встречи в Петербурге, их судьбы и убеждения оказались во многом схожими. Обязанные своей карьерой Екатерине II, они в чиновничьей иерархии самодержавной России занимали важные и ответственные посты. Елагин был обер-гофмейстером императорских театров. Болтин — прокурором Военной коллегии, а затем ее членом. Взлет карьеры Мусина-Пушкина начался в 1789 году, когда он был назначен управляющим Корпусом чужестранных единоверцев, спустя два года — обер-прокурором Синода, а в 1795 году и президентом Академии художеств. Все они вскоре стали вхожи в императорский кабинет.

Сходство судеб дополнялось общностью общественно-политических взглядов. Это были решительные сторонники политики «просвещенного абсолютизма», которую вела Екатерина II,

видевшие в истории одно из важных средств идеологического воздействия на «общее мнение», своеобразное внимание к которому проявляла и императрица.

Причины занятий членов кружка «в свободное от должности время» историей следует искать в общественной атмосфере тех лет. В далеком и близком прошлом различные общественные силы все более активно начинали искать ответы на волновавшие проблемы современности, использовать «опыт истории» для обоснования своих взглядов. Российское самодержавие в этом смысле проявило едва ли не опережающую активность, стремясь историческими примерами воздействовать в нужном для себя направлении на общественное мнение. Князь М. М. Щербатов, неофициально носивший титул историографа, в 1771—1791 годах выпустил свою многотомную «Российскую историю». Несмотря на ее вполне благонамеренный дух, поощрительное внимание Екатерины II к работе Щербатова скоро сменилось недовольством и раздражением: умный князь излишне много распространялся о вреде деспотизма, не раз демонстрировал свой скептицизм политикой «просвещенного абсолютизма», критиковал нравы, царящие при дворе. Стремясь прослыть просвещенной монархиней, Екатерина II благосклонно отнеслась к упреждениям французов Левека и Леклерка, труды которых об истории России вышли во Франции в 1782—1783 годах. Увы, и здесь императрицу ждало разочарование. Несмотря на содержащиеся в этих сочинениях многочисленные фактические ошибки, несмотря на подчас неверные и пренебрежительные высказывания о русском народе и его истории, труды Левека и Леклерка, написанные с позиций прогрессивной французской просветительской литературы, содержали резкую критику крепостничества и деспотизма в России, в том числе и времени Екатерины II. Разгневанная императрица решает попробовать свое перо в сочинении русской истории и в течение 1782—1794 годов выпускает в свет многословные и объемные «Записки касательно российской истории».

Разумеется, исторические разыскания в это время не были сосредоточены только в окружении императрицы. Скорее наоборот, они все больше охватывали широкие слои русского общества. В 1783 году создается Российская академия, в качестве одной из своих задач провозгласившая сбор и публикацию исторических источников. В 1788—1791 годах вторым изданием вышла знаменитая новиковская «Древняя российская вивлиофика», с 1792 года начинает выходить издаваемый Ф. Туманским «Российский магазин» — одно из первых в России специальных научно-исторических изданий.

Члены кружка были одними из тех, кто сумел осознать

важное значение необходимости введения в общественный оборот исторических источников. В своих занятиях они оказались счастливыми первооткрывателями уникальных древностей: «Слово о полку Игореве», Лаврентьевская летопись, Тмутараканский камень с древнерусской надписью XI века, так называемый сребреник князя Ярослав — древняя русская монета — таков далеко не полный перечень сделанных находок, большая часть которых вместе с сотнями других рукописей, старинных монет и медалей коллекции Мусина-Пушкина трагически погибла в московском пожаре 1812 года.

В исторических разысканиях кружка отчетливо проявилась двойственность мировоззрения, столь свойственная многим образованным русским людям XVIII века. С одной стороны, их поисками двигало искреннее чувство патриотизма, выразившееся в борьбе с дворянским космополитизмом, в пропаганде героической истории своей Родины, достижений ее культуры, в стремлении разоблачить несправедливые суждения иностранцев о «варварстве» соотечественников в прошлом. С другой стороны, этот патриотизм имел и консервативный оттенок, когда борьба с дворянским космополитизмом соединялась с критикой просветительской идеологии, осуждением Французской революции и защитой самодержавия и крепостничества. Эта двойственность видна во многих изданиях и исследованиях кружка: публикациях Правды Русской, «Поучения» Владимира Мономаха, Книги Большому Чертежу, «Критических примечаниях» Болтина, его полемике со Щербатовым, работах Мусина-Пушкина о Тмутараканском княжестве и Холопьем городе.

3. «ПРИНОШЕНИЕ ПРЕМУДРОСТИ» И. П. ЕЛАГИНА

В общем русле замыслов кружка был задуман и «Опыт повествования о России» Елагина. Но в отличие от других трудов «Опыту» не повезло. Невезение началось с того, что автор не смог полностью завершить задуманное, а при жизни — увидеть хотя бы часть своей работы напечатанной. Сохранилось неясное указание на то, что первая часть «Опыта» была напечатана лишь в 1795 году, уже после смерти Елагина, но по цензурным соображениям «не вышла в публику», увидев свет только в 1803 году. На основании этой части у исследователей сложилось представление о Елагине как о многословном историкомпиляторе, интерес к нему пропал, а следы продолжения «Опыта» затерялись. В одной из рецензий на первую часть труда Елагина высказывалось даже мнение, что этого продолжения вообще не существовало.

Но продолжение было. Замечательный русский историк конца XVIII—начала XIX века Евгений Болховитинов, собирая среди современников биографические материалы для своего словаря русских писателей, выяснил, что рукописи своего труда Елагин незадолго до смерти подарил... Мусину-Пушкину, «яко приятелю его и любителю отечественной истории с... собственной его руки надписью». Свидетельство Болховитинова повторил в начале XIX века первый биограф Мусина-Пушкина К. Ф. Калайдович, долго и настойчиво собиравший от современников и самого графа сведения о его жизни и деятельности. Таким образом, свидетельства двух компетентных ученых определенно указывали на то, что продолжение «Опыта» существовало. Правда, рукописи, попав в собрание Мусина-Пушкина, могли погибнуть вместе с другими хранившимися здесь сокровищами, но определенные надежды их найти все-таки были. Во-первых, продолжение «Опыта» могло оказаться у издателей его начальной части. Во-вторых, известно, что в начале XIX века собранием Мусина-Пушкина при подготовке своей «Истории Государства Российского» пользовался Карамзин. Часть взятых им у графа рукописей избежала пламени и хранится в ряде архивохранилищ нашей страны. Может быть, среди них находится и продолжение «Опыта» Елагина?

Надо было искать. Впрочем, придя в прекрасный читальный зал Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, где постоянно встречаешь неизменно доброжелательную и заинтересованную помощь, получил опись одного из главных собраний Отдела и просмотрев ее, можно было бы сказать, что «искать» — это слишком нескромно. Весь «Опыт», составивший одиннадцать больших фолиантов, уже давно хранится здесь и подробно описан. В том, что это те самые рукописи, которые когда-то были подарены Елагиным Мусину-Пушкину, убеждает дарственная запись автора на одной из них: «Список сей, хотя несовершенный, но мною несколько поправленный, предаю я другу моему Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, яко охотнику и достаточному в повествованиях русских знатоку, желая, чтоб сочинение мое послужило ему навсегда залогом дружбы и почтения, с которым я был и буду до конца моей жизни, а в замену того, прошу содержать сей труд мой, не только несовершенный, но и неисправный, в тайнстве от любопытства по предписанию в предуведомлении. Ив. Елагин».

По мере знакомства с «Опытом» все более и более выяснялся общий замысел и структура этого труда. В оригинальном «Предуведомлении читателю» Елагин сообщал, что к своему сочинению он приступил по совету друзей. Первая, опубликованная, часть «Опыта» включила повествование от библейских времен до

смерти Владимира I (1015 год), вторая — рассказ о событиях 1015—1138 годов, третья и четвертая начинались, говоря словами Елагина, «от пренесения из Киева сильнейшего великокняжеского престола во Владимир» и продолжались «до нашествия татар и возложения на ослабевшие России члены ига потомков Чингисовых». Пятая часть повествовала о событиях 1224—1425 годов, шестая—1425—1450 годов, седьмая — описывала правление Ивана III, восьмая — Василия III, девятая — рассказывала о правлении Ивана Грозного с 1533 до 1564 года.

Грандиозность задуманного Елагиным труда очевидна. Он собирался продолжить «Историю» Татищева и довести свое повествование до середины XVIII века, бросая вызов даже многотомному сочинению Щербатова. К своей работе он приступил в начале 1788 года и за пять-шесть лет создал обширный, хотя и незавершенный труд. Поражал и объем проделанной автором работы по шлифовке, редактированию «Опыта». Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся списки разных его частей.

Как правило, черновой авторский текст, неоднократно правленный, переписывался писцом, затем Елагин по писарскому списку вновь правил текст, тот переписывался заново и еще не один раз редактировался. Последняя правка, карандашная, касалась преимущественно правописания. Она представляла собой завершающую стадию работы, хотя, судя по ряду помет, не исключала и последующего, подчас весьма существенного редактирования.

Чтение «Опыта» убеждало в том, что это не было сочинение графомана или простого компилятора. Да, в своей основе это было переложение трудов В. Н. Татищева и других историков, но переложение своеобразное, подчиненное определенным целям, пронизанное определенными идеями, в результате чего «Опыт» превратился в публицистическое сочинение, облеченное в форму исторического повествования со всеми аксессуарами исторического труда: ссылками на литературу, источники, пространными историографическими экскурсами и т. д. «Опыт» оказался обильно оснащенным цитатами из Наказа Екатерины II, который был адресован Уложенной комиссии, был пронизан воинствующим монархизмом, тирадами против Французской революции и «вредной энциклопедистов лобомудрия», воспеванием дворянства как главной силы русского исторического процесса. И в то же время «Опыт» был насыщен патриотическими идеями, разоблачением измышлений о русской истории иностранных ученых, осуждением дворянского космополитизма, церковного клерикализма.

4. «МОЖЕМ МЫ ПРИТОМ ПОКАЗАТЬ»

Зная об отношении Елагина к кружку Мусина-Пушкина, было естественно предположить, изучая «Опыт», возможность использования его автором «Слова о полку Игореве». Надежда поддерживалась и тем, что в ряде случаев Елагин ссылается и на неопубликованные памятники. В их числе «скорописная летопись под именем Мамаева побоища», «рукописный список князя Курбского» и др. Как и другие члены кружка, Елагин высказывает искреннюю озабоченность, беспокоясь о сохранении исторических источников. Кроме того, хорошо известно, что богатая коллекция Мусина-Пушкина не была закрыта для его друзей. Так, из нее использовал ряд рукописей для своих сочинений Болтин.

Не обошел своим вниманием собрание графа и Елагин. В «Опыте» он ссылается, например, на принадлежавшую графу Никоновскую летопись. Значит, надо читать рукописи «Опыта», страницу за страницей в надежде встретить указание и на «Слово о полку Игореве».

Во времена Елагина исследователя рукописей часто называли «археологом». И только спустя десятилетия его стали именовать «археографом» и «источниковедом». В том, что теперешние археографы, источниковеды когда-то ассоциировались с «археологами», есть определенная символика. И в шелесте переворачиваемых страниц, и во взмахе лопаты или кисточки археолога скрывается стремление к познанию прошлого, немислимое без кропотливого, часто механического труда, труда, вознаграждаемого радостью открытия. Эта радость вдвойне, тройне больше, когда она — не результат случайного стечения обстоятельств, а целеустремленного поиска.

Надежда на находку поддерживает поиск, интуиция помогает, а знания его направляют. Увы, в нашем случае все оказалось сложнее. Хорошо всем известно, что «Слово о полку Игореве» рассказывает о неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Значит, если Елагину была известна поэма, он обязательно должен был использовать ее в описании событий 1185 года. Но... вот они, эти страницы «Опыта» с традиционным описанием похода по Татищеву и Никоновской летописи. Никаких следов «Слова о полку Игореве» здесь нет. Разочарование? Отнюдь! На полях напротив этого описания карандашной записью неизвестным читателем Елагину решительно указано: «Поход Игорев, воспетый подражателем Бояну. *Зри сию поэмю!*» Этот маргиналий обнаддеживал, и хотя более поздних списков елагинского описания похода Игоря Святославича 1185 года не существовало, было очевидным пред-

положить, что автор «Опыта» мог использовать поэму в других частях своего сочинения.

Перевернуты последние страницы четвертой, пятой, шестой частей «Опыта». Вот и середина седьмой части, где автор счел нужным дать общую оценку влияния на русское государство ордынского ига. И вдруг словно блеск скифского грифона, глаз ослепила обнадеживающая фраза, за ней другая, третья и, наконец, то, что с трепетом ожидалось встретить в сочинении петербургского «любомудра».

«Здесь прилично почитаю коснутся истиннаго показания внешним писателям, которыя и сами верят и в свет выдают, якобы Россия вовся времена подобно дикому народу во мраке невеждества пребывала. Толь не праведное понятие получили они от прерваннаго татарами сообщения нашего с Европою, ибо много показать можем свидетельств, что за несколько пред нашествием Батыя веков, при самых первых еще Киевских и Новгородских князьях, художествами и самыми науками от просвещения протчих она не отставала. Оставшияся от едкия ветхости в древних градах наших велелепия в зданиях храмов, в них зодчества и живописи греческой и мозаичных украшений остатки, из всякаго сумнения должныствуют их в разрушении художеств вывести, а прекрасныя преложения в первых по възприятии христианства веках церковных книг и всего божественнаго писания на язык словянскій достаточно и знание словесных наук утверждают. Мы можем притом показать сохраненное от древности Похвальное слово (с) Игорю Олговичу, в его время, то есть в начале XII века писанное и не сумненное потому, что сказано в нем: «Почнемъ братіе повѣсть сію отъ стараго Владимѣра доньѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своимъ мужествомъ!» Слово сие преизполнено все-можныя риторскія красоты. При таких свидетельствах и сам Нестор порядочным своим о русском народе повествованием доказывает, что он и не первый, и не худший греческих у нас писатель был...» Слева на полях к примечанию «с» своего текста Елагин поставил: «(с). Смотри примечание №. Древняя рукопись Книгохранительн<ицы> г-на Пушкина».

Отложим на время комментирование этого отрывка. Он находится в беловом, писарском, уже окончательно отредактированном списке седьмой части «Опыта» (мы его в дальнейшем для краткости будем называть списком В). Последующие разыскания показали, что сохранились еще два списка этой части. Чтения отрывка в них дало новую информацию. Один из списков (Б) оказался также писарским, но с правками Елагина, учтенными в списке В. Большая часть разночтений списков Б и В носит стилистический характер. Однако некоторые обращали на себя

внимание. Во-первых, в несколько ином варианте читается примечание «с»: «(+). Смотри примеч(ание) №. Древняя (и далее зачеркнуто: ско<рописная> —?) рукопись книгохранительн<ицы> г-на Пушкина»). Во-вторых, в Б «Олговичу» написано над зачеркнутым: «Святославичу, внуку Олгову». В-третьих, в Б слова «в начале XII века писанное» начертаны над зачеркнутым: «лета от рож<дства> Хр<истова>», далее следует пропуск и зачеркнутое слово «писанное». В-четвертых, в Б между строк Елагин вставил по писарскому тексту целую фразу: «Слово сие преизполнено все-можныя риторския красоты». Наконец, существует отличие в орфографии написания цитаты из «Слова о полку Игореве».

Список Б отчетливо демонстрировал, как шлифовалось место о поэме в «Опыте». Однако процесс такой шлифовки стал более понятным, когда перед глазами оказался еще один список «Опыта» — черновой авторский (А). Самое неожиданное, о чем говорил он, это то, что первоначально в нем текста о «Слове о полку Игореве» вообще *не было*. Он был внесен Елагиным красными чернилами на полях и между строк позднее. Именно эту вставку в списке А учел переписчик рукописи Б. Именно во вставке списка А читалось «Святославичу, внуку Олгову» и «лета от рождства Христова», зачеркнутое в Б, а также аббревиатура «Кн. Хр.», раскрытая в Б и В как «книгохранительница».

После знакомства со списком А можно было окончательно представить судьбу текста о «Слове» в труде Елагина. В черновом авторском списке А текст о поэме отсутствовал. Затем Елагин включил текст о поэме красными чернилами. Переписчик учел эту вставку при подготовке первого писарского списка Б. Текст о «Слове о полку Игореве» по этому списку был вновь поправлен Елагиным, и следующий писарский список, обнаруженный нами первым, учел эту правку.

5. НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Теперь, когда стала ясна история текста о поэме в «Опыте», было важно как можно тщательнее ее прокомментировать. Прежде всего вставал вопрос, когда Елагин внес в свой черновой авторский список вставку красными чернилами о «Слове о полку Игореве». Правка красными чернилами присутствует по всей седьмой части «Опыта», т. е. она производилась явно после завершения работы над ней. Читатель уже мог убедиться в том, что наши разыскания носили несколько парадоксальный характер: место о поэме обнаружено не там, где, казалось бы, оно должно находиться, в руки первоначально попал последний, уже отредактированный текст, а не первоначальный авторский. Каза-

лось естественным, что ответ на вопрос, когда Елагин вставил текст о поэме, могло дать установление хронологии работы автора над «Опытом». И Елагин словно бы сам позаботился об этом, старательно отмечая время начала и окончания каждой части труда.

Эта хронология оказалась своеобразной. Елагин приступил к своему труду как бы с середины. В начале 1788 года он начал описание времени правления Ивана III. Эта первая часть его труда, позже превратившаяся в седьмую, и начало второй части, ставшей затем частью восьмой, были вчерне закончены им в марте 1788 года. Тогда же Елагин приступил к повествованию о времени правления Ивана Грозного, доведя свой рассказ до 1564 года. О дальнейшем красноречиво говорит авторская запись на одной из рукописей. «Читателю,—записал здесь Елагин,—подобает ведать, что Опыт повествования моего начал я два года прежде, нежели пустился в летопись первоначальные народа русского истории, со царствования Иоанна I, самодержца московского (т. е. Ивана III.—В. К.) и уже до внука его Иоанна II, прозванного Грозным (т. е. Ивана Грозного.—В. К.), который совершенно Казанским и Астраханским овладал царствами, написал. Но то начало, по убеждению друзей моих, требовавших от меня полного о России повествования, оставил, и се, к присоединению всего целого, к тому началу приступаю...»

Отложив продолжение описания царствования Ивана Грозного, в начале мая 1790 года Елагин приступил к работе над главами, которые составили в конце концов первую часть «Опыта». 10 октября того же года он начал вторую часть, в феврале 1791 года — третью, завершив ее в конце июня — начале июля и приступив к следующей. 1 января 1792 года была окончена четвертая часть. На следующий день Елагин уже работал над пятой частью. Шестая часть была начата им в октябре того же года и доведена до 1450 года. На писарском, правленном Елагиным списке этой части неизвестный автор записал: «Здесь постигшая болезнь и смерть сочинителя оставили повествование. 12-ю годами не соединился он с первым труда своего началом, т. е. с описанием царствования великого князя Иоанна Васильевича III, проименованного Великим, которое начинается в 1462 году».

Из всего этого важно подчеркнуть одну деталь: вставка о «Слове о полку Игореве» в седьмой части «Опыта» могла быть сделана только после завершения работы над ней к марту 1788 года. Строго говоря, между мартом 1788 года и сентябрем 1793 года (датой смерти Елагина) и можно датировать вставку о «Слове о полку Игореве» в черновой список «Опыта повествования о России». Однако дату вставки можно и уточнить. Во-

первых, списки А и Б написаны на бумаге с одинаковыми филигранями, в то время как список В и последующие части «Опыта» написаны на бумаге с иными водяными знаками. Это говорит о том, что списки А и Б по времени создания близки друг к другу, а значит, вставка красными чернилами в список А была сделана незадолго до начала работы над списком Б. Во-вторых, списки А и Б имеют еще первоначальную нумерации частей «Опыта». Это значит, что они созданы до изменения замысла Елагина начать свое повествование с библейских времен, т. е. до начала мая 1790 года. Если бы список Б, уже включивший текст о «Слове», вставленный красными чернилами в список А, был изготовлен после мая 1790 года, он неизбежно должен был учесть изменение нумерации частей «Опыта». Таким образом, елагинская вставка о «Слове» была внесена в список А между мартом 1788 года — маем 1790 года.

Мы не случайно посвятили столь много места установлению времени елагинской вставки, поскольку ее датировка дает возможность более всеобъемлюще представить научное значение упоминания «Слова о полку Игореве» автором «Опыта».

В чем же заключается это значение?

Во-первых, в истории открытия и первых исследований поэмы теперь можно твердо ввести ранее лишь предполагавшееся (в частности, Г. Н. Моисеевой и А. С. Мыльниковым) лицо — Елагина, современника находки «Слова о полку Игореве», человека, близкого к последнему владельцу и первому издателю памятника — Мусину-Пушкину. Нам остается гадать: по подлинному списку поэмы или копии с него Елагин привел свою цитату, которая несколько отличается в ряде чтений от первого издания и екатерининской копии. Объяснение этих разночтений, несомненно, даст новый материал для текстологии «Слова о полку Игореве».

Во-вторых, для историографии поэмы определенное значение имеет попытка Елагина определить жанр ее как похвального слова с присущими ему «риторскими красотами». Такое определение жанра поэмы было оригинальным, оно резко отличалось от тех, что давались «Слову о полку Игореве» Херасковым и Карамзиным. Несомненно, что здесь автор «Опыта» пытался поставить поэму в один ряд с произведениями отечественной и зарубежной панегиристической литературы.

В-третьих, указание на «Слово о полку Игореве» в «Опыте» является первым по времени из всех известных, очевидно, очень близким к моменту открытия поэмы кружком, что дает повод для празднования еще одного юбилея — 200-летия введения ее в общественный оборот. Оно же — первое определенное свидетельство современника и, может быть, очевидца, о «несумненной»

древности памятника, хранившегося уже к этому времени в собрании Мусина-Пушкина. В своей характеристике поэмы Елагин решительно поставил ее в один ряд с другими памятниками древнерусской культуры, наполнив эту характеристику высоким патриотическим пафосом.

В-четвертых, исправление Елагиным первоначального правильного чтения «Святославича» на ошибочное — «Олговича» мы вправе рассматривать как один из этапов, может быть, самый ранний, изучения и комментирования «Слова о полку Игореве» мусин-пушкинским кружком. И это исправление говорит о том, насколько сложен и труден был процесс познания поэмы ее первыми читателями, что нельзя не принимать во внимание и при изучении дальнейшей судьбы памятника вплоть до его первого издания.

И, наконец, в-пятых, находка елагинского текста о поэме укрепляет наш оптимизм в возможности новых открытий, связанных со «Словом о полку Игореве», открытий, способствующих дальнейшему проникновению в мир гениального произведения и его судьбу.

Г. Н. Моисеева

ЧЕШСКИЙ СЛАВИСТ ЙОЗЕФ ДОБРОВСКИЙ И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В последние годы, благодаря разысканиям, проведенным в чехословацком Национальном музее и Литературном Архиве Праги, а также в Библиотеке Польской Академии наук в Кракове, пополнились наши представления о тех ученых, которые видели рукопись «Слова о полку Игореве» до ее гибели в московском пожаре 1812 года.

В августе 1792 года в Петербург приехал чешский славист Йозеф Добровский. Готовясь к поездке в Швецию и в Россию, он писал одному из своих друзей в мае 1792 года: «В России моей целью является славянская литература»¹.

17 августа 1792 года Йозеф Добровский приступил к научным занятиям в Библиотеке Петербургской Академии наук. Сохранилось сделанное его рукою описание древнерусских рукописей и старопечатных книг. Просматривал рукописные книги он также и в Библиотеке Александро-Невского монастыря.

Но самое важное для нас в настоящее время то, что Йозеф Добровский изучал рукописи, которые находились в ценнейшей частной библиотеке Петербурга — в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. О знакомстве с обер-прокурором Синода Мусиным-Пушкиным и о просмотре его «Собрания» Йозеф Добровский написал в письме своему учителю и другу венскому слависту Фортунату Дуриху². В письмах к Фортунату Дуриху Йозеф Добровский не называет конкретно «Слово о полку Игореве», как, впрочем, не называет и других многочисленных рукописей из «Собрания российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина, заметки о которых сохранились в его пражском архиве³. Единственная рукопись, которая им названа, это «Грамота судебная» — «Правда Русская», изданная в апреле 1792 года А. И. Мусиным-Пушкиным при участии И. Н. Болтина и И. П. Елагина⁴. Йозеф Добровский очень интересовался терминологией «Правды Русской», о чем позднее писал в издаваемых им в Праге журналах «Slavin» и «Slovanka».

О том, что Йозеф Добровский имел возможность не только просмотреть сборник, в составе которого находилось «Слово о полку Игореве», но и снять для себя копию «Слова» латинской транскрипцией, а также сделать некоторые выписки кирилловскими буквами, свидетельствует ряд документальных материалов, впервые привлекаемых в науке.

Не имея возможности в небольшой статье привести все имеющиеся архивные свидетельства по этому вопросу⁵, остановимся на одном.

«Собрание российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина складывалось в Петербурге во время его службы при дворе Екатерины II. Хронограф со «Словом о полку Игореве», Новгородской I летописью и несколькими повестями был получен А. И. Мусиным-Пушкиным из Спасо-Преображенского собора в Ярославле в конце 80-х годов XVIII века⁶. Но самое большое «приращение» этого «Собрания» произошло после того, как он получил назначение на пост обер-прокурора Синода (об этом А. И. Мусин-Пушкин писал в автобиографии) и когда был издан специальный указ Екатерины II от 11 августа 1791 года о сборе в Петербург древних рукописей из церквей и монастырей Российского государства. Уже в конце 1791 — начале 1792 года в Синоде были собраны редчайшие и древнейшие рукописи, которые А. И. Мусин-Пушкин также показал Йозефу Добровскому. Чешский славист писал об этом Фортунату Дуриху и сделал ряд приписок о виденных им в Петербурге рукописях, когда описывал в Москве Патриаршее (Синодальное) собрание.

В 1797 году после смерти Екатерины II (умерла в ноябре 1796 года), А. И. Мусин-Пушкин получил отставку и в 1798 году приехал в Москву в собственный дом на Разгуляе, поместив в нем свое богатейшее «Собрание российских древностей».

В начале сентября 1812 года, во время нашествия Наполеона, в московском пожаре это «Собрание» погибло. У А. И. Мусина-Пушкина остались только те рукописи, которые в это время находились в его Ярославских имениях.

В 1814 году известный библиограф В. Г. Анастасевич писал Евгению Болховитинову по поводу рукописи «Слова о полку Игореве»: «Здесь главнейшее упущено со стороны М<усина>-Пушкина, что он не объяснил, от кого и как ему досталась (рукопись.— Г. М.), каким почерком написана, которого следовало бы хоть образчик выгравировать, как хорошо теперь обыкновенно поступают в Европе»⁷.

В предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве» 1800 года содержится очень краткая и обобщенная характеристика рукописи: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит Издателю сего». Под звездочкой, относя-

щейся к этим последним словам, в примечании сказано: «Г<осподину> Действительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. В его Библиотекѣ хранится рукопись оная въ книгѣ, писанной въ листъ, под № 323»⁸. Из материалов, опубликованных В. П. Козловым, можно видеть, что первоначально «любители российской древности» (А. И. Мусин-Пушкин, И. П. Елагин и И. Н. Болтин) не могли даже установить время, о котором идет речь в «Слове о полку Игореве». В приписке И. П. Елагина в первоначальной редакции «Опыта повествования о России» сказано: «Мы можем притом показать сохраненное от древности Похвальное слово Игорю Святославичу, в его время, то есть в начале XII века писанное»⁹. Долгие колебания были с определением героя «Слова». Исправление «Игоря Святославича» на «Игоря Ольговича» в последующей, переписанной писцом, рукописи И. П. Елагина произошло не под влиянием «Родословника» Екатерины II, как считает В. П. Козлов¹⁰, а под впечатлением «Истории российской» В. Н. Татищева, где содержится красочный рассказ, кстати, также начинающийся небесным знаменем, о Новгород-Северском князе Игоре Ольговиче, сыне Олега Святославича, родном дяде героя «Слова».

Как видим, о датировке рукописи «Слова о полку Игореве» в первом издании 1800 года не содержалось никаких сведений. В 1805 году А. С. Шишков перепечатал первое издание «Слова», снабдив его своими примечаниями и переводом¹¹. Но и здесь не было даже примерно сказано о времени, к которому относилась рукопись, по которой производилось ее первое издание. А ведь в этот период рукопись находилась в Москве и, казалось бы, это легко могло быть осуществимо.

В третьем томе «Истории Государства Российского» (первое издание вышло в 1818 году) Н. М. Карамзин, говоря о древнерусских поэтических произведениях, сообщает следующее: «„Слово о полку Игореве“ сочинено в XII веке, и, без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные»¹².

Мнение Н. М. Карамзина о датировке рукописи «Слова о полку Игореве» впервые стало известно в 1839 году, когда были опубликованы заметки Р. Ф. Тимковского «Любопытные замечания к „Слову о полку Игореве“». Здесь воспроизведена приписка, сделанная рукою К. Ф. Калайдовича: «Н. М. Карамзин полагает, что Песнь Игорева писана не в конце XVI и не в начале XV века, но в исходе сего столетия»¹³.

Иозеф Добровский умер в 1829 году и, естественно, ни из каких печатных источников не мог почерпнуть сведений о датировке рукописи «Слова о полку Игореве».

В этом аспекте приобретает особый интерес переписка Йозефа Добровского с немецким славистом Якобом Гриммом по поводу «Слова о полку Игореве», относящаяся к 1811 году. На письменный вопрос Якоба Гримма: есть ли у славян свои древние повествования, подобные песням Эдды, Йозеф Добровский ответил 24 апреля 1811 года: «Русские также имеют свои народные повествования. Например, в древней рукописи, откуда была напечатана Песнь о походе Игоря, имеется еще Синагрипп, царь Адоров, сказания о Филипате и Максиме и о его храбрости, о свадьбе Девгееве и Стратиговны; все они относятся по крайней мере к XV веку»¹⁴.

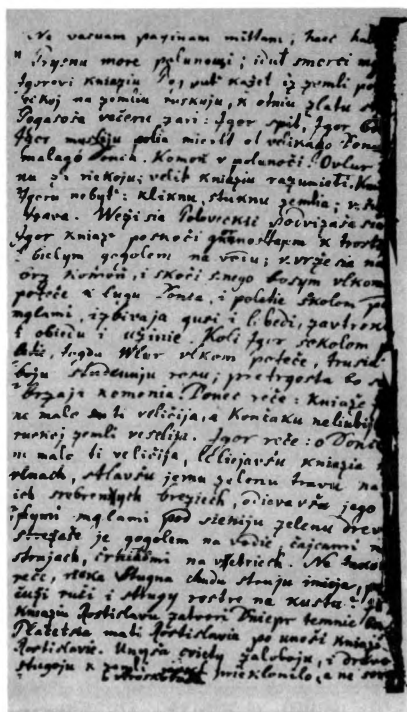
Европейским славистам конца XVIII — начала XIX века было, очевидно, хорошо известно, что Йозеф Добровский располагал сведениями, идущими от его непосредственных впечатлений о рукописи «Слова о полку Игореве» и других произведениях, входящих в состав сборника, «откуда была напечатана Песнь о походе Игоря».

В августе 1812 года к Йозефу Добровскому обратился с письмом известный польский славист профессор Самуэль Бандтке, который писал: «Скажите, нельзя ли мне иметь в оригинале Песнь о походе Игоря против половцев?»¹⁵ 26 ноября 1812 года Йозеф Добровский ответил С. Бандтке: «Оригинал Песни о походе Игоря Вы можете получить только из России... Не удовлетворила ли бы Вас моя копия латинскими буквами?»¹⁶

К тому времени «Слово о полку Игореве» было уже издано дважды: в 1800 году в Москве и в 1805 году в Петербурге. Очевидно, в письме польского слависта речь шла не о печатном издании, а о подлинной рукописи. С. Бандтке так прямо и пишет: «...kann man nicht der Schlachtgesang Igers gegen die Polowzer in Original haben?» (курсив мой.— Г. М.). На вопрос С. Бандтке Й. Добровский логично отвечает: «Igor Schlachtgesang im Original können Sie wohl nur aus Russland erhalten...» (курсив мой.— Г. М.). Можно полагать, что в ноябре 1812 года Й. Добровский еще не знал о том, что в начале сентября этого года все «Собрание российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина, хранившееся в его московском доме на Разгуляе, полностью сгорело.

В письме от 1 февраля 1816 года профессор С. Бандтке высказал Й. Добровскому пожелание «получить его копию Песни о походе Игоря, если она не слишком длинная». 1 мая 1816 года Й. Добровский написал С. Бандтке большое письмо, в котором он касался вопросов, связанных с изучением польской Библии, изданной в 1498 году и своей работы над старославянской грамматикой. Заканчивая письмо, Й. Добровский на обороте последнего листа поместил отрывок из своей копии «Слова о

Копия письма Йозефа Добровского
профессору Самуэлю Бандтке

полку Игореве» — описание бегства Игоря из Половецкого плена, начиная со слов: «Prysnu more polunoři; idut smorci mglami...»

Издатель переписки И. Добровского и С. Бандтке профессор В. А. Францев не поместил в своей публикации этот отрывок из «Слова о полку Игореве», считая его, по-видимому, не имеющим отношения к существу переписки¹⁷.

Для того, чтоб иметь возможность изучить этот отрывок «Слова о полку Игореве», переписанный рукою И. Добровского, состоялась в 1980 году моя поездка в Польшу и занятия в Библиотеке Польской Академии наук в Кракове, где хранится архив профессора Самуэля Бандтке. 27 февраля 1981 года Польская Академия наук прислала мне фотокопию этого письма И. Добровского с любезным разрешением впервые опубликовать его, за что я приношу Польской Академии наук в Кракове сердечную благодарность.

В библиотеке И. Добровского было издание «Слова о полку Игореве», напечатанное Российской Академией в 1805 году. Его

прислал в Прагу чешскому слависту в 1809 году президент Российской Академии А. С. Шишков. В письме к венскому слависту В. Копитару Й. Добровский писал по этому поводу: «Игорева песнь, которую я получил из России, восхитила бы Вас. Некоторые места русские совершенно не поняли»¹⁸ («Die Russen haben einige Stellen gar nicht verstanden»).

На чем же мог основываться Й. Добровский, утверждая, что «русские» (он, безусловно, имел в виду первых издателей «Слова о полку Игореве» 1800 года) «совершенно не поняли» некоторые места текста древнерусского памятника?

Экземпляр издания «Слова о полку Игореве» 1805 года, принадлежавший Й. Добровскому, в настоящее время хранится в Библиотеке Национального музея Праги (шифр: 76. Д.44). Публикация «Слова» имеет многочисленные пометы и поправки в тексте, сделанные оранжево-красным карандашом рукой Й. Добровского. Очевидно, чешский славист несколько иначе, чем первые издатели «Слова», прочитал отдельные слова и фразы этого поэтического памятника, которым он так искренне восхищался.

Сравнение отрывка из текста «Слова о полку Игореве», переписанного Й. Добровским в письме к С. Бандтке, с печатным изданием 1805 года, которое полностью повторило первое издание «Слова» 1800 года, показывает, что выписка чешского слависта не является копией с печатного издания.

При текстологическом сопоставлении этой выписки Й. Добровского с копией «Слова о полку Игореве», подготовленной для Екатерины II в начале 1792 года А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Волтиным и И. П. Елагиным (так называемой Екатерининской копией), и с первым изданием 1800 года, возникают совпадения то с одним, то с другим текстом.

Приведем некоторые примеры, обозначив печатное издание «Слова» 1800 года — П; Екатерининскую копию — Е; копию Добровского — Д.

П	Е	Д
одѣвавшу его теплыми мѣглами отъ великаго Дону до малаго Донца Игорь князь поскочи горнастаемъ претръгоста бо своя бръзая комоня	одѣвавшу его теплыми мѣглами отъ великаго Дону до малаго Донца Игорь князь поскочи горностаемъ претръгоста бо своя борзая комоня	odievavša jeho teplymi mglami ot velikago Donu do malago Donca Igor kniaz poskoči gornostajem pretrgosta bo svoia brzaja komonia

Екатерининская копия, представляющая собой ранний этап работы издателей над рукописью «Слова о полку Игореве», была найдена в 1862 году П. П. Пекарским между бумагами Екатерины II и опубликована им в 1864 году. Й. Добровский, естественно, не мог пользоваться этой копией.

Остается единственное объяснение этих совпадений в выписке Й. Добровского то с первым изданием 1800 года, то с Екатерининской копией 1792 года; великий чешский славист переписал для своей работы латинскими буквами текст «Слова о полку Игореве» с древней рукописи, хранившейся в 1792 году, когда он приезжал в Россию, в Петербурге, в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина.

Йозеф Добровский первым определил датировку рукописи «Слова» — полуустав конца XV века, а в своей выдающейся книге «Исследование древних диалектов славянских языков», изданной в Вене в 1822 году, цитаты из «Слова о полку Игореве» передал кириллическим полууставным письмом; в первом издании «Слова» 1800 года, как известно, для передачи текста древнерусского памятника использован курсивный гражданский шрифт.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Kubka František. Dobrovský a Rusko. Praha, 1926. S. 58.
- 2 Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl. 1. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Fortunata Duricha z let 1778—1800. V Praze, 1895. S. 266.
- 3 См.: Моисеева Г. Н. О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия 1983 г. Л., 1984.
- 4 Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Спб., 1792.
- 5 Все эти материалы исследованы в подготовленной к печати кн.: Моисеева Г. Н. и Крбец М. М. Памятники русской культуры XI—XVIII веков и чешский славист Йозеф Добровский. Книга издается Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- 6 См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л., 1984. С. 67—87.
- 7 ГПБ, ф. 588, № 232, л. 1. Опубл.: Слово о полку Игореве, Статьи и материалы. М.; Л., 1950. С. 296—297.
- 8 Ироническая пѣснь о похѣдѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. М., 1800. С. VII.
- 9 Козлов В. П. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопр. истории. 1984. № 8. С. 28.
- 10 Там же. С. 29.
- 11 Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академіею. Спб., 1805. Ч. 1. С. 23—234.
- 12 Карамзин Н. М. История Государства Российскаго. 4-е изд. Спб., 1833. Т. 3. С. 215.

- ¹³ Сын отечества. 1839. Т. 8. Отд. VI. С. 17.
¹⁴ Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie Briefe von Dobrowsky an Jacob Grimm.—In: Archiv für slavische Philologie. 1876. Т. 1. S. 624—625.
¹⁵ Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl. II. Vzájemne dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandkého z let 1810—1827. V Praze, 1906. S. 55.
¹⁶ Там же. С. 57.
¹⁷ Там же. С. 103. См. прим. проф. В. А. Францева.
¹⁸ См.: Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке//Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. имп. Акад. наук. Спб., 1885. Т. 39. С. 74.

Борис Викторов

ГУЛ ЗЕМЛИ

В слове луг слышится гул
«Повести временных лет»
и хлебниковских стихов,

а нива—вина
и честь сечи.

А пока далеко до похода
и пахота—
запотевшее черное зеркало
(зеркало, а не плаха,
как хотелось сперва написать),
и ручей—
еле заметная трещинка на стекле,
отражающем Вечный путь хлебороба,
поэта и воина!..

ПСКОВСКИЙ ПИСЕЦ ДОМИД И АПОСТОЛ 1307 ГОДА

Древнерусские книги весьма красноречиво характеризуют своих создателей. Даже если писец не оставил своего имени и «звания» и не сделал ни одной записи, приписки, все равно созданная им книга дает возможность говорить о его трудолюбии, вкусах и наклонностях.

В древнерусских книгах нередко приписки, выполненные писцами. В таких случаях о их создателе можно говорить гораздо больше и определеннее.

Знания о писцах как о непосредственных свидетелях своей эпохи очень важны. Однако получить подобные сведения не всегда бывает легко и просто. Необходимо тщательно исследовать книгу и только после этого можно говорить о личности писца. Если писец связан с выдающимся событием отечественной истории и культуры, такое исследование вполне оправдано и целесообразно.

Одним из таких писцов был псковитянин Домид, который в 1307 году написал Апостол и сделал к нему приписку, часть которой созвучна одной из строф «Слова о полку Игореве».

Как известно, А. А. Зимин считал, что приписка Апостола 1307 года с незначительными изменениями была включена А. И. Мусиным-Пушкиным в текст «Слова о полку Игореве»¹. Против его концепции убедительно писала В. Адрианова-Перетц, которая показала всю несостоятельность построения А. А. Зимина². Обращаясь к этому вопросу, Г. Н. Моисеева доказала, что А. И. Мусин-Пушкин не видел Псковский Апостол, не работал с ним и, следовательно, об использовании приписки в «Слове» не может быть и речи³.

Вопрос о приписке Псковского Апостола 1307 года имеет и другую сторону. Та часть этой приписки, которая очень близка к одной из строф «Слова», является блистательной поэтической фразой и сочинить ее мог лишь высокоодаренный, самостоятельно мыслящий поэт. Это бесспорно. Но в таком случае правомерно

поставить вопрос, нет ли в Апостоле 1307 года еще каких-либо признаков древнерусской поэзии, или эта приписка, единственная в своем роде жемчужина во всей книге, случайно попала на последний лист кодекса. Для ответа на вопрос необходимо обратиться к подлинной рукописи Апостола 1307 года и тщательно ее исследовать.

Апостол 1307 года имеет счастливую судьбу. В отличие от многих древнерусских книг, погибших в огне пожаров или от небрежения, эта рукопись почти невредимой сохранилась до наших дней. Созданная для псковского Пантелеймонова монастыря, она хранилась потом в Дмитриевском монастыре того же города. В 1679 году рукопись была привезена в Москву и передана в библиотеку Печатного двора. Через сто с лишним лет, в 1788 году, книгу передали в Синодальную библиотеку⁴. Библиотека в 1920 году поступила в Государственный Исторический музей. В ее составе в Исторический музей поступил и Апостол 1307 года, где он и хранится в настоящее время под шифром Син. 722. Таким образом, судьба книги в общих чертах ясна: 372 года рукопись хранилась в псковских монастырях и более 300 лет — в Москве.

Несмотря на то, что Апостол 1307 года упоминается во многих работах, посвященных «Слову о полку Игореве», эта рукопись все же остается малоизвестной. Ни одной специальной работы об Апостоле как о средневековой книге до сих еще не было. Правда, есть два кратких археографических описания этой рукописи⁵, но они мало что дают как для характеристики самого Апостола, так и для характеристики его писца Домида. Без специального исследования Апостола 1307 года останется непонятной личность Домида, создателя этой книги и автора ставшей знаменитой приписки, часть которой содержит фразу, почти дословно совпадающую с одной из строф «Слова о полку Игореве».

По своему содержанию рукопись 1307 года является служебным Апостолом, т. е. она состоит из апостольских чтений, употреблявшихся во время церковных служб⁶. Подобных книг сохранилось немало. Книга представляет собой небольшую рукопись (22×16,5 см), выполненную уставным письмом на пергамене в два узких столбца. Пергамен толстый и грубый, многие листы имеют различные дефекты: неровные края, дыры и порезы. Разлиновка в целом весьма неумелая. В ряде случаев вертикальные линии обозначены так, что ширина столбцов текста оказывается неодинаковой в их верхних и нижних частях. Горизонтальные линии более аккуратны. Они в основном строго параллельны и проходят либо через весь лист, либо только в пределах столбцов, иногда чередуясь между собой. (Одна линия через весь

лист, затем—две на столбец.) Линии разлиновки неодинаковой четкости. В одних случаях они глубокие и даже разрезают пергамен, в других они едва заметны. Это означает, что линовал пергамен очень неопытный мастер.

Первые и последние листы книги залиты олифой, следы которой имеются и на многих других листах. Рукопись была промазана олифой, чтобы уничтожить кожеедов, вероятно, в XIX или начале XX века. Нижние углы первых листов обкрошены в результате длительного употребления рукописи.

Всего в книге 180 листов, пронумерованных по верхним правым углам одновременно карандашом и чернилами арабскими цифрами, вероятно, в XIX веке. Листы рукописи объединены в тетради, большинство которых имеет буквенную (кириллицей) нумерацию. При этом тетради 2—19 пронумерованы по верхним углам листов, а тетради 20—22—по нижним. На тетрадях 1, 16 и 17 нумерации не сохранилось. Первая, а также все пронумерованные тетради состоят из 8 листов каждая, нумерованные тетради 16 и 17 включают 24 листа. Последняя, 22-я тетрадь состоит из 4 листов.

Текст книги написан темными чернилами с коричневым оттенком. На большей части рукописи цвет чернил не имеет четких границ; он «подвижен»; на одних и тех же листах можно встретить и интенсивно темный и коричневый оттенки. Имеются листы, текст которых написан более или менее ровно чернилами одного оттенка. Начальные строки чтений написаны киноварью. При этом киноварь, как и чернила текста, положена неровно, в одних случаях очень густо, в других—очень тонким слоем. Следует отметить, что такая манера письма характерна лишь для основной (большей) части рукописи.

В Апостоле различные по величине и характеру инициалы: мелкие (в одну строку), малые (1,5—2 строки), средние (3—4 строки) и крупные (до 10 строк текста). Инициалы выполнены либо одной киноварью, либо киноварью и чернилами, либо одними чернилами. Некоторые крупные инициалы подцвечены желтой и зеленой красками. Первые две группы инициалов написаны просто, они представляют собой обыкновенные, только немного увеличенные буквы кириллического алфавита. Третья же группа претендует на стиль; эти инициалы украшены элементами простейшего узора. Что касается инициалов четвертой группы, то все они стильные: тератологические⁷, витые, плетеные, узорные или антропоморфные⁸. По мнению Т. В. Ильиной, рисунок тератологических инициалов Апостола «вялый»⁹, что, в общем, соответствует действительности. Однако он не просто «вялый», он неумелый. Рисовал эти инициалы сам писец, который скорее всего впервые украшал книгу. Сказанное отно-

*Внешний вид Апостола
1307 г.*

сится не только к тератологическим инициалам. Такие же, но очень умелые по исполнению, и все другие инициалы этой группы. Вместе с тем следует отметить, что писец видел рукописи, украшенные различными по стилю инициалами, и в значительной степени подражал им в своем Апостоле.

Крупные инициалы прослеживаются не по всей рукописи, а лишь на листах 1—135 об. В заключительной части книги только мелкие, малые и средние инициалы. При этом средние инициалы имеются уже в конце текста, написанного писцом основной части книги; рисовал их другой человек.

В рукописи две коротких (в один столбец) и узких (1—1,5 см), выполненных киноварью заставки. Первая из них (л. 1 об.) представляет собой киноварную полоску, на которой две белые ленточки образуют простое витие. Вторая заставка (л. 115 об.) мало чем отличается от первой: на киноварной полоске три белых ленточки образуют простую плетенку. Обе заставки, несомненно, нарисованы тем же человеком, что рисовал крупные инициалы и писал основную часть текста рукописи. Заставки не отличаются мастерством исполнения и свидетельствуют о неопытности рисовальщика.

Переплет Апостола — толстые (1,5 см) доски, обтянутые грубой кожей без тиснения. Крышки переплета не выступают за обрез книги. Кожа на корешке закрывает каптал¹⁰, что встречается очень редко. На крышках сохранились следы от жуковин и срединков¹¹. Жуковины располагались не только по углам, как это обычно бывает на переплетах древнерусских книг, но и по всем четырем сторонам краев досок (на нижней крышке только по вертикальному). На торце верхней крышки следы двух спиной (стержней для застежек), на нижней — два сквозных отверстия для крепления застежек, которые не сохранились. На обороте верхней крышки наклеена полоска бумаги длиной 7 см и

шириной 1,3 см, на которой скорописью XVII века написано: «Кнѣга Дмитриевского мѣстря с поля». Это — владельческая запись, свидетельствующая о принадлежности книги одному из псковских пригородных монастырей. Переплет крепится к блоку с помощью сырмятных ремней, которые видны на оборотных сторонах крышек. Не исключено, что переплет подлинный, первоначальный, однако кожа, которой покрыты доски, возможно, более поздняя. Сшита книга очень туго, что затрудняет ее чтение.

Авторы описания пергаменных рукописей Исторического музея полагали, что Апостол написан уставом «разных рук»¹². Это верно, но слишком неопределенно. Письмо основной части текста книги весьма не простое для палеографа, оно «неустойчивое», т. е. и по внешнему виду, и по написанию отдельных букв может характеризоваться широким диапазоном свойств. На одних листах это письмо производит впечатление тщательного, выписанного, буквы здесь правильны и даже красивы. На других — оно небрежное, торопливое, буквы не очень четки и правильны. Иногда чередование этих особенностей наблюдается даже на отдельных листах. Это может означать, что писец работал с более или менее длительными перерывами и, кроме того, писавший еще не имел устойчивого почерка.

Таким письмом написана не вся рукопись, а лишь ее основная часть: л. 1—160 об. и л. 179 об. (8 строк второго столбца) — 180, включая приписку, часть которой созвучна одной из строф «Слова о полку Игореве».

Несмотря на то, что письмо этой части рукописи в целом характеризуется как неустойчивое, в нем наблюдаются достаточные определенные признаки. Так, верхняя часть у буквы К расположена почти горизонтально и не соединяется с мачтой. Буква М написана таким образом, что ее петля как бы повисает на четко обозначенных «перекладинках», идущих от мачт. У омеги равные петли и, кроме того, над ней проставлены две точки. Знак Ъ имеет сильно наклоненную вправо мачту. Отдельные буквы имеют своеобразные украшения: на мачтах Р, У, Ф, Х, Ц, Щ и некоторых других имеются поперечные черточки. При этом такое украшение букв прослеживается не везде. Многие буквы имеют по несколько вариантов написания. К особенностям этого письма придется еще вернуться.

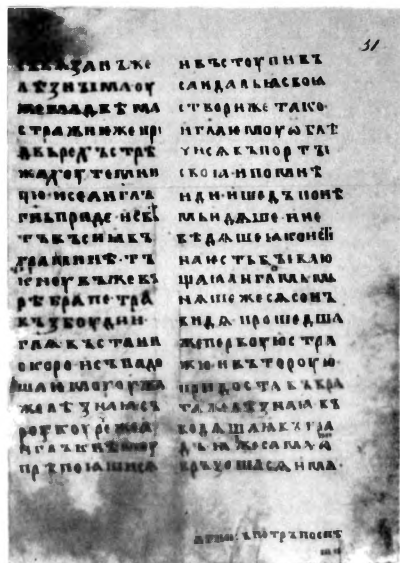
Письмо на листах 161—179 об. (без последних 8 строк второго столбца) легко отличается от письма основной части книги. Оно вполне устойчиво и ординарно. Буква К имеет более правильное написание. Буква М написана так, что ее петля непосредственно присоединяется к мачтам. Правая сторона омеги длиннее левой и нависает над всей буквой. Знак Ъ имеет

прямую мачту. Никаких украшений буквы Р, У, Ф, Х, Ц, Щ и остальные не имеют. Вариативность букв значительно меньшая.

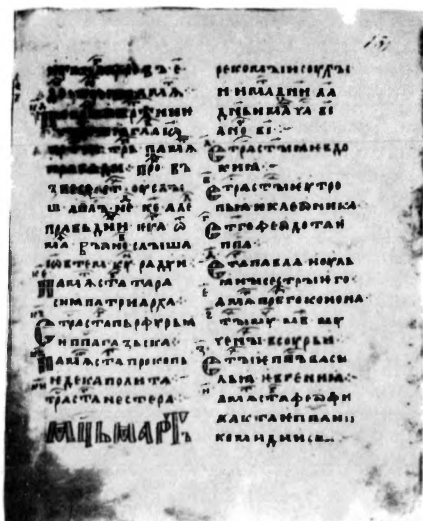
На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что Апостол 1307 года написан двумя писцами. Этот вывод подтверждается и тем, что тетради листов 1—160, как уже отмечалось, пронумерованы по верхним углам, все остальные — по нижним. Так как письмо основной части Апостола и приписки выполнены одним писцом, а в приписке сообщается, что писал эту книгу Домид, то все отмеченные выше особенности письма на л. 1—160 об. и 179 об. (окончание второго столбца)—180 характеризуют именно Домида. Характеризуют его и крупные инициалы, которые также выполнены этим писцом.

На листах книги, где текст написан Домидом, встречаются различные по содержанию записи. Особенности письма почти всех этих записей не оставляют сомнения в том, что выполнил их тот же Домид. Приведем эти записи (в «облегченной» транскрипции), так как они имеют важное значение для характеристики их автора. Лист 5 об.: «вѣчь оуже», л. 31: «агиос петръ поспеши», л. 37 об.: «ѣбаль есмь павымъ перомъ», л. 42: «о сѣя бѣе поспеши», л. 79 об.: «заут.», л. 89 об.: «тъмно», л. 97: «(се)и кожи съ 30 лет», л. 112 об.: «проповедания», л. 133 об.: «грозна моука грешным»¹³, л. 135 об.: «о сѣи мхѣе по». Кроме приведенных, в книге имеется еще несколько записей, которые сильно залиты каким-то зеленым раствором и не читаются (л. 49, 50 об., 109 об.)¹⁴. Все приведенные записи расположены на нижних полях листов и связаны, как отмечали еще А. В. Горский и К. И. Невоструев, с переписываемым текстом Апостола¹⁵, т. е. являются откликом Домида на соответствующий текст книги, которую он переписывал.

Письмо и записи особенно хорошо характеризуют Домида. Это был молодой человек с еще не сложившимся (не устоявшимся) почерком, который, однако, успел повидать различные книги, в том числе и с украшенным письмом. Это украшенное письмо ему запомнилось, но пользуется он им непоследовательно. Домид не только видал различные книги, но и любил их. Он не формально переписывал текст, а реагировал на содержание даже такой книги, как служебный Апостол. При этом его реакция на содержание книги была простой и непосредственной, что характерно для молодого человека. Апостол Петр убегает из темницы, и Домид пишет на поле листа: «Агиос (святой) Петр поспеши», переписывает текст заутренней службы и на поле помечает: «заут» и т. д. Ничего подобного нельзя сказать о втором писце. Его письмо устоявшееся, содержание книги не вызывает у него особых эмоций; на листах, текст которых написан вторым писцом, ни одной записи нет.

Псковский Апостол 1307 г.
Лист 31. Текст и запись Домида

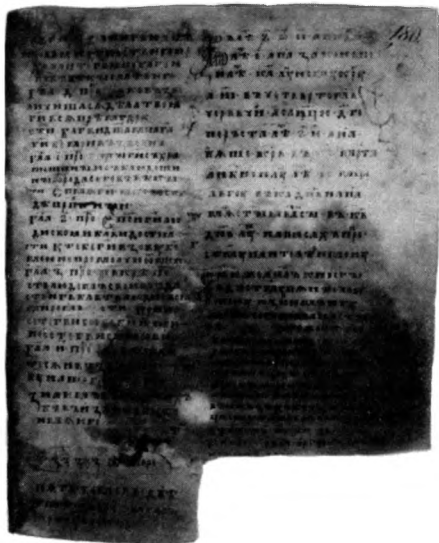

Лист 161. Начало текста второго писца

Особый интерес представляет все написанное Домидом на л. 180. Первый столбец этого листа является продолжением текста службы, начало которой написано на л. 179 об. В нижней части этого столбца, после окончания текста службы, помещена запись тайнописью: «Е. 3.3 В333 В море». Все это обведено тонкой чертой, а ниже повторяется словами: «пять земель, две тме, море, мудры разумееть». Второй столбец л. 180 занят знаменитой припиской, которая не является единой по своему содержанию, а как бы состоит из четырех относительно самостоятельных частей.

В первой части приписки содержится дата написания книги — 6815 (1307. — *И. Л.*) и весьма несовершенные календарные исчисления. Здесь же говорится о том, что книга написана «стму пантелеймону», т. е. Пантелеймонову монастырю. Эта часть приписки занимает 12 строк. Вторая часть сообщает о том, что Апостол передал Пантелеймонову монастырю его игумен «Изо-симъ». Это означает, что писец писал книгу по заказу Зосимы-игумена. Эта часть приписки занимает 5 строк.

Третья часть приписки, состоящая из 9 строк, навеяна тревожным для писца событием, на которое он откликнулся

Лист 180. Окончание текста и запись Дамида с цитатой из «Слова о полку Игореве»

очень своеобразно: «Сего же лет<а> быс<ь> // бои на руськой земли. ми // хайль съ юрьемъ о кня//женье новгородское. при // сихъ князехъ сеюшется // и ростяше оусобицамъ. // гыняше жизнь наши // въ князехъ которы и ве // ци скоротипася члвкомъ».

И, наконец, четвертая часть приписки содержит имя писца, написанное тайнописью: «а ꙗꙑсал ѡѡ. ѡѡ. ѡѡ. ѡѡ. ѡѡ // рекше двдъ. органъ мысль // истина» (последнее слово частично обрезано снизу, а следующее за ним обрезано так, что сохранились лишь верхние части букв, восстанowitz которые нет никакой возможности, так как здесь на высоту 3,5 см и в ширину 9 см пергамен вырезан).

Рассмотренная приписка нуждается в некоторых комментариях. Прежде всего необходимо отметить, что она написана чернилами темного оттенка и более мелкими, чем в основном тексте, буквами. При этом сохранены все особенности написания букв К, М, омега и Ъ, которые так характерны для основной части текста Апостола. Встречаются здесь и украшения некоторых букв. Вместе с тем в целом приписка производит впечатление письма более аккуратного, чем в тексте книги. Это объясня-

ется особым отношением писца к последним строкам своего Апостола. И еще один момент: как уже отмечалось выше, над текстом книги писец работал с перерывами. Думается, что приписка на л. 180 была сделана Домидом спустя некоторое время после окончания основной работы. На эту мысль наводит не только более ровный цвет чернил, но и дата, которая стоит в начале приписки. Известно, что «бой» между московским князем Юрием и тверским князем Михайлом произошел не в 1307 году, а в 1308-м¹⁶. И если основная часть текста Апостола была написана в соответствии с датой приписки, то сама приписка, вероятно, была написана несколько позже, сразу же после княжеской «каторы» 1308 года.

Несколько слов о тайнописи, которая имеется в приписке Апостола. Первая тайнопись (в нижней части первого столбца л. 180) прочтению не поддается. Неопытный писец применил здесь прием, в котором нарушена закономерность известных правил тайнописи. Зато вторая тайнопись (в конце приписки) очень проста. Писец взял числовое значение букв кириллического алфавита и путем его сложения получил начальные буквы своего имени. ($B=2$, $2+2=4$, $4=D$; $H=50$, $K=20$, $50+20=70$, $70=0$ и т. д.) Домид не ограничился тайнописью, основанной на числовом значении алфавита. Он повторил свое имя еще одной простейшей тайнописью, основанной на прочтении первых букв произвольно взятых слов: первые буквы слов Давид, орган, мысль и истина составляют имя Доми(д). Отметим, что тайнопись была весьма широко распространена в древнерусской письменности¹⁷, и в этом плане Домид следовал традиции.

Приписка, со всей ее кажущейся «тайнственностью», особенно наглядно характеризует ее автора-юношу. Домид собрал в своей приписке самые разнообразные книжные сюжеты. Здесь и дата создания рукописи, которая сопровождается календарными выкладками, лишь претендующими на «ученость», и сообщение о заказчике, и повторяющееся в двух видах тайнописи имя писца. Взрослый, опытный писец был бы лаконичнее и точнее при необходимости сказать все то, что сказал Домид. На фоне всей этой весьма несовершенной «книжности», которую собрал Домид, ярко горят слова в конце третьей части приписки: «при сих князехъ сеюшется и роставше оусобицамъ...», которые тоже были книжными — они из «Слова о полку Игореве».

Итак, пергамен, письмо, инициалы, записи и приписка Апостола 1307 года, характеризую Домида, показывают, что он был человеком молодым, неопытным, но знакомым с книгами, которые имелись в псковских монастырях. Как и большинство молодых, он живо реагировал на события, о которых читал в книгах и которые совершались в реальной жизни. Но его реакция

и эмоции выражались теми же книжными словами, которые он только что прочитал. Как показывают все приведенные выше факты, Домид был обычным книжником русского средневековья, причем книжником начинающим. Его Апостол 1307 года, очевидно, первая книга, которую он писал. В этой книге нет ничего незаурядного, кроме третьей части приписки, которая появилась здесь только потому, что Домид знал «Слово о полку Игореве». Но при всем сказанном псковитянин Домид, этот юноша, живший почти семьсот лет тому назад, вызывает глубокую симпатию и уважение как личность и как человек, который сохранил для потомства драгоценность подлинной фразы из «Слова о полку Игореве».

Приписка Апостола 1307 года с незначительно измененной цитатой из «Слова о полку Игореве» не единственное свидетельство того, что «Слово» было известно в России задолго до его открытия и опубликования. Его знал автор «Задонщины», его отзвуки отмечены и в некоторых других сочинениях¹⁸. Однако эта приписка, рассмотренная на фоне анализа основных особенностей Апостола 1307 года, делает ее одним из важнейших свидетельств того, что в начале XIV века «Слово о полку Игореве» привлекало внимание читателей своими идеями и поэтической красотой.

Псковский писец Домид и его Апостол 1307 года будут всегда привлекать внимание всех, кому дороги и интересны история и культура России. Некоторые наблюдения данной статьи со временем могут быть уточнены и дополнены. Однако вывод о том, что в Апостоле нет ничего равного тем строкам приписки, которые созвучны одной из строф «Слова о полку Игореве» и которая появилась в рукописи в результате знакомства Домиды с этим произведением, представляется нам достаточно убедительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Зямин А. А. Приписка к Псковскому апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве» // Рус. лит., 1966. № 2. С. 60—74.
- 2 Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века // Там же. 1965. № 2. С. 149—153.
- 3 Моисеева Г. Н. Новые материалы по истории Апостола 1307 г. с цитатой из «Слова о полку Игореве» // Там же. 1983. № 4. С. 128—132.
- 4 См.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорные пергаменные рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих хранилищ // Тр. XV археол. съезда 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 142, 143, 180.
- 5 См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. М., 1855. С. 292—294; Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольщенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // Археогр. ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 165—167

- 6 См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Указ. соч. С. 292.
- 7 Тератологический — звериный, чудовищный.
- 8 Антропоморфный — человекообразный.
- 9 Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978. С. 144.
- 10 Каптал — нитяная оплетка верхней и нижней кромок торца у блока рукописной книги.
- 11 Жуковина — металлическая принадлежность переплета средневековой книги, служащая для предохранения покрытия переплета от механических повреждений. Средник — металлическая принадлежность переплета средневековой книги, служащая для украшения.
- 12 Щепкина М. В. и др. Указ. соч. С. 165.
- 13 Эта запись, вероятно, не принадлежит Домиду.
- 14 В середине XIX в. запись на л. 109 об. читалась так: «не было в техъ книгахъ сего треп. нъ». См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Указ. соч. С. 294.
- 15 Горский А. В., Невоструев К. И. Указ. соч. С. 293—294.
- 16 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 2. С. 217.
- 17 Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славян. филологии. Л., 1929. Вып. 4/3.
- 18 Дмитриев Л. А. Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 50—54.

Э. Я. Гребнева

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И СЛАВЯНЕ

«Если бы у русских не было ничего, кроме летописей от Нестора до 1630 г., то и тогда они имели бы уже многое (речь идет о памятниках письменности.— Э. Г.). К этому еще прибавляется Игорь, творение, которому ничто не может быть противопоставлено»¹.

Так восхищенно оценивал основоположник научной славистики, чешский ученый Йозеф Добровский «Слово о полку Игоре».

Подлинное ознакомление славян со «Словом» следует вести именно от Добровского, по инициативе и при помощи которого оно было впервые переведено на чешский язык в 1810 году основоположником современного чешского литературного языка Йозефом Юнгманом.

В Европе стало известно о древнерусской поэме, найденной графом А. И. Мусиным-Пушкиным, уже с 1797 года, когда Н. М. Карамзин известил читателей о находке в заметке, помещенной в зарубежном журнале «Северный зритель». Однако само произведение в то время не было еще опубликовано.

Первым по времени опубликования на иностранном языке был немецкий перевод Иоганна Рихтера², который Добровский знал и охарактеризовал как неточный, но именно этот неточный перевод послужил источником для польского литератора Киприана Гудебского, который в 1804—1806 годах в своем журнале «Приятные и полезные развлечения» опубликовал поэтические переложения отрывков из «Слова»; они были сделаны по правилам классицизма, тяжелым тринадцатисложным стихом, не имеющим ничего общего с гениальной краткостью выражения в памятнике. Такие переводы не давали представления о «Слове». Поэтому все-таки первым переводом на славянский язык считается перевод Й. Юнгмана.

Однако судьба перевода Юнгмана сложилась трагически: подготовленный к печати, снабженный даже указаниями для

наборщиков, он так и остался в портфеле редактора журнала «Гласатель», ибо журнал внезапно был закрыт. По счастливой случайности перевод сохранился, но был опубликован 120 лет спустя, в 1932 году³.

Перевод Юнгмана не утратил своей ценности и по сей день, поскольку в нем сохранились следы участия Добровского в этой работе. Это было научное издание «Слова», снабженное не только историческим, но и филологическим комментарием, содержащим наблюдения над древнерусской лексикой, определяющим грамматические формы, объясняющим конкретные реалии русской жизни. Такой комментарий мог сделать человек, хорошо знавший русский язык и русскую действительность. В начале XIX века в Чехии никто лучше Добровского не мог этого знать, ибо он очень хорошо знал древнерусские тексты, русский язык, да и сам побывал в России в 1792—1793 годах.

Понимание памятника отразилось в подробном плане на полях текста. Логичный и связный план должен был помочь читателям разобраться в содержании произведения, которое местами не очень ясно: о «темных местах» «Слова» до сих пор ведется дискуссия.

Вместе с тем для чешского переводчика некоторые слова, составлявшие загадку для первых толкователей и издателей, совсем не были загадкой. Слова эти, употребленные автором XII века, отсутствуют в современном русском языке, но в чешском языке сохранились до нашего времени. Вследствие этого чешскому переводчику понятны были некоторые места, не разгаданные русскими издателями.

Родство славянских языков в доказательствах не нуждается, но близость лексики «Слова о полку Игореве» к чешской лексике говорит о том, что мы имеем дело действительно с древним памятником, отразившим состояние русского языка в ту эпоху, когда различия между всеми славянскими наречиями еще не были так велики, как теперь. Поэтому по переводу Юнгмана можно судить о значениях некоторых слов и оборотов «Слова», которые были не очень ясными. Одно из таких слов «хоть». Названное в памятнике четыре раза, оно вызвало огромное количество толкований и предположений. Однако в чешском языке сохранилось его древнее значение, отмеченное в историческом словаре чешского языка⁴: супруга. И не всякая супруга, а супруга князя, тогда как другие супруги—это «жены русския».

В кругу Добровского часто бывал в 1809 году еще один студент, который получил удостоверение об окончании курса русского языка,—Вацлав Ганка*.

* См.: Мильников А. С. Документ славянского семинара Добровского // Славянское источниковедение, 1965. С. 176—179.

Молодой человек был покорен и очарован глубокой поэтичностью творения неизвестного древнерусского автора. Он гордился тем, что у славян были свои Гомеры и Оссианы, как писал в своем предисловии Юнгман. Под влиянием поэтики «Слова» Ганка в 1817—1818 годах, используя многие источники (среди них и только что вышедшую «Историю Государства Российского» Карамзина), создал «древние чешские рукописи» — Краледворскую и Зеленогорскую. Мастерски выполненные подделки должны были свидетельствовать, что и у чехов были поэты, подобные автору «Слова». Поддельность рукописей была доказана только к концу XIX века, но они оказали большое влияние на формирующуюся новую чешскую литературу; а поскольку сами они были созданы под влиянием «Слова» и во многом его напоминали, то «Слово» в опосредованной форме влияло на чешскую литературу. Ганка обратился к «Слову о полку Игореве» и непосредственно: он напечатал в 1821 году его перевод на чешский язык⁵. Это было первое полное издание на славянском языке, которое увидело свет, хотя его качество было ниже перевода Юнгмана. Главным его недостатком явилось неумеренное использование русской лексики без учета тех значений, которые получили общеславянские слова в чешском языке. Однако как первый опубликованный перевод на славянском языке он сыграл положительную роль. Эту работу учел польский переводчик Август Белёвский, труд которого вышел в 1833 году⁶.

Переводом Ганки пользовался А. С. Пушкин, готовивший критическое издание «Слова о полку Игореве».

В XIX веке «Слово о полку Игореве» было переведено почти на все славянские языки (за исключением македонского, верхне- и нижнелужицкого) и, таким образом, в самой непосредственной форме оказало влияние на формирование новых славянских языков и литератур — процесс, который сопутствовал политическому и культурному возрождению славянских народов, оказавшихся исторически в угнетенном положении. Идея «Слова» — единение ради защиты родины — была близка славянам, стремившимся освободиться от иноземного порабощения, а художественный уровень памятника способствовал осознанию роли славянских народов в прошлом: произведение такого уровня, как «Слово о полку Игореве», говорило о высокой культуре славянства в целом. Примечательно, что относительно подлинности «Слова о полку Игореве» у славянских переводчиков не было сомнений, более того — они горячо оспаривали построения скептиков, приводя в поддержку подлинности «Слова» многочисленные доказательства.

Много в этом отношении сделали польские переводчики А. Белёвский и А. Красиньский⁷. Белёвский, например, высказал

верные мысли относительно языка «Слова». Он считал, что это язык народного певца, тот язык, на котором говорили и пели в XII веке, а поскольку он несколько отличался от языка церковных книг и летописей, то и возникли сомнения, на каком же языке написано «Слово». А. Красинский показал, что в «Слове» сохранилась лексика глубокой древности. Многие слов в русском языке уже нет, но они сохранились в польском, и Красинский приводит целый список таких слов. Наличие такой лексики говорит о том, что памятник сохранил следы древности, когда славянские наречия были очень близки между собой.

Польские переводчики хорошо ощущали художественную природу памятника и первыми из славян сделали его поэтическое переложения. Перевод А. Белёвского, особенно удачный, переиздавался в XX веке.

Переводы «Слова о полку Игореве» на польский язык оказали влияние на формирование польского романтизма: поэты-романтики использовали образ Бояна, создавая собственные произведения в духе древней эпической поэмы.

У каждого славянского народа складывались свои традиции переводов «Слова о полку Игореве». У чехов это была, в первую очередь, филологическая традиция. Известны переводы на чешский язык крупных филологов XIX века: кроме названных Й. Юнгмана и В. Ганки,—М. Гатталы⁸, создателя грамматики словацкого языка, и К. Я. Эрбена⁹, историка и этнографа, крупнейшего собирателя славянского фольклора. Поэтому переводы XIX века на чешский язык—это научные издания, снабженные большим справочным аппаратом. Особенно это относится к двум последним переводчикам. Их работы—филологические исследования, где предложены свои толкования и даются им обоснования, подкрепленные фактами всей славянской филологии. На этой основе даны доказательные объяснения трудных мест памятника. Например, слово «въсрожать», не понятое Ганкой, М. Гаттала подробно объясняет через сравнение с польским словом *zrozyć* и показывает его общеславянский корень *сrag, который в современном русском языке содержится в слове «строгий». Непонятность слова возникла в результате появления вставного T между начальными C и P—явление фонетики, закономерное для славянских языков.

Польские переводчики положили начало поэтическим переводам в духе современной лироэпической поэмы. Эту традицию, начатую А. Белёвским, продолжил А. Красинский, а в XX веке—известный польский поэт и переводчик Юлиан Тувим¹⁰.

Южные славяне в ходе формирования национальных литератур тоже не обошли вниманием «Слово о полку Игореве». Для южных славян особенно актуальной была идея «Слова»—призыв

к единению перед лицом общего врага, поработившего родину. Южные славяне восприняли художественную форму «Слова о полку Игореве» с его песенными повторами, ритмикой, яркими поэтическими образами как близкую к эпическим народным песням, сохранившимся на Балканах. Поэтому переводы «Слова» на сербскохорватский и болгарский языки выполнены в форме юнацких народных песен с использованием традиционных поэтических приемов.

Первым перевел на сербскохорватский язык отрывки из «Слова» крупнейший поэт Черногории П. П. Негош. Несмотря на то, что его переводы — вольные переложения, они, в силу поэтического таланта автора, производят сильное впечатление.

В 1842 году вышел первый полный поэтический перевод на сербскохорватский язык, сделанный поэтом и переводчиком Иованом Хаджичем¹¹. Хаджич, стремясь поднять уровень родной литературы, перевел многие произведения классиков европейских литератур. Среди них заняло свое место и «Слово о полку Игореве». Ввел в контекст мировой литературы «Слово о полку Игореве» и другой сербскохорватский писатель — О. Утешинович-Острожинский¹², сделавший дословный перевод «Слова». Утешинович-Острожинский принадлежал к тем переводчикам, которые стремились к дословной передаче древнерусского текста на основе близкого родства славянских языков. Только так, считал он, возможно сохранить и передать величие древнего памятника.

Сербскохорватский поэт Данило Медич, живший несколько лет в России, в 1870 году в Петербурге издал свой поэтический перевод «Слова»¹³. Памятник был издан с благотворительной целью. На титульном листе надпись: «Чистый доход от издания предназначается сиротам и вдовам героев, павших в борьбе за сербскую свободу в боях против турок в 1862 г. в Черногории и Герцоговине». Южнославянским патриотом для благотворительной цели было избрано именно «Слово о полку Игореве» — книга о древних героях, боровшихся против врагов своей родины.

Болгарский студент Московского университета Райко Жинзифов в 1863 году в Москве опубликовал сборник оригинальных стихотворений и переводов, где на первом месте — перевод на болгарский язык «Слова о полку Игореве»¹⁴. И для болгарина в преддверии решающих боев за освобождение родины «Слово» было орудием борьбы, оно звало к единению национальных сил.

Не остались в долгу перед «Словом» и словенцы. Еще известный славист Ф. Миклошич с упоением читал своим ученикам на древнерусском языке «Слово о полку Игореве»; у его учеников сложилось крепкое убеждение, что это одно из самых прекрасных произведений мировой литературы. Лексикограф М. Плетершник подошел к «Слову» не как поэт, а как филолог и

создал прозаический перевод «Слова»¹⁵, которым словенцы пользовались вплоть до 1954 года, когда другой словенский филолог, Райко Нахтигаль, издал «Слово» в своем переводе с богатым филологическим комментарием и словарем памятника, где указано место каждого слова по первому изданию 1800 года, а также определены грамматические формы всех слов¹⁶.

Подобного издания до Райко Нахтигала не было.

Славяне, как видим, по-разному выполняли переводы «Слова», но одинаково заинтересованно к нему относились, гордясь великим памятником, созданным в глубокой древности на одном из славянских языков, который оказался понятен всем славянам в XIX веке. По «Слову о полку Игореве» славяне судили об истинной славянской общности. Но XIX веком не окончилась жизнь памятника на славянских языках. Такова судьба вечных книг: каждая эпоха воспринимает их вновь с точки зрения современного языка, литературной жизни, идейных задач.

На чешском языке в XX веке появилось несколько переводов. То же можно сказать и о переводах на другие славянские языки. В году тяжких испытаний, когда фашизм угрожал самому существованию славянских народов, славяне вновь и вновь обращаются к «Слову». Уже в первый год второй мировой войны, в эмиграции, в Хельсинки, издает новый перевод «Слова» серб Иван Шайкович (сначала в 1930 году опубликован в Югославии). И покинувший родину Юлиан Тувим в годы войны работал над новым переводом «Слова о полку Игореве». В годы оккупации и безысходности чех Франтишек Кубка черпал силы и веру в будущее, работая над новым переводом «Слова». Этот перевод, посвященный Красной Армии-освободительнице, вышел в прекрасном оформлении в Праге в 1946 году. В представлении переводчика и художника, оформившего книгу (Карела Своллинского), древние герои слились с героями реальными, современными в один символический образ мужества и силы. Это издание было повторено еще дважды (1947, 1950). А после него появился перевод Ганы Скаловой (1955) и Ганы Врбовой (1977).

На болгарском языке вышел прекрасный перевод классика болгарской литературы Людмила Стоянова (1955), но и он не стал последним.

Впервые прозвучало «Слово» на македонском языке в переводе Тодора Дмитровского (1957) и на словацком в переводе Яна Коморовского (1947, 1960).

Одним из лучших на сербскохорватском языке стал перевод М. Панича-Сурепы (1957). Из этого краткого перечня видно, что интерес у славян к «Слову о полку Игореве» возрастает.

Мы до сих пор перечисляли переводы, свидетельствующие о том, как славяне работали над «Словом», как они его понимали и

переводили. Но не все, кто интересовался «Словом», оставили свои переводы. Этих деятелей славянских культур надо вспомнить, ибо и их вклад помог усвоению памятника славянскими литературами. В первую очередь мы вспоминаем Адама Мицкевича, пропагандировавшего «Слово» в своих лекциях по славянским литературам в Париже в 1841 году. В двух лекциях, посвященных «Слову», Мицкевич исследовал истоки произведения, установил его чисто славянский характер, проанализировал мифологические образы и суммировал свои суждения о памятнике следующим образом: «Все образы тут почерпнуты из природы; характеры рисованы с натуры, и пока не изменится природа славянства, поэма об Игоре всегда будет народной и, больше того, сохранит печать актуальности»¹⁷. Лекции Мицкевич иллюстрировал чтением отрывков из памятника в своем переводе на французский язык (лекции читались для французской аудитории).

Из южных славян интересовался «Словом», и, по свидетельству современников, очень хорошо знал его Людовит Гай, просветитель, много сделавший для развития сербскохорватской литературы и культуры (первая треть XIX века). Его соотечественник и современник Данило Медич был глубоко убежден, что Людовит Гай переводил «Слово», но, как выяснилось, это оказалось легендой.

Есть доказательства (неопубликованная рукопись в Пражском музее письменности и литературы), что очень серьезно занимался изучением «Слова о полку Игореве» Ф. Л. Челаковский, начавший свою поэтическую деятельность переводом русских песен и былин («Отзвук русских песен», 1829), а в последние годы жизни занимавшийся сопоставительным изучением славянских языков. Сохранившийся фрагмент работы Челаковского над «Словом» как раз говорит о том, что он начал изучение памятника с сопоставительного анализа его лексики, опираясь на чешский, польский и другие славянские языки.

Сопоставительное изучение переводов «Слова о полку Игореве» на славянские языки, которых, как мы видели, создано уже немало, дает исследователю ключ для разрешения некоторых загадок, содержащихся в памятнике и до наших дней. Методологической основой для такого изучения является несомненная близость славянских языков, которая возрастает по мере углубления в древность. При ближайшем рассмотрении оказывается, что из богатства лексики общеславянского прошлого многие исчезнувшие к нашему времени в русском языке слова и значения сохранились в разных славянских языках. Особый интерес представляет изучение ранних славянских переводов, не испытавших еще влияния большого количества толкований, которые

накопились в науке к нашему времени. Сопоставительное изучение славянских переводов «Слова о полку Игореве» только начинается, но можно надеяться, что оно принесет немало интересных и важных выводов и решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. Труд И. В. Ягича. Спб., 1885. С. 647.
- 2 Russische Miszellen Riga; Leipzig, 1803, N 3.
- 3 Slovo o pluku Igorevě. Ruský text v transkripci, česky překlad a výklady Josefa Jungmanna z R. 1810. Vydal a úvodem opatřil V. A. Francev v Praze, 1932, 45 str.
- 4 Gebauer Jan. Slovník staročeský, d. 1. Academia, Praha, 1970. S. 545—546.
- 5 Igor Svatoslavič, hrdinský zpiev o ťaženj proti Polovcům. Věrně a v původním jazyku s pripojením Českého a Německého přeložení od Wáclawa Hanky, v Praze, 1821, 80 str.
- 6 Wyprawa Igora na Polowców. Poemat sławiański wydany przez Augustina Bielowskiego. Lwów, 1833, 46 str.
- 7 Pieśń o półku Igora Starosławiański poemat z 12 wieku. Przekład ks. Adama Stanisława Krasinśkiego. Petersburg, 1856, 56 str.
- 8 Slovo o polku Igorevě (pověst o vypravě Igora, syna Svatoslavova, vnuka Olgova), vydal Martin Hattala v Praze, 1858, 56 str.
- 9 Dvě zpěvů staroruských. O vypravě Igora an Zadoňstina. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady vydal Kareé Jaromír Erben v Praze, 1870, 79 str.
- 10 Slovo o wyprawie Igora, Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami opatrzył A. Brückner. Krakow, 1928; Slovo o wyprawie Igora. Przełożył Julian Tuwim, wstępem i objaśnieniami opatrzył Marian Jakóbiec, wyd. 2. Wrocław, 1950, 110 str.
- 11 Пъсна (Слово) о полку Игоревом (XII века) с подлиннога Русскога на србски език преведена од Милоша Светића (Йован Хађућ).—Голубица съ цветом књижевства срскогъ, Београду, 1842. Т. 4. С. 148—178.
- 12 Слово о пуку Игорову, Игоря сына Светославова, унука Ольгова, извео Огњеслав Утјешиновић-Острожински. Првоо издание в 1852 г. выпло в ж. «Невен», второо издание в 1871 г. в альманахе «Вила Острожинска». <Вена>. С. 216—231.
- 13 Слово о полку Игоревом или Пјесма о Игоревој чети. Превео и објаснио Данило Медић. Пг., 1870.
- 14 Жинзифов Райко (Ксенофонт). Слово за полкът Игорев, Игоря сына Святъславля, внука Олгова. Преведо от староруски език Р. Жинзифов // Новобългарска сбирка. М., 1863. С. 7—58.
- 15 Slovo o polku Igoreve iz staroruskega poslovenil M. Pleteršnik. Celovec, 1866.
- 16 Staroruski ep Slovo o polku Igoreve Slovensko izdajo priredil Rajko Nachtigal, Ljubljana, 1954.
- 17 Mickiewicz Adam. Dzeła, t. 8. Warszawa, 1952, s. 177.

"Слово
о полку Игореве"
и древнерусская
эпическая поэма

~

Это прекрасный благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания, памяти и уважения.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
И ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО XII—XIII ВЕКОВ

Вчитываясь в «Слово о полку Игореве», этот блестящий памятник, мы замечаем в нем сходство с русской живописью и скульптурой XII—XIII веков. Мы улавливаем это сходство даже в мельчайших деталях повествования.

Но сходство не может превратиться в тождественность потому, что в «Слове» речь идет о ратном деле, а русские иконы посвящены были Христу, Богородице и святым. Объясняются эти различия тем, что «Слово» принадлежит светскому искусству, а русские иконы посвящались личностям, которые служили образцом христианской добродетели.

Особенность «Слова о полку Игореве» заключается в том, что автор вводит в эпическое повествование переживания. Соединение эпоса с лирикой не означает нарушения канона. Такое совмещение содействует большему подъему чувств. Некоторые исследователи видят в «Слове» проявление и ораторского искусства, но это маловероятно—оно не содержит риторики. Мы видим картину шумной жизни княжеских пиров и походов, а надо всем царит природа—то ласковая, то печальная.

В «Слове» ошутимо присутствует личность автора. Как он изумляется: «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?» Он восклицает от всего сердца: «О руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» Он сердечно относится к тем князьям, которые исполняют свой долг. Но он осуждает князя Олега Святославича, называя его Гориславичем. Его отношение к князю Игорю Святославичу отличается теплотой. Он готов простить ему самонадеянность, приведшую к горестному концу, искренне радуясь его успехам.

Не буду перечислять всех тем русской жизни, которые затрагиваются в «Слове». Но остановлюсь на способе передачи автором своих суждений. В устах автора все выглядит так, будто события происходят у него на глазах. Он рассказывает о деяниях князей: Изяслав «позвони своими острыми мечи», Всеслав «сочи

от нихъ лютымъ звѣремъ в плъночи», «в нихъ трепещуть синии мльнии», «чръпахуть ми синее вино», «злато стола киевского» и «кравые зори».

Поэт видит перед собой широкие просторы родной страны. «О далече заиде соколь», «высоко птиць възбиваетъ». Он вспоминает то, что случилось в давние времена Трояна. Старательно отсчитывает время: «Игорь спитъ, Игорь бдитъ». Он зорко видит все, что касается природы, птиц и животных. Здесь таится корень его любимых образов. Без этого трудно представить себе авторское отношение к теме.

Начинается повествование — автор вспоминает «вѣщаго Бояна», сравнивает его с «сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы». Он имел силу «на живая струны вѣщи прсты въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху». Боян, «соловию стараго времени», заслуживает от него похвалы. В следующем отрывке, восхваляя курян, он заключает словами «сами скачють, акы сѣрыи вльци в поле».

Когда князь Игорь выступает, «нощь стонуци ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ вѣста». Далее речь идет о тягости войны, и автор пишет: «Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось». Тут же о Святославе, что «наступи на землю Половецкую, притопта хълмы и яруги». Вспоминает о Всеволоде и говорит: «Можеши Волгу веслы раскропити». Бегство Игоря: «Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече». Затем Игорь обращается к Дону и говорит: «Стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ». Говоря о Романе, замечает, что «высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтрехъ ширяеся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти».

Мы наблюдаем как бы заурядные дела, но все они облечены в образы, заимствованные из мира природы, из царства «волка» и «сокола». Автора интересует перемена обстановки: все протекает перед его мысленным оком. Все ему представляется наглядным, кажется, что можно руками коснуться. Он щедро разбрасывает образы, его захватывает поток воспоминаний. Это поистине чистая поэзия. Не знаешь, куда забредет поэт, что привлечет его внимание. Какая смелость поэтического языка! Какой чудесный русский язык!

Пушкинское определение «Слова», которое «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей словесности», не совсем верно, и в то же время мы не можем начисто его отвергнуть¹. Лирическое начало делает эту поэму почти единственным памятником нашей древней литературы такого рода. Мы знаем много памятников: погодные летописи, народные сказания, жития святых, проповеди, вроде «Слова о погибели земли Русской» и позднейшие имитации, вроде «Сказания о

Мамаевом побоище». Но в них мы имеем дело с памятниками *словесности*, а не художественной литературы. «Слово о полку Игореве» предстает как цельное и сильное поэтическое произведение. И сомневаться в том, что оно выделяется из всех древнерусских памятников,— значит отрицать его *поэтическое очарование*.

«Слово о полку Игореве» есть *светское* искусство, дошедшее до нашего времени. Живопись, скульптура и архитектура были под властью церкви². Светское и церковное—это две области культуры, которые порой противостояли друг другу. Духовный мир религиозной культуры имел дело с Христом, Богородицею и святыми. Светский отличался от мира религиозного, в нем жили простые люди.

Но существовали и точки соприкосновения обоих миров. Духовный облик святых соприкасался с простым человеческим обликом. В «Слове» представлены люди, которые живут мыслью о чести и славе. Но в их сознании находим и представления, которые заложены верой.

Если мы обратимся к русской живописи, то найдем некоторые аналогии к «Слову». В иконе Дмитрия Солунского начала XIII века (ГТГ) святой восседает на троне, в руках у него наполовину обнаженный меч. Нет основания видеть здесь изображение князя Всеволода (Дмитрия) Большое Гнездо. Но иконописец рисует его сильной личностью, уверенным в себе, неуклонно готовым к борьбе. Тип святого, держащего в руке оружие, близок византийской иконе Прокопия на складне в монастыре Екатерины на Синае. Лицо святого с увеличенными глазами соответствует нашему Дмитрию. Но в выражении лица нет такого напряженного взгляда, как в русской иконе. Видимо, характерная поза и выражение лица в византийской живописи никогда не достигали такой жесткости, как в русской иконе. Поза Дмитрия воплощает сдержанную простоту святого.

Икона «Явление архангела Михаила Иисусу Навину» XIII века (Музей московского Кремля) дает образ архангела, у ног которого видим маленькую фигуру Иисуса Навина. Эта композиция также имеет прообразы в иконе и миниатюре Византии. Только на ней фигура архангела очень велика: она заполняет чуть ли не всю поверхность иконы. Архангел изящно одет, его крылья и поднятая рука с мечом символизируют божественную силу. Маленький Иисус Навин так унижен, что фигура его едва заметна на иконе. Такого контраста между большой фигурой архангела и незаметным воином мы нигде не увидим. Вспомним, что о Всеволоде сказано в «Слове»: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы вльяти». В иконе достигнуто такое же величественное изображение.

Ярославская Орната XII—XIII веков (ГТГ)—стройная фигура стоит, подняв руки, в широком плаще и в таком же широком мафории. В «Слове» нет такого явления Богоматери, как в иконе. Тем не менее вся фигура ее напоминает нам Ярославну, горько плачущую о своем муже Игоре.

В Музее г. Владимира сохранилось изображение Богоматери Боголюбской, которая повернулась с молитвой ко Христу и потому обращена профилем к зрителю. Лик очень сильно пострадал, но в фигуре и особенно в самом повороте есть что-то связывающее ее с образом молящей фигуры Ярославны.

Известны цветковые эпитеты в «Слове о полку Игореве», выделяющие его из ряда других произведений. Некоторые эпитеты напоминают народную поэзию: «Серый волк», «красные девы», «черные вороны», «синее море».

Но автор «Слова» идет дальше в своем пристрастии к красочным эпитетам. Световые и цветковые обозначения проходят через всю поэму: «Длго ночь мръкнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла». Другой пример: «Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие». Речь идет о храбром князе Игоре и захваченных им богатствах. «Злато стремя», «изрони жемчужну душу», «течет серебряными струями», «чрълеными щита», «реки, мутно текутъ». Все эти эпитеты создают поэме яркую красочность.

В древнерусской живописи мы находим такое же богатство тонов и оттенков. В мозаичной картине «Дмитрий Солунский», украшавшей стены Михайловского собора в Киеве (после в ГТГ), изображение производит на зрителя величественное впечатление. Доминирует золотая ткань одежды воина. Золото одежды соответствует золотому фону, но оно отграничено от фона розовыми линиями. Зеленый плащ оттеняется стальным цветом кольчуги. Только меч и край щита отмечены черной краской. Вся одежда в тончайших переливах. Кажется, что тон и плаща, и кольчуги сверкает и светится. Такие тона мы находим в древнерусском искусстве XII века. Если русский мастер и следовал прообразу в византийском искусстве, то он внес в мозаику нежность.

В русской иконе XIV века «Борис и Глеб» (ГРМ) все полно света. Сразу становится ясно, что перед нами мученики. Мы видим алый цвет исподней одежды Бориса и алый плащ Глеба. Такого же алого цвета головной убор братьев и их сапожки. Алый плащ Глеба сочетается с багряной исподней одеждой.

Теперь необходимо остановиться на связи «Слова» с русской каменной резьбой XII и XIII веков. В этом случае общие точки соприкосновения между «Словом» и русской скульптурой выглядят еще ощутимей.

Серрабона. Восточные Пиренеи. Капитель

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (XIII век) дошел до нашего времени сильно искаженным. Его воссоздал М. Р. Ермолин в конце XV века из груды камней, выбрав только часть, чтобы воскресить нечто целое. Но для наших целей достаточно даже немногого. Цветы, рамочки и множество львов образуют декоративный покров собора. Пасть льва, из которого высовывается длинный язык, а также лапы с выступающими когтями создают впечатление мощи. Это не просто декоративное изображение. Быть может, оно должно было напоминать о львах у трона византийских государей.

Звери, с которыми сравниваются герои «Слова», напоминают рельефы Георгиевского собора. «Гзакъ бежить серымъ влькомъ» или же «Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду», или же Ярославны голос слышен: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви». Для каждого персонажа автор находит метафорическое сходство в природе. Все, о чем он рассказывает в «Слове», живописует так, что, кажется, можно руками потрогать. Люди и природа увидены им как бы впервые, чистым, почти детским взглядом.

Венеция. Рельеф собора Сан-Марко

Чертой, сближающей мир природы с живым человеком, является ритмика — как в поэтической речи, так и в резьбе Георгиевского собора. На этом формальном сходстве стоит остановиться полнее. Ритм целого сквозит как бы сам собой в повествовании и рельефах. Такая ритмическая композиция воплощает закон превращения человека в «волка», либо в «гоголя». Ритм дает возможность соединить воедино различные планы: льва и розетку с орнаментальными разводами. В ритме — единство всей плоскости стен.

Фигура льва не отличается от других изображений Георгиевского собора — он выделяется тем, что наделен пышным хвостом,

Салоники. Лев

составляющим часть орнамента. Хвост двойной, язык также разделен на три части. Если бы этих черт не было, то все изображение не составляло бы круга, который, видимо, привлекал внимание художника. Все эти части соответствуют части тела зверя, в которых также находим закругленные линии. Необходимо обратить внимание на округлость цветка, вписанного в круг меньшего размера, чтобы убедиться, что здесь дано подобие льва.

Приходится признать, что «Слово о полку Игореве» больше всего находит параллелей в скульптуре Георгиевского собора. Это, конечно, не означает полного тождества стиля. «Слово» принадлежит светскому искусству, а рельефы собора — церковному. Поэтические образы в «Слове» возникали в значительной степени под влиянием живого воздействия природы. Это указывает на близость автора «Слова» к мастерам каменной резьбы.

В. А. Фаворский. Заставка. 1937

В «Слове» мы находим сквозную линию в лирических мотивах. В каменной резьбе мы усматриваем такую же линию, которая объединяет различные сюжеты в нечто целое. В «Слове» мы находим сходство с зооморфическими мотивами. В каменных зверах те же черты определяют их место в системе мира.

Оба произведения относятся к домонгольскому периоду. Эта пора в развитии русского искусства была столь плодотворна, что мы склонны рассматривать ее, как последний луч поздней античности, позднего эллинизма и как великий канун дальнейшего развития.

Чтобы содержание этого периода в развитии русского искусства стало более ощутимым, приведу некоторые аналогии из искусства романской эпохи. Все древнерусское искусство принято сопоставлять с искусством XI—XII веков Западной Европы.

Для сравнения со львами в Юрьеве-Польском мы приводим романский рельеф Серрабоне XII века в Восточных Пиренеях. Здесь композиция со львами расположена на плоскости в виде капители. Один лев изображен с человеческой головой. Львы в деталях переданы поразительно точно. Линейного ритма рельефов Юрьева-Польского нет, зато ясно выступает пластичность каждого изображения, благодаря отточенности каждой детали.

Георгиевский собор в
Юрьеве-Польском. Лев

Можно рассмотреть львов византийской работы из Салоник, а также львов пластичного рельефа Сан-Марко в Венеции. Все они отличаются от львов в Юрьеве-Польском, не имеют с ними ничего общего. И содержат исключительно мотивы декоративного значения. Лев в Салониках рядом с деревом служил декорацией, лев более тонкой работы из Сан-Марко образует самостоятельный декоративный мотив.

Современные художники выбирают свой путь в иллюстрациях к «Слову о полку Игореве». Такой выбор стоял и перед В. А. Фаворским. Он выполнял иллюстрации трижды: один раз в 1937 году, затем — в 1948 и 1950 годах. Когда послал гравюры к «Слову» Константину Федину, тот ответил: «Самое главное в том, что вы замечательно прочитали «Слово», как немногие историки, и редкий поэт и переводчик прочитали его до сих пор. Благодаря чуткому вживанию в текст «Слова» вам удалось создать поразитель-

тельный синтез поэтической легенды и исторического документа».

В гравюрах к «Слову» 1950 года Фаворский отступил от найденной раньше пропорциональности.

Но мне представляется, что в раннем издании самый дух «Слова» был особенно ясно воспринят. Так выделяется гравюра Ярославны, которая на городской стене печально протягивает руки. Птицы и волки даны художником в сильном уменьшении. Этот подход дает возможность глубже ощутить дух «Слова». Особенно хороши птицы, занимающие узкие полосы. В силуэтности фигурок верно угадан стиль «Слова».

В заключение отмечу, что эта тема не может быть решена беглым рассмотрением памятников русского искусства XI—XII веков, которое развивалось во всем многообразии. Из множества памятников как живописи, так и архитектуры мы выделили лишь те, которые действительно родственны «Слову о полку Игореве».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 291.

² См.: Грабар А. Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. 1962. Т. 18. С. 262.

Г. К. Вагнер

О СТИЛЕ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЭПОХИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Ни один из великих стилей не определял полностью культурное лицо эпохи и страны.

Д. С. Лихачев

Последнее двадцатилетие XII века русской истории оставило настолько яркий след в общерусском сознании, что в известной мере повлияло и на сегодняшнее историческое мышление, именуемое этот период эпохой «Слова о полку Игоре».

Понятие «эпоха» обязывает ко многому. В области искусствознания с ним связано определение «стиля эпохи», которое, если употреблять его недостаточно продуманно, может привести к искажению реальной исторической картины.

Что же такое стиль эпохи «Слова о полку Игоре»? С теоретической точки зрения, это должен быть стиль, выражающий нечто общее в том противоречивом раскладе творческих сил, который был глубоко осознан и гениально воспроизведен «песнетворцем Святослава». Но насколько возможно это общее, если одни герои «Слова о полку Игоре» были способны, по словам автора, защитить и спасти Русь, а другие снискали довольно суровую его характеристику?

Виновник злосчастного похода на половцев князь Игорь Святославич рисуется хотя и храбрцом, но искателем личной славы. Про братьев Ростиславичей — Давида и Рюрика сказано, что «розно ся им хоботы пашут». Еще больше было нестроения между ними и «великим грозным» Святославом Киевским, с которым автор «Слова» сопоставлял Ярослава Осмомысла и Всеволода III Большое Гнездо. За разным отношением к судьбам Руси находились не просто разные характеры, а разные исторические сознания. Не верить политической проницательности автора «Слова» мы не можем, она была очень велика. Но как же в таком случае в этом брожении исторических сознаний и воле могло складываться в архитектуре конца XII века нечто единое и яркое, что получило определение как стиль эпохи «Слова о полку Игоре» и даже как общерусский национальный стиль?

Совершенно очевидно, что здесь нужен дифференцированный подход как к самому архитектурному материалу, так и к

*Киев. Церковь Спаса на Берестове.
Реконструкция Н. Г. Логвин*

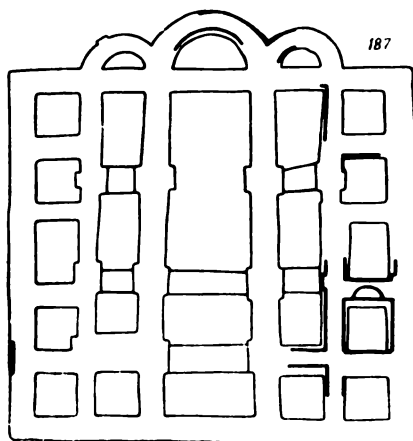
понятию «стиль эпохи», более точное толкование которого, несомненно, должно помочь раскрытию нашей темы.

Первая часть намеченной задачи была осуществлена мной сначала в докладе на Лазаревских чтениях 1983 года в МГУ, а затем в статье «Памятники архитектуры эпохи «Слова о полку Игореве» и их заказчики»¹. Необходимо напомнить ход анализа в этих работах, чтобы перейти к вытекающему отсюда вопросу о стиле.

Большую конкретность интересующей нас теме придает тот замечательный факт, что все князья—герои «Слова о полку Игореве» были строителями (заказчиками) крупных произведений монументального зодчества, которые мы хорошо знаем по письменным источникам, по сохранившимся зданиям, а частично— по археологическим раскопкам. Лишь строительная деятельность Игоря Святославича и его сына Владимира реконструируется предположительно. В отношении других князей наши знания точны.

Прежде чем перейти к архитектурной деятельности героев «Слова о полку Игореве» необходимо коснуться построек их «предшественников», последним в «Слове» уделено немалое внимание. Владимир Мономах построил Спасский храм в Берестове (1113—1125), Всеслав Брючиславич был наиболее вероятным строителем Софийского собора в Полоцке (1160-е гг.), Олег Святославич (в «Слове» он назван «Гориславичем») завершил строительство храма-мавзолея Бориса и Глеба в Вышгороде (1115). Все это были очень большие, заведомо монументализированные сооружения: Софийский собор—пятинефный о семи

Галич. Успенский собор. План

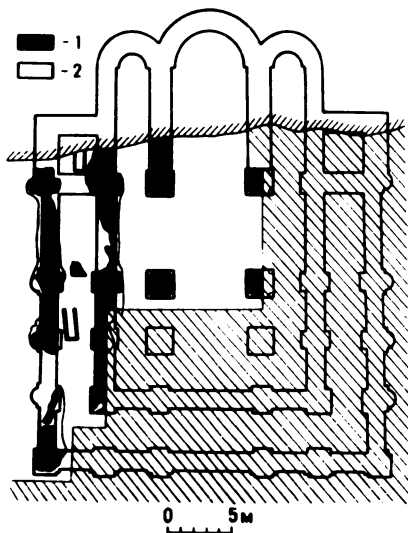

главах; Спасский храм—трехнефный с тремя притворами и пятиглавый²; Борисоглебский храм-мавзолей еще никем графически не реконструировался, но при своей длине и ширине (42×24 м)³ он был скорее всего пятиглавым⁴. В переводе на язык архитектурных жанров Древней Руси перед нами самый крупный государственно-соборный жанр (София Полоцкая) и его реминисценции.

Несомненно создатели монументальных сооружений Древней Руси (заказчики и их зодчие) отлично разбирались в семантике архитектурной образности, в ее соответствии историческим (культурным и политическим) функциям построек, в которые вкладывались далеко идущие идеи. В этом смысле достойно внимания, что Владимир Мономах, например, в своем «отнем» берестовском монастыре строит большой собор с притворами, а на реке Лъте (на месте убийства князя Бориса) «малый» храмик-капеллу. Это диктовалось функцией: «малая» Борисоглебская церковка мыслилась как нечто индивидуальное. Владимир Мономах, видимо, придавал этой постройке особое, личное значение, так как «летская божница», как ее называют, отличалась особой красотой. Храмы личного значения, вероятно, были и у Всеслава Полоцкого и у Олега Святославича, как это вообще завелось в архитектурной практике Древней Руси рассматриваемого времени. Храмы соборного жанра рассчитывались на большой, широкий, в ряде случаев, несомненно, на общерусский резонанс, что видно уже из одного того, что в сооружении их сказывалась ориентация на великие традиции Ярослава Мудрого.

Как же традиции эти были восприняты князьями—

Чернигов. Церковь Благовещения. План
(по Б. А. Рыбакову)

действующими лицами «Слова о полку Игореве»? Раньше всех, как известно, заявил о себе Ярослав Осмомысл. Примерно около 1157 года им был построен Успенский собор в Галиче, правда, не колоссальный, но достаточно большой, а, главное, с круговыми галереями, что делает его близким к пятинефному. Е. В. Воробьева и А. А. Тиц реконструируют его «почти» шестистолпным (восточная пара образуется алтарными проемами в жертвенник и двяконник)⁵, а это предполагает пятиглавие. Собор был украшен белокаменными рельефами⁶. Бесспорно, собор служил епископским кафедралом, скорее всего и строился для этого — учреждение галичской епископии относится к 1157 году.

Вслед за Ярославом Осмомыслом выступил «великий и грозный» Святослав Всеволодич Киевский. Первая половина 1180-х годов была для него очень сложной. С одной стороны, наступление половцев требовало принятия мер по объединению русских сил. С другой стороны, надо было нейтрализовать враждебные ему силы среди князей-соседей. С одной из удачных «кампаний» против половцев (победа над Кобыком) можно связать строительство Святославом большого Благовещенского храма (заложен в 1183) в домениальном Чернигове, который был освящен вскоре после поражения Игоря Святославича (1186). Благовещенская церковь, по данным раскопавшего ее основание Б. А. Рыбакова, представляла выдающееся произведение русской

архитектуры конца XII века. Трехнефное ядро здания окружали высокие (в уровень храма) галереи, имевшие в восточных концах своего рода пастофории. Храм увенчивался пятью главами, а в интерьере имел разноцветный мозаичный пол, белокаменную резьбу на кивории и, конечно, богатую роспись⁷. По-видимому, Святослав Всеволодович думал возродить в Чернигове «титупарную» митрополию. Во всяком случае, Благовещенскую церковь вполне можно назвать собором.

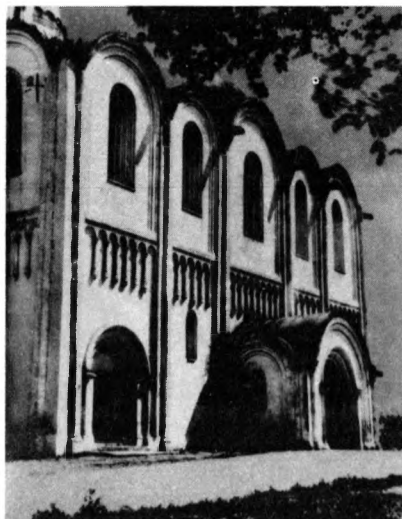
Знаменательно, что храм заканчивался в год Игорева похода, вслед за драматическим исходом которого «песнетворцем Святославля» и было создано «Слово о полку Игореве». Но еще до этого, в 1184 году Всеволод III предпринял обстройку Успенского собора во Владимире высокими галереями. Из трехнефного и одноглавого собор стал пятинефным и пятиглавым, типологически равным черниговскому храму. Не исключено, что и Всеволод III мечтал о митрополии, за которую боролся еще Андрей Боголюбский.

Оба эти крупные архитектурные мероприятия — в Чернигове и Владимире — вероятно были взаимосвязаны. Всеволод III, претендовавший стать «дуумвиром» Святослава Всеволодовича, не желал отставать в своей строительной деятельности от последнего, тем более, что для этого представился удобный случай: в 1183 году владимирский Успенский собор обгорел. Вместо того, чтобы строить новый собор в формах, достойных митрополии, конечно, целесообразнее было расширить собор Андрея Боголюбского, чем сохранялось и ктиторское равенство со Святославом. Обе постройки были завершены уже в период общественной известности «Слова о полку Игореве»⁸: черниговская — в 1186 году, владимирская — в 1189 году.

Итак, все три сильнейших русских князя — Ярослав Осмомысл, Святослав Всеволодович и Всеволод III Большое Гнездо, снискавшие себе самую лестную оценку со стороны политически очень мудрого автора «Слова о полку Игореве», проявили себя почитателями архитектурных традиций эпохи Ярослава Мудрого, то есть эпохи наивысшего расцвета единства Киевской Руси, эпохи господства стиля «монументального историзма»⁹. Как хорошо показал Д. С. Лихачев, стиль «монументального историзма» действительно был «стилем эпохи», сближаясь в этом отношении с романским стилем.

Как же ктиторски проявили себя другие князья — герои «Слова о полку Игореве»? Ни один из них не нашел в себе достаточно сил и не проявил стремления к сплочению общественных чувств и настроений посредством создания архитектурного произведения высокого идейно-общественного порядка, не только общерусского, но хотя бы общегородского. К сожалению, даты

*Владимир. Успенский собор в
обстройке Всеволода*

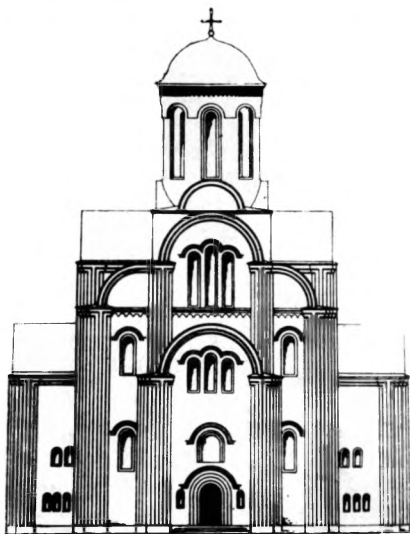

сооруженных Ростиславичами, Игорем Святославичем и Владимиром Игоревичем монументальных построек письменно не зафиксированы и определяются косвенными признаками. Во всяком случае, по времени они следуют за строительством Ярослава Осмомысла, Святослава Всеволодовича и Всеволода III Большое Гнездо. Церковь Архангела Михаила (Свирская) в Смоленске (князь Давид Ростиславич) датируется С. С. Подъяпольским в пределах 1189—1197 годов. Васильевская церковь в Овруче (князь Рюрик Ростиславич) относится П. А. Раппопортом к 1191 году. Спасский храм в Новгороде-Северском, который можно приписать ктиторству Игоря Святославича, мог быть построен не позже 1198 года, когда он стал великим Киевским князем. Похожая церковь в Путивле сооружена еще позднее.

Все перечисленные храмы представляют не общественно-соборные, а личные, придворно-княжеские постройки. В соответствии со своей жанровой функцией, они не имеют нартексов, и вообще объем их небольшой. Круговые галереи заменены боковыми притворами. Храм в Овруче вовсе без притворов, зато с башнями у западных углов. Все храмы—одноглавые, для чего было достаточно двух пар столбов внутри. Только у Свирской церкви имеется третья пара (у концов апсид), не участвующая в опорной функции.

Важной отличительной чертой всех перечисленных зданий

Смоленск. Церковь Архангела
 Михаила. Реконструкция
 П. Д. Барановского

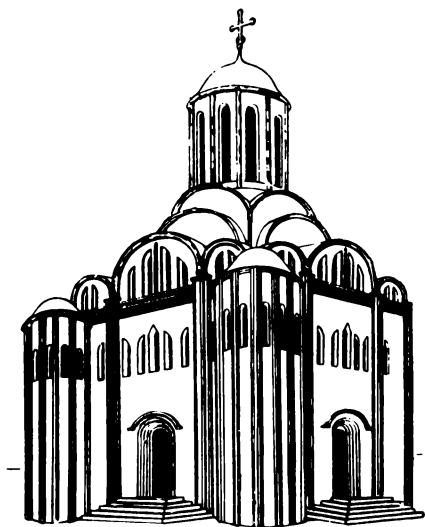

является ступенчатое построение их подкупольных арок, благодаря чему извне композиция приобрела обций пирамидально-башенный силуэт. В истории древнерусского зодчества такие композиции храмов стали называться башнеобразными.

Нельзя сказать, чтобы между двумя рассмотренными архитектурными жанрами не было никакой связи. Князь Давид Ростиславич, хотя и был среди других князей довольно одиозной фигурой¹⁰, но пытался сохранить некое компромиссное решение своего придворно-княжеского Михаилоархангельского храма. Во всяком случае, зодчий храма соединил одноглавие с тремя парами столбов (!). Возможно, тем самым была сделана попытка придать соборную выразительность хотя бы интерьеру. Нечто подобное предпринял зодчий Рюрика Ростиславича в Овруче. Две круглые башни у западных углов храма, несомненно, намекают на экстерьерные ассоциации с храмами большого государственно-соборного жанра. Там — компромисс в интерьере, здесь — компромисс в экстерьере. Это знаменательно. Может быть, создателем обеих построек действительно был один и тот же мастер?

Но суть вопроса, конечно, не в этом. Суть в том, что одна и та же историческая «эпоха» (оставим за ней это условное название) содержала в себе достаточно разные тенденции, давшие начало разным архитектурным исканиям.

*Овруч. Церковь св. Василия.
Реконструкция П. Раппорта*

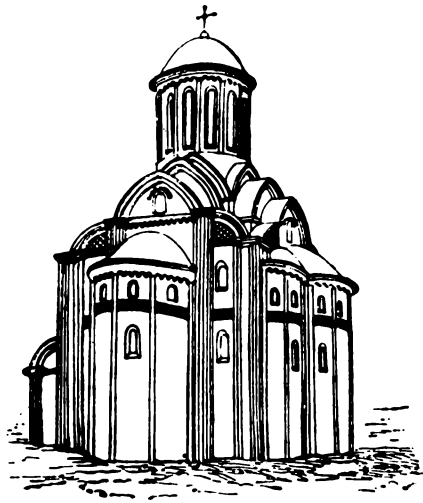

Для дальнейшей разработки темы нам необходимо определить: была ли эта разница чисто жанровой или, кроме того, и стилистической? Если только жанровой, то остаются шансы на признание стиля всех памятников архитектуры времени «Слова о полку Игореве» «стилем эпохи» и сохранить за всеми ими название национального (общерусского) стиля. В противном случае необходим более дифференцированный анализ. Этот трудный на первый взгляд вопрос решается не так уж трудно, если, конечно, сохранить исторический подход.

Обращаясь к системе архитектурных жанров XII века, мы замечаем, что типичным для этого времени придворно-княжеским храмом была постройка вовсе не башнеобразного характера, а достаточно традиционный четырехстолпный крестовокупольный храм об одной главе. Самые ранние из них и известные нам хотя бы по раскопкам идут со времен Владимира Мономаха, а при Юрии Долгоруком эта жанровая схема приобрела стабильные формы. В дальнейшем указанный тип придворно-княжеского храма мог усложняться галереями, притворами, но неизменно сохранял крестовокупольную структуру. Общность этой крестовокупольной структуры со структурой храмов большого соборного жанра обеспечивала и единство стиля «монументального историзма».

Этот стиль, по определению Д. С. Лихачева, «характеризует-

Путивль. Церковь в детинце.
Реконструкция Г. Н. Логвина

ся прежде всего стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным». И далее: «Историчность монументального стиля соединяется в нем со стремлением утвердить вечность». Наконец, «монументальность и церемониальность всегда связаны с традиционностью»¹¹. Все сказанное как нельзя лучше воплощено в государственно-соборном жанре русской архитектуры XI—XII веков крестовокупольной системы, а также в ее стиле, отличающемся не только монументализированным величием, но и «весомостью» мира, конструктивной четкостью всей композиции, что роднит этот стиль с романским. Стиль крестовокупольной архитектуры придворно-княжеского жанра, хотя и в меньшем объеме, подчинен тем же основам.

Иное дело — придворно-княжеский башнеобразный храм конца XII века, известный нам по упомянутым постройкам князей-героев «Слова о полку Игореве». Памятники этого вида высокие, но вовсе не большие, не монументальные и, строго говоря, не величественные. Они, конечно, могли поражать и, как мы знаем из описания Свирской церкви, действительно поражали воображение некоторых современников. Но, во-первых, этим оценкам не следует слепо верить. Автор текста о Свирской церкви, например, утверждал, что «такое же несть в полунощной стра-

не»¹², хотя два храма такой же структуры были в соседнем Полоцке. Существует даже мнение, что зодчим Свирской церкви был мастер полоцкого памятника¹³. Во-вторых, башнеобразные храмы если и поражали воображение, то отнюдь не ассоциациями с вечностью. Ни сложно вздымающиеся кверху ступенчатые своды, ни такого же рода (угловато-пирамидальный) силуэт не могли вызвать ощущения вечности. Такому ощущению неизмеримо больше способствовали спокойно-уравновешенные формы крестовокупольного, крытого по законам пятиглавого храма соборного жанра.

Если это так, то, следовательно, в башнеобразных храмах придворно-княжеского жанра действительно следует видеть рождение нового стиля. Последний рождался именно в придворно-княжеском, а не государственно-соборном жанре, так как придворно-княжеский жанр был более индивидуализированным, личным, значит менее связанным с общественными вкусами, мнениями, представлениями. Естественно, он был не традиционен, хотя, впрочем, если учесть существование в древнерусском зодчестве XI—начала XII века деревянных башнеобразных храмов, то утверждение нетрадиционности придется ослабить.

Чем же характеризуется новый, нарождающийся в придворно-княжеском жанре русской архитектуры конца XII века стиль? Динамизмом? Но это, скорее, относится к психологическому впечатлению, которое у людей XII века могло быть иным. Правда, Д. С. Лихачев отмечает, что чувство динамизма было весьма свойственно и людям XII века, и писателям того времени¹⁴. Но это чувство, по-видимому, не могло быть ведущим в формировании архитектурного стиля. Напомню, что ни Владимир Мономах, ни Святослав Киевский, ни Ярослав Осмомысл, ни Всеволод III Большое Гнездо не переживали такого чувства в отношении архитектуры. Если такие эмоции были у князей другого «лагеря» (и, конечно, их зодчих), то все же это неправомерно считать стилеобразующим моментом в силу его спорадичности. Тогда, может быть, крещатая центричность? Она свойственна всем придворно-княжеским храмам второстепенных героев «Слова о полку Игореве» за исключением овручской церкви Василия. Кстати, ее западные башни придают постройке наибольшее сходство с соборами эпохи Ярослава Мудрого и его сыновей. Но и крещатая центричность—это не черта стиля. Спасский храм Владимира Мономаха в Берестовое (соборный) тоже был крещатым в плане.

Самый существенной стилистической чертой башнеобразных придворно-княжеских храмов конца XII века можно и следует считать несомненное усложнение и одновременно дробление (измельчание) архитектурного образа. Теперь, после теоретиче-

ской наметки этого вопроса Д. С. Лихачевым, мы в состоянии подвести под процесс стилеобразования более объективную базу.

В чем состояло усложнение архитектурного образа? Оно выразилось в отказе от спокойной и предельно цельной кубической формы и в стремлении к форме, ступенчато устремленной вверх. Для этого вместо обычных полуцилиндрических сводов были введены ступенчато повышающиеся подпружные арки. Снаружи вместо спокойного ряда горизонтальных закомар образовались ярусно возвышающиеся друг над другом закомары. Силуэт здания как бы зазубрился, т. е. усложнился. Устройство притворов вместо галерей тоже усложнило форму (в плане). Произошло и измельчение форм, что, естественно, коснулось и декора. Появившиеся пояски «бегунков», «городков» и «решеток», выкладка из кирпича не могут идти ни в какое сравнение с тектоническими по природе нишами, меандрами, аркатурными фризами. Замена квадратных или крещатых в сечении столбов опорами сложной многоуступчатой формы относится к тому же кругу явлений. Происходило не только усложнение и дробление, но и «формализация» стиля, что Д. С. Лихачев связывает с постепенным перерождением первичного стиля во вторичный.

В констатации этого явления еще не содержится ничего оценочного, но дело принимает другой оборот, когда наблюдаемый процесс ведет к ослаблению идеологической цельности и определенности стиля. С усложнением и дроблением стиля разрушается цельность семантики, последняя приобретает более полисемантическую природу, а это дает свободу элементам иррационализма и субъективизма. Все сказанное отражает не коллективное, а индивидуальное сознание, в результате чего становится более легким, доступным создание архитектуры «для себя» или рассчитанной «на знатоков». Думается, что башнеобразные храмы конца XII века, созданные князьями «индивидуалистами», каким прежде всего представляется Игорь Святославич, выражают описанный процесс.

Игорь Святославич только подтвердил то, что давно витало в воздухе. И Давид Ростиславич свой личный интерес (или интерес своей Смоленской земли) поставил выше общерусского. Недаром Б. А. Рыбаков назвал его «отрицательным героем» «Слова о полку Игореве». Рюрик Ростиславич был дальновиднее Игоря, но и он снижал порицание автора «Слова». Рыцарственность всех этих князей делает их яркими фигурами, способными создать новаторские, оригинальные архитектурные памятники, но памятники сугубо личные, рассчитанные не на общенародный, а на придворный резонанс. И не удивительно, что этот новый стиль родился именно в придворно-княжеском архитектурном жанре. Ни одного общегородского собора подобного стиля мы не знаем.

Владимир. Дмитриевский храм. По
рисунку Ф. Рихтера

Теперь становится совершенно понятным, почему ни Святослав Всеволодович Киевский, ни Всеволод III Большое Гнездо не проявили интереса к башнеобразным композициям. Более того, свой придворно-княжеский Дмитриевский храм во Владимире (1194—1197) Всеволод III строит в духе классического крестовокупольного храма, придавая ему соборный облик устройством круговых папертей и двух башен у западных углов. Не исключено, что Всеволод III и его зодчий учли особую выразительность Васильевской церкви Рюрика Ростиславича в Овруче. Вероятно также, что строительство Дмитриевского храма производилось как бы «в ответ» на «Слово о полку Игореве», которое, по мнению Б. А. Рыбакова, уже в год его создания было прочитано при дворе «великого и грозного» Святослава Киевского.

Нам остается все-таки определить стиль эпохи «Слова о полку Игореве» и поставить его в ряд других стилей архитектуры Древней Руси.

Прежде всего подтверждается мысль Д. С. Лихачева, что даже великие стили, каким, несомненно, был романский стиль XI—XII веков, не определяли полностью культурное лицо эпохи и страны. Если какой-либо великий стиль и можно назвать «стилем эпохи», то это не значит, что он восполнял ее целиком. Господствующий великий стиль в каждую эпоху постепенно или быстро переходил в другой, вторичный по отношению к первому и отличающийся меньшей цельностью и меньшей идеологической определенностью. Такова была готика по отношению к романскому стилю.

В переходные эпохи великие стили продолжают существо-

вать, но, разумеется, в еще менее цельном виде. Первичный стиль, как более сильный, чем вторичный, продолжает окрашивать художественную культуру «эпохи» и, следовательно, может считаться «стилем эпохи».

Поскольку стиль русской архитектуры XI—XIII веков, названный Д. С. Лихачевым «монументальным историзмом», был родствен романскому, то мы можем перенести на него наблюдения ученого и это подводит нас к ответу на исследуемый вопрос.

Переход от романского стиля к готическому приходится примерно на середину XII века. Однако, если к эпохе приравнивать век, то «стилем эпохи» (XII века) был романский. Примерно то же самое наблюдалось и на Руси XII века. «Стилем эпохи», несомненно, оставался стиль «монументального историзма», охватывающий все архитектурные жанры. Следовательно, «монументальный историзм» распространялся и на архитектуру времени «Слова о полку Игореве», прекрасным подтверждением чего являются постройки Святослава Всеволодовича (Благовещенская церковь-собор в Чернигове, 1183—1186) и Всеволода III (обстройка Успенского собора во Владимире, 1184—1189). Дмитриевский собор в значительной степени сохраняет этот стиль.

В последней четверти XII века, то есть с отставанием от Западной Европы на четверть века, стиль «монументального историзма» в Древней Руси начал переходить в иной стиль, который, будь к тому условия, мог быть сопоставим с готикой. Готические элементы в нем имеются, но они не получили развития. К тому же поиски нового стиля ограничились только придворно-княжеским жанром архитектуры. Все это делает нарождающийся стиль более сложным и труднее определимым. Название его переходным от «монументального историзма» к Предвозрождению (XIV—XV века), может быть, способно временно заполнить теоретическую лауну впредь до специального исследования. Во всяком случае, не он был «стилем эпохи», а стиль «монументального историзма». Последнее распространяется и на время (неправильно называемое «эпохой») «Слова о полку Игореве».

Не противоречит ли утверждаемый здесь взгляд распространенному мнению, что развитие башнеобразной архитектуры во времена «Слова о полку Игореве» отражало взлет народных патриотических чувств, рожденный бессмертной поэмой? Автор такого противоречия не усматривает.

Появление башнеобразных храмов, несомненно, было признаком нежелания следовать традиции, но за этим нежеланием не улавливается большой общественной программы. Красота новой архитектуры сама по себе не могла вывести русскую архитектуру XII века на новый путь. Появление башнеобразных композиций

в Чернигове (Пятницкая церковь), в Новгороде Великом (Пятницкая церковь), Старой Рязани (Спасский храм) следует рассматривать как подражания, в первых двух случаях — купцами, а в третьем — второстепенным князем. Сама топография башнеобразных построек явно прижата к западным рубежам Руси, откуда шли «готические воздействия». Показательно в этом отношении развитие башнеобразных храмов (не соборов!) в Смоленске, частично в Пскове. Сооружение в Юрьеве-Польском Георгиевского собора (1230—1234) представляет единственный пример усвоения владими́ро-суздальским зодчеством новой композиции. Конечно — в придворно-княжеском жанре.

Впрочем, реконструкция этого храма А. И. Столетовым¹⁵ заставляет усомниться в развитой башенности его первоначального вида, как она была предложена в 1964 году автором этой статьи¹⁶. Тогда и вовсе теория об общерусском характере нарождающегося стиля потеряет свою почву.

Но сказанным значение нового стиля вовсе не умаляется. Надо только освободиться от его гипноза, будто бы именно этот стиль и вел русскую архитектуру вперед. Раннемосковское зодчество, конечно, отдало немалую дань домонгольским композициям с ярусным завершением, но, во-первых, только в придворно-княжеском жанре (постройки Юрия Звенигородского) или в «трансплантации» его на монастыри (постройки Василия III), а, во-вторых, это увлечение прошло, как только узкокняжеские интересы (и вкусы) уступили место государственным. Нужно помнить, что идеалом для московского строительства в государственно-соборном жанре все время оставался Владимирский Успенский собор в обстройке Всеволода III, возникший как своего рода архитектурный призыв к тому единению русских сил, к которому звал «Слово о полку Игореве». Подобного рода призыв был очень родственен идеологии Ренессанса. Он был усвоен и Иваном III и Аристотелем Фиораванти. Недаром архитектурное наследие романского стиля легло в фундамент Проторенессанса. Не случайно и Аристотель Фиораванти усмотрел во Владимирском Успенском соборе своих (итальянских) рук мастерство. Так стиль «монументального историзма» определил не только архитектуру своей эпохи (включая время «Слова о полку Игореве»), но и архитектуру эпохи становления единого централизованного Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вагнер Г. К. Памятники архитектуры эпохи «Слова о полку Игореве» и их заказчики. — «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
- 2 Логвин Н. Г. Церковь Спаса на Берестове в Киеве. — Строительство и архитектура. Киев, 1983. № 7. С. 28.

- ³ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Л., 1982. С. 28.
- ⁴ О пятиглавости Борисоглебского храма-мавзолея говорит то обстоятельство, что первоначальный деревянный храм-мавзолеем был о пяти верхах.
- ⁵ Воробьева Е. В., Тиц А. А. Анализ и реставрация Успенского собора в Галиче // Сов. археология, 1983. № 1. С. 215. Нами воспроизводится старая реконструкция плана Успенского собора.
- ⁶ Воробьева Е. В. Рельеф с драконом из Галича // Сов. археология, 1980. № 1. С. 209—218.
- ⁷ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА СССР, 1949. № 11. С. 96.
- ⁸ Б. А. Рыбаков считает, что «Слово о полку Игореве» в том же 1185 году было прочитано при дворе князя Святослава Всеволодовича. См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 280.
- ⁹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 25 и сл.; его же: Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 65 и сл.
- ¹⁰ См.: Рыбаков Б. А. Отрицательный герой «Слова о полку Игореве» // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 238—242.
- ¹¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Рус. лит., 1976. № 2. С. 24, 31, 32.
- ¹² Полн. собр. рус. летописей. СПб., 1843. Т. 2. С. 151.
- ¹³ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века // Сов. археология, 1980. № 3. С. 156.
- ¹⁴ См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени. С. 27 и сл.
- ¹⁵ См.: Столетов А. И. Георгиевский собор города Юрьева-Польского и его реконструкция // Из истории реставрации памятников культуры. М., 1974. С. 111—134.
- ¹⁶ См.: Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Город Юрьев-Польской. М., 1964. С. 94—98. Рис. 38—40.

В. Л. Виноградова

СЛОВО В «СЛОВЕ»

Из истории лексики «Слова о полку Игореве»

При изучении лексики «Слова о полку Игореве» исследователи и переводчики в первую очередь обращают внимание на редкие слова, гапаксы, заимствования из других языков, или на слова с яркой стилистической и эмоциональной окраской. И это вполне естественно. Однако таких слов в «Слове о полку Игореве» сравнительно немного. Лексико-семантическую основу памятника составляют главным образом самые обиходные слова, многие из которых продолжают и сейчас жить в русском языке. Как и во всяком высокохудожественном произведении, в «Слове о полку Игореве» самые обычные слова, сочетаясь друг с другом, начинают вдруг приобретать волшебную способность стилистически и эмоционально окрашиваться, менять смысловые оттенки, рождать прекрасные поэтические образы. Поэтому, чтобы лучше понять этот памятник, проникнуть в глубинный смысл его словесной ткани, нужно изучать весь его словарный состав *полностью* в историческом движении языка.

Началом решения этой проблемы явился шеститомный Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (1965—1984), составленный автором этих строк под редакцией Д. С. Лихачева, Б. А. Ларина, Б. Л. Богородского, О. В. Творогова¹. Кроме того, автором этих строк была сделана попытка, опираясь на семантические схемы Словаря-справочника «Слова», описать историю всех существительных первого выпуска Словаря, то есть существительных на буквы Б, В, Г (на А в «Слове» существительных нет). Исторической лексикологии на данном этапе развития уже не свойственно изучать историю слова атомистически, изолированно от других семантически связанных с ним слов, в первую очередь синонимов и близких заместителей по родовидовым различиям. Поэтому каждое значение изучаемого существительного «Слова о полку Игореве» исследовалось в составе функционирования своего синонимического ряда или близких понятийно-смысловых заместителей. Все эти реальные и потенциальные

заместители составили семантическую микрогруппу опорного существительного «Слова о полку Игореве». В результате проведенного исследования удалось в ряде случаев уточнить семантику этих существительных, попытаться разгадать причины выбора автором (или писцом-редактором?) именно данного слова, а не одного из его заместителей, предположить поздние лексические замены в тексте памятника, определить стилистическую и эмоциональную окраску изучаемых лексем в «Слове» и в системе древнерусского языка и т. д.

В настоящей работе вниманию читателя предлагаются три небольших очерка по истории существительных «Слова о полку Игореве», разнообразных по своему содержанию. Слова выбраны с малым количеством синонимов и заместителей, с малым числом синонимических рядов, чтобы можно было легче разобраться в их связях между собой, которые у многозначных слов часто бывают очень сложны и запутанны. Очерки написаны на основе большого фактического материала: памятников XI—XVII веков словарных исторических картотек, словарей, диалектных и фольклорных материалов, предшествующих исследований и т. п.

Итак, существительные «Слова»: *былина*, *вранъ—воронъ*, *гридница*.

БЫЛИНА

Слово *былина* употребляется в «Слове о полку Игореве» в значении «действительное событие, то, что было»: «Начати же съ тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню». История этого существительного своеобразна. В письменных памятниках, кроме «Слова», оно пока обнаружено только в «Задонщине» во фразе, близкой «Слову», в одном из поздних списков (списке Ундольского — XVII век): «Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинамъ». Отсутствие слова *былина* в ряде более ранних списков этого произведения заставляет сомневаться, было ли оно в оригинале «Задонщины». Впрочем, подобные замены и искажения («по дѣлом погыбелю», «по делом былым») в списках бывают и тогда, когда в оригинале употреблено слово редкое или с узким локальным распространением. Судить о слове *былина*, как и его однокоренных синонимах *быль*, *бывальщина*, *побывальщина*, мы можем пока лишь по поздним данным. Они весьма скудны. Фиксировать слово *былина* начинают областные словари с середины XIX столетия прежде всего в качестве северного диалектизма (архангельского, вологодского, вятского). Причем, не только с широким значением «истинное происшествие», но и с более узким — «сказка, богатырская сказка». В словарях XVIII ве-

ка этого слова нет, но с пометой «просто нар.» даются его синонимы *бывальщина*, *былица*, *быль* в значении «что было действительно, истинное происшествие, повесть о чем-либо». Однако это совсем не значит, что слово *былина* не употреблялось в народе как название эпической песни, что оно якобы искусственно придумано И. П. Сахаровым, о чем повторяют вслед за Вс. Ф. Миллером² многие исследователи. В 1841 году П. И. Савваитов в заметке «Вологодские песни» писал, что в Вельском уезде все эпические песни «без исключения называются былинами и рассказываются нараспев»³. В 1852 году К. С. Аксаков сообщал в «Московских губернских ведомостях»: «...в песнях эпических повествуются невероятные дела, но они повествуются, как дела бывшие действительно, бывые (отсюда и слова *быль* (факт) и *былина*)»⁴. Все эти данные и ряд других свидетельств, которые привел П. Д. Ухов в статье «К истории термина *былина*»⁵, говорят о том, что в северных областях Руси, где в начале XIX века еще сохранялись в устной передаче эпические «богатырские» песни, они носили название *былин*, *былей*, *старин* (ср. поговорку, записанную в первой четверти XVIII века И. Паусом: «Сказка складка, а песня *быль*»). Поэтому И. П. Сахаров, назвав опубликованные им эпические песни одним из синонимов (*былина*), которыми они обозначались в севернорусских говорах, никакого нововведения не сделал (неологизма не придумал)⁶. Ему принадлежит другая заслуга: то, что он ввел термин *былина* в научный обиход и упорядочил разноречивый, существовавший до него в наименовании этого фольклорного жанра. П. Д. Ухов в названной статье был совершенно прав, выступив против общепринятого мнения об искусственности термина *былина*. Таким образом, с середины XIX века началась вторая жизнь слова *былина* уже как термина для обозначения определенного жанра старинного русского эпоса. В качестве фольклорного термина оно вышло за пределы не только диалекта, но и за пределы русского литературного языка на международную арену. Наряду с этим слово *былина* еще в начале XX века в северных диалектах встречалось с семантикой «Слова о полку Игореве». Например: «Вежливо обратился до государя (рассказал) про свою судьбу. Государь сдивовался: «Неужели же ето былина—фсё было у тебя? Так, знать, ты много горя перенес!» (Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 317). С тем же значением на северных территориях России бытовали однокоренные заместители *былица*, *быль*, которые отмечаются исследователями и собирателями фольклора. Однако заместители так и остались областными словами, хотя широко распространились по всей территории России и на Украине.

Итак, история бытования слова *былина* и его синонимов во

многом туманна за отсутствием ранних письменных свидетельств. Пока ясно одно: это старый северный диалектизм. Возможно предположение, что слово *былина* являлось принадлежностью не оригинала, а какого-то северного списка «Слова», написанного не позднее конца XIV века, так как оно было уже в протографе «Задонщины». Протограф «Задонщины», автор которого мог пользоваться этим списком «Слова» в качестве своего источника, не дошел до нас. Однако все текстологические исследования «Задонщины» свидетельствуют о том, что все дошедшие до нас списки ее восходят (может быть, через промежуточные звенья) к этому протографу. В списке Ундольского середины XVII века чтение протографа «по былинам» сохранилось.

ВРАНЪ—ВОРОНЪ

Оба синонима или, как их считают, дублета *вранъ* и *воронъ* встречаются уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности. Употребительность их в различных контекстах обуславливалась прежде всего двумя факторами: тем, что ареал ворона как вида семейства вороновых охватывает почти все Северное полушарие; и тем, что ворон неоднократно упоминается в Ветхом и Новом завете (в частности, мы видим его в картинах «всемирного потопа». — См.: Библ. Генн. Быт. VIII, 5—7, 1499; см. то же: Палея толк., 53, XIII в., список 1406 г. и т. д.). Фрагменты из них часто интерпретируются в древнерусских произведениях. Употребление дублетов *вранъ* и *воронъ* и взаимодействие их между собой в письменности Древней Руси в основном было сходно с другими неполногласными и полногласными парами. Старославянское *вранъ* было свойственно книжным памятникам. В последних по каким-либо причинам в контексты с бытовым содержанием вкрапывалось полногласное *воронъ*. Иногда распределение дублетов характеризовало стиль речи персонажей или их социальную принадлежность: «глаголаху <разбойники> ...ругающесе: «Рци намъ, злыи старче, что грачють ворони?» — Святый же... рече: «враны гласять «кра, кра...» (Хрон. Амарт., л. 218 об., XI в., список XIII—XIV вв.). Или: «И рече <повар> посмихаяся Исакию <святому подвижнику>: «Оно ти сѣдѣти вранъ черный, иди, имий». Он же, поклонивъся ему до землѣ, шедъ я ворона и принесе ему». (Пов. врем. лет, под 1074 г., 130, начало XII в., список 1377 г.). В большинстве случаев взаимозамены зависят от степени «русификации» или «славянизации» рукописи, от отношения ее создателей к русским и старославянским элементам. Ср.: «Глава же его не обрѣтесе по семь, обрѣтесе на дрѣвѣ лѣжащи, воронѣ сидящи и граючи».

(Прол. нач. XIV в., 120/врани — Лобк. прол., 89, 1262 г.; вранъ — Прол. БАН 168, XV в.). Как большинство неполногласных слов, *вранъ* в древнерусском языке не было сугубо книжным. Из церковных книг оно проникало в живой разговорный язык и в фольклор: «...на сыром дубу, сидит-то еще сидит черный вран». (Онеж. былина Гильф., 1, 335). Эта особенность сделала слово *вранъ* более независимым от смыслового и стилистического окружения по сравнению с полногласным дублетом, и это обеспечило ему гораздо большую частотность употребления в литературных произведениях. Именно так можно объяснить трехкратное использование *врани* в бытовых и эпических контекстах в «Слове о полку Игореве»: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани грахуть, трупя себѣ дѣбляче»; «Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Пльбньска»; «Тогда врани не граахуть, галици помлькоша». Ср. также: «И тем вашимъ поганымъ трупомъ накормимъ волковъ серыхъ, врановъ черныхъ, орловъ сизыхъ». (Аз. пов. (Сказ.), 154, XVII в.). Здесь, несмотря на явную народную «сказочную» окраску, употреблено слово *вранъ*, а не *воронъ*. В древнерусских памятниках сравнительно часто встречается образ врана (ворона) в качестве сравнения. Как у многих других народов, основанием для сравнения служили внешний вид, физиологические особенности и повадки этой птицы: черная окраска, карканье, охота стаями, всеядность, главное питание — падаль, трупы, причем любит лакомиться глазами трупов, умен, хитер, расчетлив; хотя и осторожен, но при этом бывает дерзок и смел, когти и клюв очень сильные («железные»). Все это создавало зловещую символику сравнений с вороном уже с глубокой древности. На Руси XII—XIII веков в эпоху княжеских междоусобиц, половецких набегов, татарского нашествия образ черного воронья, следовавшего за войском, предвкушая поживу, и клевавшего человеческие трупы на многочисленных полях сражений, получил особенно актуальное звучание. Однако в древнерусском языке образное сравнение с вороном отрицательных персонажей человеческого мира (например: врага, еретика, корыстолюбца, лстеца, дьявола, беса, смерти и т. д.) так и не оформилось в самостоятельное переносное значение, оставшись на грани образности. Может быть, одной из причин этой «языковой нерешительности» было то, что ворон в Древней Руси имел не только отрицательную символику, но и положительную — он слыл вещей, мудрой птицей. «Слово о полку Игореве» усилило данный образ до переносности, и в этом заслуга его автора: «Не было оно (Олегово гнездо. — В. В.) обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганьи Половчине». Тем не менее похожее художественное средство (прием) встречаем уже в старославян-

ском памятнике XI века — Супрасльской рукописи: «и тъмнааго врана диявола из нея изгънавъша». Интересно отметить, что в «Задонщине» в подобной фразе той образности, какая наблюдается в «Слове», уже нет: «Ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю». (Задон. Ист.—1, 542, XIV в., список конца XVI — начала XVII в.) В «Слове» в этой фразе обобщенное название врага Руси — Половчина — в роли имени собственного обозначено полногласием *воронъ*, согласно древнерусской ономастике, которая применяет полногласный дублет (ср.: «Воронъ п<и>саль»). Приписка XIII века. — см.: Ж. Савы Освящ., 71 об., XIII в.; «Оксентеи Воронъ». Грам. Кир.-Белоз. мон., 133, 1422—1427 гг.).

Синонимом дублетов *вранъ* — *воронъ* было слово *гавранъ*. В памятниках оно встречается редко: «А ядущей гаврана и врану галицу, кукувицу... таковии да каутся заповѣдиу (т. е. каются заповедью. — В. В.) лѣто едно». Правила, 145, рук. XVI в.; «В гнѣздѣ свѣемъ птищъ глаголемый гавранъ». Ж. Герас. Болд., 175, XVI в., список XVII в. *Гавран* долго сохранялось в украинском языке и фольклоре.

ГРИДНИЦА

Гридница, как показывает ее название, первоначально представляла собой помещение для гридей — телохранителей князя, входивших в состав дружины. Однако, что это было за помещение: большие ли сени на втором этаже княжеского дома (Л. Нидерле) или отдельная постройка, не связанная с жилым дворцом (Н. Воронин), — сказать трудно. Судя по древнерусским текстам, это мог быть и покой, зал во дворце, и отдельное здание. В ранних летописях, где впервые встречается слово *гридница*, это определить почти невозможно. Не помогают даже эквиваленты, замещающие его. Например: «И приѣхъ <Василько> в малѣ дружинѣ на княжъ дворъ, и вылезе противу ему Святополкъ, и идоша въ гридницу» (в Лавр. лет.: в-выстобку; в Хлебн. и Повод. списках: в-ыстьбу; в других списках: въ комору). Пов. врем. лет (Ипат. лет.), под 1097 г., 233, начало XII в., XV в. (Ипатьевская летопись — ок. 1425 г.), — заместители здесь по реалиям совпадают со словом *гридница*: *истѣба* (*истобка*), *комора* в Древней Руси могли обозначать как комнату, так и отдельное здание. Лишь когда у гридницы имеется собственное название, можно с уверенностью говорить об отдельном строении: «у Коровыи гридници» (Псков. 3 лет., под 1470 г., 171, XV—XVII в.); «у Мотыльной гридници» (там же, под 1552 г., 227). По-видимому, о слове *гридница* в его первоначальном смысле как о чисто военном термине следует вести речь, имея в виду

летописные записи под X—XI веками. С падением «империи Рюриковичей» и началом феодальной раздробленности в XII—XIII веках функции гридницы расширяются: она становится не только местом собраний дружины, но и парадным помещением для приема гостей, приемной князя, а потом и не только князей. Так слово *гридница* меняет свою семантику, постепенно становясь из военного термина бытовым. Сильнее всего «бытовизация» гридницы происходила на северо-западе—в новгородской и псковской земле, что было вызвано более демократическими особенностями уклада этих «вечевых республик»: «И послаша из гридниѣ владыцнѣ княжица Ростислава». (Новг. 1 лет., под 1229 г., 68, XIII в.). Именно благодаря указанным изменениям слово *гридница* продолжало долго жить на севере и северо-западе Руси: «Се купи игумень Сергии... дворъ, землю и с хоромы и огородомъ на Рогатицы, в полѣ противъ гридници». (Гр. Новг. и Псков., 175, середина XV в., список 1688 г.); «А доселе посаднѣки и судьи в грѣдницѣи судъ не вступались и на грѣднѣицу не прѣходѣли и людей силно не имали». (Ревел. ак., 1, 89—90, XVI в.). Таким образом, на севере и северо-западе гридница превратилась в помещение, где происходили приемы, собрания, суды и т. п. От частого употребления в живом разговорном языке здесь возникла краткая, сокращенная форма *гридня* (*грьдня*, *грьня*): «И посадники и бояре поидоша въ гридню». (Псков. 1 лет., под 1510 г., 286, XV—XVII вв.); «Да и церкви и полаты и гридни въ Ригѣ и на Кольвани». (Польск. дела, II, 602, 1560 г.). В этой семантике *гридня* (*грьдня*, *грьня*) вошло в устное народное творчество: «Походило во гридне столованье почестное». (Две былн., 350, кон. XVII—нач. XVIII в.); «Солнышко Владимир стольно-Киевский по гридне столовой похаживает». (Рыбн. Песни, 1,27). Слово *гридница* в фольклоре встречается редко: «Да заходит Издолишшо <в> светлую грѣдницю». (Григ. Арх. блн., III, 109). Можно предполагать, что в былинах «Владимирского цикла» северные сказители заменяли слово *гридница* на *гридня*, придавая этому первоначально военному термину бытовую окраску. С точки зрения семантики ближе к истине подходит Словарь церковно-славянского и русского языка 1847 г. Он с пометой «стар.» дает два значения слова *гридница*: 1) комната или особое строение при древних княжеских дворцах, где содержали стражу гридни; 2) приемная комната в древних княжеских дворцах. В «Слове о полку Игореве» *гридница* выступает, как в летописях периода XII—XIII веков, еще в качестве военного термина, но уже ослабленного иными функциями, для которых использовалось это помещение: «И падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридниѣ Святъславля». Вот почему в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» дается весьма осторожное определение:

«Гридница — палата для гридей, помещение дружины князя»⁷.

Развитие семантики слова *гридница* (*гридня*) как «парадной комнаты, приемной для гостей и празднеств» привело к вступлению его в синонимические отношения со словом *горница*. Например: «И послѣ вѣнчанья князь велики пошолъ къ себѣ въ гридню, а великая княжна пошла себѣ въ иную горницу зъ боарынями». (Польск. дела, I, 186, 1495 г.). В Супрасльской рукописи, библии, евангелиях и других старославянских памятниках слово *горница* употребляется в трех значениях: «светлица, верхнее помещение, комната, помещение для приема гостей»; «горная страна, гористый край»; «плоская кровля (в восточных странах)». На русской почве два последних значения, не найдя реальных соответствий, так и остались в пределах церковной книжности; первое же значение получило дальнейшее развитие. Слово *горница* в этом значении секуляризовалось и стало общеупотребительным в древнерусском языке. Объем значения слова *горница* по сравнению с объемом значения *гридница* был шире: если *гридница* была принадлежностью княжеского дома, вообще богатого дома, дворца или помещением для общественных собраний, то *горница* являлась частью любого дома. Благодаря этому в живом народном языке у слова *горница* развилась богатая функциональная семантика. Употребление слова *гридница* (*гридня*) стало ограничиваться по большей части фольклором (былины, свадебные песни), поскольку здесь оно оставалось связанным с княжеским бытом. В древнерусском литературном языке до XVII века слово *горница*, вступая в синонимические отношения со словом *гридница* в значении «комната, помещение для приема гостей и т. д.», часто одерживало победу как сильный заместитель. Этим объясняется небольшая употребительность слова *гридница* (*гридня*) в письменных памятниках. Волна иноземных влияний, нахлынувших в русскую лексику в XVII веке, отбросила слово *гридница* (*гридня*) в архаический фонд языка, а *горница* стало употребляться преимущественно в русских народных говорах⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова; Под ред. Б. А. Ларина, В. Л. Богородского, Д. С. Лихачева. М.; Л., 1965—1984. Вып. 1—6. (Вып. 2—6 вышли под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова).
- ² Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. С. 27.
- ³ Савваитов П. И. Вологодские песни // Москвитянин. 1841. № 3. С. 271.
- ⁴ Аксаков К. О различии между сказками и песнями русскими // Моск. губерн. ведомости. 1852. № 153. С. 1572.
- ⁵ Ухов П. Д. К истории термина былина // Вестн. Моск. ун-та. 1953. № 4. Сер. обществ. наук. Вып. 2.

- ⁶ Сахаров И. П. Песни русского народа. Спб., 1838. Ч. 1. С. XI, XV.
⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 178.
⁸ См.: Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7. С. 47—48.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аз. пов. (Сказ.)—Орлов А. С. История об Азовском взятии и осадном сидении... // Рус. филол. вестн. 1906. Т. 56. С. 137—174.
- Библиогр. Генн. Быт.—Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия // Рук. ГИМ, Синод. собр. № 915. Книга Бытия.
- Грам. Кир.—Белоз. мон. 1422—1427 гг.—Дебольский Н. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря // Вестн. археологии и истории. 1900. Вып. 13. С. 115—197.
- Григ. Арх. блн. III—Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг. Спб., 1910. Т. 3.
- Гр. Новг. и Псков.—Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Две былин. к. XVII—н. XVIII в.—Ширяева П. Г., Кравчинская В. А. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв. // Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. 1948. Т. 6. С. 339—371.
- Ж. Герас. Болд.—Житие Герасима Болдинского, XVI в. // Рук. ГБЛ, Муз. собр. № 2496, л. 165—220, нач. XVII в.
- Ж. Савы Оsvяц.—Житие св. Савы оsvященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. Спб., 1890.
- Задон.—Задонщина. Списки: Ист.—1, Удольского // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Д. К. Зеленин. Великорус. сказки Вятск. губ.—Зеленин Д. К. Великоорусские сказки Вятской губернии // Зап. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии, 1915. Т. 42.
- Лавр. лет.—Лаврентьевская летопись, вып. 1—3 // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. Л., 1926—1928. Т. 1.
- Лобк. прол.—Пролог Лобковский сентябр. половины // Рук. ГИМ, Хлуд. собр., № 187.
- Новг. 1 лет.—Новгородская 1-я летопись. Синодальный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 13—100.
- Онеж. былины Гильф., 1—Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 2-е изд. Спб., 1894. Т. 1.
- Палея толк.—Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. // Труды учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892—1896. Вып. 1—2.
- Пов. врем. лет.—Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1, текст и перевод.
- Пов. врем. лет (Ипат. лет.)—Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Ипатьевская летопись. Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. Спб., 1908. Т. 2. Стб. 1—285.
- Погод. сп.—Погодинский список Ипатьевской летописи, нач. XVII в. // Там же, разнотчения.
- Польск. дела I, II—Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 2-е изд. Т. 1 // Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 35. Спб., 1882; Т. 2.—Там же, т. 59. Спб., 1887.
- Правила, рук. XIV в.—Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки) // Чтения в об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1912. Кн. 3, Отд. 2.
- Прол. нач. XIV в.—Пролог сентябр. половины, перв. четв. XIV в. // ГИМ, Синод. собр., № 239.

- Прол. БАН—Пролог // Рук. БАН, № 106, перв. половины XV в.
Псков. 1 лет.—Псковская первая летопись // Полн. собр. рус. летописей. Спб., 1848. Т. 4. С. 173—345.
Псков. 3 лет.—Псковская 3 летопись // Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 70—290.
Ревел. ак.—Русские акты Ревельского городского архива / Под ред. А. Барсукова // Рус. ист. 6-ка. Спб., 1894. Т. 15.
Рыбн. Песни.—Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1862. Ч. 1; 2-е изд. М., 1909—1910. Т. 1.
Супрасльская рукопись.—Северьянов С. Супрасльская рукопись. Спб., 1904.
Хлебн. сп.—Хлебниковский список Ипатьевской летописи. XVI в. // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. Спб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись, разночтения.
Хрон. Амарт.—Истрин В. М.—Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1.

Эдуард Балашов

ВОЛХВОВАНИЕ ЯРОСЛАВНЫ

На стене Путивля раным рано
Стенает Ярославна.
Глас ее зегзицею незнаемой
До самого Дуная долетает,
Волну его увещевает,
Каяле-реке внушает
Целебную неминучую силу явить,
Раны Игорю-князю омыть.

На стене Путивля раным рано
Стенает Ярославна,
Ветер утишает: «Чему, господине,
Мое веселие по ковylieю развея»?
Ко Днепру Слоутичу вопрошает:
«Възледей, господине, моего ладу ко мне».
К тресветлому солнцу крылья простирает:
Не томи, мол, жаждой
Воев моего лады:
«Всеми тепло и красно еси!»

На стене Путивля раным рано
Стенает Ярославна
Волховкою вещей,
Словом слово догоняет,
Мыслию мысль усемежает,
Игорю-князю путь кажет
Из земли Половецкой на землю Русскую,
К отчему золотому престолу,
Пенит она море полуночное,
Вихри свивает в тучах,
На Поле сон насылает.
Беги, князь, горностаем
Тропою молвленной,
Пльиви белым гоголем
Рекою сказуемой,
Несись босым волком
Ко Донцу-спасителю,
Лети соколом под облаками:
Тяжко ведь Русской земле без Игоря!

Виктор Василенко

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА СТЕЛЛЕЦКОГО

НОЧЬ

Долго ночь мъркнет. Заря-свет запала.

Ночь долго меркнет. Заря запылала
и коршун уснул и простерлась мгла,
и щекот замолк и уснул соловьиный.
И сердце очнулось, другим оно стало!
Как грозен был щекот, хорош соловьиный,
да нет его более — ночь подошла.

И галочий говор нежданно разбужен,
и смутно и тяжело алеют щиты.
Спят вои, щитами себя оградили.
Ночь долго темнеет. И коршун все кружит.
Щиты, как оградою, стан оградили,
и светятся, словно ночные цветы!

ПЕРЕД БОЕМ

Были веки Трояновы, минули годы Ярославовы

Что сказать тебе посмею, княже?
Ворон злой крылами хлещет, кружит,
тьма от половецкой силы вражьей!
Русь моя! Кто путь к тебе укажет?
Плачет сердце, плачет, горько тужит.
Что судьба? Кому какое скажет:
путь ли к жизни, к смерти ли укажет?
Завтра бой, сил набирайся, друже!
Пронеслись, ушли века Трояна,
нет и лет великих Ярослава!
И холмы оделись в плащ тумана.
Гул идет из степи, гул пространный:
что это — пророчит пир кровавый
из туманного к нам океана? —
Чей-то громок голос океанный
над землею древнею Трояна!

Слышишь: долгий скрип телег и клики,
словно лебедей поднялись стаи,
и заполнен ими край великий!
Чьи-то тени выплывают, лики
пропадают, ведьмы ли летают,
кто их знает? Стебли повилики
оплетают камень. Чуешь клики?
Лебединые поднялись стаи!

Княже, позабудься у костра немного.
Где-то Киев стольный и Чернигов?
Днепр Словутич! Дальняя дорога!
Завтра бой, а знает ли Чернигов?
Кружит ястреб с облаком высоко,
крови жаждет, ждать ему немного!
Днепр гремит и стонет у порога.
О, как он от нас теперь далеко!
Там и соловьи и цвет сирени,
здесь же за холмом Стрибожьи внуки.
Сон вчера мне снился, сон о плене.
Мне б вдохнуть душистый цвет сирени!
Половцы близки, мы в черном круге.
Месяц встал, еще грознее тени!
Мне б вдохнуть душистый цвет сирени
И о вас забыть, Стрибожьи внуки!

СТРУЖИЕ

Этот древнерусский военный термин дважды встречается в «Слове о полку Игореве»:

«Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие храброму Святъславличю»; «Тѣй... (князь Всеслав.— Г. О.) скочи къ граду Киеву, и дотчеса стружиемъ злата стола Киевскаго»¹.

Хотя разночтений это слово не имеет (оно зафиксировано в одном и том же виде как в первом издании памятника, так и в екатерининской рукописной копии), однако разницей в переводе его на современный русский язык бросается в глаза: «копье», «древко копья», «жезл», «рукоять», «оружие», «всеоружие», «накопечничек (копья)», «палка», «палица», «дрот(ик)»².

Что же, в действительности, означало это слово и какова его судьба в русском языке?

О его характере употребления и лексическом значении можно судить прежде всего по процитированным двум контекстам и по другим древнерусским текстам, близким по времени написания к «Слову о полку Игореве» и содержащим этот термин.

Начнем с самого очевидного: в обоих приведенных контекстах *стружие* употребляется в окружении явных церковнославянизмов с неполногласием — слов старославянских по происхождению, книжных, торжественных; *сребрено, храброму, граду, злата* (ср. исконные восточнославянские *серебряно, хоробром, городу, золота*). Этот факт, как будто не обращающий на себя должного внимания исследователей, делает вероятным предположение, что и слово *стружие*, не будучи, конечно, старославянизмом (оно не отмечено в старославянских текстах и отсутствует во всех словарях старославянского языка), было или, по крайней мере, могло быть по своему характеру, подобно перечисленным славянизмам, архаично-возвышенным, что можно связывать в обоих случаях, когда встречается это слово, с упоминанием *князей*

(Игоря и Всеслава, имеющих «стружия»), а не простых воинов.

Предположение об архаично-торжественном, переходящем, ввиду архаики (а не происхождения!), в книжный, характере слова *стружие* подтверждается особенностями его употребления в других древнерусских памятниках, где оно встречается: в «Истории иудейской войны» Иосифа Флавы («Воиномъ же не отвѣщающим, мятежници на Флора вопияху, еже бысть вдно знамение на них. И абие воины, объемше я, бяхуть стружии»; «И не бысть пакости стѣнам, возбраняючи овну мѣхы. Римляне же, привязывающе серпы к стружиемъ, отрѣзываху мѣхы». Флав. Полон. Иерус., 272; 303. XVI в. ≈ нач. XII в.) и в «Хожении Даниила игумена» («Есть же распятие господне къ востоку лицъ, есть же на камени высоко было, яко стружия (в друг. сп. *стражия*) выше». Хож. Дан. игум., 19.1496 г. ≈ 1107 г.)³.

Приведенные со словом *стружие* контексты отличаются или книжностью, как из «Истории Иудейской войны» (наличие старославянского, ярко книжного оборота — «дательного самостоятельного»: «Воиномъ же не отвѣщающим» — и таких книжных слов, как *вопияху* с нейотированным *-а-*, *абие* с начальным *а-*, причастие *отвѣщающим* с двумя церковнославянскими приметами — в первом фрагменте; причастий *возбраняючи*, *привязывающе* — во втором контексте), или же особой торжественностью, как в «Хожении Даниила игумена», в связи с упоминанием верующим человеком места распятия Христа («Есть же распятие господне... яко стружия выше», — причем считающаяся порчей первоначального текста замена «стружия» древнейшего списка этого памятника, как слова, ставшего с течением времени непонятным для переписчиков, на «стражия»⁴ прямо указывает на редкость, архаичность слова *стружие*)⁵.

Ни в каких других, в том числе более поздних, чем упомянутые здесь, древнерусских текстах, это слово не встречается. Книжно-архаический характер слова *стружие* связан с его отсутствием в русских народных говорах (его никто не отмечал в русских диалектных словарях, его нет в сводной Картотеке «Словаря русских народных говоров» Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, как любезно сообщила нам Нина Алексеевна Романова, научный сотрудник этого Института) и в других живых славянских языках⁶.

Вероятнее всего, слово *стружие* было уже в XII—XIII веках архаичным.

Обратимся к семантике термина. Д. Прозоровский, а вслед за ним Г. Дьяченко и Д. В. Айналов полагали, что *стружие* в «Слове о полку Игореве» «означает жезл, т. е. знак великокняжеского достоинства», которым Всеслав «дотчеся... до злата стола Киевского»⁷. Но *стружие* встречается еще раз в «Слове» в

перечне трофеев, полученных Игорем после первой победы над половцами, и тогда непонятно, почему стружие как символ власти русского князя оказалось в числе добычи, захваченной у половцев. Другие древнерусские тексты, где встречается это слово (см. выше), также заставляют видеть в стружии не регалию княжеской власти.

Выяснению семантики рассматриваемого нами термина хорошо помогает одно из приведенных его употреблений в «Слове» — «дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго» — своеобразный индивидуально-художественный вариант древнерусского фразеологического оборота *взяти городъ (градъ) копьемъ* — «взять приступом, захватить военной силой» (например, в Лаврентьевской летописи под 971 годом, в Ипатьевской — под 1097 годом; Г. Е. Кочин отмечает 12 случаев упоминания этого выражения в летописях⁸), реже *добыти копьемъ*, с тем же значением (Ипат. лет., под 1287 годом); на это исследователи давно обратили внимание. Недаром И. И. Срезневский семантически определяет слово *стружие*, встречающееся в «Слове о полку Игореве», как «копье», хотя при этом ставится вопросительный знак, поскольку других контекстов у автора в этой словарной статье нет (Срезневский, III, 559).

Из сопоставления этих словосочетаний, сходных по синтаксической связи и выраженному ими смысловому значению, вытекает, что *стружие* — «копье», как и в приведенном выше отрывке из «Хождения Даниила игумена», комментируемом так: «В данном контексте Даниил — и не случайно — употребил «стружие» именно как название «копья». Продолжая описывать «распятие», Даниил, как всегда, вспомнил евангельский рассказ, связанный с этим местом: он указал на «разселину на камени», куда «сниде кровь и вода из ребр владычень», когда один из воинов копьем пробил ребра умершего Христа. Держа в памяти этот рассказ и напоминая о нем цитатой читателю, Даниил этим копьем, которое он назвал... именем «стружие», измерил высоту камня над распятием»⁹.

Выбор Даниилом из двух синонимов *копие(-ье)* и *стружие* второго, ввиду его отличительной архаично-торжественной окраски, отсутствовавшей у слова *копье*, вполне обоснован.

Цитированные примеры из «Истории Иудейской войны», приводившиеся еще В. Н. Перетцем в его работе «Слово о полку Игоревім» (Киев, 1926. С. 185), «также заставляют видеть в стружии копье».

Соответствуя такому употреблению слова *стружие* в «Хождении Даниила» и «Иудейской войне», толкование его как обозначения копья в «Слове о полку Игореве» при упоминании о Всеволоде не противоречит образному содержанию текста:

«Символика, связанная в Древней Руси с «копьем», придает особый оттенок выражению «Слова» «дотчеса стружием злата стола Киевскаго». Всеслав Полоцкий не взял Киев «копием» — он только «доткнулся» его, всего семь месяцев пробыв киевским князем в 1068 г.»¹⁰ Здесь справедливо подчеркнута, что глагол «дотчеса» достаточно хорошо передает непрочность, временный характер победы Всеслава, поэтому, пожалуй, нет необходимости далее допускать, что *стружие* в разбираемой фразе означает не «копье», а «древко копья». То соображение, что Всеслав взял Киев «не военной силой, но и не мирным путем, придя к власти через восстание киевлян», вряд ли помогает толкованию слова *стружие* как названия древка копья: все-таки утверждение «не мирным путем» реально означает «военной силой».

Кроме того, фигуральное употребление того или иного слова обычно строится на основе конкретно-образного восприятия. Доткнуться древком копья до чего-либо — значит при этом перевернуть копье или приблизить его острием к себе; но такое странное действие воинам неизвестно и не отмечено в древнерусской письменности.

Как видим, маловероятно, что *стружие* при его упоминании в «Слове о полку Игореве» в связи с князем Всеславом — название древка копья.

Является ли таковым оно при первом упоминании в тексте «Слова»?

На первый взгляд, да, потому что князь Игорь получил трофейную челку (срезанные с хвоста лошади волосы) не как отдельный, изолированный предмет (иначе эти волосы рассыпались бы), а вместе со знаменем («хорюговью», как сказано в тексте), к древку которого она и должна была быть привязана. Но какое слово обозначает древко? В тексте сказано: «Чрьлень стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие храброму Святъславличу», стало быть, этим словом является одно из трех — *стягъ*, *хорюговь* или *стружие*. В решении вопроса естественнее всего идти в направлении от более известных, чем *стружие*, первых двух терминов. Челка могла быть прикреплена, например, к жезлу, скипетру. Не случайно А. Югов переводит в анализируемой фразе существительное *хорюговь* словом *скипетр* со следующим обоснованием: «Не в одном, а в нескольких древнерусских переводах с греческого слово «скептрон» — скипетр — переведено через *хоругвь*. Например (Диоклетиан): «Недостойное хоругвь восприим», т. е. недостойно принял бразды правления; в подлиннике «скипетр». «И хоругвь имать, яко человек суди стране» — в греческом опять слову *хоругвь* соответствует *скипетр*»¹¹.

Поиски А. Югова понятны: маловероятно, чтобы и *стягъ* и *хорюговъ*, стоящие в тексте «Слова о полку Игореве» рядом, оба обозначали «знамя»: в таком случае проще было бы упомянуть о двух трофейных стягах или двух хоругвях (*хоругвь* «знамя» имело и особое значение — «христианское знамя с ликами святых», но ясно, что при упоминании половецкой хоругви такое — особое — знамя не имелось в виду). Однако в значении «жезл, скипетр» слово *хоругвь* (*хорюговъ*) в древнерусских текстах встречается не в оригинальных памятниках, а в переводах с греческого, в отличие от слова *стягъ*, чаще всего обозначавшего «знамя», но также выступавшего как в оригинальных, так и в переводных текстах в значении «древко знамени»: «И бысть сѣча зла, и потяша Половци стяговника Русскаго и челку стяговную сторгоша съ стяга» (Моск. летоп. свод. к XV в., л. 98 об., под 1169 годом)¹²; «Стяговъ же, коими ношашеся кивот, иже мало должѣе бѣху, главы являхуся пред молебником». Библ. Генн. II Парал., V, 9 (1499 год) (Этот пример с определением *стягъ* «шест, жердь» приводится В. Л. Виноградовой в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве», Л., 1978. Вып. 5. С. 246).

Привычность значения «древко, шест» у слова *стягъ* для русского человека с давних пор была неизмеримо большей, чем у слова *хоругвь* (и *хорюговъ*), судя не только по его этимологии (русское, украинское *стяг*, белорусское *сцяг* восходят к древнерусскому *ст.Агъ* «боевое знамя», заимствованному из древнескандинавского *stong* «древко, шест», древнешведского *stang* то же. Фасмер III, 790), но и по употреблению слова *стяг* «кол, жердина, слега, шест, толстая и долгая палка, орясина, дубинка... // древко, ратовище» в русских народных говорах и в украинском языке (Даль, IV, 351) (Ср. в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Т. IV. С. 574: «*стяг*, 1) шест, жердинка (обл.); 2) знамя (книжн. поэт. ритор.)»).

Слово же *хоругвь* (и украинское *корогва*) таких значений ни в русском, ни в украинском языках (и народных говорах) не имеет.

Сказанное о семантике слова *стяг* соответствует мнению специалистов в области истории русской материальной культуры: «...первые христианские стяги русских состояли из длинного древка, стяга собственно, к которому прикреплялось полотно...» (Далее указаны другие составные части знамени).¹³

Таким образом, весьма вероятно, что слово *стягъ* при упоминании в «Слове» трофеев, доставшихся русским воинам, обозначает «древко (знамени)», *хорюговъ* же — «само полотнище».

Допущение, что именно *сребренное стружие* (а не *стягъ*) при упоминании этих трофеев обозначает «древко знамени», уже давно вызывало справедливые возражения: «1) нет примера,

чтобы у знамен делались серебряные древки; 2) есть ли возможность и сильному знаменосцу таскать такое знамя?»¹⁴

Кроме того, если допустить, что при упоминании трофеев *стружие* — «древко», то ввиду того, что во втором, уже рассмотренном, контексте («дотчеся стружиемъ») это слово обозначает «копье», придется признать метонимический переход «копье» → «древко» или же «древко» → «копье». Такой переход для обозначения копья в древнерусском языке не имел места. Перенос названия шел от всего копья к его наконечнику, и это понятно: если кого-то пронзили копьем, то, конечно, пронзили наконечником. В Словаре русского языка XI—XVII веков в статье *копье* (*копие*) (М., 1980. Вып. 7) есть только переход «копье» → «наконечник копья»: 266 древокъ безъ копей. ДАИ X, 99.1682 г. Другие примеры: пятнатцать копей на древахъ (Кн. пер. арханг. артил. № 58, л. 15 об., 1710 г.—Картотека ДРС); у Даля (2-е изд. Т. IV. С. 100) копьем называется металлическая часть рогатины. То же можно сказать и о названии метательного копья — существительном *сулица*, которое, помимо основного значения, могло также обозначать «острие, наконечник копья», но не «ратовище»: «копейные сулицы» упоминаются в Есиповской летописи, сп. XVII—XVIII вв. (см. Сибирские летописи. Спб., 1907. С. 129), причем такая семантика слова характерна, по мнению О. Г. Пороховой, для Сибирских летописей.

Вследствие такого перехода названия (от копья к его наконечнику) известен и обратный переход — от наконечника к <метательному> копью: с 1682 года и далее в XVIII веке стало употребляться в русских памятниках письменности название *дротик* «стяг, наверхье знамени» (ДАИ X, 111.—Картотека ДРС), позднее — «вид копья» (Крашенинников. Описание Камчатки, 1755. Т. 2. С. 286—Картотека Словаря русского языка XVIII в.).

По названию копья название его древка в древнерусском языке возникло лишь путем добавления суффикса к образующей основе: *ратище* «копье» — *ратовище* «древко».

Таким образом, при упоминании трофеев *стружие* не «древко», но, по-видимому, «наконечник копья, используемый как наверхье знамени» (здесь следует подчеркнуть, что наконечники копий часто использовались в функции наверхья знамени). И это — вопреки большинству переводов «Слова» на современный русский язык, как при первом издании «Слова» в 1800 году, когда *стружие* в обоих случаях, где оно встречается, было переведено словом *древко*, так и у В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, А. Н. Майкова, Л. А. Мея, позднее — у А. С. Орлова и Д. С. Лихачева, авторитетно закрепивших такой неоправдываемый перевод.

Предлагаемое здесь толкование соответствует образному содержанию «Слова»: Игорь получил в виде трофея не богатые ткани, не половецких девушек, вообще не четыре разных предмета, а всего лишь знамя противника, состоящее из древка («стяга»), белого полотнища («хорюгови»), «челки» и серебряного навершья в виде наконечника копья:

«А красное древко—хоругвь
белая—
Красная челка—наконечничек
серебряный,—
Вот добыча самого Святославича»¹⁵.

По поводу этого перевода может быть высказано лишь одно замечание: вместо тире между однородными членами должны стоять запятые.

Тот факт, что *стружие* в «Слове о полку Игореве» во втором случае—«копье», а в первом—«наконечник копья (навершье знамени)», подтверждается этимологически.

Хотя слово *стружие* и было архаичным в XII—XIII веках, оно, будучи исконным и известным даже в древности только восточным славянам, возникло на собственно славянской базе значительно позднее образовавшегося еще в праславянскую эпоху общеславянского термина **korъje* (> др.-рус. *копие*).

Слово *стружие* образовалось от основы праславянского глагола *strugati* «строгать» (известного наряду с общеславянским существительным *strugъ* «инструмент»), сравните русское диалектное *стругáть*, белорусское *стругáць*, украинское *стругáти* «строгать» (Фасмер III, 783), древнерусский глагол *стругати*, *стружу* («Башкирцы... стрѣлы стружутъ и посыри (так!— Г. О.) починиваютъ, и хотять де итти на калмыковъ собою...» ДАИ, т. VIII, 35. 1678 г.—Картотека ДРС), рус. простореч. *стружítъ* 'строгать' (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1963. Т. 14. Стлб. 1079).

«Стружие, без сомнения, происходит от глагола *стругать* (от этого же *стружка*); поелику железо стругают, как дерево; и потому *стружие* может обозначать вообще оружие, в теснейшем же смысле *копье*»¹⁶.

При образовании слова *стружие* от корня *струг-* конец этого слова был оформлен по образцу уже давно существовавшего термина *копие*; ср. также *острие* и приводимое у Даля (2-е изд. Т. 2. С. 705) русское *бстие* ср. р. «жало, игла, шип, колочка на растениях». Такое оформление слова *стружие* обязано его семантике «копье».

Возможно, с употреблением слова *копье*—одобрительно о человеке расторопном, сметливым: «Малый—копье!» (Обоян. Курск., 1858.—Филин 14, 1978. С. 307) связано одобрительное же

(о человеке, мужчине) *стружок*, выступающее наряду со словом *соловешка* в качестве приложения (эпитета) по отношению к слову *другок* в русской песне 1830-х годов:

Люблю дружка, золота стружка,
Золота стружка, соловешка.
Да и за то ево люблю:
По ночам не спит...
По зарям рано встает¹⁷.

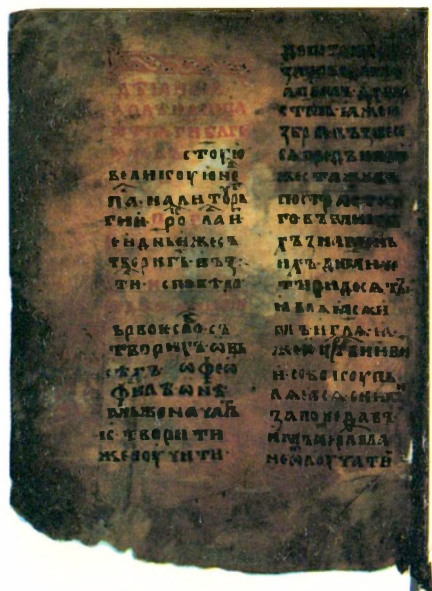
Возможно, *соловешка* здесь не эпитет, а предмет речи, подлежащее; но так как в народной русской поэзии названия птиц, ягод и т. п. переосмыслены и употребляются чаще символически, то скорее всего слово *стружок* здесь указывает на любимого человека.

Однокоренным с термином *стружие* является и слово *острожок* «в Древней Руси металлическое навершие у знамени», в котором имеем приставку *о-*, корень *строж-* с гласным *о*, чередующимся с *у* в слове *стружие* (ср. *строгать* // *стругать*). Термин *острожок* упоминает Л. Яковлев, характеризуя первые христианские знамена русских, состоявшие из длинного древка, к которому прикреплялось полотно; верхний конец стяга вооружался острожком, который позднее стали заменять крестом; под острожком подвязывалась челка, окрашенная яркой краской.

Л. Яковлев называет четыре составные части древнерусского знамени (первоначально, как подчеркивает сам автор, не христианского) в полном соответствии с упоминаемыми в «Слове о полку Игореве» четырьмя составными частями трофейного знамени, среди которых *стружие* — «острожок» — и прикрепленная возле него «челка». Ср. русское диалектное *струга* «острога».

Вышедшему из употребления после XII—XIII веков слову *стружие* этимологически родственно, семантически четко отличаясь от него, не связанное с ним исторически собирательное существительное *стружье* ср. р., «стружка»: «На кучку железных обломков, стружья, у комканной грязи выскочила хрупкая тощая фигурка рабочего»¹⁸.

Хотя оставшаяся до сих пор невыясненность семантики слова *стружие* в значительной мере обусловила необоснованную передачу его современным *древко* у большинства русских переводчиков «Слова», что, к сожалению, стало чтимой традицией, однако большинство других славянских переводчиков (кроме болгарских и отчасти украинских, продолжающих ту же традицию) понимают *стружие* как «копье»; сюда относятся: В. Щурата (словоформы *спис* «копье» и *коп'ем*¹⁹), Я. Купала (*dziida* «копье»²⁰), Ю. Тувим (словоформы *korje* и *dzidaq*²¹), В. Ганка (*oštěr* «копье» и *dřewcem*²²), М. Гаттала (*oštěr* и *oštěrem*²³), К. Эрбен (то же²⁴), Ф. Кубка (то же²⁵), Г. Врбова (*kopí*, предл.

Псковский Апостол 1307 г. Первый лист, оборот

Псковский Апостол 1307 г. Лист 58-й, оборот

Дмитрий Солунский. Мозаика Михайловского монастыря в Киеве. XI век. Государственная Третьяковская галерея

Знамение. Из Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. XIII век

Борис и Глеб. Икона московской школы. XIV век. Государственный Русский музей

И. Билибин. Русский воин. 1930

Н. Гончарова. Бой. 1924

Н. Гончарова. Бой. 1924

*И. Билибин. Князь Игорь.
1929*

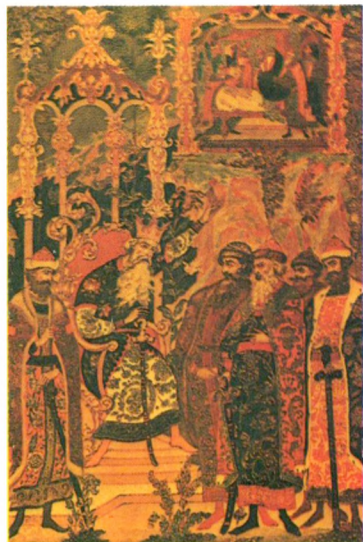
Н. Гончарова. Плач. 1924

И. Голиков. Разворот. 1934

И. Голиков. Титульный лист. 1934

*И. Голиков. Золотое слово
Ярослава. 1934*

*И. Голиков. Плач Ярославны.
1934*

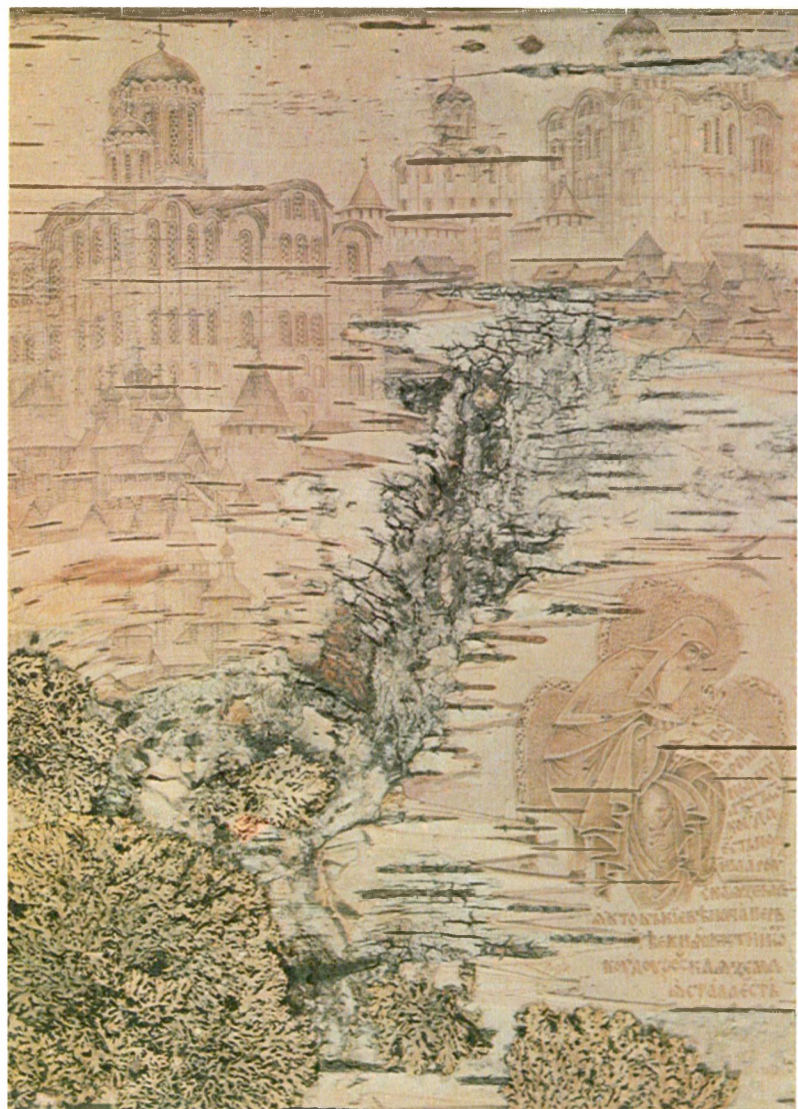
А. Алексеев. Бой. 1950

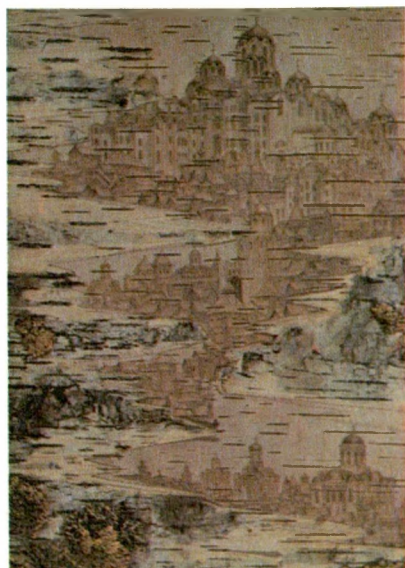
Р. Белоусов. Боян. 1980

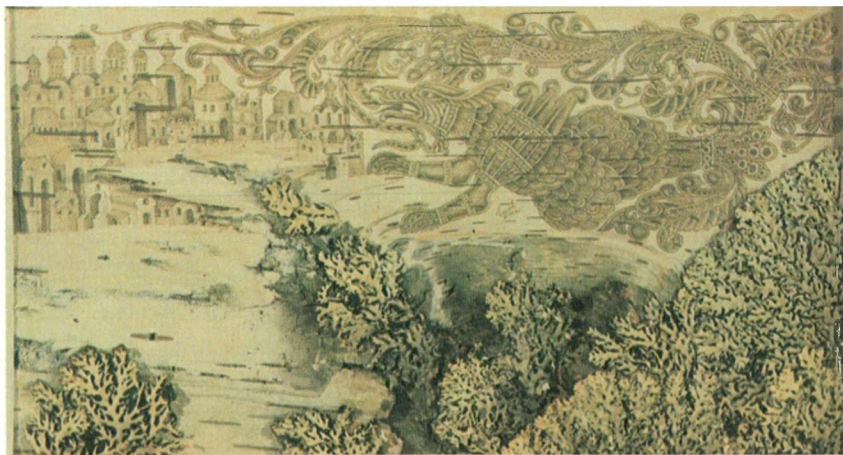
Б. Чурилов. Ярослав Мудрый

АКТОМЪ СЪМЪ ПЕРЪ
ВЪ КИЕВЪ ТИИ
ПОДЪ СЪ НАДЪ СЪ
СЪ СЪ СЪ

Б. Чурилов. Киев — мать городов русских. Триптих

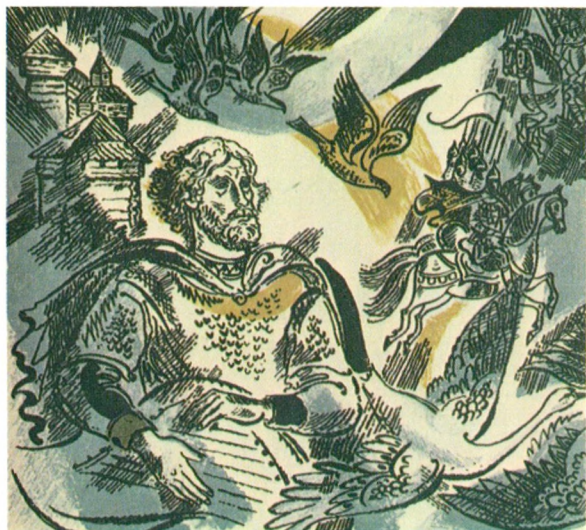
Б. Чурилов. Змей Горыныч перед Киевом

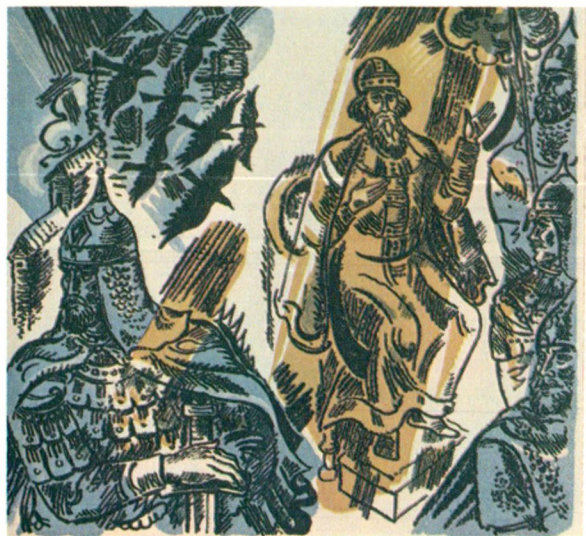
Б. Чурилов. Лев и дракон

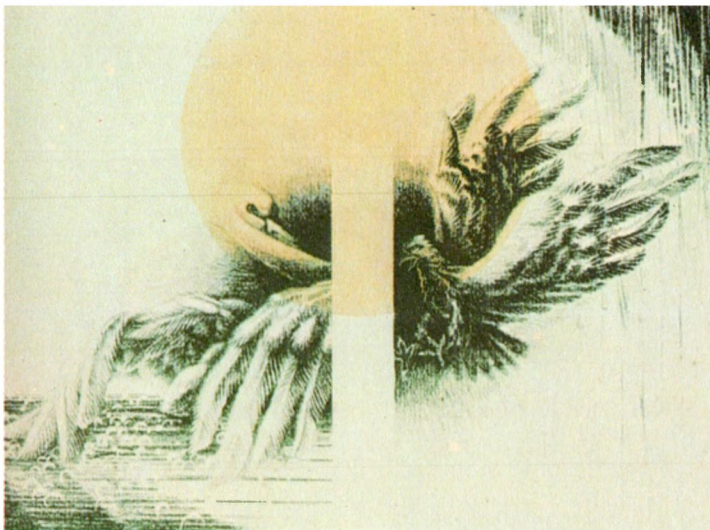
Б. Чурилов. Всадник и дракон

Е. Лось. Боян

Е. Лось. Золотое слово Святослава

Ю. Селиверстов. «Десять соколов на стадо лебедей...»

Ю. Селиверстов. «О Русская земле, уже за шеломянем еси!»

*Ю. Селиверстов. «Злато слово с
слезами смешено...»*

*Ю. Селиверстов. «Светлое и
тресветлое солнце»*

Экслибрис работы художника
В. Лопаты

Автоэкслибрис работы С. Рубцова

Экслибрисы работы художников В. Марфина и
В. Лопаты

пад., и *ratišĭm*²⁶), Д. Медич (*копье*²⁷), С. Шайкович (словоформы *копье* и *оружьем*²⁸), М. Плетершник (*sulico* и *korjet*²⁹), Р. Нахтигал (*korje* и *korjet*³⁰).

Итак, древнерусское, по всей вероятности, архаичное, но не церковнославянское, народное восточнославянское по происхождению слово *стружие* имело значение «копье» и, подобно таким синонимам, как *копье*, *дрот(ик)*, *сулица*, употреблялось также в значении «наконечник копья»; с той и другой семантикой этот термин представлен в «Слове о полку Игореве».

В заключение отметим, что историко-лексикологическое описание слова *стружие*, хотя и беглое, в литературе имеется. Интересное наблюдение об употреблении этого существительного в «Слове о полку Игореве» сделано еще в 1957 году С. Д. Ледяевой³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 11 и 35.
- 2 Например, *стружие* переводят словом *всеоружие* (Н. Грамматин), словом *древко* (изрядка *деревко*)—К. Д. Бальмонт, В. Басов-Верхоянец, Н. Бланшард, С. В. Ботвинник, Н. Гербель, В. А. Жуковский, В. В. Капнист, Н. М. Карамзин, Д. С. Лихачев (ритмический и объяснительный переводы), А. Н. Майков, Л. А. Мей, А. И. Мусин-Пушкин, неизвестный переводчик XVIII в. (см. Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 100. Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.), И. Новиков, А. С. Орлов, Я. Пожарский, И. Серяков, Л. Тимофеев, С. В. Шервинский (1934), Г. Шторм (первое употребление термина в тексте, тогда как второе у этого переводчика передается термином *копье*), *древко* и *жезл* (С. В. Шервинский, 1967), словами *дрот* и *копье* (М. Д. Деларю), *дротик* и *пика* (М. Тарловский), *жезл* (Н. К. Гудзий), *жезл* и *кончик копья* (Н. И. Рыленков), *жезл* и *палка* (Д. Прозоровский), *копье* (Н. А. Заболоцкий, А. Степанов, Н. Тихонравов), *наконечничек* и *конец копья* (Н. М. Павлов [Бицын]), *оружие* (А. Вельтман), *оружие* и *копье* (А. Югов), *палица* (В. И. Стеллецкий, прозаический и поэтический переводы в изд. 1965 г.), *рукоять* (Е. В. Барсов), *рукоять* и *древко* (С. Шамбинаго и В. Ржига).
- 3 Цит. по: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1978. Вып. 5. С. 238—239.
- 4 Житие и хожене Данила Русьскыя земли игумена 1106—1108 гг./ Под ред. М. А. Веневитинова // Православный палест. сб. 1883. Т. 1. Вып. 8. С. 19; 1885. Вып. 9. С. 242.
- 5 Других упоминаний слова *стружие* в древнерусских текстах словарные картотеки Института русского языка АН СССР (Москва) не фиксируют, хотя известно однокоренное с этим термином существительное женского рода *стружа* в словосочетании *стрѣльная стружа*, встречающееся в текстах XVII века, например: «Чтоб... заповедных товаров... стрельной стружи и стрел и железец стрельных и пицалей... не продавали». Гр. Хив. Бух.218. 1673 г.—Картотека ДРС.
- 6 Правда, в этимологическом словаре Ф. Миклошича (Miklosich, 327) среди производных от *střug* дается в качестве украинского, со ссылкой на 485 страни-

- цу «Хрестоматии» О. Огоновского, слово *стружие* «ратище, hostile, Schaft» (ни одного другого славянского соответствия этому *стружие* ни в данном, ни в других славянских словарях, этимологических и толковых, нет). В издании «Хрестоматия староруска для высших клас гимназияльных. Текст с пояснениями, додатком граматичным и словарем выдав д-р Омелян Огоновский. У Львове, 1881», действительно приводится *строужие* «ратище, hostile, Schaft des Wurfspreises» и именно на с. 485 — в словарной части книги («словарце»); в тексте же оно представлено в этой хрестоматии на с. 173 и 192 — в «Слове о полку Игореве». Таким образом, считать это слово украинским лишь на основании материалов «Хрестоматии» О. Огоновского невозможно. (Подчеркнем, кстати, что сам автор назвал эту хрестоматию «старорусской», а не украинской.) Не заметив этой, в сущности, небольшой, оплошности Ф. Миклошича, М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» (М., 1971. Т. 3. С. 783) в статье «стружие» приводит «украинское» *струже* с толкованием 'древко'. Обращение к украинским словарям, однако, настораживает. У Гринченко и в современном многотомном украинском толковом словаре (Словник української мови. Київ, 1978. Т. 9) слова *струж(и)е* нет, как и в «Словнике староукраїнської мови XIV—XV століття» (Київ, 1978. Т. 2, где на с. 395 приводится лишь *строуга* 'поток'). Даже если бы М. Фасмер, приводя «украинское» *струже*, исходил не из данных Ф. Миклошича, а из других материалов, то и в таком случае следует признать слово *струже* нехарактерным или малохарактерным для украинского языка XIX—XX веков, как и для староукраинского языка.
- 7 Прозоровский Д. Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве» // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии имп. рус. археолог. об-ва. Спб., 1882. Т. 3. С. 235—236; Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900. С. 675—676 (буквально излагается точка зрения Д. Прозоровского); Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // В кн.: Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. 1935. Т. 2. С. 87—88.
- 8 Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 154.
- 9 Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 85.
- 10 Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 76.
- 11 Югов А. Слово о битве Игоревой // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 232. Б-ка поэта. Большая сер.; см. также: Слово о полку Игореве. Пер., коммент. и ст. А. Югова. М., 1975. С. 92, 142.
- 12 Полн. собр. рус. летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 81.
- 13 Яковлев Л. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. Доп. к III отд. М., 1865. С. 15.
- 14 Грамматин Н. Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою и с одной переложенная стихами древнейшего русского размера с... историческими и критическими примечаниями. М., 1823, С. 138.
- 15 Павлов Н. М. «Слово о полку Игореве». М., 1874. С. 25; этот перевод Н. М. Павлова (Бицына) воспроизводится в издании: «Слово о полку Игореве». Подлинный текст, его прозаический пер. и худож. переводы и переложения рус. поэтов 19-го и 20-го вв. М., 1938. С. 202.
- 16 Грамматин Н. Указ. соч. С. 138.
- 17 Песня цитируется по: Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игореве». Спб., 1875. С. 338.
- 18 Фурманов Д. А. Собр. соч. М., 1952. Т. 3. С. 7. (Пример взят из Картотеки «Словаря современного русского литературного языка», хранящейся в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР, и любезно прислан автору настоящей статьи Ниной Алексеевной Романовой.)

- 19 Слово о пльку Игоревѣ в українських художніх перекладах і переспівах XIX—XX ст. Київ, 1953. С. 194 и 204; Слово о полку Игоревім. Київ, 1955. С. 215, 229; Шурат В. Поезії. Слово про похід Ігоря. Пісня про Роланда. Львів, 1957. С. 42, 55.
- 20 Слова аб палку Ігаравым. Минск, 1938. Ч. 41, 47 (прозаический перевод), 59 и 74 (стихотворный перевод); Слова аб палку Ігаравым. Минск, 1952. С. 19, 25, 37, 50.
- 21 Słowo o wyprawie Igora. Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył A. Brückner. Kraków, 1928. С. 11, 33.
- 22 Igor Swatoslawič. Hrdinsky zpiew o taženj proti polowcům. Wěrně w půwodnjm gazyku, s připogenjm českého a německého přeloženj. Od Wacława Hanky. V Praze, 1821. С. 11, 33.
- 23 Slovo o polku Igorevě. Vydal Martin Hattala. V Praze, 1858. С. 14, 19.
- 24 Dvě zpěvy staroruských totiž: O výpravě Igorově a Zádónština. Vydal K. J. Erben. V Praze, 1870. С. 5, 15.
- 25 Slovo o pluku Igorově. Přeložil František Kubka. Praha, 1946. С. 5, 16—17.
- 26 Slovo o pluku Igorově. Přeložila Hana Vrbová. Praha, 1977. С. 19, 42.
- 27 Слово о полку Ігоревом или пјесма о Ігоревой чети / Превео и објаснио Данило Медић. Пг., 1870. С. 27.
- 28 Песма о војевању Ігорову—руски епски спев из XII века. Превео доктор Иван С. Шайковић. 2-е изд. Хелсинки, 1939. С. 7, 12.
- 29 Slovo o polku Igorevě. Iz staroruskega poslovenil in razložil M. Pleteršnik. V Celovcu, 1866. С. 9, 19.
- 30 Staroruski ep Slovo o polku Igorevě. Slovensko izdajo priredil prof. dr. Rajko Nahtigal, redni član Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana, 1954. С. 31, 51.
- 31 Ледяева С. Д. К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики XI—XIII вв. (по данным летописей) / Учен. зап. Кншин. пед. ин-та. 1957. Т. 8. Сер. гуманит. наук. С. 78. С. Д. Ледяева, впрочем, определила семантику существительного *стружие* без достаточной аргументации и однозначно — «наконечник копья», а, с другой стороны, неоправданно оторвала это слово от его употребления у игумена Даниила, предположив, что он под словом *стружие* подразумевал «возвышенность, столб, ствол».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Гринченко—Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907—1909.
Картотека ДРС—Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Москва: Институт русского языка АН СССР).
- Miklosich—Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Срезневский—Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1893—1903.
- Фасмер—Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1971. Т. 3.
- Филин—Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина. Л., 1978. Вып. 14.

Андрей Иванов

«ТУЛИ ОТВОРЕНИ, САБЛИ ИЗЪОСТРЕНИ...»

Называя «Слово» то «повестью», то «поэмой», то «песнью», его исследователи сходятся в определении «воинская». И в самом деле: его содержание говорит само о себе: это повествование о ратных делах, о военном походе, о жестокой схватке с врагом.

Автор «Слова», кем бы он ни был, не понаслышке знал о ратном труде и воинской жизни. Ему до мельчайших подробностей известны боевые строи и дружинные порядки, он, без сомнения, много раз держал в руке грозный для недруга меч, его плечам была знакома тяжесть ратных доспехов, его ногам приходилось сжимать бока боевого коня. Но и те, к кому он обращал свое «Слово», знали такие же ощущения не в меньшей степени. И потому в поэтических намеках воспринимали отчетливо то, о чем автор «Слова» не считал нужным договорить до конца.

Сегодняшний читатель «Слова» в ином положении. Ему, быть может, ни единого раза не доводилось «вступить в стремя», а того паче — слышать, как гудит земля под копытами сотен и тысяч коней. Перед его мысленным взором лишь с трудом возникает скрывающая поле сражения пыль. А мечи и шеломы, кольчуги и «чрьленые» щиты он видел разве что за стеклом музейных витрин и на картинках. И потому воспринимается сейчас «Слово» отчасти по-другому, быть может, несколько менее напряженно, чем тогда, восемь столетий назад, когда в отзвуке бедственного поражения рати Игоря родился страстный призыв к единению русских земель во имя их защиты от недруга.

Разумеется, сила поэтического воздействия «Слова» отнюдь не уменьшается от некоторой размытости контуров описываемых в нем событий, скрытых дымкой протекших веков. Но все же более отчетливое их восприятие, быть может, позволит иным из читателей как бы приблизиться к временам, когда «Слово» впервые прозвучало, и тем самым поможет им обратить внимание на кое-какие скрытые от них грани старейшего из бесценных

сокровищ русской словесности. В этом — смысл предлагаемых читателю заметок о ратном деле на Руси в исходе двенадцатого столетия. Справедливости ради, следует добавить, что гораздо полней и шире подобные вопросы рассмотрены в посвященных тому времени работах крупнейших советских ученых, в ряду которых можно назвать академиков А. В. Арциховского, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, профессора А. Н. Кирпичникова, генерал-лейтенанта профессора В. Г. Федорова и многих других. И лишь сознание того, что иные из названных работ адресованы в первую очередь специалистам, а другие превратились в библиографическую редкость и потому не слишком доступны широкому читателю, подвигли пишущего эти строки на их создание.

* * *

Итак, раскроем еще раз великое творение безвестного гения. «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ; трубы трубять в Новѣградѣ — стоять стязи въ Путивлѣ!»*

Общеизвестен смысл образа, объединяющего события, происходящие на разных концах Русской земли. Объяснительный перевод академика Д. С. Лихачева так трактует эти строки «Слова»: еще только ржут вражеские кони за пограничной рекой Сулой, а уже звенит слава победы в Киеве; еще только трубят, созывая войска, трубы в Новгороде-Северском, а уже стоят в Путивле стяги. Но есть и еще один глубоко поэтический смысл соединения разнородных и разновременных событий. Да, конечно, ржут за Сулою вражеские кони. Но ведь и в Новгороде-Северском собирается рать. И, завидев после довольно долгого, быть может, перерыва других коней, ржут жеребцы Игорева войска. Слава грядущей победы наверняка звенит в ушах и самого князя, и его воевод, и рядовых дружинников. Трубы — так те прямо сзывают войско Северского княжества и подают команды уже выстроившимся под своими стягами дружинам. То же самое происходит и в других городах, где правят участники задуманного похода: в Чернигове собрал полк из подвластных ему степных племен двоюродный брат Игоря Ярослав Всеволодович, в Рьльске — Игорев племянник Святослав Ольгович, в Путивле развешаются стяги Владимира Игоревича — того, кто вскоре женится на дочери половецкого хана Кончака. А в Курске готовятся к выходу воины «буй-тура» Всеволода Святославича,

* Здесь и далее «Слово о полку Игореве» цитируется по комментированному изданию, осуществленному академиком Д. С. Лихачевым. Эта книга, включающая текст «Слова», его подстрочный и объяснительный переводы, комментарии и поэтические пересказы, неоднократно выходила в издательстве «Детская литература». При работе над настоящей статьей использовано издание 1975 года.

родного брата Игоря (и еще в Трубчевске — другом городе удела «буй-тура»).

В звучание труб — а их в каждом из полков немало, по крайней мере несколько десятков — вплетается грохот других сигнальных инструментов: бубнов и накров (литавр). В более поздние времена накры достигнут огромных размеров — так что у каждого инструмента станут до восьми литавричков. Но и во времена «Слова» они не были маленькими. Их звучание перекрывало все другие звуки на поле боя и наводило ужас на врага. Могли сопровождать Игореву рать и другие музыкальные инструменты — сопели и сурны. Сопель (это название дожило до наших дней в форме украинского слова «сопилка») — не что иное, как род продольной флейты. А сурна мало чем отличается от той зурны, которая известна многим народам Кавказа и Средней Азии.

Уже в самой первой картине сбора войск Игоря говорится о стягах. Такое слово не нуждается в истолковании — пользуемся мы им и сейчас наряду со словом «знамя». И смысл его нисколько не изменился. В своем звучании оно сохранило связь с породившим его глаголом «стягивать». Поистине огромно было значение стягов в русском войске. И не только как символа, но и как непосредственного ориентира в сражении: ведь бой неминуемо распадался на множество отдельных схваток. Вокруг стяга собирались воины. Его движение показывало — чья сила одолевает. А если случалось стягу пасть или, что того хуже, неприятель овладевал им, то войско приходило в расстройство и чаще всего терпело поражение.

Стягам придавалась форма почти квадратного полотнища, укрепленного на древке. К противоположной его стороне пришивались треугольные продолговатые полосы из более легкой ткани. Так что даже при слабом ветерке эти полоски приходили в движение и делали стяг еще более заметным. На основном полотнище стяга вышивались разноцветными шелками, золотом и серебром эмблемы князя или княжества — самые разнообразные, а начиная с последних десятилетий XIII века обычно помещался лик Иисуса. Автор «Слова» ничего не говорит о том, как выглядели стяги дружин Игоря и других участников похода: ведь это и без него хорошо знали те, к кому он обращался с призывом бороться с нашествием врага. Зато трофейные половецкие знамена описаны весьма подробно:

Чрълень стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие

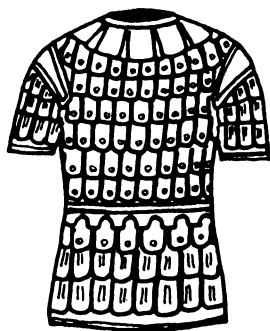
— то есть, сами стяги «червленые» (красные), пришитые к ним

полотнища, названные здесь хоругвями, белые, древко серебряное. А слово «чолка» — не что иное, как бунчук, конский хвост на древке, издавна служивший на Востоке символом власти. Как видно из описания, половцы красили бунчуки красной краской. Русские же стяги упоминаются в «Слове» еще раз — и опять в удивительной наглядности поэтического образа: рассказывая о несогласии между князьями-братьями Рюриком и Давыдом Ростиславичами, автор «Слова» говорит: «Нъ розно ся имъ хоботы пашуть» («врозь у них полотнища развеваются»). Стоит отметить, попутно, что развевающиеся полотнища назывались «хоботами».

А теперь вновь вернемся к началу и попытаемся взглянуть на дружины, пришедшие по зову труб под стяги Игоря и союзных ему князей.

Прежде всего, все войско конное. Прямых утверждений на этот счет в тексте нет, как нет их и в обоих подробных летописных рассказах о походе Игоря — в Ипатьевском и в Лаврентьевском списках. Некоторые исследователи, правда, пытались истолковать рассказ Ипатьевской летописи про то, что не оставил Игорь в беде «черных людей» своего войска, не воспользовался быстротой и крепостью княжьих коней, чтобы спастись от нападающих половцев, как свидетельство участия в походе пешей рати. Но, как показал академик Б. А. Рыбаков в своем исследовании «Слово о полку Игореве» и его современники» (М., 1971), не может быть и речи о включении в состав участников похода, задуманного как стремительный конный рейд, пеших воинов. Разница между «черными людьми» и «добрыми», т. е. «лучшими» воинами могла заключаться лишь в качестве их коней и, возможно, количестве: у князей, бояр и «отроков», несомненно, были запасные кони — достаточно вспомнить позднейшие, уже времен Московского государства, требования к воинам дворянского ополчения быть на конях и в доспехе полном, в дальний же поход выходить «о двуконь». Из таких соображений вытекают и тактические возможности войска. О них говорит Б. А. Рыбаков в уже упомянутой книге, равно как и исследовавший текст «Слова» с чисто военной точки зрения генерал-лейтенант В. Г. Федоров (Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? М.: Мол. гвардия, 1956). В обычное время конное войско могло проходить в день в среднем 32—35, а иногда и 50 километров (подобная норма считалась обычной в кавалерии XIX—XX веков). При ускоренной езде конникам Игоря удавалось за день пройти от 65 до 78 километров (в позднейшей кавалерии допускалась норма 80—85 километров). И, наконец, при форсированном марше оказывалась преодолимой дистанция суточного перехода в 100, 120 и даже 140 километров.

Защитное вооружение русских воинов.
Чешуйчатая броня.
(Здесь и далее — рисунки автора
статьи)

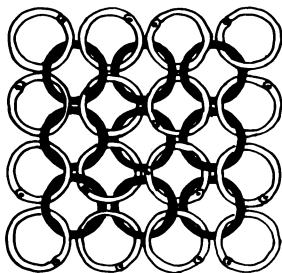

А обозы? — возможно, спросит кто-нибудь из читателей. Обозов не было. Точнее, колесных обозов. Все, что требовалось войску в походе, перевозилось либо в переметных сумках самими воинами, либо во вьюках на специально взятых для такой цели лошадях. Иначе и быть не могло — ведь по «неготовым» степным дорогам повозки шли бы едва ли быстрее пеших ратников. Все эти соображения, разумеется, относятся только к походу Игоря — сравнительно скромному по масштабам, несмотря на поставленные перед ним достаточно серьезные цели («испити шеломеном Дону»). Другие походы — те, в которых на половцев выходила объединенная сила всех русских княжеств, — предпринимались, разумеется, с участием пешего ополчения и тележного обоза: выставить полностью конную рать оседлая земледельческая Русь попросту не смогла бы.

О численности «полку Игорева», составленного из его собственной дружины и дружин его союзников и родственников, в «Слове» нет ни единого намека. Ничего не говорят об этом и авторы летописных рассказов. Современные историки по-разному оценивают число ставших под Игоревы стяги воинов. Оценка чаще всего колеблется в пределах 4—8 тысяч человек. А в «Истории Российской с древнейших времен» русский ученый XVIII века В. Н. Татищев, располагавший позже утерянными летописными текстами, говорит о пяти тысячах русских пленников после битвы у Каялы. Следовательно, ближе к истине, по всей вероятности, верхние пределы современной оценки: ведь помимо попавших в плен воинов многие погибли на поле брани или вскоре умерли от ран.

Слово «полк» в языке Древней Руси многозначно. В Ипатьевской летописи говорится о войске, предводимом Игорем Святославичем: «...изрядиша полковъ шесть», — по числу принявших участие в походе князей, да еще особьей, отдельный полк

Схема соединения кольчужных колец (сваренные кольца для наглядности заштрихованы)

«стрельцов» (лучников), выделенных ото всех других полков. Все они вместе и составили примерно 6—8 тысяч ратников.

Кто же они, эти люди, вышедшие далеко в степь в поисках «себе чести, а князям славы»?

К концу XII века княжеская дружина уже совсем не та, какой она была в первые века Киевской Руси. Она по-прежнему делится на «старшую» и «младшую», но уже не на князем дворе живут теперь в большинстве своем дружинники. И миновала пора их совместных трапез за княжьем столом — тех «почестных пиров», память о которых сохранили былины о богатырях. Тогда, в далекую для героев «Слова» эпоху, еще только складывались на Руси феодальные отношения. В двенадцатом же веке они развились уже в четкую многоступенчатую систему. «Старшая» дружина теперь — это боярство, крупные землевладельцы, которым принадлежат «отчины» и «дедины» — переходящие по наследству владения с многочисленным, в той или иной мере зависимым сельским населением, с укрепленными усадьбами, роль которых можно сравнить с западноевропейскими замками, с собственными вооруженными отрядами. Бояре владеют и усадьбами в городах. Они «думают» с князем, а иной раз могут и выступить против него, если его политика не соответствует их желаниям и интересам. Что же касается «младшей» дружины — «отроков», «детских» и т. д., — то ко времени создания «Слова о полку Игореве» ее положение еще не установилось окончательно. Многие из «отроков» уже владеют на условиях службы князю сравнительно небольшими наделами и представляют собой предтечу позднейшего служилого дворянства. Другая часть младших дружинников живет еще непосредственно на князем дворе, выполняя в мирное время разнообразные службы и поручения, а в военное — выходит в поле в составе княжеского полка. Выходят, впрочем, и те дружинники, которые в обычное время живут у себя в усадьбах — ведь само их владе-

ние условно и связано со службой, в первую очередь ратной. В поход, разумеется, идут и бояре. Но из них многие выступают в качестве воевод. И даже если им не поручена князем отдельная часть войска, то они выступают во главе собственных отрядов.

Трудно сказать определенно — участвуют ли в наспех созванной рати Игоря и его союзников воины из числа простых крестьян: есть много оснований считать, что слово «смерд» в те времена означало землепашца, обязанного ратной службой землевладельцу (это возвышало смердов над прочим крестьянским сельским населением, которых именовали просто «людьми»; существовало еще слово «рядовичи» — так звали слободных общинников, не связанных зависимостью от какого-либо феодала; таких было на Руси еще немало, особенно в дальних глухих уголках). Зато курян — «сведомых кметей» князя Всеволода можно смело уподобить будущему казачеству: пахари, селившиеся на самой границе с Диким Полем, все без исключения должны были с равным умением обращаться и с сохой, и с саблей, что, впрочем, отнюдь не означает, что не было в дружине «буй-тура» профессиональных воинов.

Но каким бы ни было социальное положение ратников, каждый из них — умелый боец и наездник, а все вместе они представляют собой сплоченное и дисциплинированное войско, разделенное на тактические подразделения, способные четко выполнить поставленную перед ними задачу. Примером тому — тот самый отдельный, шестой по счету, полк объединенной Игорем рати составили выделенные из других полков конные лучники. Их назначение заключалось в том, чтобы стремительно приблизиться к вражескому войску, засыпать его тучей стрел и тем облегчить успех остальных полков, в которых преобладали тяжеловооруженные воины, способные к удару в сомкнутом строю и упорной рукопашной схватке. Другие исторические источники неоднократно упоминают о «засадных» полках, нередко решавших исход сражения, о «ертоульном» полку, осуществлявшем разведку и сторожевое охранение рати в походе. Следовательно, не приходится говорить о древнерусском войске как о нестройной толпе, бросавшейся в бой без всякого порядка. Между тем в дореволюционное время и даже позже подобные суждения нередко высказывались историками военного искусства. Особенно часто такие характеристики давались поместному ополчению Московской Руси — прямому наследнику дружин Руси домонгольской. Трудно представить себе, что зажатое со всех сторон недругами государство затрачивало бы столько усилий, чтобы собирать под своими знаменами некую недисциплинированную орду. Красноречиво возражают такой версии и многочис-

ленные сражения, выигранные московской ратью, в которой и количественно, и качественно преобладали всадники дворянского ополчения.

Да и много позже, когда на смену ополчению пришла регулярная кавалерия, зародившаяся в допетровские времена, наиболее боеспособной и самой страшной для врага частью русской конницы неизменно оставались казацки полки. А ведь казаки вплоть до самого конца XIX века сохраняли множество черт, роднивших их с воинами Древней Руси: с раннего детства они осознавали свое призвание к ратной службе, с юности приучались к владению оружием, а, встав под знамена, были в значительной мере избавлены от мелочной плацпарадной муштры, что не мешало им быть наиболее боеспособной частью русской кавалерии.

Впрочем, пора вернуться к «воям» полка Игорева. Любой из них, даже самый юный, задолго до выхода в поход уже много лет в совершенстве владел нелегким искусством верховой езды: едва мальчику исполнялось три года, как ему срезали прядь младенческих кудряшек и после церковного молебна сажали на коня. Спору нет — мало напоминает пышный обряд сажания на коня княжича или боярского сына скромную церемонию рядового дружинника. Но все же и там, и тут, и окружающие, и сам мальчик знает — он отныне мужчина и у него другие заботы и другие забавы, чем у его сверстниц. Пройдет еще немного времени, и его «дядька» — обычно из числа немолодых и опытных в ратном деле дружинников, если мальчик растет в княжеской или боярской семье, а если он родился в более скромной семье, то отец, старший брат или кто-нибудь из родственников — подарят будущему бойцу лук и стрелы. Разумеется, посильный детским ручонкам лук — еще не оружие. Но и не совсем игрушка. Со сверстниками он будет соревноваться в меткости и дальности стрельбы. Потом, возможно, начнет охотиться на галок и ворон, а там, глядишь, возьмут его взрослые на настоящую охоту. Но еще прежде — шести-, семилетнего мальчика, тоже с соответственной рангу семейства пышностью — опояжут не в меру тяжелым и длинным для него мечом. Вряд ли сумеет он извлечь его из ножен, тем более толком взмахнуть им. Но этого пока и не надо: до поры до времени прекрасной заменой ему станет игрушечный деревянный меч, искусно раскрашенный серебряной краской (такие мечи случалось археологам находить во время раскопок в Новгороде, почва которого, по счастью, обладает свойством сохранять деревянные предметы почти в полной неприкосновенности). Деревянный меч, конечно, не оружие, но кое-каким приемам боя научить может, особенно если старшие помогут — и советом, и показом.

*Древнерусские шлемы XII века:**I. Шлем с носовой стрелкой.**II. Шлем с личиной. III. Шишак*

Десяти-, одиннадцатилетний княжич — летописи о том говорят нередко — уже сопровождает отца и братьев в настоящем боевом походе, хотя, надо думать, едва ли непосредственно участвует в бою. А отрок пятнадцати-шестнадцати лет считается вполне «доспевшим» воином: ведь даже много позже, в XVIII веке, вплоть до знаменитого манифеста о «вольности дворянства», освободившего помещиков от обязательной службы, именно в таком возрасте обязаны были являться в полк дворянские «недоросли». А в дружной семье боевых товарищей непременно найдутся умудренные опытом наставники, которые охотно растолкуют новичку, о чем поет труба у полкового стяга, поделятся секретами рукопашного боя, научат правильно натягивать тугой боевой лук так, чтобы на сотни шагов разила врага меткая стрела. А случись с молодым воином беда — и рану перевяжут, и действенное лечебное средство разыскать помогут. И коли милостивой окажется судьба, то уже в следующем же, глядишь, походе будет ему чем поделиться с юнцами, только что ставшими в строй.

* * *

Мужество, отвага, доблесть — вот что в первую очередь требуется от воина. Но чтобы недругов сразить поболее и себя для Отечества сохранить, нужна доблести воинской крепкая ограда — надежные доспехи. Среди тех, кто внимает пению труб и в Новгороде-Северском, и в Путивле, и в Трубчевске, и в Курске, едва ли найдется хоть один ратник, чей стан не был бы облачен в прочное железо, а голова — увенчана боевым, тоже скорее всего железным оголовьем. И почти у каждого левая рука — «шуйца» сжимает привязки крепкого массивного щита.

Автору «Слова» не было особенной нужды подробно описывать доспехи: живая повседневность для любого из его современников и без того сразу же вставала перед глазами его слушателей и читателей. Поэтому нередко в «Слове» дается обобщенный образ закованных в металл ратей.

Несколько раз встречается в «Слове» выражение «железные полки»: так, могучий государь Галича Ярослав Осмомысл «подперь горы Угорский своими желѣзными плѣки». А отец Игоря и Всеволода Святослав, всего за два года до злополучного похода сыновей, возглавил объединенные силы Русской земли, разгромил и взял в плен половецкого хана Кобяка Карлыевича: «...поганого Кобяка изъ луку моря от желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкыхъ яко вихрь выторже». Причем если в позднейшей литературе «железные полки» — это типичная метафора, то в «Слове» — сочетание, имеющее явно буквальный смысл. И еще в одном месте текста встречается определение «железный» применительно к воинам — там, где упоминаются князья «буй Роман» Владимиро-Волынский и не совсем ясно угадываемый некий Мстислав, по-видимому, один из его ближайших родственников. Про них сказано: «Суть бо ваю желѣзныи паробци подъ шеломи латиньскыми» (иногда, впрочем, вместо «паробци» исследователи читают «папорзи»). В первом случае текст следует понимать так: «Есть ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими» — именно так трактует это место академик Д. С. Лихачев. Академик Б. А. Рыбаков излагает его иначе: «Есть ведь у вас воины в панцирях железных под шеломами латинскими». А писатель А. Югов, исходя из написания «папорзи», предлагает такой вариант: «Не у вас ли — оплечья железные под шеломами латинскими?» Едва ли уместно здесь входить в давний спор историков и филологов. Бесспорно одно: речь идет о людях в железных доспехах — без особенно тщательной детализации их устройства.

Сегодняшний читатель «Слова» чаще всего не слишком знаком с тонкостями истории оружейного дела. Попробуем поэтому бросить беглый взгляд на то защитное снаряжение, которым располагали воины Игоревых дружин. Оно весьма разнообразно, причем диктуется такое разнообразие многими причинами: социальным положением и достатком воина в первую очередь, но также его принадлежностью к той или иной части войска, местными традициями и т. п. Наиболее старое собирательное название его — «броня». Позже — примерно в XIV веке — появляется слово «доспех» (названия «панцырь» и «латы» — еще более позднего происхождения). К исходу двенадцатого века броня — она всегда железная — распадается на два обширных типа: кольчатую и «доцатую». Доцатая, в свою очередь, может быть либо чешуйчатой, либо пластинчатой.

Кольчатая броня — это не что иное, как кольчуга, достаточно хорошо известная: едва ли найдется человек, который не видел бы ее своими глазами — в музее ли, на экране, на рисунках в книгах. Происхождение ее теряется во мраке веков. Во всяком

Меч конца XII века: 1. Полоса. 2. Ребро. 3. Огниво. 4. Черен. 5. Яблоко

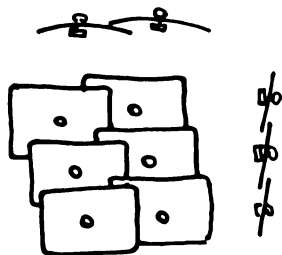
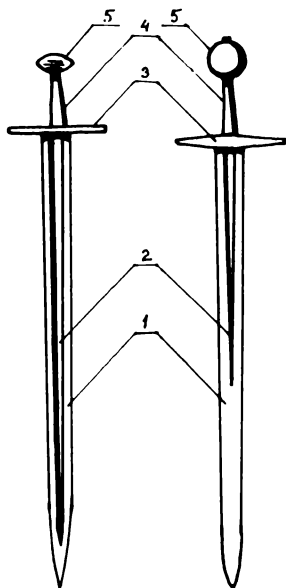

Схема соединения пластин чешуйчатой брони

случае, о кольчатых доспехах славянских воинов еще задолго до образования Киевского государства пишут византийские авторы. Подтверждают их наличие и данные археологии. Кольчуга — это подлинное чудо кузнечного мастерства. Длинная рубаха, состоящая из соединенных между собой железных колец (делались также иногда кольчужные штаны или кольчужные чулки), требовала для своего изготовления большого количества железной проволоки — до шестисот метров, а то и больше. Проволоку получали, протаскивая выкованный пруток через волоочильную доску со все более сужающимися отверстиями. Проволоку наматывали на оправку — длинный тонкий штифт. Получалась спираль. Спираль рубили вдоль ее оси. Теперь в руках бронника был исходный материал для изготовления кольчуги. Диаметр колец обычно не превышал одного сантиметра. Иногда, впрочем, проволоку не наматывали спиралью, а рубили на куски и сгибали вручную. В зависимости от величины и покроя кольчуги и выбранного размера количество колец колебалось от 18—20 до 60 с лишним тысяч. Соответственно менялся и вес кольчатой брони — наиболее тяжелые весили более пуда, сравнительно легкие, из мелких колец — килограммов восемь-десять.

Изготовление кольчуги было делом долгим и хлопотным. Каждое кольцо соединялось с четырьмя другими. Кольца приготавливались двух видов — цельные и разъемные. Цельные кольца либо спаивались, либо сваривались. Читателя не должен смущать последний термин: в наше время металл сваривается, как правило, либо электричеством, либо газовой горелкой. Древнерусские кузнецы производили такую операцию, соединяя края раскаленных колец и ударяя по ним молотом. Получалось соединение удивительной прочности. Разъемные кольца склепывались крохотной — менее булавочной головки — заклепкой. Разновидностей заклепок существовало великое множество: уже позже, во времена Московской Руси, различали скрепления «угловатые», «хрещатые», «вострогвоздь», «коропчатые», «плогвоздь» и др. Иногда заклепки с большой головкой расплющивались. Тогда доспех приобретал вид мелкой металлической чешуи: головки заклепок закрывали само кольчужное плетение. Наконец — во всяком случае, в более поздние времена — кольца вообще не замыкались, а просто скручивались, что, впрочем, существенно ухудшило защитные свойства кольчуг. Сплошное — склепанное — кольцо соединяли с разомкнутыми, после чего склепывали и их. Разъемное, наоборот, соединяли с целыми и тоже скрепляли заклепкой. В иных случаях для украшения по краям подола, вдоль рукавов или воротника вплетались медные кольца, а на груди, рукавах или подоле вставляли в кольчужный набор фигурные бляхи — их называли «мишенями». Такими же бляхами заделывались пробоины побывавших в бою кольчуг.

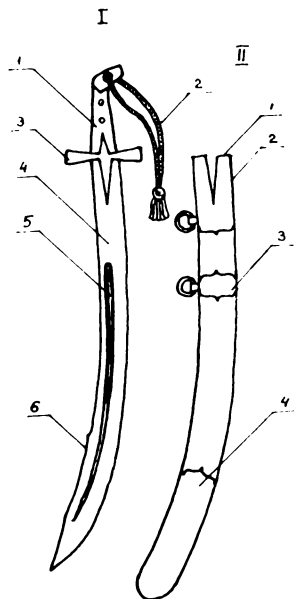
С начала XIII века известен еще один вид кольчатого доспеха — байдана. Не исключено, что начали использовать ее и ранее, во времена «Слова» (само название арабского происхождения и вошло в русский язык, по-видимому, позже). Кольца байданы, более крупные, выбивались из железного листа. Дальше все шло так же, как при изготовлении кольчуги: часть колец оставляли целыми, другие разрубали зубилом. Потом соединяли между собой целые и разъемные кольца и заклепывали последние. Довольно большая поверхность колец байданы давала возможность высечь на них какую-либо надпись — имя владельца или боевой девиз. Защитные свойства байдан и кольчуг едва ли различались сильно, но кольчужное плетение давало воину несколько большую подвижность. Выбор того или иного типа определялся, скорее всего, вкусом или, быть может, семейной традицией.

Кольчатые брони хорошо предохраняли воина в рукопашном бою, а на поле боя или менее значительном расстоянии — и от вражеских стрел. А гибкость и податливость при не столь уж обременительном весе делали их одним из самых удачных видов защитного снаряжения. Славились русские кольчуги и за преде-

лами нашей земли. Писатель В. Чивилихин в своем романе-эссе «Память» напоминает строчку из средневековой французской поэмы «Рено де Монтобан»: «Bon haubert qui en Roussie» («добрая кольчуга, что из Руси»),—она сделала неуязвимым рыцаря де Монтобана. Стоит еще добавить, что в обиход западноевропейских воинов кольчуги вошли после крестовых походов, в ходе которых стали особенно наглядными преимущества легких и прочных кольчуг перед теми кожаными бронями с нашитыми на них металлическими бляхами, в которые первоначально были облачены «воины господни».

«Дошчатая броня», как и кольчатая, возникла за много столетий до того, как протрубили ратные трубы сбор Игоревя полка. Самые старые их образцы делались из выпуклых металлических пластин с отверстиями по краям. Их связывали продетыми сквозь отверстия ремешками. Получалась так называемая «пластинчатая броня», известная с X—XI веков. В дальнейшем пластины стали приклепывать или нашивать на матерчатую или кожаную рубаху. Именно такая броня именовалась «чешуйчатой». В целом виде чешуйчатая броня ни разу не встретилась археологам, зато нередки находки ее фрагментов. Они найдены при раскопках во многих русских городах, так что не приходится сомневаться, что и в дружинах северских князей многие воины носили этот вид защитной одежды. Более надежная, чем пластинчатая, поскольку отдельные пластины могли надвигаться друг на друга и создавать более гибкую защиту, чешуйчатая броня просуществовала несколько столетий. Постепенно оружейники пришли к идее сочетания дошчатого доспеха с кольчатым: наиболее уязвимые места кольчуги защищались пластинами из сплошного металла. Системы такого рода комбинированных доспехов оставались популярны на Руси вплоть до XVII столетия. Они имели различное устройство и название. Набор продолговатых пластин, защищавших грудь, спину и бока воина, именовался во времена Московской Руси «юшман» (от персидского «джавшан»). Набор из сравнительно небольших продолговатых пластин, довольно многочисленных, назывался «бахтерец» или «бехтерец» (слово тоже персидского происхождения; заимствовано, впрочем, было только слово—сами доспехи подобного устройства русские оружейники изготавливали задолго до начала сношений с Ираном). Доспех с пластинами покрупней назывался «колонтарь» (пишут иногда «калонтарь», «калонтар»). Наконец, существовала система наборной брони под названием «зерцало»: несколько крупных, начищенных обыкновенно до блеска,—откуда и название—пластин создавали сплошное прикрытие на груди, плечах и спине. Зерцальный доспех надевался чаще всего поверх кольчуги.

Сабля: I. Клинок: 1. Черен. 2. Темляк.
3. Огниво. 4. Полоса. 5. Дол. 6. Елмань.
II. Ножны: 1. Устье. 2. Верхний оков.
3. Обоймица. 4. Наконечник (нижний оков)

Но защиты требовал не только корпус воина, а и его руки и ноги. Кольчужные штаны и чулки не были особенно распространены. Зато нередко надевали ратники «поножи» (позднее их часто называли заимствованным у татар словом «бутурьки») — своего рода составные металлические голенища. А руки от запястья до локтя закрывались «наручами» — другое их название «налокотники». Все эти принадлежности доспеха нередко можно видеть в музеях — правда, в основном более позднего происхождения. Но и в XII веке они входили в состав защитной одежды.

Дополняли ее щиты. С первых веков Киевской Руси и много позже они были одним из самых надежных средств защиты воина. В тексте «Слова о полку Игореве» щит упоминается неоднократно.

Вспомним: «Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты». Или еще — о русском войске в походе: «...лисици брешуть на чръленья щиты».

Археология и этнография подтверждают: щит следует считать наиболее ранней разновидностью оборонительного вооружения. За тысячелетия своего развития он претерпел немалые изменения и приобрел множество разнообразных форм. Менялся

и материал: известны щиты из досок, из прутьев, из кожи. В дальнейшем бывали щиты и металлические. В XII веке щиты делались миндалевидной формы. Они прикрывали сидящего в седле ратника от колен до подбородка. Их собирали из прочных досок с металлической оковкой по краям, а в середине помещали металлическое же усиление — прочную круглую бляху-умбон (на Руси ее называли «яблоком» или «маковкой», а иногда «пупом» или «пыжом»). Щит держали за петли-привязки, а под рукой крепили небольшую подушку, чтобы защитить ее от контузии при сильном ударе. Сверху щит либо покрывали тканью, либо красили. Излюбленным цветом был красный — отсюда «чръленные» щиты. Красили их и в желтый цвет, а иногда, реже, в какие-либо иные.

Не следует удивляться, что о доспехах как таковых автор «Слова» не говорит, а щиты упоминает несколько раз: щит имел еще значение и чисто символическое; вспомним, что в честь своей победы над византийцами пригвоздил щит к воротам Царьграда князь Олег. А лисицы, брещущие на червленые щиты, — это яркая картина безлюдья тех краев, по которым проходят воины Игоря.

Символическое значение имели и шеломы, о которых тоже не раз вспоминает «Слово»: князь Игорь собирается «испити шеломомъ Дону», на поле битвы буй-тур Всеволод сражает врагов, «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая», тут же рядом — еще одно упоминание того же слова: «...лежать поганья головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя». И еще те самые «шеломы латинские», которые есть у «железных молодцев» галицкого князя Романа, — эта строчка уже приводилась выше. Всякий раз слово «шелом» имеет здесь особенный смысл: ведь испить шеломом именно означает не просто утолить жажду, но наглядно закрепить достигнутую победу. «Злаченый» шелом, как и «злачен стремя», — это зримое подкрепление княжеского образа. Аварские шеломы у половцев — свидетельство того, что собирали по всем краям ратные принадлежности степняки, редко производившие что-либо сами. А латинские шеломы галицких дружинников — подтверждение прочных связей этого княжества с Западной Европой.

От времен, описываемых в «Слове», до нас дошло довольно много шлемов русских воинов. По большей части — это оголовья, скованные из одного куска железа или стали, с сужающимся кверху навершием (нижняя часть шлемов зовется «венцом», а средняя — «подвершием»). Форма шелома такова, что разрубить его практически невозможно — лезвие меча, сабли или топора обязательно скользнет по его поверхности. А лицо воина защищено особой стрелкой: ее выковывали либо отдельно, либо из того

же куска металла, а иногда — особенно в более поздние времена — прикрепляли на шурупе и тогда ее можно было по желанию поднимать или опускать. Лицо порой закрывалось кованой «личиной» или полумаской. К шелому прикреплялась «бармица» — кольчужная сетка, закрывавшая затылок и щеки и опускавшаяся до плечей. Иной раз бармица прикрывала и лицо — тогда в ней делались прорези для глаз. В более поздние времена боевые оголовья русских воинов приобрели множество различных форм. Шеломами стали называть конические массивные шлемы, подчас надевавшиеся поверх других. Круглые пластины на темени, нередко с бармицей, получили название «мисюрок» (от арабского названия Египта — «аль Миср», откуда пошли такие прикрытия). Конусообразные прикрытия с острым верхом стали именоваться шишаками (их подчас, как и мисюрки, носили под шеломами). А довольно позднего происхождения металлические остроконечные шапки с прикрепленными к ним пластинками — «наушами» и «назатыльниками» известны под именем «ерихонки». Впрочем, подобного разнообразия шлемов эпоха «Слова о полку Игореве» еще не знает. И участники похода северского князя — в шеломах и иногда в шишаках.

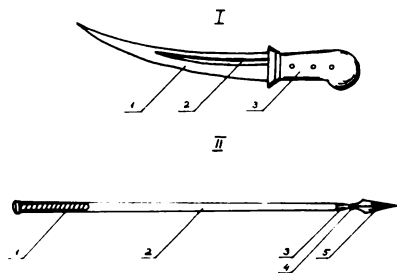
Чтобы закончить рассказ о защитном вооружении, которое было или могло быть у воинов Игоря, следует еще упомянуть о конских доспехах. Существование их бесспорно, устройство же вызывает споры специалистов. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что, во всяком случае, у некоторых из княжьих дружинников боевые кони были защищены — либо огромными кольчужными сетками, либо чепраками и чалдарами из нашитых на сукно или иную ткань металлических пластин. Такие покровы набрасывались на круп, бока и грудь лошади и служили ей довольно надежным прикрытием от стрел и ударов сабель и копей. Изредка, по-видимому, надевались на коней металлические наголовники.

* * *

Броня — это вид вооружения весьма важный, но отнюдь не решающий. Победу в бою добывало наступательное оружие, о котором автор «Слова» говорит достаточно часто. И самая главная его разновидность — это, бесспорно, меч.

Начнем с устройства: оно несложно — рукоять и полоса. Говорят еще «клинок», но в точном смысле своем слово это, заимствованное из немецкого языка, несет другое значение: клинок — название собирательное для целого класса рубящего и колющего оружия, в который входят и мечи, и сабли, и палаши, и кинжалы, и еще многие другие виды вооружения. Слово

Засапожник и сулица. I. Засапожник:
1. Шляк. 2. Дол. 3. Черен. II. Сулица,
или дрот: 1. Подток. 2. Ратовище.
3. Тулея. 4. Яблоко. 5. Перо

«рукоять» более новое. В старину чаще говорили «крыж» (то есть «крест»). Плоскую сторону полосы называли «голомень». На ней либо выбивали продольные углубления — «долы», либо, наоборот, выковывали «ребро», придававшее полосе добавочную прочность. Края полосы затачивались. Сейчас мы говорим «лезвие», прежде же чаще употреблялось слово «лез». Крыж состоял из трех частей — наверхия, самой рукоятки и перекрестия (их старинные названия — «яблоко», «черен» и «огниво»).

За время своего существования меч видоизменялся, и очень значительно. Дружинники первых киевских князей ходили в походы с мечами, приспособленными только для рубящего удара: в летописях часты фразы типа «посекоша мечем». О том же говорят и находки археологов. Поскольку на колющий удар особенно не рассчитывали, конец полосы либо просто закруглялся, либо немного суживался, но тоже не был заострен. Длина меча составляла сантиметров 80—90, ширина полосы в верхней части достигала 5—6 сантиметров, толщина — около 4 миллиметров.

Развитие кольчатых броней и их широкое распространение привело к тому, что более действенным стал не рубящий, а колющий удар. Это привело к изменению устройства меча. Оружейники стали все больше заострять конец полосы. Массивные наверхия в виде гриба или полукруга сменяются сперва диском, а затем шаром (отсюда название «яблоко»). Сама полоса становилась все уже, а вместо дола утвердилось ребро. Все эти изменения начались как раз примерно в XII веке. Так что на вооружении воинов Игоря находились мечи самого разнообразного вида. В общем, можно сказать, что в эту пору главный способ действия мечом — могучий рубящий удар. Чтобы придать ему побольше силы, рукояти стали существенно длинней, чем прежде, так что при случае можно за них было взяться двумя руками. И перекрестия мечей тоже длинней: они способны задержать скользящий вдоль полосы клинок врага. Мечи в эту пору (как,

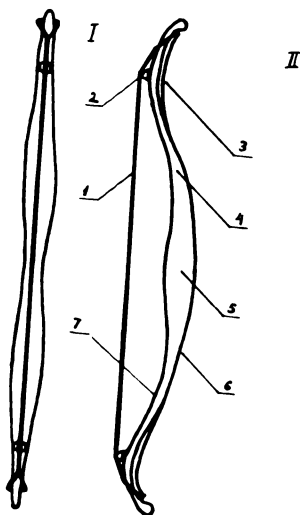
впрочем, и прежде, и в дальнейшем) носят у пояса («препоясаша оружия своя» — эту фразу мы читаем в повести «Девгениево деяние», один из списков которой помещался в том же рукописном сборнике, что и текст «Слова о полку Игореве»). Мечи вкладывались в ножны, обычно деревянные, сверху нередко обтянутые тканью. Металлическая оправка под крыжком называлась «верхним оковом» или «устьем», а у нижнего конца — «нижним оковом» или «наконечником». Ближе к верхнему концу устраивались обоймицы с кольцом, к которому крепились ремни или изредка цепочки для прикрепления оружия к поясу. Мечи высоко ценились и стоили достаточно дорого, так что, по-видимому, у ратников победней в Игорево войске могли быть мечи и более старых разновидностей, полученные ими по наследству.

Широкое распространение в X веке получила сабля — оружие с изогнутой полосой, более легкое, но не менее грозное, чем меч, удобное для конного воина. И о нем в «Слове» не раз говорит автор (вынесенные в заголовок слова «сабли изыострени» — это одна из характеристик отважных курян). Характерно, что именно в связи с воинами степного порубежья вспоминает сабли автор «Слова»: историки установили, что как раз с юга на север и с востока на запад шло на Руси распространение сабли. К концу XII века она еще далеко не вытеснила меча. Но все же именно у «курян», вне всякого сомнения, сабель было больше, чем мечей. Чем ближе к нашему времени, тем более возрастало их значение, и к началу истории Московского государства меч отошел сперва на второй план, а потом и вовсе вышел из употребления.

Не приходится удивляться такому успеху сабли. Вот характеристика, данная этому виду оружия известным специалистом по истории оружия Э. Э. Ленцем на рубеже прошлого и нынешнего столетий: «Сабля значительно превосходит прямую полосу меча своими боевыми качествами, так как соединяет в себе раздробляющее, раскалывающее действие топора с распарывающим, режущим действием ножа, и, наконец, с колющим, пронзающим действием шила... Несмотря на разницу в весе, кривой клинок немногим уступает прямому в силе удара, если только изгиб его рассчитан правильно и с соблюдением надлежащего распределения центров тяжести и удара». Накапливаемый и передававшийся из поколения в поколение опыт выработал и закрепил конструкцию сабли, превратив ее в идеальный боевой инструмент. Неудивительно, что насчитывавшая ко временам «Слова» уже не одну сотню лет существования сабля сделалась важной частью вооружения русских воинов.

Как и в мече, в сабле различались полоса и крыж (в послепетровское время его сменило иноземное название эфес).

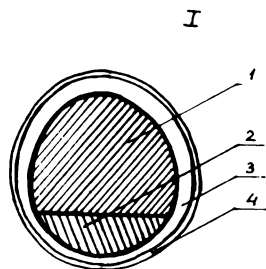
Древнерусский составной лук (сбоку). I. Виден способ крепления тетивы. II: 1. Тетива. 2. Кость. 3. Мадена (мадиана). 4. Кибить. 5. Рукоять. 6. Хребет. 7. Роз

Плоскую сторону полосы, как и меча, называли голоменем, а острое — лезом, незаточенную вогнутую часть — тыльем. Из тех же самых частей, как и у меча, состоял крыж. Только вместо «яблока» его верхний конец чаще именовали набалдашником. В нем нередко просверливали отверстие для «темляка» — двойного ремешка или шнура, оканчивавшегося кистью, скрепленной с темляком круглой «ворворкой». В темляк продевали руку, так что сабля, даже выбитая ударом врага из рук, не могла упасть на землю. Много позже темляк из золоченой или серебряной тесьмы стал принадлежностью офицерского оружия. А у самой высокой боевой награды русской армии — Золотого оружия — темляк делался из шелковой ленты, оранжевой с черными полосами, такой же, как на Георгиевских крестах. Специфической принадлежностью сабельных клинков бывали так называемые «елмани» — расширения нижней части полосы. Елмань усиливала сокрушительность удара, еще более увеличивая сходство в действии сабли и топора. Впрочем, елмани делались не всегда и притом чаще в более позднее время. У Всеволодовых курян, да и у других воинов Игоревой рати скорее всего их не было.

Из числа других видов наступательного вооружения в тексте «Слова» упоминаются копыя и их разновидность — сулицы, а также «засапожники» — носившиеся за голенищем сапога ножи. Такие ножи имели изогнутые «шляки» — клинки, иногда с долами и деревянные, костяные или роговые «черена» (рукояти) с

Поперечный разрез древнерусского составного лука и составной (каленой) стрелы. I. Лук: 1. Дерево. 2. Рог. 3. Сухожилия. 4. Наружная обклейка (кожа, береста). II. Стрела в разрезе. Штриховкой показано направление слоев древесины в пластинках

II

набалдашниками. Чтобы не поранить ногу в сапоге, засапожники вкладывали в ножны. До засапожников дело доходило только в самой тесной и жаркой схватке. Слова про воинов из подвластных черниговским князьям степных племен, которые «бесщитовъ, с засапожники кликомъ плъкы побѣждають», следует воспринимать как поэтическую метафору: с устрашающим воплем бросались они в схватку и бились отчаянно и самозабвенно. Что же касается копий, то они не раз предстают в качестве одного из ратных символов, которых так много в тексте «Слова». Так, например, слова Игоря, который хочет «копие приломити конецъ поля Половецкаго», означают его решимость вступить в ожесточенное сражение. В ходе боя древки копей нередко ломались и тогда в дело шли мечи и сабли.

По-видимому, нелишне сказать и о том, что представляло собой копьё. Это оружие разделялось на две большие группы: копьё бывали ударные и метательные (именно к числу последних относятся сулицы — другое их наименование «дротик» или «дрот»). Все копьё имели одинаковое устройство: острый наконечник и древко, иногда с металлической оковкой — «подтоком» — на конце. Режущая часть наконечника называлась «перо», трубка, которым он насаживался на древко — «тулья», а между ними нередко помещался шарик — «яблоко». Древко же копьё именовалось в старину «ратовищем». Для его изготовления использовалась

лось прочное и легкое дерево, например, ясень. Длина ударного копья у конного воина достигала двух метров. Сулицы бывали короче — метра полтора, а то и менее.

Ничего не говорит автор «Слова» о таких считавшихся вспомогательными видами вооружения предметах, как боевые топоры и всевозможное ударное оружие — палицы, булавы, кистень. Палица — это просто увесистая дубина, иной раз с железной оковкой. Булава — металлический шар на ручке, которым можно оглушить («ошеломить») врага. А кистень — гирька на ремешке, предназначенная для той же цели. Что же касается боевого топора, то у всадника он бывал небольшим и подвешивался обычно к седлу. Он позволял ратнику не сделаться вдруг безоружным, если его меч или сабля оказывались выбитыми из рук в разгаре рукопашной схватки.

* * *

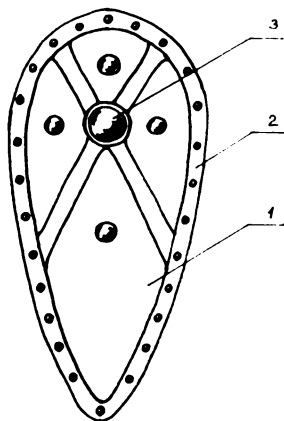
На многих страницах «Слова» поют стрелы. Слово «лук» встречается всего один раз — в рассказе буй-тур Всеволода о курынах: «...луци у них напряжены». Могучим и действенным оружием был лук. Русский лук в отличие от западноевропейского был составным, собиравшимся из различных видов дерева с прокладками из рога и проваренных сухожилий животных. Все это прессовалось и подсушивалось. Концы лука («рога») при сушке выгибались в противоположную сторону. Перед тем, как накладывать тетиву, лук обклеивали кожей, берестой или иным материалом для предохранения от сырости. На изготовление хорошего лука уходило порой несколько лет.

Тетиву делали из сухожилий или скрученных кишок животных, из тонкого сыромятного ремешка, а иногда — из весьма дорогого стоившего в старину шелка.

Верхняя, выпуклая часть лука называлась «хребтом», а более толстые верхние части рогов «подзорами». Костяные вставки для предохранения рогов от истирания тетивой назывались «костями». Накладки, противоположные им, именовались «мадянами». Лук хранили и перевозили в специальном футляре — «налуче». Стрелы же держали в колчане, в старину именованном «тулом» («тули отворени» — все у тех же курян). А весь набор принадлежностей для лучника назывался (правда, уже в более поздние времена) «саадаком».

Не просты были по своему устройству и стрелы. От них требовалась не только идеальная прямизна, но и уравновешенность: центр тяжести приходился на границе первой трети длины, считая от наконечника (его обычно называли «копьецом»). Правильности полета способствовало «перье» —

Щит русского воина XII века: 1. Кайма.
2. Венец. 3. Навершие

наклеенные прямо или под небольшим углом к оси бородки птичьих (чаще всего орлиных или журавлиных) перьев. Лучшими считались «каленные» стрелы. Вопреки распространенному убеждению это название происходит вовсе не от слова «калить» или «закалять» и относится не к копьецу, а к древку. Оно происходит от глагола «клеить» и означает, что древки каленых стрел склеивались в продольном направлении из четырех частей.

Велики были боевые возможности лука: толстую дубовую доску стрелы сильного лука пробивали с расстояния 300 шагов. На 100 шагов пробивали они любые доспехи. А предельная дальность полета стрелы приближалась к восьмистам шагам (условную меру шаг можно приравнять к старинной единице длины — аршину — чуть больше 70 сантиметров).

Ничего не говорит автор «Слова» об уже существовавших и достаточно широко применявшихся в ту пору на Руси самострелах (зато их изображение есть на одной из летописных миниатюр, посвященных походу Игоря). Самострел (его у нас нередко в популярной литературе называют заимствованным из французского языка словом «арбалет») — это лук, укрепленный в ложе «сохе». Спуск натянутой тетивы производится специальным устройством. Натягивали тетиву либо особым коловоротным механизмом, либо упирая оружие в землю и зацепляя тетиву укрепленным на поясе крюком (кстати, древнейший в Европе крюк такого рода найден при раскопках древнерусского города Изяславля). Существовали и другие способы натягивания — рычагом, блоком, зубчатой рейкой и т. д. Конному воину самострел был неудобен — чтобы зарядить, его требовалось упереть в

землю. Так что едва ли много самострелов было в рати Игоря. Но какое-то количество, видимо, все же было: дальнобойность и сила удара их стрел превосходили таковые у простого лука. Поэтому едва ли ошибся древнерусский художник-миниатюрист.

Наиболее загадочное оружие в тексте «Слова» — это «шерешеры». Оно ставит в тупик многих исследователей. Иные из авторов полагают, что так обозначена одна из разновидностей знаменитого греческого огня — грозного средства ведения морских боев того времени. Подкреплением подобной версии можно считать слово «посуху»: ведь не как-нибудь, а именно «посуху» может великий князь Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский «живыми шерешеры стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы». Само же название «шерешеры» порой возводят к персидскому языку — но тогда весьма неясны пути перехода персидского сочетания «тир-и-черх» в «шерешир». Иногда же возводят корни загадочного названия к греческому языку, где встречаются слова «сарисса» и «сариссари» (в новогреческом). Тут, однако, следует вспомнить, что и то, и другое означает оружие пешего воина-гоплита, тяжелое копье, «стрелять» которым ни в коем случае нельзя. Так что разгадки этой тайны следует ждать от будущих совместных усилий историков и филологов. Но мысль о том, что под словом «шерешеры» скрывается какого-либо рода зажигательное оружие, отнюдь не противоречит данным исторической науки о составе вооружения русского воинства к исходу XII века.

Осязаемо, живо, взволнованно звучат те строки «Слова», которые непосредственно посвящены разнообразным сторонам ратной жизни. В звоне сабель и мечей, свисте стрел и топоте коней Игоревой рати нельзя не услышать отзвука великих сражений, рассказом о которых наполнены летописи Отечества с незапамятных времен вплоть до недавнего прошлого, еще живого в памяти нынешнего поколения русских людей.

Танасий Колотило

«О ВЕТРЕ, ВЕТРИЛО!»

Что можно услышать в причитании Ярославны? Молодая жена Игоря обращается сначала к ветру, а потом к Днепру и солнцу. Если Днепру Словутичу направлена просьба помочь («Взлелеи, господине, мою ладу къ мне...»), то остальным адресованы упреки. Солнцу, в частности, за то, что оно «...простре горячую свою лучю на ладе вои, въ поле безводне жаждею имъ лучи сыпряже, тугою имъ тули затче...». В ветре Ярославна видит одного из главных виновников ее горя. Княгиня ропщет на ветер («О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мыгчеши хиновьскыя стрелкы на своєю нетрудноу крилицю на моя лады вои?»), поскольку именно он в значительной степени повлиял на исход сражения русичей с половцами.

Ярославна хорошо осведомлена о сложившихся условиях битвы. Ей известно о сильном грозовом ветре с моря, сыгравшем роковую роль.

«...Половци идутъ отъ Дона и отъ моря», «...ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы». Окружив русичей со всех сторон, враг сосредоточил множество лучников в выгодном положении, чтобы использовать благоприятное направление сильного ветра.

По подсчетам исследователей, стрела, выпущенная из лука, могла пролететь расстояние до 500 метров¹. Древние источники свидетельствуют о верности такого подсчета, хотя имеются данные о полете и на большую дистанцию. Обычная дальность в боевых условиях была намного ниже. На основании многовекового опыта стрельбы из лука ученые вычислили предел дальности полета стрелы — 150 метров². Но при попутном ветре (и очень сильном) это расстояние значительно увеличивалось. К тому же, в данном случае половцы вели массированный обстрел из луков по малоподвижному строю древнерусской дружины. Эффективность такого обстрела была очевидна даже при бесприцельной стрельбе. Следует учесть также и огромное психологическое

давление летящих тучей стрел кочевников на русичей — стрелы же русских не достигали цели.

Половецкие стрелы сыпались дождем на дружинников Игоря с расстояния, быть может, в полтора-два раза больше обычного и поражали их. Стрелы же русских воинов падали на полпути. Дружинники не смогли воспользоваться попутным ветром, так как половцы успели занять более выгодное положение.

Тактическое использование древнерусского оружия в бою предусматривало на начальных этапах сражения выдвигание лучников впереди основных сил с целью нанесения решающего удара. Такие перестрелки были типичны для многих военных батальей XII века³. Поэтому не случайно княгиня Ярославна причитает в плаче: «О ветре, ветрило!..» Здесь, по нашему мнению, заключена еще одна из причин поражения русской дружины в походе против половцев 1185 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Львовский П. Д. Баллистические качества древнейших образцов метательного оружия // Изв. Арт. акад. РККА. Л., 1932. С. 1, 215.
- ² См.: Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие.—САИ, 1966. Вып. Е1-36. С. 34. Здесь встречаем указание и на то, что в Древней Руси существовала относительно определенная мера длины — «полет стрелы»: «перестрел», «стреляще» (С. 30).
- ³ Ипатьевская летопись под 1174 г.—бой русских князей под Вышгородом, под 1175 годом — столкновение князей у Новгорода-Северского, под 1190 годом — битва русских с половцами на реке Йвле и описание других сражений — являются примерами активного участия в них множества лучников, чьи действия влияли на результат военных столкновений.

Судьбы
"Глоба"

Общественное возрождение «Слова о полку Игореве» почти совпало с рождением нашего величайшего национального поэта—Пушкина. С тех пор народно-героическая поэма Древней Руси стала драгоценнейшим достоянием русского народа...

В. В. ВИНОГРАДОВ

Всеволод Сахаров

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ А. С. ПУШКИНА

Среди любимых книг, с которыми Пушкин, умирая, трогательно прощался, как с лучшими друзьями, есть одна, привлекавшая особое внимание поэта в последние месяцы его жизни. Александр Иванович Тургенев, еще в 1834 году снабдивший поэта этой редкой книгой, просил Жуковского отыскать ее на рабочем столе покойного: «Может быть, найдется у вас и «Песнь о полку Игореву», in 4, в бумажке, с отметками карандашом *Италинского*. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни»¹. Речь шла о первом издании «Слова о полку Игореве», снабженном собственноручными комментариями дипломата, археолога и знатока восточных языков А. Я. Италинского.

Да, в последний год своей жизни Пушкин много и увлеченно занимался «Словом о полку Игореве», знал его наизусть, готовил его критическое, то есть снабженное вступительной статьей, историко-литературным и лингвистическим комментарием издание, любил беседовать о поэме с писателями и знатоками отечественной старины, слыхал разные ее переводы, собрал целую библиотеку по этой теме, внимательно читал ученые и псевдонаучные толкования «Слова» и сопоставлял его с другими памятниками древней литературы и народного творчества, в горячих спорах со скептиками отстаивал подлинность этого замечательного произведения. Незавершенная статья, разрозненные заметки и сохраненные современниками суждения Пушкина о «Слове» показывают, насколько серьезны и целенаправленны были эти занятия, соединявшие в себе живую, подлинную научность с гениальным поэтическим проникновением.

«С месяц тому Пушкин разговаривал со мной о русской истории; его светлые объяснения древней «Песни о полку Игореве», если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки»², — сетовал один из последних собеседников поэта М. А. Коркунов. То же писал и А. И. Тургенев, не раз имевший с Пушкиным «умный и любопытный разговор» о «Слове» и русской

истории: «Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря!»³

Сеговали они напрасно: пушкинские заметки и высказывания о «Слове» в основном сохранились, они изданы, прокомментированы, вокруг них уже сложилась целая литература⁴. И все же в самой работе Пушкина над «Словом» есть нечто загадочное, и у внимательного читателя его разрозненных заметок невольно возникают вопросы... Почему столь упорный интерес к древней поэме появляется именно в это время, в самом конце жизни поэта? Отчего им выбран столь сложный, трудоемкий путь капитального критического издания древнего памятника, а не просто написана очередная статья или заметка для «Современника»? И, наконец, как эта работа над «Словом» связана с другими идеями и начинаниями Пушкина и тогдашними воззрениями на поэму? Увы, ответы на эти вопросы все еще не прояснены до конца, несмотря на все успехи ученых-пушкинистов и специалистов по «Слову».

Систематическое изучение и научное издание «Слова о полку Игореве» в 1836 году не было, конечно, случайным, оно подготовлено всеми предыдущими литературными занятиями Пушкина. По всей видимости, он узнал «Слово» еще в юности, однако заинтересованные и продуманные высказывания его о древней поэме являются только в 30-е годы (а точнее, с 1829 года), причем интерес этот принимает порой самые неожиданные формы, вплоть до знаменитого университетского диспута 1832 года с профессором М. Т. Каченовским о подлинности «Слова», когда «исторический скептицизм антиквария встретился лицом к лицу с живым чувством поэта»⁵.

Решение Пушкина выпустить свое научное издание «Слова» вызвано этими же многолетними размышлениями о поэме и ее месте в отечественной и мировой литературе и задумано явно как продолжение спора со скептиками и своевольными толкователями, затемнявшими подлинный смысл древней поэмы. В свою очередь, мысли поэта о «Слове» до конца понятны только в общем круге его литературно-критических штудий и должны быть прочитаны в историко-литературном контексте той эпохи.

Известно следующее высказывание Пушкина: «Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездною поэм, романсов, иронических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков... Но, к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная

степь и на ней возвышается единственный памятник: „Песнь о полку Игореве“»⁶. Слова эти, затем повторенные поэтом в заметке с характерным названием «О ничтожестве литературы русской» (1834) с добавлением столь же резкого выражения «пустыня нашей древней словесности»⁷, всегда вызывали сетования специалистов по древнерусской литературе. Профессор Н. К. Гудзий утверждал даже, что Пушкин здесь «отрицал самое бытие древнерусской литературы»⁸.

Сетования эти понятны, но лишены должного историзма и к тому же не учитывают других суждений. Слова поэта Пушкина о поэме пессимистичны только на наш взгляд, на самом же деле, говоря так о «Слове», он лишь следовал уже сложившейся традиции.

Первая четверть XIX столетия была эпохой возрождения древнерусской литературы, стремительного роста научного и читательского интереса к ней. Выход томов «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, где говорилось и о «Слове», этому увлечению лишь способствовал. Появилось множество публикаций старинных текстов, научные книги и популярные журнальные статьи, с этой целью нашими историками и филологами просматривались русские и зарубежные архивы, монастырские древлехранилища, частные коллекции⁹. И в центре их внимания было «Слово о полку Игореве», многократно переведенное и комментированное, постоянно и тщательно изучаемое, сопоставляемое с другими памятниками. Пушкин был прекрасно осведомлен об этой работе. Со многими исследователями «Слова» он был знаком, книги, статьи и даже рукописные заметки о поэме им собирались и изучались.

Однако тогда сложилась парадоксальная ситуация: даже знатоки русских древностей предпочитали говорить о «Слове» как о произведении уникальном, единственном. «От всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев», — писал в 1823 году критик-декабрист А. А. Бестужев, и такого рода суждения о «Слове» стали тогда общим местом.

Но самый этот памятник служил неоспоримым доказательством существования развитой, богатой подлинно художественными произведениями и замечательными писателями древнерусской литературы. И Бестужев, и Пушкин, говоря о поэме как об «уединенном памятнике» в «пустыне древней словесности», следуют Державину, писавшему в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811—1815): «Достигшая до нас и одна в целости древняя песнь о походе Игореве... едва ли не оспаривала бы предварение наше в словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ход ея бедственное нашествие с востока на

Россию кипчатских орд в XII веке, то есть в то самое время, когда в Париже учрежден университет»¹⁰.

Основываясь на одном только памятнике, Державин сам увидел и другим показал общую картину развития древней отечественной словесности, смело утверждал, что литература эта не хуже и не моложе других, что она давно имеет европейское достоинство. Отсюда был один только шаг до признания мирового значения «Слова о полку Игореве». И шаг этот был сделан другом и единомышленником Державина, адмиралом и филологом А. С. Шишковым, писавшим: «„Слово о полку Игоревом“ далеко отстоит от „Илиады“, от „Одиссеи“, от „Энеиды“; в сравнении с ними оно есть малый отрывок от оных, и паче сказка или повесть, нежели поэма; но в своем роде оно исполнено красотами, не уступающими Гомеровым или Оссиановым»¹¹.

Таковы были капитальные мысли предшественников Пушкина, которые поэт знал и развивал в своих суждениях о «Слове». Примечателен самый ход пушкинской мысли: приступая к изучению отечественной литературы, надо оглянуться назад и сквозь «дым столетий» увидеть ее истоки, древние памятники, эти ориентиры, важные для правильного движения вперед.

Поэт не случайно выбирает такой способ панорамного видения. Ведь в известных Пушкину «Философических письмах» П. Я. Чаадаева такой взгляд на историю и культуру России уже есть: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно»¹².

Чаадаев оглянулся на наше прошлое и не увидел ничего. Пушкин тоже посмотрел назад, увидел «уединенный памятник» — «Слово о полку Игореве», и сразу же картина развития отечественной культуры волшебным образом преобразилась, стала видна историческая динамика «словесности, которая рождается сама собою, от своих собственных начал»¹³. Пушкинский реальный историзм стал успешно и доказательно спорить с принципиальным, полным трагического отчаяния чаадаевским романтическим антиисторизмом и, опираясь на все достижения отечественной истории и филологии, дал собственное объяснение судеб отечественной культуры.

Отсюда и неожиданная на первый взгляд пушкинская идея критического издания «Слова о полку Игореве», которое показало бы непреходящую художественную ценность древней поэмы и утвердило этот памятник на приличествующем ему месте в многовековой истории русской литературы. Готовя это издание, великий поэт, помимо всего прочего, отвечает Чаадаеву и другим

скептикам. Пушкин понимал также, что капитальное научное издание Игоревой песни, созданное первым поэтом новой России, имело бы европейское значение, открыло бы глаза ученым и писателям Запада на древность и самобытность русской культуры и государственности. Становятся понятны в этой связи и основательность, особая тщательность подготовки Пушкина к работе над этим изданием, научные его познания, позволившие поэту далеко опередить тогдашнюю историю и науку о литературе¹⁴. Здесь знания соединились наконец с мыслью, и с какой мыслью!

Таков, пусть и не полный, историко-литературный контекст, в котором надо читать незавершенную статью Пушкина о «Слове о полку Игореве» и другие его заметки и высказывания о поэме. И все же этих фактов недостаточно для понимания пушкинского замысла. Понятно, что издание «Слова» — не только ответ Чаадаеву, которому в том же 1836 году уже было отвечено: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться»¹⁵. Пушкинское издание поэмы — не просто спор со скептиками и суесловными ее толкователями. По всей видимости, Пушкин постоянно соотносит свою работу над «Словом» с другими своими идеями и начинаниями. И сама эта взаимосвязь чрезвычайно важна для правильного понимания мира пушкинских идей.

Некоторое представление об этой многосложной работе пушкинского гения дает сопоставление ее с сохранившимся в записной книжке поэта К. Н. Батюшкова интересным замыслом — написать историю отечественной литературы с древнейших времен до Карамзина и Жуковского: «Говорить об одной русской словесности... показать... ее рождение, ход, сходство и разницу ее от других литератур, все эпохи ее и, наконец, довести до времен наших»¹⁶.

Батюшков дал даже подробный конспект такой книги. И если мы посмотрим на внешне разрозненные критические статьи, заметки и письма зрелого Пушкина как на единую в своем глубинном замысле и главной цели работу, то увидим, что поэт, в сущности, следует идее Батюшкова, основным пунктам его конспекта, и стремится написать именно сравнительную историю русской литературы, где лучшие ее достижения были бы должным образом сопоставлены с капитальными явлениями литературы мировой.

Планы такой истории литературы Пушкин начинает набрасывать с 1829 года. И в первом же наброске уже есть «Слово о полку Игореве». И сразу надо сказать, что здесь древняя поэма предстает отнюдь не «уединенным памятником в пустыне», рядом с ней, помимо песен, сказок, пословиц и летописей, в

пушкинском плане стоит «Сказание о Мамаевом побоище», замечательное произведение XV столетия, щедро использовавшее образы «Задонщины» (а, следовательно, и «Слова о полку Игореве»), опубликованное в том же 1829 году и сразу же сопоставленное историками К. Ф. Калайдовичем и И. М. Снегиревым со «Словом о полку Игореве». Пушкин эту публикацию читал и сделал в ее тексте пометки¹⁷.

Дело, конечно, не в этих пометках. Пушкин понял, что там, где за «Словом о полку Игореве» закономерно следует «Сказание о Мамаевом побоище», есть уже целая древняя литература. Ведь уже учитель Пушкина Карамзин говорил о неизвестном авторе «Слова»: «Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках»¹⁸. Для Пушкина открытие вслед за «Словом» «Сказания о Мамаевом побоище» лишь подтвердило правоту мыслей о богатстве и древности русской литературы, планы истории которой он и пишет, неизменно ставя рядом эти два произведения. Планы эти привели к незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834), где уже говорилось о «Слове» наряду с памятниками мировой литературы, а затем, в 1836 году и к специальной работе о поэме.

Так что с самого начала своих занятий «Словом о полку Игореве» Пушкин смотрит на поэму исторически, все время говорит о ее особом месте в истории отечественной литературы. Но этим он не ограничивается. Пушкин понимает, что поэма эта может быть правильно переведена и объяснена лишь в контексте мировой литературы и истории.

К тому времени поэт знал уже об отзыве о поэме знаменитого немецкого историка А. Шлецера, о работе русских филологов и ученых из славянских стран над переводами и объяснением «Слова», об уже приводившемся державинском сравнении «Слова» с западноевропейской литературой, о шишковских сопоставлениях поэмы с Гомером, Вергилием и Оссианом, о мыслях А. Италинского насчет восточного элемента в лексике и образах «Слова», собрал целую библиотеку славянских словарей и грамматик, знал и «Историю поэзии» будущего исследователя «Слова» С. П. Шевырева и др. Все это Пушкин читает, должным образом оценивает (к сожалению, утеряна его важная запись на чешском издании поэмы, выполненном Вацлавом Ганкой) и использует в своей статье о «Слове».

А рядом с этой работой возникают пушкинские статьи и заметки о Шекспире, Вольтере, Мильтоне и Шатобриане, Байроне, итальянском поэте Сильвио Пеллико, американской литературе («Джон Теннер»), Карамзине, Гоголе, отповедь дубовато-прямолинейному «староверу» М. Е. Лобанову, третиговавшему французскую литературу, и т. п. Библия, памятники античности,

литературы Востока и европейского Возрождения — все привлекало тогда внимание поэта, о чем свидетельствуют и его художественные произведения того времени. Ясно, что в сознании Пушкина все эти имена писателей и литературные явления связаны теснейшим образом. Этим пестрым материалом движет единый замысел.

Факты говорят об одном: Пушкин в последние годы своей жизни последовательно выстраивал собственную картину развития мировой литературы, в которой и отечественная словесность, старая и новая, постепенно находит свое место. Эта картина литературного развития с самого начала была не схоластической схемой, а живым, подвижным организмом, постоянно уточнялась и была особым образом ориентирована в пространстве и времени. Иными словами, у Пушкина выработались свои основательные и обширные понятия о географии и истории мировой литературы. И если бы у русской литературы не было исторического прошлого, если бы она действительно «явилась вдруг в 18 столетии»¹⁹, то законное место ее было бы рядом со следующей за английскими писателями юной американской словесностью, в которой сам Пушкин обнаружил только один самобытный шедевр — «Записки Джона Теннера».

С таким выводом сам Пушкин решительно не согласен, но доказать противное ему было нелегко, и потому «Слово о полку Игореве» стало главным его доказательством. Истории древнерусской литературы как самостоятельной дисциплины тогда не существовало, она лишь начинала зарождаться, и лишь позже С. П. Шевырев и другие ученые академического склада создали окончательно эту науку. И Пушкину самому пришлось стать такой наукой и заговорить о древнерусской литературе и о «Слове о полку Игореве» с тогдашними учеными, и в том числе с молодым Шевыревым. И результатом этих бесед стали не только пушкинские заметки о «Слове».

Когда в 40-х годах профессор Шевырев читал университетские лекции, на основании которых написана его известная «История русской словесности, преимущественно древней», где речь шла и о «Слове», критик Иван Киреевский заявил: «История древнерусской литературы не существовала до сих пор как наука; только теперь, после чтений Шевырева, должна она получить право гражданства в ряду других историй всемирно-значительных словесностей»²⁰. И критик был прав.

Однако в книге этой Шевырев с благодарностью вспоминает и о том, как Пушкин делился с ним своими мыслями о «Слове» и предопределил тем самым направление и тему будущих занятий молодого ученого. А из пушкинской рецензии на «Историю поэзии» мы знаем, что поэт приветствовал и исторический метод

Шевырева, примененный впоследствии к «Слову». Своими исследованиями «Слова о полку Игореве» поэт первый дал нашей древней словесности возможность стать в одном ряду с другими национальными литературами и заявил о мировом ее значении. Тем самым было разъяснено и мировое значение великой поэмы о походе Игоря. Значит, Пушкин — исследователь «Слова» стоит у истоков истории древнерусской литературы как науки.

Смерть Пушкина оборвала работу над изучением и изданием Игоревой песни на полуслове. Но его замечательные, пророческие мысли о литературном памятнике Древней Руси не забылись и не устарели, в них запечатлены движение живой мысли поэта и самый способ его суждений о древней и новой словесности. Потому-то мы снова и снова обращаемся сегодня к заметкам Пушкина о «Слове о полку Игореве», которыми многое поверяется в современной литературе об этой поэме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Московский пушкинист. М., 1927. Кн. 1. С. 28.
- ² Пушкин-критик. М., 1950. С. 538.
- ³ Рус. архив, 1903. Кн. 1. С. 143.
- ⁴ См.: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. Гл. VIII; Терехина Р. Е. Неизвестная запись Пушкина к «Слову о полку Игореве» // Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л., 1975.
- ⁵ Цит. по: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 260.
- ⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 155, 156.
- ⁷ Там же. С. 211.
- ⁸ Гудзий Н. К. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве» // Пушкин: Сб. ст. М., 1941. С. 291.
- ⁹ См.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1985.
- ¹⁰ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 340—341.
- ¹¹ Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. Спб., 1817. Ч. 3. С. 81—82.
- ¹² Чаадаев П. Я. Соч. и письма: В 2 т. М., 1914. Т. 2. С. 111.
- ¹³ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 7. С. 368.
- ¹⁴ См.: Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979.
- ¹⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 10. С. 689.
- ¹⁶ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 420.
- ¹⁷ См.: Азбелев С. Н. Пушкин и «побоище Мамаево» // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977.
- ¹⁸ Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 92.
- ¹⁹ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 7. С. 156.
- ²⁰ Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. М., 1911. Т. 2. С. 111.

Никита Заболоцкий

ПУТЬ К «СЛОВУ»

Признанный мастер поэтического перевода Николай Алексеевич Заболоцкий перевел многие тысячи строк иноязычной поэзии. Достаточно сказать, что его перу принадлежит русский текст двух объемистых томов грузинской классической поэзии, стихотворений украинских, венгерских, немецких и других поэтов, большей части сербского эпоса. Но особо следует выделить его поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» — и не только из-за несомненных художественных достоинств перевода, но и потому, что эта работа сыграла выдающуюся роль в литературной судьбе и во всей жизни Заболоцкого. Пожалуй, ни в одном другом случае так тесно не смыкались переводимое произведение и собственные творческие устремления поэта, как это произошло в процессе сотворчества с древнерусским сказителем, создавшим «Слово». В результате переложение поэмы стало важной составной частью поэтического наследия Н. А. Заболоцкого.

Прежде, чем коснуться истории перевода «Слова», попытаемся выяснить, почему старинный памятник литературы оказался удивительно близким человеческому складу Николая Алексеевича, в чем изначальная родственность «Слова» и его собственной поэзии. Думается, что истоки этой близости следует искать в некоторых обстоятельствах формирования поэта еще в детские годы. Его отец, Алексей Агафонович, выходец из крестьян, всю свою жизнь посвятил борьбе с земледельческой косностью, пытаясь с помощью сельскохозяйственной науки облегчить тяжелый крестьянский труд. В семье бытовала легенда о деде поэта, Агафоне, широкоплечем силаче-солдате, потом унтер-офицере уржумской военной команды, который во время Крымской кампании возглавил уржумское народное ополчение и повел его из Вятской губернии на помощь осажденному Севастополю. Дружина долго шла пешком через леса и болота России и была уже где-то около Курска, когда Севастополь пал, не дождавшись

своих новых защитников. Все-таки за свой поход Агафон получил медаль и потом всю оставшуюся жизнь работал лесным объездчиком в Уржумском лесничестве. Умер он задолго до рождения внука. Старший сын агронома, Николай, часто присутствовал при разговорах отца с крестьянами об их жизни и работах. В минуты вечернего отдыха крестьяне не только размышляли о своих житейских делах, но и рассказывали истории, предания, сказки, старинные поверья. И веяло от этих неторопливых стариковских рассказов, от сохранившихся языческих поверий глубокой, тысячелетней стариной. Природа, история, эпос окружали мальчика в своем чистом, первозданном виде. Спустя многие годы он напишет:

Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...

Отец Н. Заболоцкого интересовался не только сельскохозяйственной наукой и миром природы, но и местной историей. Во время своих постоянных разъездов по округе находил и собирал разные диковинные вещи, которые в 20-х годах передал организованному им в Уржуме краеведческому музею. Среди прочих находок детям агронома особенно запомнились кусок старой кольчуги и древняя рукопись на пергаменте. Кто знает — не с них ли потянулась та нить, которая в конце концов привела Николая Алексеевича к древнерусской поэме о битве с половцами, к увлечению народным эпосом.

Высшее образование Заболоцкий получил в 1921—1925 годах, закончив в Ленинграде отделение языка и литературы Педагогического института им. А. И. Герцена, где он, в частности, активно участвовал в семинаре профессора Д. В. Бубриха по древнерусской литературе. Сам поэт писал, что он «считался способным студентом и одно время даже думал посвятить себя всецело науке. Но привязанность к поэзии оказалась сильнее и мечты о научной работе были оставлены» (автобиография).

Мы не знаем точно, когда именно возник замысел Заболоцкого заняться «Словом о полку Игореве», но можно полагать, что еще в студенческие годы он хорошо знал это произведение и проникся к нему особым чувством, проистекающим из детских впечатлений, которые соединили в его душе понятия «история — народ — природа — книга». Так изначальными своими интересами он был подготовлен к предстоящей работе.

Однако непосредственно к переложению «Слова» его привел опыт переработки для детей и юношества целого ряда классических произведений мировой литературы. В 30-х годах им владела идея популяризации в массах великих творений мировой и

национальной культуры. Причем для своих переработок он старался выбирать произведения, в которых мог найти опору и для собственных взглядов и творческих интересов.

Пожалуй, его первой обработкой для юношества была приключенческая повесть «Таинственный город», написанная им в 1930 или 1931 году по мотивам книги об английской экспедиции в Тибет¹.

И. Синельников вспоминает, что еще в конце 20-х годов Николай Алексеевич не только читал книгу о Лхасе, но и пересказывал ее с увлечением². Видимо, интересовался он в то время экзотикой восточных религий, в частности буддизмом, историей восточных стран и их обычаями. В конце жизни этот интерес вдруг проявился вновь — он читает о путешествии в XIII веке французского монаха Рубрука в Монголию и пишет стихотворный цикл «Рубрук в Монголии».

Еще ближе к поэтическому движению Заболоцкого оказалось его переложение для детей романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», которое он выполнил в 1933—1934 годах. Выбор этого произведения не был случайным. Д. Е. Максимов вспоминает, что еще в период работы Заболоцкого над стихотворениями, вошедшими в сборник «Столбцы», на его столе лежала книга Рабле со знаменитыми иллюстрациями Доре³. Позднее целый ряд исследователей творчества Заболоцкого обращал внимание на близость особенностей его художественного видения той поры раблезианству.

Пересказаны Заболоцким и другие произведения. В 1934 году он создал сценарий детского фильма «Приключения барона Мюнхгаузена», в 1935 году обработал для детей главы «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, затем написал детский вариант «Тия Уленшпигеля» де Костера.

В статье «Рабле — детям» (1935) Заболоцкий высказал свои взгляды на значение подобного рода работы. Он задавал вопрос: «Но, может быть, они вообще не нужны, эти детские обработки? В той или иной степени они все же изменяют первоначальный вид книги; так или иначе, но они навязывают произведениям великих мастеров несвойственные им черты». И сам же разрешал свои сомнения: «Когда речь идет об усвоении массами культурного наследия прошлого, стоит ли уж так ревниво оберегать неприкосновенность старинного текста, особенно если он предназначен для читателя-подростка? В конце концов, классик не музейный экспонат, он должен быть пущен в широкое обращение, он должен радовать и веселить нашего читателя так же, как он радовал современника, должен обогащать его жизненный опыт и пополнять его знания. Детская обработка должна пропагандировать великого писателя. Возмужавший и культурно

выросший читатель в свое время познакомится с ним по настоящему»⁴.

В 1937 году Заблоцкий создал перевод-обработку для юношества поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Этот сокращенный перевод великого творения грузинской литературы был качественно новой ступенью в популяризаторско-переводческой деятельности поэта. В прозаические обработки он не мог вложить всю силу своего поэтического дарования. Теперь же перед ним было поэтическое произведение выдающегося мастера, и он работал с увлечением и полной реализацией своих поэтических возможностей. Сказалась и тяга поэта к эпосу, интерес к средневековому Востоку. Новой работе способствовала и эволюция творческой манеры в сторону классического стиха.

Обработка Руставели была напечатана в журнале «Пионер» (1937, № 4—12), и в том же году к 750-летию поэмы вышла отдельной книгой с прекрасными иллюстрациями С. Кобуладзе⁵. Тогда же завершились и другие литературные замыслы Заблоцкого: вышел небольшой сборник стихотворений «Вторая книга», был закончен ряд переводов с грузинского, статьи. И вот в письме к известному специалисту по грузинской литературе В. В. Гольцеву 12 ноября 1937 года Николай Алексеевич делится своими планами на предстоящий год: «Буду надеяться, что к концу будущего года переиздам книжку (своих стихов.— Н. З.) в более цельном виде. На будущий год у меня большая работа: нужно переложить на русские стихи «Слово о полку Игореве» — работа интересная и ответственная. Кроме того, думаю заняться переводом Важа Пшавела и своими стихами».

Итак, в конце 1937 года Заблоцкий вплотную подошел к осуществлению своего замысла переложить современными стихами древнерусский текст. В то же время он написал статью «Шота Руставели и его поэма», где есть примечательные слова об историческом значении «Витязя в тигровой шкуре».

«Дружба и любовь, храбрость и бескорыстие — вот к чему призывает Шота Руставели. И народ близко принял к сердцу его поэму. В течение ряда веков кочевники и различные завоеватели — монголы, персы, турки — терзали маленькую Грузию, разрушали ее города, уводили в плен женщин и детей. Много раз государство было на краю гибели. Спасение народа было в тесном его единении, в дружном отпоре захватчикам — и Руставели звал народ к единению. Опасности и лишения подстерегали людей на каждом шагу — Руставели призывал к дружбе, убеждал помогать друг другу в беде, не бросать товарища на произвол судьбы в минуту испытания. Горячо любивший свою родину, Руставели оставил ей книгу, исполненную величайшей веры в человека, и благодарный народ по достоинству оценил своего поэта»⁶.

В приведенных словах Заболоцкого о поэме Руставели как будто проглядывает уже и его новое увлечение. «Витязь в тигровой шкуре» и «Слово о полку Игореве» — разные народы породили их авторов, разные традиции и разный материал положены в их основу, но созданы они примерно в одно время и насыщены сходными проблемами. Опустошительные набеги кочевников и завоевателей, призыв к сплочению и единению перед врагом, товарищеская помощь — об этом написано в статье Н. Заболоцкого о поэме Руставели, но почти теми же словами можно было бы сказать и о древнерусской поэме. Несомненна преемственность этих двух поэтических переложений в творческой биографии Заболоцкого.

К «интересной и ответственной» работе Заболоцкий готовился обстоятельно. В Ленинграде, в его домашней библиотеке были собраны книги, необходимые для изучения текста «Слова о полку Игореве» и древнерусской истории. Сохранился перечень работ о «Слове о полку Игореве» и изданий переводов поэмы, присланный поэту консультативно-библиографическим бюро Публичной библиотеки в Ленинграде. Справка датирована 29 января 1938 года и насчитывает 57 названий, относящихся в основном к прошлому веку.

В октябре-ноябре 1937 года Николай Алексеевич некоторое время лечился в санатории в Сочи, в конце ноября ездил в Махачкалу на похороны Сулеймана Стальского. Затем в Тбилиси участвовал в работе пленума Союза писателей, посвященного юбилею поэмы Руставели. И лишь в самом начале 1938 года в Ленинграде он непосредственно приступил к поэтическому переложению «Слова». Видимо, одновременно под влиянием материалов по древнерусской истории и литературе он начал писать поэму «Осада Козельска» о разорении этого города в 1238 году во время нашествия Батыя. В начале марта поэт продолжает работу в Доме творчества в Елизаветино под Ленинградом. Но 19 марта работа над переводом «Слова» и над поэмой «Осада Козельска» была прервана.

Предстояли трудные годы жизни на Дальнем Востоке, в Алтайском крае, в Казахстане...

Однако к 19 марта 1938 года кое-что уже было сделано. О своей поэме Заболоцкий вспомнил в одном из писем к жене: «О стихах «Осада Козельска» — вещь незаконченная. Закончены только две первые части. Третья часть не написана вовсе. Сколько помню — кончается вторая часть скорбными строфами о защитниках города, павших во время осады. Сохранились ли эти черновики?»

В Доме творчества в Елизаветино, откуда Николай Алексеевич выехал в Ленинград по срочному вызову, остались на бело

переписанные тексты «Осады Козельска» и двух частей «Слова о полку Игореве» («Вступление» и «Поход»). Таким образом, в начале 1938 года была переведена почти половина текста «Слова». Несколько позднее эти рукописи были вывезены женой поэта Е. В. Заболоцкой в Уржум Кировской области, где семья Заболоцкого жила в 1939 году и в эвакуации в 1942—1944 годах. Перед тем как увозить рукописи из Ленинграда, Екатерина Васильевна на всякий случай переписала переведенные части «Слова» и оставила копию у сестры в Ленинграде.

Началась Великая Отечественная война. Николай Алексеевич жил на Дальнем Востоке напряженной, нелегкой жизнью строителя. В мае 1943 года он прибыл из Комсомольска-на-Амуре в район Кулунды Алтайского края. Летом работал на одном из содовых озер степного Алтая, из-за болезни сердца попал в лазарет, затем делал чертежи в проектном отделе строительства железнодорожной ветки от Кулунды до Малинового озера. Здесь, в селе Михайловском, в ноябре 1944 года Заболоцкий соединился с семьей — женой и двумя детьми, приехавшими к нему из места эвакуации — города детства поэта, Уржума. Екатерина Васильевна привезла с собой часть немногих сохранившихся ленинградских рукописей мужа, среди них — перевод «Слова о полку Игореве». К сожалению, эти рукописи до нас не дошли — Заболоцкий уничтожил их в 1948 году.

Не дошла до нас и «Осада Козельска». Поэт не стал продолжать поэму, и о содержании написанных частей можно судить лишь в общих чертах. По свидетельству Е. В. Заболоцкой, в поэме «в картине поражения русских описываются массовые изнасилования, зверства, убийства, осквернение храма»⁷. Предполагается, что сохранившийся стихотворный отрывок «Собор как древний каземат...» — набросок к ненаписанной третьей части поэмы. Во всяком случае, отрывок явно связан с древнерусской тематикой, особенно занимавшей поэта в то время, когда он работал над переложением «Слова»:

Собор, как древний каземат,
Стоит, подняв главу из меди.
Его вершина и фасад
Слепыми окнами сверлят
Даль непроглядную столетий.

Войны седые облака
Летят над куполом, и, воя,
С высот свергается река,
Сменив движенье на кривое,
А тут внутри — почти темно.
Из окон падающий косо
Квадратный луч летит в окно,
И божья мать кривоноса

И криволица — в алтаре
 Стоит, как столп, подняв горе
 Подобье маленького бога.
 Из алебаstra он. Убого
 И грубо высечен. Но в нем
 Мысль трех веков горит огнем.

Не слишком тонок был резец,
 Когда, прикинувшийся греком,
 Софию взяв за образец,
 Стал бог славянским человеком.
 Из окон видим мы вдали
 Край очарованной долины.
 Славян спокойных корабли
 Стоят у берега. Овины
 Вдали дымят, и крыши сел
 Уже стругает новосел.

Что же представляли собой уже переложённые в 1938 году части «Слова о полку Игореве», которые вновь увидел поэт в ноябре 1944 года? Это нам доподлинно известно, поскольку сохранилась копия этой работы. Всю войну, всю блокаду Ленинграда пролежала эта копия в старом ящике в темном коридорчике опустевшей коммунальной квартиры, где жила сестра Е. В. Заболоцкой Лидия Васильевна Клыккова. И никто не заметил этого ящика — не сжег его в «буржуйке», как зачастую сжигали в блокадном Ленинграде и книги, и мебель, чтобы хоть как-то обогреть жилище.

Тот первоначальный вариант переложения значительно отличался от окончательного текста Заболоцкого, который мы знаем по многочисленным публикациям. Из 289 переведенных в 1938 году строк поэмы в неизменном виде остались лишь 100 строк. В то время поэт значительно вольнее обращался с текстом поэмы, чем он это делал впоследствии. В 1938 году он, вероятно, исходил из своей установки на популяризацию обрабатываемого произведения и на его доступность самому широкому кругу юного и взрослого читателя. Вспомним его слова: «Когда речь идет об усвоении массами культурного наследия прошлого, стоит ли уж так ревниво оберегать неприкосновенность старинного текста?» В результате Николай Алексеевич допускал сокращения «Слова» и свободное переложение отдельных мест. Частям, на которые был разделен текст, он дал названия — «Вступление», «Поход»...

Вот как выглядело «Вступление» к поэме в первом варианте перевода (печатается впервые):

Не начать ли, братья, нам сказанье
 О походе Игоря младого?
 О его плененьи и скитаньи
 Не сказать ли скорбное нам слово?

Но начаться, братья, той былине
 Не по древним замыслам Бояна:
 О деяньях, славных и поныне,
 Петь мы будем, братья, неустанно.
 Тот Боян, когда за песню брался,
 Мыслию по древу растекался,
 Серьым волком рыскал по округе,
 Как орел чертил под небом круги.
 Кто не помнит, как о древних битвах
 Наши деды в старину певали,
 Как на стаю лебедей в ловитвах
 По десятку соколов пускали?
 Лишь достигнет птицу сокол смелый,
 Словно камень падая из тучи,
 Запевал, ликуя, лебедь белый,
 Ярослава славя век могучий,
 Или пел он красного Романа,
 Иль Мстислава храброго в сраженьи,
 Что побил Редедю-великана,
 Удальца Косожских ополчений.
 Но не десять соколов на стаю
 Выпускал Боян во дни былые,—
 Лишь персты искусные, играя,
 Возлагал на струны он живые,—
 Вздрагивали струны и рыдали,
 Сами князьям славу рокотали...

Только последняя строка этого варианта «Вступления» перешла в неизменном виде в окончательный текст перевода Заболоцкого. Далее поэт опустил значительный кусок текста оригинала, где, в частности, говорится о затмении солнца и о том, как пренебрег князь Игорь этим зловещим знамением. В окончательном варианте опущенный текст был восстановлен и вошел частично во «Вступление», частично в первую часть поэмы (3-я главка).

Различный подход поэта к переложению «Слова» обнаруживается уже при сопоставлении начала первой части, написанной в 1938 году, с окончательным вариантом того же отрывка.

Первый вариант:

Часть первая

ПОХОД

1

За Сулою кони ржут,
 Слава в Киеве звенит,
 В Новеграде трубы громкие трубят,
 На Путивле стяги бранные стоят...

Со своей могучею дружиной
Славный Игорь Всеволода ждет.
Вот уж мчится Всеволод равниной,
Игорь! — кличет. — Брат ты мой единый,
Свет мой светлый, русичей оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Будем же сражаться заодно.
Выезжай с дружиной боевою,
Мы, куряне, ждем тебя давно!

2

Издавна куряне знамениты,
Все они — единая семья,
С малых лет под трубами повиты,
Боевыми шлемами накрыты,
Въкормлены с кончика копья.
Все пути им ведомы заране,
Могут степь любую пересечь,
Крепки луки, много стрел в колчане,
Сабли изготовлены для сеч.
То не волки рыщут по долине —
То куряне скачут предо мной,
Ищут в битвах почестей дружине,
Князю славы ищут боевой!

Окончательный вариант (первые четыре строки варианта 1938 года перешли во «Вступление»):

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли, как войны,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками

И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!»

При сравнении вариантов можно заметить, что последний отличается более энергичным стихом, большей смысловой и интонационной близостью к древнерусскому тексту. Рукопись 1938 года заканчивалась словами, сохраненными в окончательной редакции:

Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Итак, первый вариант перевода почти половины текста «Слова» тогда еще в виде белой авторской рукописи вновь попал к Заболоцкому в Алтайском крае в конце 1944 года. В то время Николай Алексеевич служил техником-чертежником, жил с семьей в крестьянской избе вместе со старушкой-хозяйкой. Вечерами, после возвращения с работы, нужно было колоть дрова, носить воду, заниматься другими хозяйственными делами. На литературный труд не оставалось ни времени, ни сил. Лишь иногда доставал поэт из чемодана свои старые рукописи, всматривался в них и мечтал о том времени, когда сможет всерьез заняться ими. Единственное, что он сделал в Алтайском крае, — добавил к рукописям еще две странички, где записал ранее сочиненные два своих стихотворения — «Лесное озеро» (1938) и «Соловей» (1939). Новых стихов он пока что писать не мог — не было еще возможности продумать скопившиеся за прошедшие годы мысли, осознать все то новое, с чем столкнула его жизнь, и то трагическое и героическое, что переживал весь народ в то памятное время.

В 1944 году, но еще до приезда к нему семьи, он сообщал в письмах к жене: «...живая человеческая душа теперь осталась единственно ценной» (18 февраля 1944). «Когда после работы выходишь из этих прокуренных комнат и когда сладкий воздух весны пахнёт в лицо — так захочется жить, работать, писать, общаться с культурными людьми. И уж ничто не страшно: у ног природы и счастье, и покой, и мысль» (30 марта 1944). «Умудряюсь немного читать — случайные книжки. Я бесконечно далек от всякой литературы, и искусство стало для меня атрибутом далекого светлого существования, о котором можно только вспоминать» (6 августа 1944).

В таком настроении Николай Алексеевич увидел свои старые рукописи, почти семь лет пролежавшие на дне чемодана, и его вновь с неудержимой силой потянуло к писательскому труду — к прерванной работе над переводом «Слова». Для того, чтобы сделать попытку вернуться в литературу посредством заверше-

ния этого перевода, были все основания: работа была уже обдумана и начата, легче было воссоздать свою теоретическую концепцию перевода и, наконец, тема борьбы русского народа за независимость и единство земли русской была очень созвучна времени и соответствовала потребности выразить свои чувства в связи с приближающейся победой над фашизмом.

В январе 1945 года Заболоцкий послал телеграмму в Москву своему близкому другу, литературоведу Н. Л. Степанову с просьбой выслать текст «Слова», чтобы иметь его под рукой и снова вчитаться в подлинник поэмы. Поэту уже было ясно, что прежде сделанные строки перевода нуждаются «в большой обработке и переработке» (из письма Н. Л. Степанову от 26 января 1945). Но в Алтайском крае Заболоцкий так и не смог возобновить свои занятия литературой.

В марте 1945 года Заболоцкий с семьей в составе первого эшелона строителей прибыл на станцию Большая Михайловка вблизи города Караганда. Здесь, в селе Михайловке, Заболоцкие получили жилье в маленьком саманном домике в трех километрах от города, где стал работать Николай Алексеевич — сначала техником-чертежником, потом начальником канцелярии в строительном управлении. В свободное от основной работы время он создал свое поэтическое переложение великого памятника древнерусской литературы.

Время было еще трудное, но радостное. То было время, когда годами длившееся величайшее напряжение народных сил уже сменялось чувством гордости, обновления, надежды. Победа над фашизмом была совсем близка. На волне этого светлого чувства и была проделана основная работа над переводом. Поэт к тому же надеялся, что переложение «Слова» вернет его к труду профессионального писателя (так оно потом и случилось). Отношение к творчеству, особый подъем, который испытал поэт, чувство сопричастности к древнему памятнику и те трудные условия, в которых приходилось работать, прекрасно описаны Николаем Алексеевичем в письме к Н. Л. Степанову от 20 июня 1945 года. Вот это письмо:

Дорогой Коля!

На днях я закончил черновую редакцию перевода «Слова о полку Игореве».

Теперь, когда переписанная рукопись лежит передо мной, я понимаю, что я еще только что вступил в преддверие большой и сложной работы. Я знаю, что я в силах проделать эту работу. Состояние моей рукописи убедило меня в этом. Но я сомневаюсь, что у меня хватит сил довести ее до конца, если обстоятельства жизни моей не изменятся к лучшему. Можно ли урывками и по ночам, после утомительного дневного труда, сделать это большое

дело? Не грех ли только последние остатки своих сил тратить на этот перевод, которому можно было бы и целую жизнь посвятить, и все свои интересы подчинить? А я даже стола не имею, где я мог бы разложить свои бумаги, и даже лампочки у меня нет, которая могла бы гореть всю ночь.

Сидишь целый день на работе, копируешь чертежи и страшно ждешь той минуты, когда сможешь вернуться домой и взяться за перо. Но вот приходит она — эта минута. Пройдешь по жаре три километра, с книгой в руках поешь, берешь перо — и чувствуешь, что ты уже слаб, что отдых нужен, нет свежести в голове, мысль сонная, перо не идет. А ты знаешь, какая это работа. Можно написать десяток вариантов на одно место — и ни один вариант не подойдет. Так иногда приходишь до самоисступления и, проклиная все, засыпаешь. И наавтра — та же картина. Только по воскресеньям дело меняется, но сколько же нужно этих воскресений, боже мой?!

Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская.

Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки; но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными, благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: какое счастье, боже мой, быть русским человеком!

Мой перевод — дело, конечно, спорное, так как, будучи рифмованным и тоническим, он не может быть точным и, конечно, внесет некоторую модернизацию. Здесь чутье и мера должны сыграть свою роль. Я счел бы задачу решенной, если бы привнесенные мной черты не противоречили общему стилю, а современный стих звучал достаточно крепко, без «переводной» вялости и жвачки.

Это сделать тяжело.

Все, мой дорогой.

Прошу тебя сообщить мне в двух словах, что нового принес

для «Слова» юбилейный 1938 год? Какие новые переводы (я знаю Новикова, Шторма), есть ли рифмованные?

Жду писем. Ираклию я послал письмо.

Привет от Кати всем вам

твой Н. Заболоцкий⁸

Несмотря на все трудности, перевод в основном был сделан за очень короткое время: началась работа в апреле—мае, закончилась в конце июня—начале июля. Таким образом, второй и основной этап работы Заболоцкого над переводом продолжался около трех месяцев. Впрочем, впереди был еще период правки и редактирования.

В июле Николай Алексеевич получил отпуск по основной работе и около двух недель жил в доме отдыха вблизи станции Аккуль Акмолинской (ныне Целиноградской) области. Здесь он с новыми силами погрузился в работу—правил, прикидывал новые варианты, сверял с древнерусским текстом, шлифовал стихи перевода.

Вернувшись из отпуска, он прочитал свое «Слово» сослуживцам по Управлению. Вот как архитектор А. К. Белавина рассказала карагандинскому краеведу Ю. Г. Попову об этом первом публичном чтении перевода: «В отделе все знали, что Заболоцкий—поэт, автор ряда книг, интересовались его творческими планами. Помню, однажды он попросил нас остаться после трудового дня, и, немного волнуясь, прочел свое стихотворное изложение «Слова о полку Игореве». В год Победы над фашизмом строчки поэмы звучали торжественно, еще раз подчеркивая величие подвига советского народа...»⁹

В сентябре состоялось прослушивание поэмы в Карагандинском Доме партийного просвещения, а 7 октября 1945 года газета «Социалистическая Караганда» поместила краткий отчет об этом выступлении Заболоцкого. Автором этой, по существу, первой и одобрительной рецензии на перевод была преподавательница Карагандинского учительского института Нонна Меделец. Николай Алексеевич не ожидал отклика в печати и не скрывал своей радости.

Карагандинский период работы Заболоцкого отличается иным, чем в 1938 году, подходом поэта к переложению древнерусского текста. Основная цель перевода осталась прежней—дать полноценную поэму, которая, сохраняя всю силу подлинника, звучала бы как поэма сегодняшнего дня, легко читалась и была доступна самому широкому читателю. Но теперь Заболоцкий, по возможности, стремился не отступать от оригинала и сохранить поэму в максимально целостном виде. Он стал дорожить каждым образом и интонацией «Слова». Недаром он писал, что часто видит поэму во сне. Изменилось и содержание

слов «звучание сегодняшнего дня». Для современника в 1938 году великий памятник литературы не мог звучать так, как он зазвучал в 1945 году. Тяжкие бедствия народа, выстраданная и долгожданная Победа в 1945 году осенили «Слово о полку Игореве» новым смыслом. Как писал Д. С. Лихачев, «поражение... для автора «Слова» — это только начало битвы». И вот события 1945 года как будто довели действие поэмы до логического завершения.

С особым чувством переводил Н. Заболоцкий последнюю часть поэмы — плач Ярославны и строки о возвращении князя Игоря из плена.

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь...»

Переводя эти фразы, поэт не мог не слышать плача миллионов женщин, проводивших своих мужей и сыновей на великие испытания. А, изображая звукопись радостного колокольного звона киевских церквей при встрече князя Игоря, поэт представлял возвращение на родину воинов-победителей с полей только что окончившейся войны. Да и отголоски собственной судьбы слышал Николай Алексеевич в «страстных, невероятно образных, благородных древнерусских формулах». Когда он читал только что написанные строки перевода третьей части жене Екатерине Васильевне, оба понимали, что плач Ярославны написан и о ее страданиях и испытаниях в тяжелые годы. И в радостных аккордах заключительных строк поэмы оба ощущали радость их недавней встречи после многолетней разлуки, предчувствие возвращения к мирной жизни, а для поэта — к занятиям литературой. Образ Ярославны удивительно соответствовал новым чувствам Заболоцкого, сливался с «единственно ценной» теперь живой человеческой душой, и послужил основой для нового направления творческой мысли поэта. Отблески этого образа иногда возникали и в собственных стихах поэта, например, в строках написанного в 1954 году стихотворения «В кино» о встрече с незнакомой женщиной:

Одинока, слегка седовата,
Но еще моложава на вид,

Кто же ты? И какая утрата
До сих пор твое сердце томит?

Где твой друг, твой единственно милый,
Соучастник далекой весны,
Кто наполнил живительной силой
Бесприютное сердце жены?

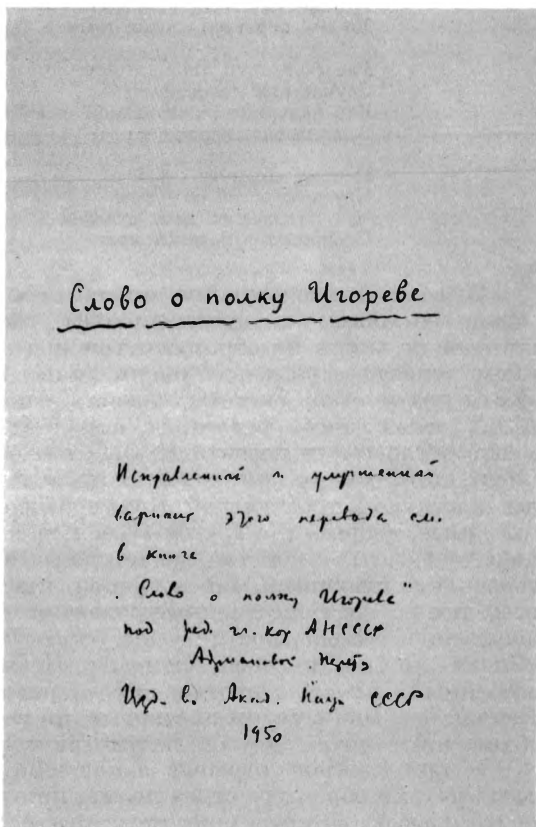
Почему его нету с тобою?
Неужели погиб он в бою
Иль, оторван от дома судьбою,
Пропадает в далеком краю?

В этом стихотворении проявилась та сокровенная связь между «Словом» и оригинальным творчеством Заболоцкого, которая не могла не обнаружиться и в стихах его перевода. Об ином аспекте этой связи очень точно написал Д. С. Лихачев: «Хотя поэтическая система «Слова» и поэтические системы XIX и XX веков совсем различны, есть тем не менее что-то общее между «Словом» и поэзией Н. Заболоцкого — особенно ранней. К числу этого общего принадлежит прежде всего восприятие природы как живой, трагической, в которой борются, с одной стороны, активные, добрые и, с другой — косные, злые силы. Человеческие действия слиты с действиями природы, а сами люди неразрывно связаны со стихиями, миром зверей, птиц, трав и деревьев. При всем том есть и существенные различия. Эти различия обостряют ощущение самобытности обеих систем: поэтической системы «Слова» и поэтической системы Н. Заболоцкого. И в этом особенный смысл стихотворного переложения Н. Заболоцкого. Изучая его, мы изучаем одновременно две противостоящие и две сближенные друг с другом поэтические системы»¹⁰.

В приведенном отрывке заключена плодотворная мысль о соответствии образного строя поэмы натурфилософским взглядам поэта, мысль, которую еще предстоит развивать исследователям творчества Заболоцкого.

Как уже говорилось, перевод «Слова» сыграл определенную роль в судьбе Заболоцкого. 6 сентября 1945 года Управление Саранского строительства в Караганде обратилось к председателю правления Союза советских писателей Н. С. Тихонову с ходатайством о возвращении Заболоцкого к работе писателя и восстановлении его членства в Союзе писателей. Н. С. Тихонов хорошо знал Николая Алексеевича еще по Ленинграду, ценил его поэзию и, естественно, откликнулся на ходатайство самым благожелательным образом. 31 декабря 1945 года Николай Алексеевич получил хороший новогодний подарок — в Управление поступила официальная телеграмма, подписанная Тихоновым, с вызовом Заболоцкого в Москву.

Автограф
Н. А. Заболоцкого

В начале января 1946 года поэт привез в Москву в основном законченный перевод «Слова».

4 марта он прочитал его в Клубе писателей, 14 марта — в зале Литературного музея. После чтения состоялись обсуждения перевода. Среди выступивших и с одобрением отозвавшихся о труде Заболоцкого была литературовед и специалист по эпосу В. А. Дынский. С отрицательной оценкой перевода выступил один из переводчиков «Слова» А. К. Югов, отметивший, как вспоминает Степанов, «по его мнению, важные упущения и неверные истолкования «Слова». Николай Алексеевич эти нападки переживал особенно тяжело»¹¹. На одном из чтений перевод слушал исследователь «Слова» литературовед, академик Н. К. Гудзий.

Позднее, в конце 40-х годов, Заболоцкий несколько раз встречался с ним в доме Гольцевых и обсуждал свою работу над «Словом». Высокая оценка перевода Гудзием много значила для поэта.

Важным событием в жизни Н. А. Заболоцкого была публикация его перевода «Слова о полку Игореве» в журнале «Октябрь» (1946, № 10—11). Об этом первом выступлении Заболоцкого в печати после десятилетнего перерыва интересно рассказал Л. А. Озеров¹², который в то время заведовал в журнале отделом поэзии и принимал непосредственное и деятельное участие в публикации перевода.

Заболоцкий любил свое переложение «Слова» и, конечно, хотел издать его отдельной книгой. О том, как он представлял себе это издание, можно судить по примечанию, которым он завершил машинописный текст поэмы, видимо, в том же 1946 году. Привожу его полный текст (публикуется впервые):

«При издании отдельной книгой перевод должен быть снабжен подробным комментарием.

В комментарии разъясняется смысл памятника в целом и отдельных его частей, дается ряд исторических рассказов из прошлого Русской земли, приводится параллельный материал из летописей, рассказывается о героях «Слова», поясняются старинные обороты речи и отдельные слова, сохраненные в переводе. Комментарий должен быть иллюстрирован рядом фотоснимков (древнее вооружение, памятники древнего зодчества и пр.) и рисунков на темы «Слова».

Рассчитанный на массового читателя, комментарий не должен являться сухим придатком к тексту перевода. Написанный в живой и занимательной форме, он должен быть интересен сам по себе, хотя основным его назначением является пояснение перевода «Слова о полку Игореве».

Переводчик»¹³

Итак, работа над памятником, казалось, была закончена. Однако оторванность от литературной жизни, отсутствие всех необходимых книг и возможности консультироваться с учеными-филологами в карагандинский период создания перевода не могли не сказаться. Поэтому в Москве пришлось заново просмотреть текст и внести в него важные редакционные поправки. Предстоял еще московский период работы над переводом.

Окончательная редакция перевода Заболоцкого возникла в результате переписки поэта с Д. С. Лихачевым¹⁴. 2 февраля 1950 года Дмитрий Сергеевич обратился с письмом к Заболоцкому в связи с подготовкой нового издания «Слова» в серии «Школьная библиотека», а также с предполагаемым изданием перевода Заболоцкого в академической серии «Литературные

памятники». Крупнейший специалист по Древней Руси понимал задачу поэтического переложения «Слова о полку Игореве» сходным образом, к тому же он знал и ценил поэзию Заболоцкого, и потому его отзыв о переводе был воспринят Заболоцким с особым вниманием.

«Ваш перевод я ценю как современное поэтическое восприятие поэзии прошлого...— писал Лихачев.— Поэтический перевод в данном случае и может быть только таким: переводом поэтической системы прошлого в поэтическую систему настоящего». Перевод Заболоцкого признавался как «несомненно лучший из существующих, лучший своей поэтической силой». Далее в письме следовали 26 пунктов, по которым Лихачев считал нужным сделать исправления в тексте Заболоцкого. Вот с этих замечаний и началась новая редактура поэтом своего перевода. Несколько исправлений было сделано и по совету научного редактора издания в серии «Литературные памятники» чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Конечно, по отношению к общему объему текста это была сравнительно небольшая работа, но она требовала нового проникновения в дух памятника, нового переживания поэмы в самом себе. Только после исправлений 1950 года Заболоцкий счел свою работу над поэтическим переводом «Слова о полку Игореве» законченной. Впервые с новыми поправками перевод вышел в «Литературных памятниках» в 1950 году. Еще четыре поправки из пяти, не успевших войти в издание 1950 года, Заболоцкий внес в свой перевод в известном издании «Слова», подготовленном Д. С. Лихачевым и иллюстрированным гравюрами В. А. Фаворского и М. И. Пикова (Слово о полку Игореве. М.; Л.: Детгиз, 1952). Пятая поправка была внесена Заболоцким при издании перевода в его книге «Стихотворения» (М.: Гослитиздат, 1957). Так вышла в свет последняя и окончательная редакция перевода.

В 1954 году к Николаю Алексеевичу обратился знаток и переводчик «Слова» В. И. Стеллецкий, который в то время собирал материал для книги переводов и переложений поэмы. В своих письмах он отметил ряд мест в переводе Заболоцкого, требовавших, по его мнению, исправления. Заболоцкий на отдельном листе выписал 43 замечания Стеллецкого, которые в основном носили стилистический характер, думал над ними, но переделывать ничего не стал. Он только что выписал фразу из «Дневников» Делакура: «Опыт учит нас двум вещам: первая — надо много поправлять; вторая — не следует поправлять слишком много». Значит, и сам так думал: боялся испортить естественность звучания стиха излишней отделкой.

Закончив в 1950 году работу над текстом перевода, Николай Алексеевич не расстался с древнерусской литературой. В 1950—

507.

4. IX

Многоуважаемый Николай Александрович!

К сожалению, Ваши поправки опоздали: книга уже вся подписана в последней корректуре к печати, поступают чистые листы.

1. Не забыть в конце ^{да болном} с приветом
2. На титул переписать ^{листка}
3. Звразий ворон в Плескани примач
4. Укреств поиски мелоду вотвал
5. Не Тичи на оба столца два года,
М.З.

В. П. Адриановой-Перетц

Последние поправки Н. А. Заболоцкого к переводу «Слова о полку Игореве»
(автограф поэта на записке В. П. Адриановой-Перетц)

1951 годах он занимался изучением материала, на основе которого в 1951 году им была написана статья «К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“». 11 апреля 1951 года на заседании комиссии по «Слову о полку Игореве» он сделал доклад «О ритмике „Слова“», где изложил свои представления о ритмической структуре произведения и ее близости к былинной. Доклад представлял собой сокращенный вариант статьи «К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“», которая при жизни автора не публиковалась. В статье Заболоцкий придерживался той точки зрения, что «Слово», подобно былинам, сочинялось как музыкально-вокальное произведение. Принципы организации словесного материала в «Слове» и в былинах характерны для произведений, которые поются под аккомпанемент гуслей или какого-либо другого музыкального инструмента.

Вся статья подчинена основной цели изысканий поэта—

обосновать правомочность и даже необходимость перевода поэмы силлабо-тоническим стихом. Такой принцип перевода выводился из ритмической организации словесного материала в поэме и формулировался Заболоцким следующим образом: «Для современного переводчика «Слова», если он ставит перед собой задачу ритмически организовать свой перевод, имеется лишь один путь: разбить текст на стихи произвольно и ритмически организовать текст изнутри, т. е. принять для перевода правильный тонический или силлабо-тонический стих. Этим самым он введет в ткань стиха отсутствующую ныне сопроводительную музыку и приблизит древнюю поэзию к нашему современному ее пониманию»¹⁵. Одновременно с завершением перевода «Слова о полку Игореве» Николай Алексеевич задумал новую работу, которая позволила бы ему использовать опыт и знания, накопленные за время общения с древнерусским памятником. В 1950 году он начал изучать былины и относящиеся к ним материалы с тем, чтобы сделать обработку и поэтическое переложение русского эпоса¹⁶. Но это была уже новая, правда, незаконченная, глава в творческой биографии поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Повесть «Таинственный город» (М.; Л., 1931) опубликована под псевдонимом Я. Миллер.
- 2 Синельников И. Молодой Заболоцкий // Воспоминания о Н. Заболоцком. 2-е изд., доп. М., 1984.
- 3 Максимов Д. Заболоцкий (об одной давней встрече).— Там же.
- 4 Заболоцкий Н. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 529—530.
- 5 Обработка Н. Заболоцкого поэмы Руставели неоднократно издавалась и позднее. См., напр., издание в серии «Школьная библиотека» (М., 1984). В 1953—1955 годах Заболоцкий сделал полный поэтический перевод поэмы «Витязь в тигровой шкуре».
- 6 Заболоцкий Н. Собр. соч. Т. 1. С. 537.
- 7 Заболоцкая Е. В. Рукописные заметки // Архив автора.
- 8 Заболоцкий Н. Избр. произведения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 297.
- 9 Попов Ю. Николай Заболоцкий в Караганде // Простор, 1984. № 4. С. 203.
- 10 Из предисловия Д. Лихачева к публикации переписки Н. Заболоцкого с Н. Степановым и Д. Лихачевым. См.: Работа Н. Заболоцкого над переводом «Слова о полку Игореве» // Вопр. лит., 1969. № 1. С. 164.
- 11 Степанов Н. Из воспоминаний о Н. Заболоцком // Воспоминания о Н. Заболоцком. 2-е изд., доп. М., 1984.
- 12 Озеров Лев. Вначале было «Слово» // Необходимость прекрасного. М., 1983.
- 13 Машинописная страничка с публикуемым примечанием сохранилась в архиве М. В. Юдиной и находится сейчас в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина (ф. 527). На листке карандашом рукой Н. А. Заболоцкого сделаны расчеты гонорара за перевод «Слова».
- 14 Публикацию этой переписки см.: Вопр. лит., 1969. № 1.
- 15 Заболоцкий Н. Собр. соч. Т. 1. С. 556.
- 16 О работе Н. Заболоцкого над былинами см.: Заболоцкий Никита. О замысле Н. А. Заболоцкого создать переложение русских былин // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981.

Резуом
и Исчетьото
~

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, характерным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившего в XII веке.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Дмитрий Бисти

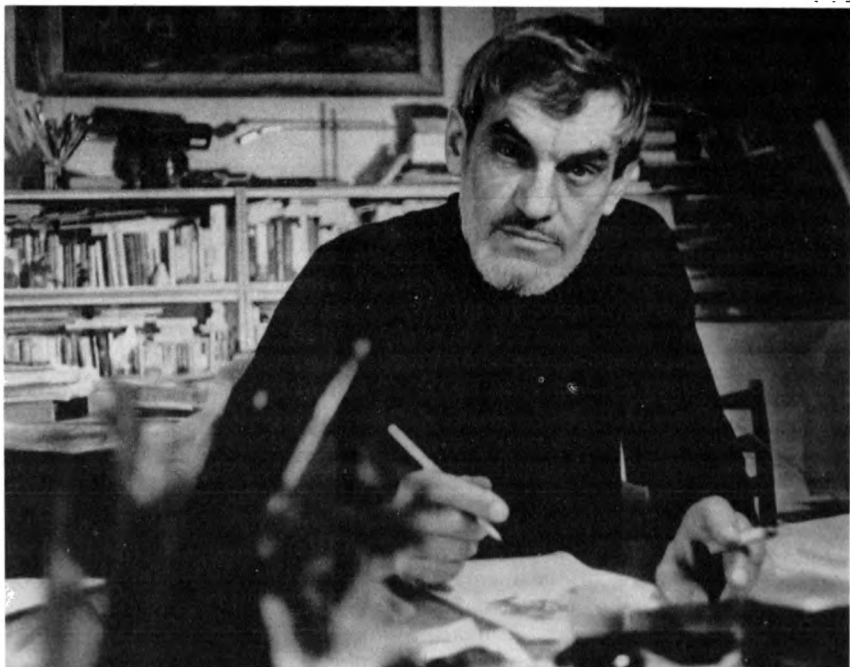
ЕДИНЫЙ МИР «СЛОВА»

Беседу вела Людмила Букина

Дмитрий Бисти — народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, премии имени Гутенберга и многих других. Недавно он завершил серию гравюр к «Слову о полку Игореве» для издательства «Детская литература». Мы попросили известного графика рассказать читателям «Альманаха библиофила» об этой работе.

— Глыба «Слова» возвышается над временем. Века шлифуют простой камень русского памятника, открывая новые сечения и грани. Восемьсот лет отделяют нас от похода Игоревы, но «Слово» тревожит и волнует, к нему снова и снова обращаются ученые, писатели, художники. Дмитрий Спиридонович, в чем, по-вашему, современность «Слова», его жизненное начало?

— Поход князя Игоря — всего лишь случай, давший возможность автору говорить о главном — о единении Руси. Это было важно и для других стран, например, для раздробленных Германских княжеств, но для огромного Русского государства — особенно. Россия пережила великую и трагическую историю, частица которой отражена в «Слове». В сущности, поражение Игоря — прискорбное событие для славян — следствие междоусобиц прошлого, и произошло оно именно потому, что князь Игорь пренебрег идеей единения. Гениальность автора заключается не только в том, что он увидел и понял необходимость единства, актуального в любое время, но и в том, как он сумел воплотить свою мысль — идя от противного, не от победы, а от поражения. Ведь поражение — только начало битвы, итог которой — победа русского поэтического слова. Отсюда — нестигаемый дух памятника, отсутствие дидактики, назидательности. Разумеется, идея сама по себе не может дать столь долгую и счастливую жизнь литературному произведению, как бы замечательна она ни была. Здесь — высокая поэтическая одаренность человека, которая всегда современна и притягательна.

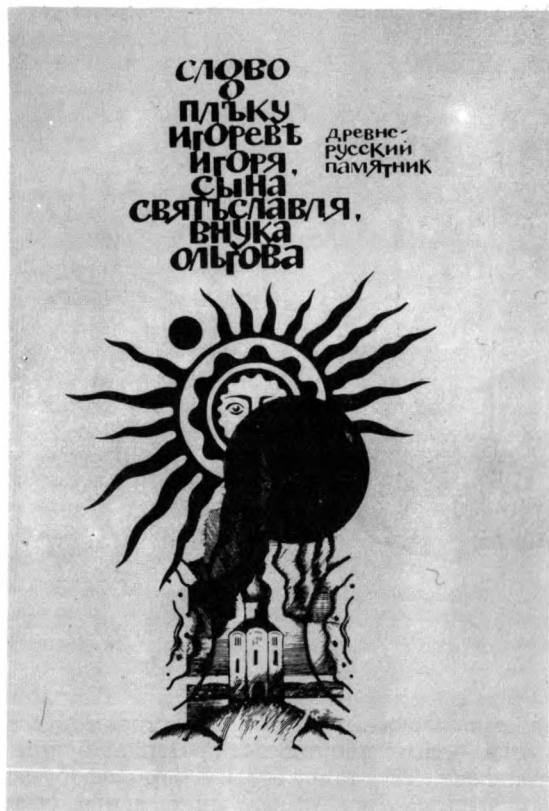

Д. С. Бисти

— Как отразилась основная мысль «Слова о полку Игореве» в ваших гравюрах?

— Изображение храма как символа объединения, государственности и русской духовности, как основа культуры проходит через всю работу. Он — в центре, на нем сконцентрировано все внимание. В 1185 году христианство еще только утверждалось на Руси, и очень сильным было влияние язычества, которое, впрочем, в каких-то формах живет и сейчас. Но в памятнике между христианством и народными верованиями нет диссонанса. «Слово» буквально пронизано язычеством, в котором воплощались все силы природы. Как изобразить эти силы? Звери, пролетающие птицы, тьмутараканский идол... Иногда — добрые, радостные, иногда — злобные, нападающие. Затмение солнца само по себе — событие историческое, и в этом его экспрессивность. Затмение — толчок, давший возможность автору ввести в «Слово» природу, пришедшую в движение, и рассуждать о ней. Волки, соколы, лебеди, лисы — все принимают участие в дей-

Д. Бисти. «Слово о полку
Игореве». Титульный
лист

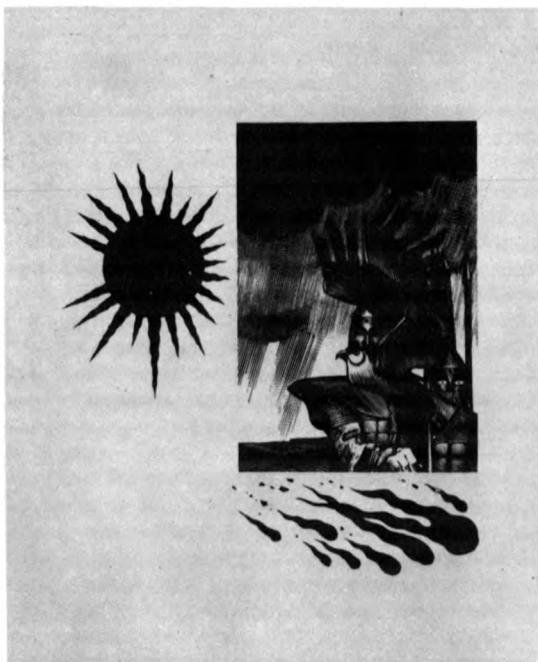
ствии наравне с людьми. Древний человек одухотворял природу, игравшую в его жизни важнейшую роль.

— Ваши гравюры выполнены в трех цветах: на белом поле листа — красный и черный...

— Я больше всего люблю эту триаду. Красный — как воплощение красоты и трагизма, волевого начала каждый раз играет иную роль в зависимости от контекста. Белый для меня, графика, — это пространственная величина, самый нарядный и жизнеутверждающий цвет. Я не очень люблю живопись, гораздо больше — графику и скульптуру, где не существует иллюзорное пространство, которое дает возможность пластического видения. Отсюда — лаконичность в цвете.

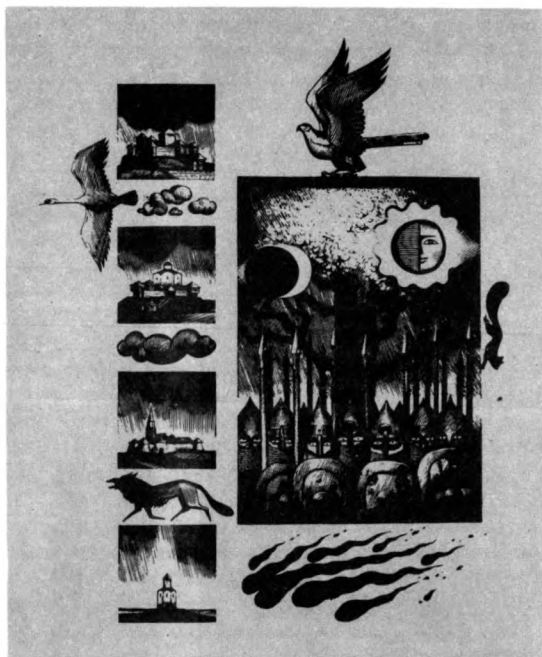
Белый и черный — традиционные цвета в книге, идущие с

Д. Бисти. Затмение

древних времен. Если взять древнерусские иллюминированные книги,—там вводились красные буквы, красные заставки, орнамент. И при этом—черные буквы, белая бумага или пергамент... Думаю, что рукописные списки «Слова» тоже украшались красным цветом. Подспудно, а иногда впрямую этот цвет передает огонь, пламя, олицетворяющее врага, нашествие половцев; красное солнце, красные стрелы... Читая и перечитывая «Слово», я не могу представить его однозначно—черно-белым. Вижу его в полусумеречном свете затмения, сквозь которое прорываются лучи. Поэтому я делаю несвойственную мне тональную гравюру, ввожу красный, плоский цвет, помогающий передать эпический строй памятника, который напрочь лишен бытовщины и с первой до последней строки заполнен идеей.

— *Под эпическим произведением подразумевается нечто объемное, с описаниями и длинными периодами, охватывающими большое временное пространство, а «Слово о полку Игореве» занимает несколько страниц. Все сжато до предела, построено на контрастах; эпитетов мало, но язык насыщен.*

— Да, здесь нет типичного эпического строя. Важны идеи, которые вложены в слово,—глобальные, всеобъемлющие (разумеется, если автор талантлив), а не стремление взять величиной. Если соорудить памятник огромных размеров, это еще не значит, что он будет монументальным. И так во всем—в литературе, в музыке... Возьмем, к примеру, «Левый марш» Маяковского—там каждая строфа эпична.

— *Существуют различные точки зрения относительно времени написания «Слова».*

— Мне кажется, оно создано не по горячим следам, а через год-два после битвы, то есть в 1186—1187 годах. Нужно было обдумать происшедшее, посмотреть на события с некоторого временного расстояния.

— *Не пришли к единому мнению ученые и по поводу автора «Слова».*

— Я глубоко убежден, что эту вещь мог создать только интеллигентный человек, который владел словом, умел пренебречь своими интересами—ведь «Слова» написано не по чьему-

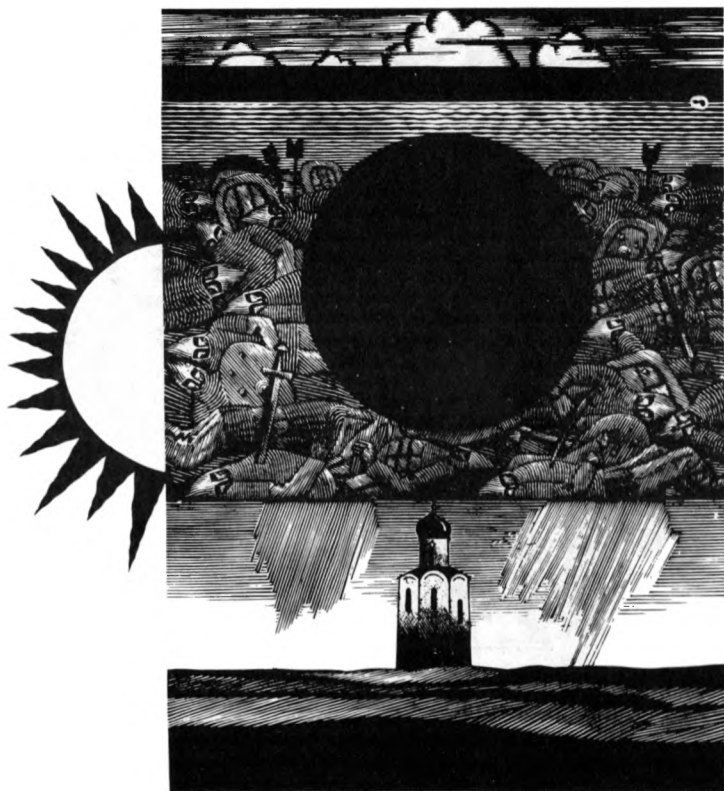
Д. Висти. Иллюстрации к «Слову о полку Игореве»

либо заказу, в нем нет восхваления подвигов. Наоборот, автор в известном смысле противопоставляет себя Игорю, пренебрегшему объединением. Кто этот человек? Монах или, может быть, князь? В то время самыми образованными людьми были монахи, которые читали, философствовали, занимались астральными проблемами. Церковь несла свет, который для своего времени был прогрессивным. Мне кажется обоснованным предположение одного из переводчиков «Слова» — Игоря Шкляревского, — что автор — человек, очень приближенный к князю. Он, должно быть, знал все политические ходы. Со своей дружиной князь эти

вопросы не обговаривал. Значит, кто это мог быть? Советчик, человек из окружения князя, причем самого близкого. Или ловчий, бывший всегда при князе, с соколом на руке. Когда иллюстрируют «Слово», обычно во главу ставят Бояна. Но автор противопоставляет себя Бояну: «Начати же ся той песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню...»

Что касается возраста Игоря, то безрассудная храбрость характерна скорее для молодого человека, а не для убежденного сединами. Он импульсивен. И от Ярославны исходит молодая сила. Эта молодость продлевает жизнь самого памятника.

— Как вы относитесь к скептикам, ставящим под сомнение подлинность «Слова»?

— Всегда есть много «доброхотов». Но невозможно подделать язык, сам дух памятника. Чтобы снять этот вопрос, надо вот что сказать: древний человек обладал совсем иным зрением — он отличался как бы космическим, панорамным видением. Ярославна плачет в Путивле, а голос ее слышится на Дунае... Мне кажется, это точно почувствовал Петров-Водкин, создавший сферическую перспективу. Это наитие художника связано с его пониманием русской истории. Он приближается к тому зрению, которым обладал древний человек. Умение передать словом прорыв света, атмосферу времени, широту русской земли —

неподдельно. Мы даже внутри не обладаем сейчас этим зрением, утратили его, занимаясь частностями. «О Русская земле, уже за шеломянемь еси!» В этой ключевой фразе — сам славянский дух, боль за отчизну, и чувство необъятных пространств, и выход за пределы родной земли. Думаю, эта вещь абсолютно славянская, без наносного. Она характерна тем, что ее мог написать только человек, для которого важна глобальная идея, — ей он подчиняет свою жизнь, судьбу. Это особенность именно русского интеллигента, западный интеллигент — иной. «Слово» — самобытный национальный древний памятник.

— *Игорь знал, на что шел. Сама природа говорила ему об этом. Ведь прежде, чем отправиться в путь, он посмотрел на*

солнце, как бы советуясь с ним: «Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: „Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзьяя комони, да позрим синего Дону!“» И, зная, что идет на поражение, князь сам устремляется к нему, ускоряя и приближая события. В этом нежелании подчиниться обстоятельствам — тоже особенность славянского характера, следование идее, которая значимее жизни и выше быта. Игорь ничего не сулит своим воинам и не ободряет их призраком победы. Но обращается к их чувству чести и долга, к мужеству.

— Было, конечно, и честолюбие: «Хощу бо, — рече, — копие преломити конец поля половецкого с вами, русици! Хощу главу свою приложити, а любю испити шеломомъ Дону». Но это — второй план пространства. Главное — освобождение от того гнетущего, что висело над Русью, — от половцев и татар. В русской истории таких примеров немало. Вспомним хотя бы поход Петра на Азов. Раз пошли — не взяли. За год построили флот, в 1696 году снова двинулись — завоевали в конце концов и утвердились, обеспечив России выход к Азовскому и Черному морям и защитив южные границы от набегов турок и нападений крымских татар.

— В «Слове о полку» нет описаний действующих лиц, и в то же время совершенно отчетливо предстают психологические портреты людей. Видимо, для художника это создает сложности формального, изобразительного порядка?

— Своим студентам в Полиграфическом институте я читаю страницу из «Повестей Белкина» Пушкина и спрашиваю, сколько иллюстраций можно к ней сделать. Говорят: одну-две. Нет, каждую строку можно проиллюстрировать — такова емкость пушкинского языка, не обремененного внешней описательностью. И такова емкость языка великого памятника.

— Замечательные иллюстрации Фаворского к «Слову» стали, по существу, каноническими, а его Ярославна — хрестоматийным образом. В каком направлении работаете вы, Дмитрий Спиридонович, чтобы создать свой художественный мир «Слова»?

— Фаворского, человека русского, волновала эта вещь, он не мог пройти мимо нее как мыслитель. Прежде всего — для него была важна философия «Слова», заряд идей, а не только литературно-художественные качества. За такую тему нельзя браться человеку, не обладающему талантом. Фаворский — один из лучших художников, которые проиллюстрировали «Слово». Он сделал это наиболее интересно, проникнув в самую суть памятника. Особенно мне близок «Плач Ярославны»: простор земли, к

В. А. Фаворский.
Иллюстрация
к «Слову о полку Игореве»

которой обращается Ярославна, к солнцу, к силам природы, здесь — мировосприятие древнего человека, охватывающего всю землю разом. Фаворский, которого я считаю духовным учителем, в своих работах монументален, но для него большое значение имеет и событийная сторона. Мое же отношение к «Слову» — не как к бытине, а как к реальному событию, поэтому здесь нет никакой романтики, но и бытовой приземленности тоже нет.

— В «Плаче Ярославны», как ни странно, нет плачущих интонаций. Именно поэтому, быть может, слово ее и долетело до Игоря, долетело до нас сквозь века. Какими земными и небесными путями движется оно? Плач — монолит, в котором энергия горя предельно сжимает речь, уплотняет ее, слово к слову пригнано так, что образуется единство, подобное стремительной птице. Здесь нет места уменьшительным суффиксам — Ярославна не в том состоянии, чтобы распылять душевную энергию, силу заклинания, которую она вкладывает в свое слово («тресветлое солнце», а не «солнышко», появившееся впоследствии в переводах): «Светлое и тресветлое солнце! Всежь тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею имъ лучи съпряже, туюю им тули затче?» Будто сквозь гигантское увеличительное стекло собрана вся сила солнца в один пучок, в эту одну «горячую лучю», которая впадает, бездвигивает, испепеляет своим выжигающим «ч»: «туюю им тули затче». Ударение почти везде — на предпоследнем или третьем от конца слоге.

Это дает простор плачу, долгие плавные крылья, на которых летит плач. Но это не расслабленность, не вялость, а — мелодия, напев. Только иногда слова тверды и падают камнями, магнитными ядрами. Ярославна — не просто женщина, но — личность, образ, силовой узел славянского характера. Она вобрала в себя природу, и природа говорит устами Ярославны. Со стихиями — солнцем и ветром — с почтением, но на равных, не как смиренная раба, приниженная собственной незначительностью (снизу — вверх), убитая собственным горем. Плач не может рассыпаться на слезы: он должен долететь до Игоря, не растечься по земле, и потому каждое слово — несбиваемое с пути, сильное, хотя и горестное — летит особняком в стае слов. Если вся стая не долетит, то несколько птице-слов все же достигнут Игоря. И слово-заклинание стало делом, ибо тут же: «Прысну море полунощи; идут сморци мзглами. Игореву князю богъ путь кажетъ из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу».

— По-моему, плач — своего рода вставное действие, катализатор всей вещи, ее лирическое начало. Без Ярославны произведение потускнело бы. И в этом тоже проявилась гениальность автора. У меня Ярославна не стоит на стене, она — в поле, плачет по Игорю и по всем убиенным воинам. Поле после битвы — как его изобразить? Павшие воины, а над ними — какие-то существа, напоминающие гиен... Руки ее скорбно опущены, здесь неуместен жест, он будет выглядеть искусственно. Затем она летит над землей, и уже там появляется движение. Самые многотрудные вещи — битву, плач Ярославны — оставил на конец работы. Потому что набираешь больше опыта именно этой работы, и я всегда иду таким путем.

— Дмитрий Спиридонович, вам принадлежит идея проведения под эгидой Союза художников всесоюзной выставки «Золотое слово русской литературы — «Слово о полку Игореве» — в иллюстрациях советских художников». Расскажите, пожалуйста, о том, как она организована.

— Были разосланы письма в республиканские Союзы художников, в ответ на которые мы получили работы на тему «Слова» или прямые иллюстрации к памятнику. Откликнулось не так уж много художников, потому что далеко не все занимаются этим...

— Как проходил отбор?

— Никакого конкурса не было — приняли участие практически все желающие. Такие выставки, посвященные одной теме, дают возможность увидеть отношение художника, его позицию — философскую, эмоциональную — это важно и интересно не только для публики, но и для исследователей «Слова», в котором много загадок. Иногда художник, по-своему изображая тот или иной

Г. Поплавский. Призыв

пейзаж, состояние, чисто интуитивно подсказывает писателю, критику, ученому новые штрихи, возможность иного прочтения текста. Это попытка понять, проникнуть в дух «Слова», предпринятая художниками разных поколений.

«Слово» — высокопатриотическая вещь, не имеющая аналогий в современной ему литературе.

— Тем более странно, что долгое время художники не работали над ним.

— Причина проста: памятник редко переиздается. Ведь художники в основном работают по заказам издательств... В силу обстоятельств общественно-политического толка интерес к «Слову» и вообще к литературе, несущей идею единения, все больше обостряется.

На выставке видно, кто пытался осмыслить произведение, а кто шел по сугубо сюжетному пути. Так, Георгий Якутович подчеркивает героическое начало в «Слове». В этой трактовке Игорь выделяется среди других князей — он, может быть, ошибался, но был храбрым, отважным: предчувствовал поражение, однако пошел на врага.

Георгий Поплавский работает интересно, но несколько отстраненно от «Слова». Очень много внимания уделено бытовым деталям, но, на мой взгляд, упущено состояние самого «Слова».

Виталий Волович (Свердловск) многое хочет сказать, стремится проникнуть в дух, атмосферу памятника, с попыткой философски его осмыслить. Отсюда — графическая перегруженность пространства. Но вместе с тем он почувствовал космическое, сферическое видение древнего человека, что является несомненной удачей.

Очень интересную работу представил Василий Лопата (Жив). Однако он слишком много вкладывает в каждую картину сюжетного, информативного, что несколько огрубляет «Слово», — оно не обладает этой жесткостью, его лирический язык пластичен. Автор «Слова» — легкоранимый, доброжелательный, он скорбит о погибших... Но вместе с тем он — воин, свидетель и участник событий, беспощадный по отношению к врагам и предательству.

Свои иллюстрации к памятнику в переводе Н. Заболоцкого представил молодой художник Николай Егоров. Странное восприятие древнего мира через ренессансную пластику, в которой преобладают барочные мотивы, выглядит не всегда убедительно. На рисунке Дмитрия Моора Игорь изображен на коне в образе героя, полководца, который, несмотря на дурные предзнаменования, рискнул пойти против половцев.

Обращает на себя внимание трактовка Бориса Шаповалова: Игорь в седле, а вокруг — только природа, ни одного воина. Природа, которая и за и против человека. Пластически это сделано интересно.

В «Слове» много символики, но она существует органично; символика в чистом, изолированном виде нет. А в иллюстрациях она нередко становится своеобразной палочкой-выручалочкой... Образы памятника — и символичны, и одновременно реальны, отражают жизнь древнего человека. Уходить от этого нельзя.

В. Лопата. После битвы с половцами

Здесь все задействовано в особую систему пластического и философского мышления. В процессе работы я делал для себя постоянные открытия.

Затмение — предвестник беды — оно и знак, и действующее лицо. Как нарисовать затмение враждебным? Я даже не пытаюсь сейчас разгадывать смысл странных для меня слов «карна», «жля» — но я-то рисую их в каком-то конкретном обличье...

В моей работе сквозной образ «Слова» — образ птиц. Не стилизованные, а почти реальные, натуральные, поскольку в «Слове» описаны реальные события, и действовать там должны реальные силы, они превращаются в символ природы, которая принимает активное участие в жизни человека. Все происходит не на фоне природы, как говорят сейчас критики, а *в природе*.

Птица — существо, абсолютно независимое, встающее с солнцем, живущее в ритме природы, изо всего живого она больше всего тянется к человеку, инстинктивно приближается к нему. Поэтому между человеком и птицей установились давние отно-

Б. Шаповалов. Вариация на тему «Слова о полку Игореве»

шения: жалость, добросердечие, помощь друг другу. Птица — символ свободы, жизни, образ, тяготеющий к идеалу, к которому человек стремится.

— *Это родство человека и птицы живет в кровеносных сосудах поэзии. Я его чувствую так: «Ведь до рожденья ты была свободной, дикой: то птицей, то рекой, то рыбой, то лисой, то садом, оплетенным повиликой, а то кочевницей с пряно косой...»; «Это птица с моим лицом, в человеческий рост, летает...»; «Но жизнь — внизу. Тяжелые частицы лежат, а невесомые — летят. И потому раздвоенные лица из лиц людских и птичьих лиц глядят». И, посягая на ее жизнь, мы обрекаем себя на бескрылие:*

*Ведь охотник, стреляющий лебеда влёт,
В этом ангеле бежлом себя узнает.
Он прицелится точно и птицу убьет,
Но ему самому не подняться в полет.*

Н. Егоров. Ярославна

*Частоколом столетья уже обнесли
Заповедник, где вещи травы росли.
Перешел человек на свиновый язык,
Только лебедь ружье заряжать не привык.*

*Не привык, не привыкнет!—
И в этом его
Превосходство и торжество.*

Совокупный опыт природы живет в каждом из нас, именно благодаря ему человек овладел даром видеть землю сверху еще до того, как смог подняться в космос. В поэзии это прорывается иногда самым непостижимым образом.

— Поэтический язык не поддается логическому объяснению. Так и у художников. Это та самая художническая интуиция, которая и направляет в итоге произведение. Объяснить — значит лишить поэзию поэзии.

— Невольно вспоминается цветаевское: «Объяснять стихи? Растворять (убивать) формулу, мнить у своего простого слова

силу большую, чем у певчего,—сильней которого силы нет, описывать—песню! (Как в школе: «своими словами» лермонтовского Ангела, да чтоб именно своими, без ни одного лермонтовского—и что получалось, господи! до чего ничего не получалось, кроме несомненности: иными словами нельзя. Что поэт хотел сказать этими стихами? Да именно то, что сказал). Может быть, поэтому верней, точнее—толковать «Слово» не словами, а—силой графики, музыки...

Как овеществляются время и пространство «Слова» в ваших работах?

— Возвращением к мирозерцанию древнего человека. Одновременность действия дает определенный пространственно-временной ход. Отсюда—двухчастные и трехчастные иллюстрации, соединяющие разновременные события. Почти иллюзорное, глубинное пространство определяется моим подходом к «Слову» как к действительному историческому событию. Эта углубленная перспектива, какой ее видел древний человек, дает возможность создать целостный, живой, и в то же время отодвинутый в века мир. Сейчас жизнь фрагментарна, и почти нет попыток осмыслить в целом ее глобальные проблемы. Берутся отдельные эпизоды, не связанные в единую картину. Хотя, казалось бы, сейчас мы лучше знаем мир. Для древнего же человека не существовало отдельности, мир являл собою цельную субстанцию, единое живое существо...

Алексей Толстой сказал как-то, что Европа ушла в вещь, а Россия—в дух. На западе говорят: мы вынуждены заниматься формообразованием, а вам это не нужно. В русских—сила духа. Именно одухотворенность отличает русскую культуру, литературу. Идея, которой подчинено все. Мы в этом смысле счастливые люди.

— Учитываете ли вы в своей работе то обстоятельство, что «Слово» выйдет в издательстве для детей?

— Ни в малейшей степени. Работаю на пределе возможного, не делая никаких скидок на «детскость». Дети понимают тоньше и лучше нас, взрослых. Для меня важна не просветительская деятельность, а выражение высокого духовного начала.

Владимир Бурич

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «СЛОВО»

Это все уже было — и ветер сырой,
теребящий массивы трав,
вечера над Каялой и над Сулой,
крик телег и костры до утра.

Это все уже было — и желтый закат,
обязавший поля раскисать,
это все уже было... Но нет языка,
Чтоб об этом в стихах рассказать.

В дебрях славянской вязи
прочно глаза увязли.
Восьмисотлетнее горе
ищет иных аллегорий...

Как белка, мысль моя спешит,
Как стая птиц в полете,
Как волк в степи... И тянет ширь
эпических полотен!

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ЭКСЛИБРИСЕ

Необъятный мир экслибриса! В нем запечатлены образы любимых писателей, герои произведений, памятные места, исторические события, разнообразные атрибуты, характеризующие владельца библиотеки.

Среди экслибрисов большое место занимают знаки, посвященные «Слову о полку Игореве». Для книжного собрания В. Ф. Соболевского — исследователя и страстного пропагандиста «Слова» — известный график Н. И. Калита в 1974 году создал экслибрис в технике ксилографии. Художник изобразил древнерусского летописца за работой. Знак сопровождается надписью «Славу русских словес вознесем до небес», выполненной кириллицей, удачно сочетающейся со всем стилем гравюры.

Один из первых и наиболее удачных экслибрисов, посвященных «Слову», создан в 1958 году Н. И. Калитой для О. А. Пини, составителя замечательной книги «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах». Размеры этого экслибриса небольшие — всего 25×40 мм. На переднем плане художник изобразил вооружение древнерусского воина, за ним — музыкальный инструмент той поры, а в глубине, за плотной стеной копий, угадывается Игорева дружина.

Древнерусский летописец изображен и на экслибрисе, созданном киевским художником А. И. Микловдой для своего земляка Виталия Бакуменко. Среди древних фолиантов, лежащих перед летописцем, помещен и рукописный том «Слова о полку Игореве».

Советский историк В. Д. Королук наклеивал на издания «Слова» и книги по истории Древней Руси экслибрис с изображением древнерусского воина, выполненный в 1978 году в технике конгрева томским графиком В. А. Марьиным.

Несколько экслибрисов, посвященных «Слову», создал график В. И. Лопата. На книжном знаке киевского краеведа В. Г. Киркевича изображена русская дружина, выступившая в

СЛАВОН РОУСАКЪИХЪ
СЛОВЕСЪ ВЪЗНЕСЕМА
ДО НЕБЕСЪ

Из книг
Д. С. Лихачева

Изъ собраніи книгъ
Василия Деодоровича
Соболевскаго

Экслибрис В. Ф. Соболевскаго.
Художник Н. Калита

Экслибрис Д. Лихачева.
Художник С. Рубцов

поход. Издание «Слова о полку Игореве» держит в руках известный иллюстратор поэмы, киевский график Г. В. Якутович, изображенный вместе со своей женой на экслибрисе, предназначенном для их семейной библиотеки. Этот экслибрис выполнен В. Лопатой в технике линогравюры в 1978 году. Еще один книжный знак художник посвятил автору «Слова», исполняющему свою героическую песнь под аккомпанемент гуслей. Внимательно слушают его русичи. Этот знак появился в 1983 году.

Все чаще обращается к тематике «Слова» мастер экслибриса, томский график В. А. Марьин. Первый свой книжный знак, посвященный древнерусской поэме, он создал в 1979 году для известного библиофила, писателя Евгения Осетрова, автора книги «Мир Игоревой песни». Знак выполнен в технике конгрева в виде печатки с изображением князя Игоря, сидящего на коне с поднятым в руке мечом.

В экслибрисе историка Л. М. Куриса В. А. Марьин изобразил киевского князя Святослава Всеволодича на фоне Кирилловской церкви, возле которой он был похоронен. Именно в уста этого князя автор «Слова» вложил «злато слово со слезами смешано». Знак выполнен в технике ксилографии в 1981 году.

Наиболее интересные экслибрисы созданы В. А. Марьиным в технике цинкографии. Они отличаются мастерством исполнения, предельной лаконичностью. Высоко оценен искусствоведами знак, созданный художником в честь 800-летия «Слова». Интересен памятный знак пермского писателя Алексея Домнина, переводчика «Слова» и автора исторической повести «Матушка-Русь». На переднем плане портрет писателя, в глубине — фигура древнерусского поэта-гусляра Бояна, вдалеке виднеются контуры древнерусских соборов.

Необычайно лаконичен и выразителен экслибрис, сделанный В. А. Марьиным для художника Сергея Рубцова из подмосковного города Пушкино. Длинные языки пламени, высоко взметнувшиеся вверх, черный диск солнца, а на его фоне летящие стрелы и падающий сокол. В этом знаке — Древняя Русь XII века с ее бедами, княжескими междоусобицами, половецкими набегами.

Ряд экслибрисов выполнен в технике цинкографии художником С. Рубцовым на основе его графических работ. Основа сюжета экслибриса, предназначенного для книжного собрания известного исследователя «Слова» академика Д. С. Лихачева, — выступление князя Игоря с дружиной в поход.

Ғауы
тытылсауы
~

Культура Киевской Руси не только не уступала другим европейским народам, но во многом их и превосходила. Достаточно напомнить хотя бы факт написания своей родной истории. Задача сложная и нелегкая, требующая больших знаний, умения систематизировать материал, отделить главное от второстепенного, подметить основную линию развития большой страны...

Б. Д. ГРЕКОВ

В. П. Семенов-Тянь-Шанский

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» — ГЛАЗАМИ ГЕОГРАФА

Публикация, предисловие и примечания П. М. Поляна

Это была удивительная семья. Воспитанная русской историей и русской природой, она щедро проявила себя во славу России на различных поприщах — государственном, художественном, но в первую очередь — научном. По семейным преданиям, отдаленнейшим предком Семеновых был знатный ордынский выходец Каркадын, стоявший во второй половине XIV века во главе охранной стражи Рязанского князя Олега. От этого Каркадына, в крещении нареченного Симеоном, произошел боярский род Семеновых, после падения Рязанского княжества перешедший на службу к Московскому царю. Один из Семеновых (стольник и дьяк Василий Васильевич) был в числе следователей, назначенных Борисом Годуновым по делу об убийстве царевича Дмитрия. Он же — впоследствии ближайший сподвижник Минина и Пожарского в Нижнем Новгороде. Другой — Молчан Семенов-Каркадынов — один из донских атаманов, третий — Василий Григорьевич Семенов — думный дьяк при правительнице Софье и затем окольный*. Род Семеновых известен и российской словесности: сестрой прабабки Вениамина Петровича Семенова-Тянь-Шанского, автора публикуемого ниже исследования, была известная поэтесса Анна Петровна Бунина, почетный член Беседы любителей Российского слова, слышавшая в свое время «русской Сафо» (на что язвительно откликнулся еще К. Батюшков: «Ты Сафо, я Фаон: об этом я не спорю: / Но, к моему ты горю, / Пути не знаешь к морю»). Дед его, Петр Николаевич, был известен как драматический писатель и автор злых пародий; поэтом и переводчиком был и старший брат Вениамина Петровича — Андрей Петрович, более известный как энтомолог и зоогеограф**. Их знаменитый отец — крупнейший русский географ-путешественник, статистик, историк науки — Петр Петрович Семенов, заслуживший себе и нисходящему потомству почетное прибавление к фамилии: Тянь-Шанский***, был весьма известен в художественном мире. Крупнейший в России знаток и собиратель голландской живописи и графики XVII века, он восполнил своей коллекцией пробелы петербургского Эрмитажа, куда передал ее незадолго до смерти.

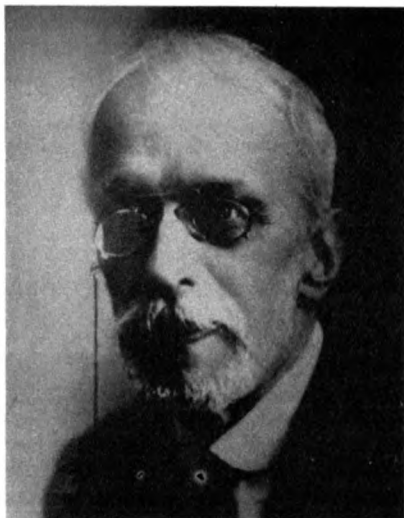
Кисть Репина на знаменитой картине «Заседание Государственного совета» запечатлела не только сенатора и государственного деятеля, но и почетного члена Академии художеств, куда Петр Петрович был избран в 1874 году, т. е. через год

* Родословная Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского полностью приведена в примечаниях к первому тому его мемуаров «Детство и юность (1827—1855)», вышедших в Петрограде в 1917 году (с. 289—292).

** Его стихи можно прочитать в сборнике «Муза в храме науки» (М., 1982. С. 60—65). В 1936 году в его переводе и с его комментариями издательство Academia выпустило том избранной лирики Горація.

*** Соответствующий указ вышел в 1906 году, к полувековому юбилею путешествия П. П. Семенова на Тянь-Шань.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский

после избрания почетным членом Петербургской Академии наук и вице-председателем Русского географического общества.

Его потомство—сын от первого брака, дочь и пятеро сыновей от второго— вместе с почетной приставкой к фамилии унаследовало от Петра Петровича всю широту общекультурных интересов. Основным условием воспитания своих детей он почитал свободу, возможность развиваться каждому соответственно его природным склонностям. «Не одна дорога ведет в Рим»— этот афоризм, по воспоминаниям Андрея Петровича, был одной из любимых его поговорок. Добавим к этому личный пример, особенно наглядный летом, когда вся семья собиралась в родовом имении Гремячка Раненбургского уезда Рязанской губернии или же на даче где-нибудь в окрестностях Петербурга: в эти летние месяцы, под руководством Петра Петровича, совершались многочисленные экскурсии по ближним и дальним окрестностям, заложившие прочный фундамент естественно-научных интересов, столь свойственных этой семье.

В Гремячке его старшая дочь Ольга, художница и этнограф, общаясь с крестьянами, до мельчайших подробностей изучала их быт и написала впоследствии замечательную книгу «Жизнь Ивана». В Гремячке впервые возник интерес к энтомологии у Андрея Петровича, и Петр Петрович, сочувствуя увлечению сына, у себя в семье считался по этому вопросу лишь помощником сына. Знатком крестьянского вопроса стал Валерий Петрович. Здесь же, в Гремячке, на небольшой метеорологической площадке, устроенной при помощи отца, начал свой путь как профессиональный метеоролог Исмаил Петрович.

Вениамин же Петрович во время этих экскурсий увлекся геологией. (Геологические особенности Гремячки и Урусова часто упоминаются во многих его работах; юрским отложениям Рязанского края посвящена его первая публикация.) Недаром, подготовляя многотомное краеведческое издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», инициатором и редактором которого был Вениамин Петрович, вся семья Семеновых с энтузиазмом взялась за написание тома «Среднерусская черноземная область» (Спб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1902. Т. 2). В этом начинании, к сожалению, осуществленном лишь

наполовину (вышло 11 томов из намеченных 22), особенно ярко отразилась связь и преемственность поколений. Безусловно, Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский достойный ученик и продолжатель дела своего отца на главном его поприще — географическом.

Он родился 8 апреля 1870 года в Петербурге. В своей автобиографии писал о себе в третьем лице: «К географии имел пристрастие с пятилетнего возраста, когда, со слов взрослых, изучил висевшую над его кроваткой немую карту Африки и успешно сдал по ней экзамен приехавшему к его отцу в гости известному писателю Анатолию Леруа-Боме. Экзамен происходил на французском языке. Естественно-историческому образованию весьма содействовали часто повторяющиеся экскурсии под руководством Петра Петровича в пригородах Петербурга, в южной части Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской и Самарской губерний, в Крыму и на Кавказе, при которых производились сборы ботанические, энтомологические (вместе с Андреем Петровичем), палеонтологические и геологические»*.

Из 8-й классической гимназии, находившейся на Васильевском острове недалеко от отцовской квартиры, вышел пятым учеником. В 1893 году В. П. Семенов-Тян-Шанский окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета по кафедре геологии и палеонтологии (среди его учителей — Д. И. Менделеев, В. В. Докучаев, А. А. Иностранцев, А. И. Воейков, А. Н. Бекетов, И. П. Бородин и др.) и был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию.

Участие в 1895—1897 годах в Первой всеобщей переписи в качестве секретаря Главной переписной комиссии** (фактическим председателем этой комиссии был его отец, возглавлявший тогда Центральный статистический комитет), а также последующая работа по статистической части (сначала редактором упомянутого комитета, затем служащим статистического отделения канцелярии товарища министра финансов и промышленности, а с 1905 по 1917 год — начальником этого отделения) отразились и на его научных интересах. С конца 1890-х годов его уже занимают преимущественно вопросы экономической, социальной и политической географии, краеведения, статистики, топонимики...

Им, в общей сложности, написано около 300 научных и научно-популярных работ, многие из которых считаются в географической литературе классическими. Это в первую очередь многотомное издание «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (1902—1911, совместно с Н. М. Штруппом), получившее Гран при и золотую медаль на международной выставке в Турине, а также монография «Город и деревня в Европейской России» (СПб., 1910), удостоенная малой Ахматовской медали Российской Академии наук. Он же, напомним, был инициатором, бессменным редактором и одним из авторов многотомной «России» (1899—1914).

Но венцом его научной деятельности, многолетних теоретических размышлений следует считать учебное пособие для высшей школы «Район и страна» (М.; Л., 1928)***. Эта книга позволяет говорить о В. П. Семенове-Тян-Шанском как об одном из родоначальников бурно развивающейся в последнее время и у нас, и за рубежом теоретической географии (или, как он ее называл, геософии)****.

* Архив Всесоюзного географического общества, фонд 48, опись 1, единица хранения № 107 (при последующих ссылках будут указываться только опись и единица хранения. — П. П.).

** В 1890 году он принимал участие в пробной переписи Петербурга.

*** Эта книга являлась лишь первой частью университетского курса «Основы страноведения». Полностью курс напечатан не был и сохранился лишь в рукописи.

**** См.: Каганский В. Л., Полян П. М., Родоман Б. Б. «Район и страна» В. П. Семенова-Тян-Шанского: современное звучание и значение (к 50-летию выхода книги в свет). — Изв. АН СССР, Сер. геогр., 1979. № 3. С. 122—129.

После революции В. П. Семенов-Тян-Шанский — профессор географии университета и ряда других вузов Ленинграда. В 1919 году он организовал в Ленинграде Центральный географический музей, задуманный как будущий музей-парк мировой географии. В 14 больших залах разместилось более 16 тысяч экспонатов: такого богатого фонда не имел ни один природоведческий музей мира. Среди экспонатов свыше 140 больших художественных картин и этюдов, показывающих ландшафт и природу различных зон и написанных самим В. П. Семеновым-Тян-Шанским специально для музея, а также около 160 им же собственноручно вычерченных карт. Музей производил сильное впечатление даже на далеких от географии людей*.

Многие годы ученый работал как автор для Большой Советской Энциклопедии, для Большого Советского Атласа Мира (членом совета которого он состоял), в комиссии при Академии наук СССР по изучению состава населения, в Бюро краеведения и других учреждениях. Но, разумеется, особенно тесно его деятельность была связана с Географическим обществом, членом которого он состоял с 1899 года: с 1918 год — он был заместителем председателя отделения физической и математической географии**, с 1918 по 1932 год — председателем отделения статистики, с 1931 года и до своей кончины — членом совета общества. В 1940 году его выдающиеся заслуги были отмечены избранием в Почетные члены Географического общества СССР.

Таковы основные вехи жизни и деятельности Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, замечательного русского ученого. С самого начала Великой Отечественной войны он активно трудился в Географическом бюро помощи фронту. Умер 10 февраля 1942 года, в самый тяжелый период блокады Ленинграда.

Все работы ученого пронизаны высокой культурой. Основы тому были заложены в детстве: в семье отца прививалась детям любовь не только к природе и живописи, но и к литературе, музыке. В 1885—1892 годах Вениамин Петрович брал уроки живописи у Н. А. Гоголинского, в 1889—1895 годах состоял деятельным членом пропагандистского кружка русской музыки. Славился исключительной памятью, унаследованной, очевидно, от отца, который с первого же прочтения запоминал стихи.

В своих работах В. П. Семенов-Тян-Шанский нередко сближал географию и искусство. И ландшафтовед-географ, и художник-пейзажист — оба, по его представлениям, мыслят географическими образами и оба занимаются выявлением в них типических и уникальных черт: только художник при этом артистичен и субъективен, а географ — объективен и научен***. «География, — писал он, — способна захватить нас до самозабвения и подвигнуть на величайшие создания в области поэтического творчества»****. В этом проявились свойственные В. П. Семенову-Тян-Шанскому высокое чувство Земли, сознание своей корневой связи с нею, преклонение перед ее красотой.

Он превосходно знал русскую литературу, но больше всех любил Пушкина и Гоголя. О Гоголе и географии он написал статью*****, как бы выполняя завет

* См.: Семенов-Тян-Шанский В. П. Идея географического музея. — Изв. Всесоюзного географического общества, 1938. Вып. 2.

** В 1913 году на Международном географическом конгрессе в Риме он был избран почетным вице-президентом. На конгрессе выступил с докладами о торговле и промышленности Европейской России по районам и о проекте мирового международного свода географических названий мира.

*** См.: Поляна П. М. География и вдохновляющие ресурсы природы. — Природа, 1978. № 3. С. 51—63.

**** Семенов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л., 1928. С. 232.

***** Семенов-Тян-Шанский В. П. Мысли Н. В. Гоголя о географии (к 130-летию со дня рождения). — Изв. Всесоюзного географического общества, 1939. № 6.

гоголевских «Арабесок». В. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1938 году написал книгу для чтения по общегеографическим вопросам под названием «Географические арабски», представляющую собой популярную сводку материалов первого тома «Большого Советского Атласа Мира». О Пушкине и литературно-природном заповеднике произнес вдохновенную речь в Михайловском в сентябре 1924 года (тогда отмечалось 125-летие со дня рождения поэта). В его топонимических и краеведческих работах во множестве рассыпаны самые различные стихотворные и прозаические цитаты, но, пожалуй, особенно часто упоминается в них — «Слово о полку Игореве» (кстати сказать, в архиве сохранилось его сочинение за 7 класс «О поэтических достоинствах «Слова о полку Игореве»).

«Слову» же, но взятому в несколько необычном — географическом — аспекте, В. П. Семенов-Тянь-Шанский посвятил отдельную работу, впервые публикуемую ниже. Рукопись, озаглавленная «Разбор поэмы „Слово о полку Игореве“» и датированная 25 октября 1936 года, извлечена нами из архива Всесоюзного географического общества (ф. 48, оп. 1, ед. хр. 162).

О маршруте похода князя Игоря уже имеется достаточно большая литература, высказано немало точек зрения, по-разному определяющих такие ключевые точки маршрута, как реки Сальница, Сюурлия, Каяла. Обстоятельные критические обзоры различных опубликованных вариантов приводятся в книгах генерал-лейтенанта В. Г. Федорова «Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где находится река Каяла» (М., 1956. С. 58—75) и академика Б. А. Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники» (М., 1979. С. 218—252). Все варианты легко разбиваются на две группы — «донские» и «днепровские». По категоричному мнению Б. А. Рыбакова, строящему собственную версию не только на фактах, но и на допущениях, более аргументированными являются «днепровские» варианты (Н. В. Аристова, А. В. Лонгинова, Г. В. Федорова и его собственный). «Донские» варианты — Н. М. Карамзина, П. Е. Ваденюка, В. А. Афанасьева, К. В. Кудряшова, М. Б. Сибилева, В. М. Глухова — представляются менее аргументированными.

Обосновываемому В. П. Семеновым-Тянь-Шанским маршруту тем самым уготована та же «печальная участь». Надеемся, что это не умаляет значимости и необходимости включения в научный оборот оригинальных соображений столь компетентного в своей области специалиста, к тому же поддержанного весьма солидными историческими авторитетами, как явствует из начала статьи, концепция которой возникла еще в конце 1910-х годов, т. е. задолго до основных споров по этому вопросу.

* * *

Более 25 лет тому назад, изучая исторические источники и сличая их с топографическими картами крупных масштабов для девриеновского издания «России»¹, я с моим покойным отцом П. П. Семеновым-Тянь-Шанским пришли к следующим выводам, поддержанным покойным академиком В. И. Ламанским, А. А. Шахматовым и профессором А. Е. Пресняковым².

Игорь в 1185 году шел на половцев дорогой, известной еще с 1111 года, т. е. со времен битвы Владимира Мономаха с половцами при р. Сале (Сальнице)³. Это был обычный, согласный исследованиям акад. Шахматова, лодочно-волоковый путь из Северной земли в Хазарию, к Итилю⁴ в дельте Волги, известный еще по

походу Святослава в X веке. Он направлялся из Посемья⁵ коротким волоком на Северский Донец, затем уремой⁶ Донца мимо поселений русских «бродников» (Шарукан, Балин и др.)⁷, смешавшихся с потомками когда-то вытесненных сюда с Северного Кавказа родственными осетинам алан, спускался в урему Нижнего Дона. Путь же в Хазарию поднимался вверх по долине Дона до впадения Донца, затем до впадения Иловли (хазарская крепость Белая Вежа, т. е. меловая), шел вверх по этой реке, а в ее верховьях был волок мимо высот Камышинских Ушей⁸ на короткую речку Камышинку, приток Волги, откуда суда спускались вниз по Волге к Итилю. Начало одной греческой фронтонной надписи было найдено покойным академиком В. В. Латышевым⁹ в Херсонесе, тогда как, благодаря этому пути, конец ее оказался на нижней Волге, будучи завезен туда в виде судового балласта, ибо греки вели торговлю с хазарами. Это мое географическое объяснение Латышев в 1919 г. публично признал единственно возможным.

В «Слове о полку Игореве», описывая поход Игоря, автор в одном месте воскликнул (цитирую по памяти, не имея под руками текста): «О Русь, уже за шеломянем еси!» «Шеломами» в Сибири называют старожилы-старообрядцы круто обрывающиеся к рекам возвышенности кряжевого типа. В данном случае это Донецкий кряж, обрывающийся к Северскому Донцу горами Сизыми, Хорошими, Сокольими и Гребенными, согласно Книге Большого Чертежа¹⁰.

Половцы, или куманы, согласно мнению академика А. Н. Самойловича¹¹, по языковым признакам были предками нынешних северокавказских карачаевцев. Вероятно, они в свое время и оттеснили алан в бассейн Северского Донца. Как и все прочие исторические кочевники, половцы водой, пока трава в открытой степи еще не выгорела, поили там свои стада и табуны. При этом на местах особенных скоплений стад и табунов (о которых в XIV веке свидетельствует путешествие по Дону митрополита Пимена в Царьград, гласящее, что за р. Медведицей «стада хазарские видехом толико множество, яко те ум превосходящ, овцы, козы, волы, верблюды, кони») веками образовывались «гончаки», т. е. обнажались обширные площади песков. Таковы Рын-пески¹², Медведицкие пески, Цымлянские пески, Алешковские пески¹³ и др., обязанные своим происхождением различным кочевым ордам. Когда же трава в степи от жары выгорала, кочевники двигались в лесостепь и оставались там до глубокой осени или до начала зимы, и именно там, кроме приуроченных больше всего к началу лета и к осени мирных конских ярмарок, чаще всего происходили, на почве потрав скотом сельскохозяйственных угодий, кровавые их столкновения со славянскими

землеробами. Владимир Мономах пишет, что весной «выедет смерд пахать и сеять, а половчанин ударит его стрелюю, зажжет его гумно, да и жену уведет». Именно здесь, в соломенной стране, родина так называемого «красного петуха», а не на севере. Тут подразумевается, конечно, степная поляна, оспариваемая половцами, а не открытая степь, в те времена еще недоступная для земледелия.

Во многовековой период борьбы с кочевниками славянские рати в агрессивной войне всегда направлялись в спорные и бесспорные земли кочевников по речным долинам, где древесная и кустарниковая растительность, так называемая урема или левада, а местами и сосновые боры, равно как и впадающие овраги и балки, позволяли двигаться и делать стоянки наименее заметно от зоркого глаза кочевников, и в то же время необходима для питья вода всегда была под рукой. И тем не менее шли «с великим бережением», по старинному выражению. Этим именно способом удавалось продвигаться вглубь кочевой территории весьма далеко и наносить кочевникам наиболее чувствительный вред. При оборонительной же войне славянам поневоле приходилось становиться поперек кочевых шляхов, шедших вдоль открытых степных водоразделов (отсюда и произошли сторожевые черты), но они при этом всегда предпочитали задерживать неприятеля у переправ через реки, где таким образом и происходили битвы. При долинном походе пешие части войск и значительные части грузов плыли по реке или шли по речному льду, и только конница шла берегами, производя попутные разведки, чем сберегалось много сил. Древние монеты, в изобилии усеивавшие долины многих, даже незначительных рек и дававшие повод предполагать усиленное торговое движение по рекам, во многих случаях, вероятно, были просто посеяны дружинами из забранной у врагов добычи или при внезапных атаках неприятеля.

При движениях на половцев, идя по течению Северского Донца и Дона, делали разведки вверх по каждому их пригорку, пока не натыкались около какого-либо из них на главные силы неприятеля, и тогда туда устремлялось русское войско, и происходила решительная битва. Так действовал Владимир Мономах в 1111 году по опыту предварительной крупной разведки своего воеводы Дмитрия Игоревича в 1109 году и после своего же неудачного, слишком раннего или слишком позднего по сезону похода 1110 года, когда пришлось, не дойдя до Дона, вернуться «по случаю стужи и конского падежа». В 1111 году Владимир Мономах, пройдя по Донцу и Дону до устья р. Сала (Сальницы), сделал разведку вверх по последней реке, наткнулся здесь на главные половецкие силы и 27 марта, после упорной борьбы,

нанес им полное поражение. Перед тем половцы пытались остановить его движение близ устья Донца, но неудачно. Удовлетворившись успехом, Владимир Мономах тем же путем вернулся домой. Эта битва имела в свое время огромное моральное значение, равносильное значению впоследствии Куликовской и Бородинской битв. Это была первая победа, одержанная над половцами не в пределах окраинных спорных лесостепных земель, а в самом сердце половецких степей.

Через 74 года Игорь Северский, выведенный из терпения чуть не ежегодными, сеявшими панику набегами половцев, в апреле 1185 года направился против них как раз тем же проторенным путем Владимира Мономаха. Иначе и нельзя было, ибо военная техника стояла на том же уровне. Брат Игоря Всеволод Трубчевский и Курский набрал для него вспомогательную дружину в восточной половине Курского княжества и соединился с ним у впадения Оскола в Донец («а мои ти куряне сведоми кмеры, подь трубами повиты, подь шеломы взлелеяны, яруги (овраги) имь знакомы»). Тут прямой намек на способ передвижения по долинам и оврагам. «Испив шеломом Дону» у устья Донца, братья спустились с войсками километров на 25 к устью р. Сала (Сальницы) и здесь стали «ловить языка», т. е. наводить справки о половцах. Посланные известили, что половцы многочисленны, близко и уже приготовились к битве и советовали или быстро напасть на них, или скорее возвратиться домой. Игорь выбрал первое решение, не желая «бесчестья», и отправился вниз по Дону, спускаясь целую ночь и утро. Около полудня у р. Суюрля¹⁴ (слово, испорченное переписчиками, подобно слову «Онуза»¹⁵ в позднейшем повествовании о шествии Батые на Рязань) наконец встретились половцы. Вероятно, это была одна из протоков между Салом и Маньчом¹⁶ (там есть, например, Сусат¹⁷ и другие; курганов тут в степи показано на трехверстке более 40; близ Маньча есть ёрики¹⁸ и балки «княжие»). Центр русских войск составлял отряд Игоря, правый фланг — отряд Всеволода, левый — отряд Святослава Ольговича Рыльского, а авангардом, состоявшим из отборных «коуев»¹⁹, выпрошенных Игорем у кн. Ярослава Черниговского вместе с их воеводой Олстиной Алексеевичем, и стрельцов (лучников), собранных ото всех частей войск, командовал кн. Владимир Путивльский, сын Игоря. Половцы притворно бежали при первом же русском ударе, оставив свои вещи и немало пленных. Этот мнимый успех побудил Игоря попробовать спуститься по левой стороне Дона до самого «Лукоморья», т. е. до Таганрогского залива Азовского моря, «куда и деды наши не хаживали» (намек на Сальский поход Владимира Мономаха), а пока, в ожидании возвращения погони, Игорь три дня праздновал победу. Поход в Лукоморье,

вероятно, диктовался необходимостью пополнить запасы, которые легче было добыть на берегах Азовского моря, где еще уцелели кое-какие остатки греческой оседлости (Тана²⁰ была основана генуэзцами только в XIII веке). Когда передовой полк, гнавшийся за половцами, бежавшими от р. Скурлия, через три дня вернулся с погони, кн. Игорь хотел отправиться той же ночью вниз по долине Дона, а остальным отрядам приказал догнать себя утром, но начальник погони кн. Святослав Рьльский отказался без передышки идти далее, ссылаясь на усталость коней. Его поддержал кн. Всеволод Трубчевский, и потому было решено переночевать.

Между тем половцы зорко наблюдали за русскими перемещениями по долине Дона, идя параллельно левыми придонскими водоразделами. Выйдя на рассвете, русские войска дошли до устья р. Кагальника²¹ и, сделав по обычаю разведку вверх по его течению, наткнулись на этой реке, к своему изумлению, на собравшихся со свежими силами в громадном числе половцев. Здесь на трехверстке имеется лесная поросль длиной до 6 км при ширине до 2 км и на протяжении 25 км скопление из нескольких сот курганов в степи по обе стороны Кагальника. Такого крупного их скопления нигде больше на громадном пространстве кругом не встречается*. На военном совете Игорь тогда сказал: «Сами мы собрали на себя всю землю (половецкую)», — и стал совещаться с князьями, как быть. Они ответили: «Если побежим, сами спасемся, но черных людей оставим, и будет на нас грех перед богом, что их выдали; лучше — умрем ли, живы ли будем, все на одном месте». Изнемогая от усталости, жары и безводья, на ничтожной и почти пересохшей речке, русские спешились (чтобы не уморить окончательно коней) и пошли в сражение. «Билися день, билися другой, третьего дне к полудню падоша стязи Игоревы... ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русьскую», — поэтично повествует «Слово о полку Игореве». Битва длилась 2 дня и 2 ночи, а на третий день на рассвете произошло замешательство среди отборных черниговских «коуев». Игорь, раненный в руку еще в начале битвы, пробовал их вернуть, но был захвачен в плен насевшими половцами; в это время он увидел своего брата Всеволода, который отбивался от врагов, но также был ими захвачен в плен; изо всего русского войска ушло не более 15 человек с печальной вестью на родину. Пробыв в плену около года, Игорь бежал из него на солнечном закате, когда приставленные к нему 20 половецких стражей перепились кумыса; помогал ему в этом крещеный половец Овлур (в крещении Лавр), доставивший одного коня и другого запасного в поводу. Игорь тем же путем, каким пришел в половецкие степи, — по Дону и

Донцу вернулся в 11 дней к верхнему течению Донца, откуда уже перебрался в свой Новгород-Северский. Во время передышек на пути он укрывался от врагов во входящих в долины Дона и Донца оврагах и лесных зарослях (уреме) последней реки, а в верхнем течении Донца его временно укрыли остатки аланских поселений и поселений так называемых «бродников», давших ему возможность переправиться далее в Посемье и Подесенье.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду капитальное многотомное издание «Россия: Полное геогр. описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» / Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского и под общ. руководством П. П. Семенова-Тянь-Шанского и акад. В. И. Ламанского. Спб.: изд. А. Ф. Девриена, 1892—1914. Из 22 запланированных томов было издано только 11.
- ² Ламанский В. И. (1833—1914)—русский историк-славист, профессор Петербургского университета, академик; Шахматов А. А. (1864—1920)—выдающийся русский филолог-текстолог и историк русского языка, академик; Пресняков А. Е. (1870—1929)—русский историк, профессор Петербургского университета, член-кор. АН СССР.
- ³ Имеется в виду правый приток Дона (впадает в Дон в районе г. Семикаракорска).
- ⁴ Столица хазарского каганата в VIII—X вв. Располагалась на обоих берегах р. Итиль (Волги), несколько выше современной Астрахани.
- ⁵ Сейм—река, левый приток Десны, притока Днепра. На ней—г. Путивль, стольный город кн. Владимира, старшего сына Игоря.
- ⁶ В Поволжье и на Дону—прибрежные густые заросли ивыняка и высоких трав (на поймах и нижних террасах).
- ⁷ Бродники—беглое, преимущественно славянское население, прототип казачества. Шарукан (вероятно, на месте современного Чугуева), Балин, Чешлюев—упоминаемые в летописях половецкие «города», возникшие, по-видимому, на месте аланских поселений.
- ⁸ Три конусообразные возвышенности недалеко от г. Камышина.
- ⁹ Латышев В. В. (1885—1921)—русский филолог-классик, эпиграфист и историк, в 1903—1918—директор Петербургского историко-филологического института.
- ¹⁰ «Книга Большого Чертежа»—обстоятельное географическое описание Русского государства начала XVII века. Составлено в 1627 году в Разрядном приказе в качестве дополнения к несохранившейся карте «Большой Чертеж всему Московскому государству».
- ¹¹ Самойлович А. Н. (1880—1938)—русский филолог и тюрколог, академик.
- ¹² Рын-пески (правильнее Нарын-пески)—огромное, покрытое песком пространство в т. н. Букеевской, или Внутренней Орде Киргизов, у с. Ханская Ставка (на территории современной Оренбургской обл.).
- ¹³ Пространство, покрытое кучугурами—холмами сыпучего песка к востоку от г. Алешки (современный Цюрупинск Херсонской обл.).

* По густоте оно напоминает лишь курганное скопление в Днепровском правобережье на лесостепном узком Тясминском²² водоразделе с так называемой «башней Святослава», где близ сторожевой черты, проходившей по р. Роси²³, происходили многократные главные отражения набегов кочевников с юга на Киевскую Русь.

- 14 По-видимому, небольшая река или протока в нижнем течении Дона. Точное местонахождение неизвестно. Различные гипотезы приведены в упоминаемой книге В. Г. Федорова.
- 15 По мнению, разделяемому В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Онуза — место, на котором в 1237 году продолжительное время стоял Батый перед походом на Рязанские земли, — не что иное как обширная поляна на южной оконечности Мещерских лесов, занимавшая весь бассейн р. Польский Воронеж.
- 16 Река, берущая начало с южных склонов Сальско-Маньчской гряды, впадает в Состинские озера на Прикаспийской низменности.
- 17 Протока между реками Сал и Дон.
- 18 Дельтовые протоки, старицы и мертвые русла в низовьях Волги, Дона, Кубани, Урала.
- 19 Коуи (ковуи) — наемные войска русских князей, составлявшиеся из татар и других кочевников.
- 20 Торговый город в районе современного Азова, на левом берегу Дона, впервые упоминается в конце XII века.
- 21 Река, впадавшая в северо-восточную оконечность Азовского моря, неподалеку от устья Дона. Точное местонахождение неизвестно.
- 22 Тясмин — река в Киевской области, приток Днепра.
- 23 Правый приток Днепра, ниже Киева.

Д. С. Лихачев

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

«Слово о полку Игореве» представляет собой художественное целое. Ни одна часть в нем не может быть переставлена, исключена или объявлена чужеродной. У исследователей нет никаких серьезных оснований предполагать в «Слове» пропуски, незаконченность текста или разновременность написания его отдельных частей. Если предположения о чем-либо подобном и делались, то авторы такого рода предположений игнорировали стилистические связки и общность приемов, проходящие по всему тексту «Слова», единство композиции «Слова».

* * *

«Слово о полку Игореве» — произведение не только эпическое, но и лирическое. Поэтому оно не имеет строгой повествовательной линии. Его единство основано на других принципах.

«Слово» посвящено походу Игоря, но не рассказывает о нем, а как бы откликается на него. От этого в «Слове» закономерны часто неожиданные лирические переходы от одной темы к другой, от одного географического пункта к другому, из настоящего времени в прошлое, предчувствия будущего и т. д. Именно лирическая обоснованность этих переходов связывает «Слово» в единое целое, скрепляет текст «Слова».

Художественное единство «Слова» подкреплено множеством различных художественных «скреп». «Слово» вновь и вновь напоминает читателю, что оно едино: и переключками, текста и рефренами, и лейтмотивами, и повторениями, и ассоциативными связями далеко отстоящих друг от друга мест текста, и общностью настроения, и как бы сбывающимися предчувствиями. Тот или иной художественный образ встречает аналогию через какой-то промежуток текста, повторяется, развивается, гаснет или вспыхивает. Текст словно связан железными тягами.

Наиболее общая скрепа, которая связывает начало и конец «Слова», — это солнечный свет. В начале «Слова» солнце дважды предупреждает Игоря об опасности: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты». — Это при выступлении в поход. В самом походе: «Солнце ему тьмою путь заступаше»¹. В битве на Каяле: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла». После поражения: «Нъ уже, княже, Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ». Затмение солнца напоминает читателю не единожды, не дважды, а четырежды в разные моменты похода. Зато в конце «Слова», где говорится о возвращении Игоря на Русскую землю, автор восклицает: «солнце свѣтитя на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли».

Художественные скрепы не всегда сразу замечаемы. Укажу, например, на такую. Когда Игорь попал в плен, «высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощинево», тогда «уныша бо градомъ забрала, а веселие пониче». Этот образ унывающих городов («забрала» — городские стены, это места общественных собраний, где поют славу или плачут) и поникшего по всей стране веселия не забывается автором в дальнейшем, ибо, когда Игорь возвращается из плена, — «страны ради, гради весели». Опять-таки перед нами художественная переключка начала событий и их конца.

В «Слове» обнаруживаются скрепы очень частные, иногда крайне слабо обозначенные, но тем не менее вполне реальные и воздействующие на читателя «в малых дозах». Приведу примеры.

¹ Второе упоминание затмения солнца часто подставляется издателями к первому и допускается при этом перестановка целого отрывка текста, где говорится о выступлении Игоря в поход, после того, как Всеволод Буй-тур выразил свое согласие присоединиться к Игорю. Однако второй отрывок вовсе не свидетельствует об ошибке переписчиков, создавших этой своей якобы ошибкой будто бы второе затмение. Автор «Слова» вторично говорит о затмении, чтобы подчеркнуть, что он им пренебрег, как он пренебрег и другими предзнаменованиями, дальше упоминаемыми. Игорь выступил в поход («поѣха по чистому полю»), хотя солнце (перед этим) «тьмою путь заступаше» (прикрывало воинов тьмою), а затем ночь «стонала грозою», «свистъ звѣринъ вста», «збися дивъ» и «кличеть врѣху древа»: это все предзнаменования, которыми пренебрег Игорь. И все остальные доводы в пользу перестановки также субъективны, включая и ошибочно произведенный В. Н. Перетцем расчет выпавшей страницы, в результате чего якобы и произошла перестановка (ошибочность этого расчета была впоследствии признана самим В. Н. Перетцем). Что касается до предположения, что сближение двух «тогда» («тогда Игорь възрѣ» и «тогда вѣступи Игорь») соответствует ритмической организации текста «Слова», то в таком случае необходимо было бы допустить и еще одну перестановку: «Тогда Игорь вѣступи» вместо «Тогда вѣступи Игорь», что соответствовало бы словам «тогда Игорь възрѣ».

В «Слове» не требуется ни этой, ни других перестановок.

В начале произведения Всеволод Буй-тур, характеризую своих воинов, говорит: «...луци у нихъ напяржени, тули отворени». Этому отвечают слова в плаче Ярославны, обращенные к солнцу: «..въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпярже, тугою имъ тули затче». Почему «тули затче»? Потому, что раньше они были «отворени». Почему солнце «съпярже» луки, сделало их негодными? Потому, что раньше они были «напяржены». И тулы и луки были готовы к битве, а теперь стали неспособны. Похвальба Всеволода и плач Ярославны — имеют перекличку.

Все в «Слове» очень конкретно. Что значит, что солнце горем заткнуло колчаны русских воинов: «тугою имъ тули затче»? Горе вошло в колчаны русских воинов потому, что они были пустые, — в них не стало больше стрел, все расстреляли. Если это так, то битва была безнадежно проиграна. Тулы (колчаны) русских оказались пустыми, т. е. без стрел. Но в битве было и еще одно обстоятельство, приведшее к решительному поражению, — это то, что полки некрещеных степных народов, союзников русских, дрогнули и побежали. Побежали «поганые толковины» (языческие союзники). Вот почему, рассказывая о своем сне, предвещавшем ему поражение войск Игоря, Святослав Киевский говорит: «сыпахуть ми тьцими (пустыми от стрел) тули (колчанами) поганыхъ тльковинъ (побежавших в битве союзников русских — торков) великый женчюгъ на лоно и нѣгуютъ мя».

Получается своеобразная цепь соответствий и противопоставлений. Если «тулы», отворенные в начале похода, «заткнуты» горем в результате поражения, то в сне Святослава снова появляются эти тулы: они пусты от стрел и из них сыпят на лоно Святослава символ слез — жемчуг «поганые тльковины», т. е. языческие союзники, бегство которых предредило печальный исход битвы и привело к пленению Игоря, отдалившегося от своего войска, чтобы повернуть толковин назад.

Художественная полнота образов «Слова» поддерживается их соответствием реальности. Несмотря на то, что перед нами отнюдь не реалистическое искусство, связь с реальностью во многих случаях очевидна и обуславливает собой художественные образы.

Так, например, иссохшие в безводном поле на солнце луки и пустые от стрел колчаны, заткнутые «тугою» — горем, — это, конечно, определенные символы, но одновременно они объясняются характером сражения. Согласно рассказу Лаврентьевской летописи русские воины были истощены безводием в результате того, что половцы не подпускали их к воде, действуя против них массовой стрельбой, стрелами, запас которых у окруженных половцами русских был, конечно, ограничен: «И сняшася с ними стрельци, и бишася 3 дни стрельци, а копы ся не снимали,

а дружины ожидающе, а к воде не дадуще им ити; и приспе к ним (к половцам.— Д. Л.) дружина вся, многое множество. Наши же, видевше их, ужасошася и величанья своего отпадоша... изнемогли бо ся бяху безводием, и кони, и сами, в знои, и тузе, и поступиша мало к воде, по 3 дни бо не пустили бяху их к воде...» Вот почему не только воины, но и луки их были иссушены жаждою, пересохли на жаре. И вот почему Ярославна обращается с упреком к солнцу.

Возвращаясь к характеристике Всеволодом его воинов, мы замечаем, что его слова оказываются бахвальством и в другом отношении. В числе воинских добродетелей своих курян Всеволод называет и такое: «...пути имь вѣдоми, яруги имь знаемы...» Но яруги, как в дальнейшем оказывается, не только «знаемы», но и полны тревожной неизвестности: «...вълци грозу вѣсрожать по яругамъ». Это снова ответ на бахвальство Всеволода, хотя он и проявляет себя как мужественный воин. В конце концов не только Всеволод, но и Игорь переоценивает свои возможности, выступая в поход «не сдержав юности».

Характеристика курян Всеволода переходит на всех воинов Игоревой рати. По словам Всеволода куряне «сами скачють, акы сѣрыми вълци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ». В походе все воины Игоревой рати перегораживают «поля чрълеными щиты», «ищучи себѣ чти, а князю славы». И дальше эта характеристика русских воинов противопоставляется характеристике половцев в смежной части: если русичи перегородили поля черлеными щитами, то «дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а хабрии русици преградиша чръленными щиты».

Один из наиболее частых приемов объединения текста «Слова» в единую ткань — это повторения. Повторяемость встречается в «Слове» в различных видах. Каждый из этих видов имеет помимо общего эстетического назначения повторяемости еще и частные цели.

Один из наиболее частых видов повторений в «Слове» — это перечисления: «съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы».

Перечисления встречаются как способ усиления, как способ гиперболизации. Так, например, перечисление народов, поющих славу Святославу, служит показу широты распространения этой славы: «Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють славу Святъславлю»¹.

¹ Указательное местоимение «ту» встречается и в других перечислениях в «Слове»: «ту ся копьемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти». Прямая цель этого перечисления — подчеркнуть ожесточенность наступающей битвы.

После первой победы Игорю подносят трофеи — черлен стяг, белу хорюговь, черлену чолку и сребрено стружие. В связи с тем, что все это может быть частями одного предмета, у меня возникала мысль, не значит ли это, что Игорю подносится какой-то один пышный знак-символ власти, на стяге-древке которого могли быть и стружие и чолка? Однако мне не удалось найти в древней литературе ни одного случая такого «описательного разделения» упоминаемого в произведении предмета. О каждом предмете говорится в древнерусских литературных произведениях как о некоей цельности — будь ли то бор, дом, церковь, человек или что-то другое. Только при описании построения храма или специальных драгоценных материалов, из которых он составлен, и предметов искусства, его наполняющих, можно было перечислять их отдельно. Подносимый же предмет мог быть изображен с соответствующими эпитетами, если они необходимы в рассказе только как объекты действия (в приведенном выше примере из «Слова» — как поднесения трофеев). Перечисление различных трофейных предметов встречается и в другом месте «Слова»: «...орьтъмами, и япончицами, и кожуу начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ». Это перечисление также показывает богатство трофеев.

Повторение тех или иных слов и выражений подчеркивает длительность действия: «бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы». Аналогичным образом автор «Слова» пользуется и словом «уже»: «уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеся дивь на землю».

Повторяемость этих «уже» связана еще с одной особенностью в «Слове» — наличием в нем рефренов. Рефрен не только важен для атмосферы оплакивания происходящего, но и как «стук судьбы», явление частое в музыке и придающее «Слову» своеобразную музыкальную организованность. Собственно «чистых» рефрена в «Слове» два: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» и «А Игорева храбраго плъку не крѣсити!». Мне уже приходилось писать по поводу последнего рефрена, что выражение «не кресити» несколько раз употребляется и в летописи, как формула отказа от родовой мести.

Рефрены в «Слове» носят характер некоторого примирения с судьбой, констатации безвозвратности совершившегося или носят церемониальный характер.

Дважды в «Слове» говорится о дружине: «ищучи себѣ чти, а князю славѣ». Это церемониальная фраза. Различие между честью и славой в том, что «слава» кроме чести дает еще и известность — известность на Руси и за ее пределами. Славы может достигнуть только князь, чье имя становится известным и

способно даже вызывать страх, как вызывали в других произведениях страх имя Владимира Мономаха или Александра Невского. Дружина не может стать далеко известной по именам, поэтому на ее долю приходится только честь, которую могут получать и князья¹. Поэтому рефрен — это своего рода церемониальное объяснение храброго поведения дружины.

Но помимо явных рефренов в «Слове» есть как бы и скрытые рефрены, заключающиеся в повторении образов, а иногда и отдельных слов: «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславличя». Повторения, сопряженные с разъяснениями, создают ощущение неторопливости рассказа, подчеркивают длительность происходящего. Как изобразительный способ длительности времени ожидания Игорем бегства может быть понято и следующее перечисление изменений в состоянии Игоря: «Погасоша вечеру зори. Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца». Повторение «Игорь» (трижды) создает то же впечатление сосредоточенности действия в Игоре, длительных переходов времени, сопряженного с ожиданием.

В качестве одного из видов повторений могут рассматриваться и идущие подряд одинаковые синтаксические конструкции — особенно короткие: «земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають»; «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море...»; «стрежаше ё гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ»; «летять стрѣлы каленныя, гримлютъ сабли о шеломы, трещать копия харалужныя». Святослав «своими сильными плѣкы и харалужными мечи» «притопта хлмы и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота».

Постоянные эпитеты также являются элементом «поэтики повторения». Так, например, кони в «Слове» имеют эпитет *борзый*, чем подчеркивается главное достоинство боевого коня — его быстрота. «...А всядемъ, братие, на свои бръзья комони», — говорит Игорь перед походом. К своему брату Всеволоду Игорь обращается: «Сѣдлай, брате, свои бръзый комони». Когда Игорь бежит из плена, снова говорится о борзых конях: «А Игорь князь... въвржеся на бръзь комонь», Игорь с Овлуром загнали («претръгоста») «своя бръзая комоня». Этот эпитет коня постоянен и в других древнерусских произведениях: в русском

¹ Иного мнения (более строгого разграничения и противопоставления чести и славы) придерживается Ю. М. Лотман. См.: Лотман Ю. М. Об оппозиции честь — слава в светских текстах Киевского периода. — Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1971. Вып. 284. С. 464—466.

переводе Хроники Георгия Амартола, в Ипатьевской летописи, в Девгениевом Деянии, Хронике Малалы, Великих минеях и пр.¹

Эпитет «злат» по отношению к княжескому стремени встречается в «Слове» трижды: «въступи Игорь князь въ златъ стремень», «ступаеть (Олег Святославич) въ златъ стремень», «Вступита, господина, въ злата стремень...»

Трижды автор «Слова» называет Игоря Святославича «бум», и каждый раз в связи с упоминанием его ран: «Вступита, господина (Рюрик и Давыд), въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича»; «Стрѣляй, господине (Ярослав Осмомысл), Кончака, поганого кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича»; «Загородите (Ингварь и Всеволод и все трое Мстиславичей) полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». Трижды повторяется одно и то же выражение. Не означает ли связь ран и буюести, что раны Игоря, одна из которых, в левую руку, была получена им при попытке остановить бегство ковуев,—свидетельство его особой храбрости?

Примечательно то, что «постоянные» эпитеты в «Слове» употребляются вовсе не постоянно, а только в тех случаях, когда они осмыслены. «Борзый» конь только тогда «борзъ», когда быстрота его необходима — в выступлении в поход или в бегстве. Боян — «вещий» тогда, когда необходимо подчеркнуть его мудрость, прзорливость, умелость: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу...»; «Тому (Всеславу) вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“, «чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче...» (далее пример того, как бы воспел Боян).

Как явление повторяемости можно рассматривать и отдельные случаи частого употребления отдельных слов.

«Слово» постоянно сопрягает и ассоциативно связывает различные явления. Это поэтический прием как бы игры. Связать разные явления помогает постпозитивный союз «бо» со значением «потому что», «так как», и то же слово как усилительно-выделительная частица со сходным значением — «же», «ведь». Ср.: «Уже, княже, туга умь полонила,—се бо два сокола слѣтѣста съ огня стола злата», «нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте». В последнем случае создается впечатление, что «нечестность одоления» Игорем и Всеволодом происходит от

¹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 60—61.

того, что они «нечестно бо кровь поганую» пролили, т. е. Игорь и Всеволод осуждаются за их первую победу над половцами.

Не случайно, думается, в «Слове» слово «бо» употреблено 25 раз¹—это один из основных приемов слияния (скрепления) различных смысловых блоков в единое целое. Повторения есть и в диалогах, когда прославляемый отвечает прославляющему в тех же выражениях. Ср. диалог Донца с Игорем: «Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия...»»

Можно отметить и следующую особенность «Слова»: если в современной художественной прозе «глаголы говорения» чрезвычайно разнообразны, и в сущности, любые глаголы человеческих действий могут быть обращены по своему значению в глаголы говорения (например, со словами прямой речи можно не только «обратиться», но также «обернуться», «прервать», «засмеяться», «улыбнуться» и т. д.), то в «Слове» и в Древней Руси даже ритуал плача, который во всех случаях требовал слов или пения, сопровождается обозначением «а ркучи» или «аркучи» (какая из этих форм правильнее, не установлено): «Жены руския въсплакашась, аркучи» (далее идут слова плача); «Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи» (далее слова плача). Последняя форма введения слов повторена в «Слове» трижды.

Наконец, следует упомянуть и о ситуационных повторениях. Эти ситуационные повторения вызваны, с одной стороны, тем, что только некоторые явления жизни считались эстетически ценными (война, охота, земледелие и пр.), а с другой—древнерусским ритуалом, которым сопровождалось то или иное событие.

Обращает на себя внимание в «Слове» и значение «берега» или «брега» как места ритуальных действий, оплакиваний, ритуальных пений. Ср.: «темѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ»; «се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю»; «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посьбани, посьбани костыи рускихъ сыновъ». Возможно, что и место разлуки Игоря со Всеволодом, происходящей «на брезѣ быстрой Каялы», тоже имеет ритуальное значение, в связи с чем повышается уровень возможности признать название реки Каялы символическим, как реки «каяния», «плача», горести².

¹ Там же. С. 51—54.

² См. именно такое толкование Каялы в работе: Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве».—ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 36.

Простое упоминание берега без связи с определенными значительными событиями и не как места поминаний и ритуалов имеется в рассказе о бегстве Игоря: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ». Возможно, что берег подразумевается в конце «Слова», где говорится о пении дев славы Игорю: «Дѣвици поють на Дунай — вьются голоси чрезъ море до Киева».

Знаменательно, что в летописи мне не встретилось употребление «берега» как места какого-то ритуала, очевидно, языческого, и потому именно встречающегося в полуязыческом «Слове о полку Игореве».

В самом построении «Слова», в его композиции, есть признаки повторений. Так, например, «Слово» постоянно переходит от темы к теме, от настоящего к прошлому, от общегосударственного к личному. Ритм этих переходов создает как бы задержки в повествовании. Автор как бы не может рассказать о поражении Игоря. Он переходит к прошлому — к событиям, близким по характеру, призванным объяснить печальное настоящее. Обращаясь к отдельным живущим князьям, автор «Слова» делает это по определенной схеме, напоминая им о прошлом и о их возможностях. Эти обращения кажутся от этого тоже как бы введенными в определенный ритм повторений. Ярославна молит природу (ветер, Днепр, солнце) помочь Игорю, и в ответ Игорь возвращается на Русь. Ему помогают реки. Реки стерегут его «чрънядьми на ветрѣхъ». «Солнце сѣѣтися на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли». Возвращение Игоря — как бы ответ на мольбу Ярославны, на ее обращение к ветру, Днепру, к солнцу. Этот ответ не прямой — как бы завуалированный. Аналогичным образом повторы в «Слове» не всегда ясно различимы. Многие только ощутимы, даны в намеках. Тем сильнее их поэтическое воздействие.

Учитывать повторяемость образов и выражений в «Слове» необходимо постоянно, особенно когда дело идет о внесении в текст «Слова» поправок. Из всех предложенных исправлений следующего места «Слова» (цитирую по первому изданию): «...а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанѣ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша», — как кажется, наиболее вероятно следующее исправление: «а самъ (Изяслав Василькович. — Д. Л.) подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанѣ литовскими мечи и с хотию на кров, а тьи рекъ: „Дружину твою, княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша“». «Хоть» — это княжеский любимый певец. Это название любимого княжеского певца встречается еще раз ниже, где говорится о Бояне (а возможно, не только о Бояне, но и о

другом певце — предполагаемом Ходыне). Боян назван там «хотем» князя Олега: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: „Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы — Руской земли безъ Игоря“». Тут снова песнотворец — «хоть» выступает в роли мудреца, произносящего свой суд над свершившимся. Еще одно повторение в этом месте «Слова» — это смерть на траве, на кровавой, на крови, смерть от ран — плавание в крови. Предлагаемое исправление выдержано в художественной системе «Слова»: Изяслав Василькович погибает, притрепанный мечами на кровавой траве, вместе со своим певцом, и тот произносит умирающему князю свой приговор — в типичной для певцов афористической форме. Исправление включает в себе элементы типичных для «Слова» повторений.

* * *

Обратимся к композиции «Слова». Сон Святослава, как я уже сказал, — центральный эпизод «Слова», и тем существеннее, что он подготовлен уже заранее — первой, недоброй и «нечестной» победой Игоревой рати. В самом деле, победа имеет тревожный характер, и в тексте «Слова» она как бы обрамлена беспокойной ночью и сном войска, который потом как бы отражается и в сне Святослава.

Перед битвой «Дльго ночь мръкнеть. Заря свѣтъ запала». А после: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло!» И дальше идут тяжелые предчувствия поражения: «Не было оно (гнездо. — Д. Л.) обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!» Наступает и само поражение, приводятся его исторические аналогии. После чего следует: «А Святъславъ мутень сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ», — весь состоящий из символов смерти и горя.

Таким образом, ночные предчувствия поражения предшествуют вещему сну Святослава, говорящему об этом поражении.

Это замечательная, очень тонкая поэтическая переключка в «Слове».

Сон Святослава вещей и весь пронизан тревогой за судьбу Игоря, оказавшегося в плену у моря. Мысли Святослава полны думой о смерти: уже снят кнес с терема Святослава и «бусови врани» собираются нести его к морю, где в самом деле или только символически (море символ враждебности и неизвестности) находится Игорь. В связи с этим, как кажется, текст «Слова» — «...бусови врани възгряяху у Пльбсньска... и несошася къ синему морю» следует читать: «...бусови врани възгряяху у Пльбсньска... и несоша мя къ синему морю». В первом издании «Слова» стоит «несошася», но «ся» и «мя» легко могли быть спутаны, ибо местоимение это («ся» или «мя») могло писаться под титлом.

Носился или не носился Всеслав Полоцкий к Тмуторокани (сведений об этом нет в летописях),—это в конце концов не важно. Автор не рассказывает подлинную историю Всеслава. Он дает ее художественное осмысление. Главное для автора «Слова» в том, что Игорь идет походом («летит» — Игоревое хороброе гнездо «далече залетело») к Тмуторокани, поставив ее дальнею целью своего похода, а в этом самонадеянном желании он уподобляется Всеславу, оборотнем носившемуся по Руси. При этом Всеслав несся к Тмуторокани именно ночью, до пения петухов, до восхода солнца. И в изображении первой победы Игоря, когда его мечты о Тмуторокани были, казалось бы, особенно реальны, тоже выступает бессонная ночь Игоря. Не случайно изображается ночное томление Игорева войска, и оно ассоциируется с ночными передвижениями Всеслава.

Не случайно и Олег Гориславич «ступаетъ въ златъ стремянъ въ градѣ Тьмутороканѣ» и звон этот достигал до Ярослава в Киеве—он слышал его пророчески, а Владимир Всеволодович закладывал от него уши в Чернигове именно утром, т. е. как бы просыпаясь от ночных тревог княжеских усобиц.

Первая, удачная для Игоря битва обрамлена двумя тревожными ночами—ночью перед битвой и ночью после битвы. Вторая ночь особенно полна дурными предчувствиями, и они служат переходом к трагическим предзнаменованиям сна Святослава. Переходом к сну Святослава служит не только поражение Игоря со всеми его горестными последствиями для Русской земли, но и воспоминания о том, как Святослав перед тем «успиль» (усыпил) разпуженную теперь Игорем и Всеволодом «котору».

Сон Святослава заканчивается тем, что его несут «къ синему морю» — опять туда, к морю, достичь которого легкомысленно стремился Игорь.

Ночь и море, как и окружающее Русь поле неизвестное,—это все горькая неизвестность, несущая для Руси все несчастья.

Тринадцать раз упоминается море в «Слове». Море — это, как и поле неизвестное, страна неизвестная,—стихия неизвестности, окружающая Русь. В неизвестность идет Игоревое войско, из неизвестности наступают на Игоревое войско половцы, оттуда идут черные тучи, там поют готские девы, лелея мечь за Шарукана, в неизвестности находится в плену Игорь, из неизвестности встает и угрожает Руси дева Обида, к неизвестности, к морю, шлет свои слезы Ярославна, из неизвестности указывает бог путь Игорю на Русскую землю, преодолевая неизвестность, выются до Киева голоса дев, поющих на Дунае. Главное символическое значение моря — неизвестность, чреватая несчастьями.

Русская земля предстает перед читателями как остров среди окружающей ее неизвестности, как нечто известное среди незна-

емого, как организованное начало среди хаотической неизвестности — «поля незнаемого» и в такой же мере незнаемого моря, откуда идут на Русь враги и тучи, дует враждебный ветер, неся на своих «нетрудных» крыльцах вражеские стрелы, на берегу которого заточен Игорь в плену и плещет лебедиными крылами Обида, через которое вьются голоса девиц с Дуная до Киева и т. д. Степь и море несут в себе начала хаоса и неизвестности.

Призыв «Слова» к единению — это не только военная мобилизация князей против степи, но в нем заключен еще и второй план — призыва к известности против неизвестности, мы бы сказали сейчас, — культуры против антикультуры. Именно поэтому автор «Слова» мобилизует историческую память и политическую географию Руси, князей живущих и умерших, города и реки далекие и близкие, присутствующих и отсутствующих. Вот почему форма напоминаний, воскрешения прошлого — это форма, наиболее близкая к задачам произведения: выводить из неизвестности, говорить об известном, обращаться к памяти, выводить из забывчивости, напоминать князьям об их долге, поражениях и победах, силе и слабости.

* * *

Предчувствия — это тоже связка, скрепа. Эти предчувствия, как и полагается им, выражены очень неявно. Дважды повторенное восклицание «О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!» — это, конечно, предчувствие. Прямое предчувствие — солнечное затмение, еще более осязаемое предчувствие — размышление автора перед битвой: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронѣ, поганый половчине!» Еще более определенное предчувствие в словах автора: «Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи половецкыя». Хотя ни прямо, ни косвенно о поражении здесь не говорится, но читатель понимает: так не говорят о будущей победе.

Когда о поражении уже сказано и приведены исторические аналогии, автор связывает настоящее с прошлым следующим восклицанием: «То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано!»

Предчувствия исторических событий играют роль своеобразных «ситуационных антиповторов» — перевернутых ситуационных повторений. Если в «Слове» события настоящего имеют как бы прототипы в прошлом, то прототипы будущих событий — это их предчувствия в настоящем. Это как бы тени, отбрасываемые событиями будущего в настоящем... Следует указать на большую роль, которую играют в «Слове» предчувствия — прямо или

косвенно выраженные. Прямо выражены предчувствия событий в таких фразах, как: «быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго» (замечательно, кстати, это повторение слова «великий»: «грому великому» и «Дону Великаго»).

Приметы неоднократно используются в «Слове» в художественных целях. Они создают напряженность ожидания. Мутное течение реки — очевидное предчувствие несчастья. «Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ: половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, рускыя плѣкы оступиша». Перед битвой реки мутно текут, и это не только потому, что они замутнены переходящими вброд вражескими конями или отдаленным ливнем, но потому, что представляют образ надвигающегося несчастья. Прямой угрозой полно мутное течение рек: «Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ».

Благодаря приметам события воспринимаются в «Слове» как сбывшиеся предчувствия, как нечто предвиденное и предсказанное, как нечто значительное. Эта значительность исторических событий выражена через разнообразные ряды повторов, которые создают впечатление какой-то предопределенности происходящего. Разнообразные повторы в «Слове о полку Игореве» образуют различные микроритмы, связывающие в единое целое все многообразие его тем. Повторы вторгаются в смысл произведения. События похода Игоря удивительно умело вплетены в ход всей истории Руси именно благодаря этим связующим нитям малых ритмов, повторений и, конечно, предчувствий.

В «Слове» очень часто, как мы уже говорили, повторяется наречие «уже»: «уже бо бѣды его пасеть птиць по дубю»; «уже дьсы безъ кнѣса»; «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси» (дважды); «уже снесся...»; «уже, княже, туга умь полонила»; «нѣ уже, княже Игорю»; «уже бо Сула»; «уже понизите стязи свои» и т. п. Случайно ли это слово? Мне кажется, что в этом «уже» указывается на то, что событие предвиделось ранее, как бы созрело для своего осуществления. Произошло то, чего следовало ожидать. Все действие «Слова» втянуто в течение поэтической судьбы, поэтического предвидения, и тем создается особое настроение — «исторической лирики», русская история воспринимается лирически. Каждое из этих «уже» связано с какими-то печальными событиями, возникает ощущение какой-то обреченности, неизбежности и значительности совершающегося.

Мы уже писали, что в «Слове» преобладают описания действий над описаниями неподвижных состояний. Добавим к этому, что если в «Слове» попадают описания состояний, то как результаты действий. Святослав Киевский видит во сне свой

«терем без кнеса». Что это: особый терем, построенный без кнеса, чудесным образом отсутствующий кнес в нерушимом тереме или терем поврежден? Думаю, что перед нами последнее. Свидетельством тому служит это «уже»: «Уже дьскы безъ кнѣса». Раньше он не был без кнеса. И это согласно «Слову о князех», того же времени служит знаком близящейся смерти: «единою расѣдся верхъ теремцю» и через этот расседшийся верх в терем влетает голубь за душою. Эта параллель к «Слову» обычно не указывалась исследователями, а привлекался фольклорный и этнографический материал. Однако показания «Слова о князех» особенно важны тем, что это произведение того же времени имеет и другие сходства со «Словом о полку Игореве» и подчинено той же идее единения русских князей перед лицом внешней опасности. Речь идет о смерти черниговского князя Давида Святославича, не ссорившегося с другими князьями, а потому удостоенного праведной смерти. Вот этот рассказ о смерти Давида Черниговского: «Въ велицѣ тишинѣ бысть княжение его. Егда же изволи богъ пояти душу его отъ тѣла и болѣвшу ему недолго, позна епископъ Фектисть, яко уже князь преставитися хоцеть, повѣлѣ пѣти канунъ крѣсту, единою расѣдся верхъ теремцю, и вси ужасошася. И влетѣ голубь бѣль, и сѣде ему на грудахъ. И князь душу испусти, голубь же невидимъ бысть»¹.

Итак, повторения в «Слове» (и в том числе предчувствия — своеобразные «антиповторы», перевернутые повторения) имеют не только ритмическое значение. В «Слове» они играют и большую роль для создания особого настроения исторической значительности, неслучайности происходящего. Это в какой-то мере связывает прошлое, настоящее и будущее. В самом деле, когда по несколько раз повторяется с одинаковыми промежутками то или иное местоимение, этим указывается, что явления эти все соединены между собой, имеют роковой характер, предопределены.

Автор «Слова», говоря о событиях русской истории, неизменно ощущает их как роковые. Дважды он прямо говорит о «суде божем».

И это не просто покорность судьбе, року, вершащему человеческую историю. Через все «Слово» проходит идея борьбы людей с обрушивающимися на них несчастьями. Войско Игоря терпит поражение, но в конце концов он бежит из плена, появляется в Киеве, и люди ему рады.

Забегание вперед путем предчувствий в «Слове» — явление чисто художественное. Оно не может быть связано с сознательно выраженным мировоззрением. Если гибель Анны Карениной

¹ Памятники литературы Древней Руси, XII век. М., 1980. С. 340.

«предсказана» во сне, который она видит, то из этого одного никак нельзя вывести заключения, что Л. Толстой «верит в сны». Читатель, особенно читатель лирических произведений, должен получать в чтении ощущение, что будущее предопределено, настоящее — это свершение каких-то предшествующих ему событий и законов, а прошлое непосредственно связано с настоящим. Связать все три времени: прошлое, настоящее и будущее в единый поток — одна из основных художественных задач лирики «Слова».

У автора же отношение к предчувствиям почти такое же, как и к древнерусскому язычеству: язычество переведено у него в эстетический план. В эстетическом ракурсе предстоит перед ним и его «лирика предчувствий».

Подобно тому, как язычество перешло в «Слове» в аспект художественный, предчувствие поражения, тех или иных событий в «Слове» также выступает не как явление мистического мировосприятия, а как чисто художественное явление. Предчувствие в «Слове» соседствует с ощущением чего-то сбывшегося, с сознанием неизбежности случившегося, предопределенности происшедшего.

Роковой характер событий подчеркивает и вещий сон Святослава.

Все «Слово» состоит либо из предчувствий, либо из осуществления этих предчувствий. Это создает в «Слове» поэтическое настроение, сознание значительности происходящего и взаимосвязанности как всех событий русской истории, так и отдельных моментов рассказа. Своеобразный художественный центр «Слова» — сон Святослава, который пытаются разгадать его бояре и который говорит о поражении Игоря. Непосредственным результатом его является призыв Святослава к русским князьям выступить в поход — его «золотое слово». Сон, особенно сон вещий, — это одна из форм «предчувствия» — связи настоящего и будущего.

И вот тут характерно, что сама битва Игоря, особенно ее первая часть, дана в «Слове» как бы в обрамлении сна, дремы, ночного томления и предчувствия.

Если автор «Слова» употребляет образ засыпания, перехода ко сну для того, чтобы выразить прекращение чего-либо, то тут же рядом возникновение однородного явления передается словом, обозначающим переход от сна к бодрствованию: «Щекоть славий успе, говоръ галичь убуди».

Обратите внимание на образы одной и той же области в следующих пассажах «Слова»: «Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшеться и растяшеть усобицами...» (сперва посеянное потом растет); «рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть»

(покликиванию пахарей противопоставляется каркание воронья на пустой ниве).

Образы битвы — пира, битвы — земледельческих работ и пр. не просто однозначно названы, а развиты в целые картины с двойным значением, значением противопоставления: битва противопоставляется радости и труду. Этим как бы выражается отрицательное отношение автора «Слова» к войне вообще.

В описании поражения Игоря, а затем усобиц Олега Гориславича преобладают звуковые образы (ср.: «кикахуть», «гряхуть», «говоряхуть» и пр.). И это поддерживает следующее восклицание автора: «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» Возвращаясь к поражению Игоря, автор снова прибегает к звуковым впечатлениям: «grimлють», «трещать» и снова восклицает: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»

Стремление к полноте образа необходимо учитывать при различных толкованиях текста «Слова» и его переводах. Так например, Ярославна «зегзицею незнаема рано кычеть». Помимо оправданного разными говорами перевода «зигзица» как «кукушка», может быть выдвинут и следующий аргумент — Ярославна кукушкой «кычеть». Чайки и другие птицы, предлагавшиеся для перевода слова «зегзица», не «кычат». Только про кукушку можно было сказать, что она «кычеть». Но дело не только в этом. Необходимо подчеркнуть и другую очень значительную особенность сравнения Ярославны с кукушкой. Ярославна плачет тогда, когда Игорь и Владимир Игоревич, ее сын, находились в плену, в чужом «гнезде» и Кончак собирался женить Владимира на своей дочери. Ярославна ощущает себя кукушкой, выращающей птенцов в чужом гнезде или для чужого гнезда. Если же «зегзица» чайка, то почему самой Ярославне нужно было себя с нею сравнивать. Сравнение же с горестной кукушкой в устах Ярославны вполне оправдано. В этом назывании себя кукушкой есть и доля обычного для народных плачей самоунижения, демонстрации своего несчастного положения.

Некоторая доля самоунижения, изображения своего несчастного положения есть и в том эпитете, который прилагается к Ярославне: «зегзицею незнаема». Прилагательное «незнаемый» несколько раз встречается в «Слове» в значении «неизвестный», «чужой», «покинутый»: земли *незнаемѣ*, полѣ *незнаемѣ* (дважды). Мне представляется, что Ярославна хочет этим эпитетом отметить свое сиротство. Оказавшись без мужа и сына, она «незнаемой» кукушкой летит к неизвестному Дунаю и там кукует, плачет по мужу и его воинам. Это цельная образная система, очень характерная для народных плачей. То, что русские воины идут походом в землю неизвестную, сражаются в поле неизвестном —

это тоже подчеркивает одиночество русского войска, для которого Русская земля осталась уже «за шеломянем».

* * *

Полнота метафоры требует и определенного понимания того, что такое «уши» в следующем пассаже «Слова»: «...той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь, Владимиръ, по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ». Предложение видеть в слове «уши» проушины ворот, которые якобы Владимир Мономах приказывал закладывать по утрам (почему, кстати утром, а не на ночь—вечером, когда обычно закрывались ворота?), явно не подходит, если иметь в виду стремление автора «Слова» к полноте художественного образа. Речь ведь идет о звоне, который слышал Ярослав. Ясно поэтому, что уши имеются в виду те, что слышат, а не те, в которые закладываются бревна для запора городских ворот (кстати, не упомянутых).

* * *

Есть в «Слове» темные места, но за ними все же угадывается какой-то определенный смысл. Место трудно или почти невозможно для точного перевода, но оно не мешает эстетическому восприятию произведения. Вот, например, известное место о Всеславе Полоцком, где говорится о его быстрых передвижениях: «скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ». Можно предположить, что последняя часть слова «Дудутокъ» — «токъ» относится к следующей фразе, которую можно читать и так: «Токъ на Немизѣ стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животь кладуть» и так далее. Однако нельзя сомневаться, что в рассматриваемой фразе указываются первый и последний пункты передвижения Всеслава волком — «скачи влькомъ до Немиги съ ду...», ибо так обозначаются и другие быстрые передвижения: «скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда», «изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя». Первый и конечный пункты быстрого передвижения указываются относительно Кобыяка; Святополк «полелеял» отца своего «съ тоя же Каялы... ко святѣй Софии къ Киеву»; даже «чръныя туча съ моря идуть», «дождь... съ Дону великаго», «вѣтри вѣють съ моря стрѣлами» и т. д. Поэтому, не понимая до конца, с какого места Всеслав Полоцкий скочил к Немиге, мы все же догадываемся, что — откуда-то издалека. Также и в других «темных местах» «Слова»: мы переносимся через них по инерции, догадываясь, что они что-то значили не только по прямому логическому смыслу, но и в эстетической системе целого. И надо обладать большим эстетическим чутьем, чтобы восстанавливать смысл темных мест «Слова» и их художественную динамику.

Это качество текста «Слова» (качество «художественной полноты», развернутости образов) следует принимать во внимание при истолковании неясных мест, возможно имеющих иногда двойной смысл. Так например, «мыслию» или «мысию» (белкою) растекался Боян по древу: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ под облакы». Учитывая, что дальше речь идет о волке и орле, естественно предположить, что в первом случае говорится о белке («мысию» читается в первом издании). Однако далее снова идет речь о некоем древе и снова в связи с манерой Бояна, и там древо называется «мысленым», что как бы поддерживает понимание «мыслию». А может быть, это смешение допущено автором сознательно? В «Слове» имеются и другие переходы от одного образа к другому, вызванные тем или иным словом, частью образа, созвучием.

Два значения в «Слове» имеют и другие места. Всеслав Полоцкий «подперся о коней» и скакнул к городу Киеву. Он скакнул, ибо сидел на Подоле в порубе и к княжескому терему, находившемуся на горе, надо было действительно «скакнуть» на коне, тем более, что Киев сравнивается с девицей, с невестой, в сказках же жених скачет на коне, срывает кольцо у царевны и получает жену и царство. Но, с другой стороны, Всеслав дал киевлянам коней для войска, которое должно было оборонить Киев от половцев, и тем завоевал их поддержку. Тот же двойной смысл, возможно, имеет и слово «клюка» — посох и хитрость одновременно. Выдача коней киевлянам была его хитростью, но и посох странника был у него, вероятно, тоже.

* * *

Метонимия — основной художественный троп в «Слове».

Удивительна в «Слове» полнота метонимий. По самому своему существу метонимия есть подстановка части вместо целого. Целое присутствует только как бы намеком, и тем не менее этот намек влечет за собой однородные образы.

Метонимия характерна преимущественно для военного языка. На метонимии построено большинство военных терминов и военных образов. Это типично и для военного языка нового времени¹, но в средние века метонимичность военного языка — почти правило. Вот пример «воинских метонимий»: «Хощу бо,— рече,— копие приломити (начать битву.— Д. Л.) конец

¹ Метонимия и в новое время свойственна военной теме: «переведаться с противником», «смело вденешь ногу в стремя». Почему метонимия свойственна военному языку всех времен — решать психологам, но факт тот, что в «Слове» этот военный прием настолько широко представлен, что позволяет говорить о своеобразной «военной поэтике» этого произведения.

поля половецкаго, с вами, русици, хощу главу свою приложити (погибнуть в битве.— Д. Л.), а любо испити шеломомь Дону (с боем дойти до Дона.— Д. Л.).».

Метонимиями представляются следующие детали в описании битвы и похода: «комони ржуть», «трубы трубять», «стоять стязи», «глаголють стязи», «рассушася стрѣлами по полю», «ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручатя», «гремлеши о шеломы мечи харалужными», «поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя», «ступаеъ въ златъ стремянь», «grimлять сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя», «ту ся брата разлучиста», «ту Игорь князь высѣдѣ из сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево» и мн. др.

Серия метонимий присутствует в речи Всеволода Буй Тура, когда он описывает военные доблести своих воинов куран. Причем в этой серии все метонимии нанизываются на одну тему — ратного воспитания: «А мои ти куряне свѣдоми къмети: *подъ трубами повити, под шеломы възлѣбляни, конецъ копия въскрѣмлени*». Оба ряда образов полны — и ряд воинского «воспитания» и ряд того — под чем они воспитаны (трубы, шлемы и копья: оружие рядового ратника; меч отсутствует, так как это вооружение привилегированного ратника). Воспитанные так, они опытные: «пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми».

Каждое из этих выражений значит нечто большее, чем дает его прямой смысл. Или это подход врагов, или сбор войска, или готовность к выступлению в поход, и т. д. Всегда два смысла — прямой узкий и более широкий, общий. При этом снова обращаю внимание на то, что метонимия главным образом свойственна военной теме. И если мы с этой точки зрения подойдем к «Слову», как к художественному целому, то и самый поход Игоря выступит как метонимия происходящего в Русской земле, ее положения.

Чрезвычайная военная активность при полной несогласованности (поход Игоря). Плен в «стране незнаемой», в неизвестности, разлучение братьев (Игоря и Всеволода на поле битвы). История проступает через поступки князей-современников: через них видится и Олег Гориславич, и Всеволод Полоцкий. Через поля на горы вьется тропа Трояня. На горах в старину сидел Владимир «Старый», ходивший с ним в походы («нелъзѣ бѣ его пригвоздити к горамъ киевскимъ»), а теперь на горах Святослав Великий видит сон, предрекающий ему гибель, смерть. А на других горах, вдали «высоко» сидит могучий Осмомысл. В пространстве Руси и звон колоколов, доносящийся из далекого Полоцка, и звон стремени из Тмуторокани, и разговор Всеволода и Игоря из разных городов, но звучание всех этих знаков общего положения тонет в непонимании.

Перед нами своеобразная «карта» Руси: горы, на которых княжат могущественные, но неподвижные великие князья («въ Киевѣ на горахъ», «высоко сѣдиши», «подперъ горы Угорскыи», «к горамъ Киевскимъ», «пробил еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую»), а кругом поле, затем «поле неизвестное», «земля неизвестная» и совсем вдали «море» — аллегория гибельной неизвестности.

Судьба русского войска Игоря сопоставляется с судьбой всей Русской земли. Про Игореву рать говорится: «...половци идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша». Затем о всей Русской земле: «А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». То, что случилось с полками Игоря, далее обобщается как нечто случившееся со всей Русской землей.

* * *

Важную роль в «Слове», на всем его протяжении, играет «чужое слово». Благодаря «чужому слову» мысли и чувства автора объективируются, получают «художественную доказательность». «Чужое слово» — это прием известный и другим произведениям XI—XIII веков.

Чтобы выразить мнение того или иного князя или целого народонаселения, летописец очень часто прибегает к прямой речи, к афоризмам, выраженным прямою речью. Новгородцы говорят: «Где София, ту и Новгород»; Святослав говорит: «Да не посрамям земле Рускые, но ляжем костыми, мертвым бо срама не имам»; Вышата говорит дружине: «Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною» и т. д.¹ Но это же самое характерно и для «Слова о полку Игореве»: «...рекоста бо братъ брату: „се мое, а то мое же“»; «И начяша князи про малое «се великое» мльвити»; «нѣ рекосте: „мужаймѣся сами. Преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ“» и т. д. Но помимо таких кратких речений текст «Слова» переполнен словами действующих лиц: Игоря, Святослава («золотое слово»), Ярославны, Всеволода, Дива и даже Кончака и Гаака... Говорят Донец и Дон. Дон «кличеть и зоветь князи на побѣду». Как речь воспринимаются поэтому граяние враней, текот дятлов, пение соловьев. Оно осмыслено: соловьи, например, «веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ». Все звуки в «Слове» осмыслены. «Кликну, стукну земля, въшумѣ трава». Большинство действий и событий в «Слове» указывают на участие природных явлений в происходящем:

¹ Все это было подробно показано мною в работах «Русский посольский обычай XI—XIII вв.» (1946), «Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» (1950).

«...чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца». Донец «лелееть» Игоря, «стелеть» ему зеленую траву. И т. д.

«Слово» — это грандиозный разговор между всеми и всем о судьбе Русской земли, толкование происходящего, участие в происходящем.

* * *

Художественные скрепы, которые делают «Слово» произведением единым во всех своих частях, отличаются большим разнообразием. К ним, в частности, относятся и те моменты в «Слове», которые обладают особой значительностью, — иногда скрытой, иногда почти явной, связанные с концепцией «Слова».

Вот, например, диалог в «Слове» Кончака и Гзы: зачем он нужен? Смысл его довольно ясен: оправдать женитьбу сына Игоря Святославича Владимира на дочери Кончака. Заключительная речь Гзы выражает и точку зрения автора «Слова». Кончак полагает, что женитьба Владимира воспрепятствует Игорю бежать из плена. «Рече Кончак ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ (двойственное число — оба, мы. — Д. Л.) соколъ опутаевѣ красною дѣвицею“». На это Гза отвечает: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю птици бити въ полѣ Половецкомъ». На этом кончается диалог, это заключительные слова, с которыми соглашается автор и которые оправдывают заключительную славу Владимиру: «Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!» Возвращение Владимира с Кончаковною внушает надежду, что борьба со степью возобновится и начнут снова «птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Диалог Кончака и Гзы как бы оправдывает не совсем морально ясное бегство Игоря из плена. Он для того и вставлен, чтобы показать необходимость именно бегства. Но и перед этим о возвращении Игоря плачет Ярославна, а после возвращения Боян и Ходына говорят свою заключительную припевку, опять-таки оправдывающую бегство Игоря: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря».

Тема бегства Игоря из плена имеет, таким образом, и свою подготовку и свой «моральный приговор».

* * *

Помимо описанных художественных скреп в «Слове» есть еще и скрепы эмоциональные, и наиболее сильные из них — скрепы сочувствия. Автор «Слова» сочувствует не только основным своим героям — Игорю и Всеволоду (хотя и упрекает их), но

и персонажам, служащим как бы «теньями» основных тем в «Слове»: Олегу Святославичу (Гориславичу), Всеславу Полоцкому, а также эпизодическим лицам — Изяславу Васильковичу, Рюрику и Давыду, Владимиру Глебовичу и т. д., а также, и в наисильнейшей степени, жителям городов и сел.

Есть одна особенность эмоций в «Слове», которая помогает распространять это сочувствие на всю Русскую землю: чувства автора и его персонажей относительно самостоятельны. Подобно тому, как мысль, ум — могут взлетать под облака, носиться по поднебесью, так и чувства — тоска, печаль — приобретают самостоятельную материализацию: печаль «жирная», нужда может «треснуть» на волю, хула снестись на хвалу, тоска разлиться и пр.

Чувства текут, растекаются по земле, охватывают деревья, траву, забрали городов — всю Русскую землю.

Природа сочувствует русским не только потому, что она живая, одухотворенная, но и потому еще, что само сочувствие автора способно в них переселиться. Автор как бы сливается с природой и общим настроением, господствующим в Русской земле, в ее истории. Автор свивает «оба полы сего времени» — прошедшее и настоящее, так как история для него не нечто ушедшее и невозвратимое, а продолжающееся существовать сейчас, в событиях настоящего, живущее во внуках их дедов.

В какой-то мере скрепами прошлого и настоящего служат и языческие представления автора «Слова». Конечно, автор не язычник. Но вместе с тем, язычество для него и нечто большее, чем эстетические символы и аллегории. Это живое ощущение старины, национального начала в русской действительности. Русский народ и русское войско — это силы Даждьбога. И это, конечно, не условное название, а национально-эмоциональное ощущение своего народа. Христианство не успело еще в XII веке приобрести национальную окраску. Это была на Руси мировая религия — равная для многих народов, неравенство которых на Руси признавалось — прежде всего греков, которые в основном стояли на самых верхах церковной организации.

Особое значение имеет описание чужого сочувствия: сочувствия персонажей друг другу — Игоря Всеволоду, Святослава Игорю (сочувствие при одновременных упреках), Ярославны Игорю, матери сыну Ростиславу, русских жен, оплакивающих своих мужей-воинов, певца-любимца («хоти») Изяславу Васильковичу, природы русским. Сочувствие переполняет собою «Слово».

В своей прекрасной и очень верной статье «Древний урок человечности», посвященной «Слову»¹, С. С. Аверинцев обращает

¹ Коммунист, 1985. № 10. С. 52—53.

ет внимание на стихию человеческой жалости, пронизывающей «Слово» и особенно плач Ярославны.

Но вот что следовало бы добавить к острым наблюдениям С. С. Аверинцева: Ярославна оплакивает не только мужа, его плен, но и воинов русской рати, их гибель. Мало того: она вспоминает помощь, которую оказывали и ветер и Днепр русским в борьбе со степью, а солнце упрекает за то, что испортило оружие русских воинов: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему мычещи хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудноу крилицю на моя лады вои?»

Обращаясь к Днепру, Ярославна говорит: «Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави насади до плѣку Кобыкова».

А солнце Ярославна упрекает: «Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

В плаче Ярославны выражена не только личная скорбь о муже, не только обращена мольба к природе вернуть ей мужа, но проявлена поразительная государственная забота, забота о всех русских воинах, сражавшихся с половцами, а заодно отражены и военные познания: значение Днепра в корабельном походе до стана Кобыка и беда с оружием, испорченным жаром солнца.

Это не просто жалость по мужу—это стратегическая оценка положения.

С. С. Аверинцев совершенно прав, подчеркивая значение простых человеческих чувств в «Слове о полку Игореве», разнообразие в нем чувств любви: материнской, братской, супружеской. С. С. Аверинцев мог бы указать еще на поразительные проявления жалости в отношении явно ошибшихся князей, легкомыслием своим навлекшим несчастья на Русскую землю. Даже в отношении князей прошлого, таких как Олег и Всеслав, у автора «Слова» нет безжалостного осуждения.

Однако вместе с тем автор «Слова» с поразительной государственной мудростью оценивает положение всей страны в целом и ищет корни нынешних несчастий в истории.

С поразительной мудростью и тактом в «Слове» соединено личное чувство автора с государственной оценкой положения, частности с большими историческими обобщениями, отдельные факты вплетены в общую картину положения Руси.

Художественный метод автора «Слова» гениально соответствует этому соединению строго личного с широко общественным. Для него нет противопоставления одного другому, как это часто бывает. Он видит всю Русскую землю в целом и вместе с тем слышит все звуки—птиц и зверей, видит движение облаков от

моря и поникающую траву. Поражение для него всегда и личное несчастье, и несчастье всей страны. Оба начала гениально соединяются и поэтому особенно действенен его призыв к единению и миру.

Если в «Слове» говорится о родственных связях князей-современников, то это позволяет теснее объединять все происходящее как некое «событийное единство». Ряды «деды—внуки» крепят историческое единство и позволяют воспринимать всю русскую историю «от Владимира старого до Игоря нынешнего» как своеобразную историю одной семьи.

Единство «Слова» определяется и сочувствием, с которым автор рассказывает о горестной судьбе того или иного князя,— будь то Игорь или Всеволод, Святослав Киевский и даже их общий дед Олег Святославич, которого автор «Слова» зовёт «Гориславичем» не от того только, что он принес много горя Русской земле (хотя и это не исключается), но главным образом потому, что он сочувствует его горестной судьбе. Ведь прозвище «Гориславич», «Горислава», «Гореславль» встречается и в Новгородской I летописи, в «Молении» Даниила Заточника именно потому, что носители этих прозвищ претерпели много горя¹, а город «Переяславль» оказался связан с неблагоприятием для автора «Послания» Даниила Заточника.

Сочувствием в «Слове» пользуются не только ольговичи, но и их противники—монашачи: это, во-первых, юноша князь Ростислав, утонувший в Стугне, по которому плачет его мать на берегу, хотя в Киево-Печерском Патерике ему дана совсем не лестная характеристика. Во-вторых—это сам Владимир Мономах. Даже противник тех и других—ольговичей и монашачей—родоначальник всеславичей полоцкий князь Всеслав Полоцкий, который хоть и «людемъ судяше, княземъ грады рядяше», а все же принужден был волком рыскать по Русской земле, слушать в Киеве в заточении колокольный звон, доносившийся к нему из Софии в Полоцке, воспринимается с известной долей сочувствия.

Это удивительное сочувствие, уделяемое автором «Слова» самым разным персонажам, соучастие, смешанное иногда с осуждением, скрепляет «Слово» эмоционально.

Подобно тому, как мысль, носящаяся под облаками или растекающаяся по дереву, тоска и туга, «текущие» по Русской земле, радость и горе, распространяющиеся на города, становятся независимыми от человека объективными сущностями, так и то чувство, которое переполняет автора в отношении судьбы того

¹ См.: Виноградова В. Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 169.

или иного князя, становится фактом всей русской природы. Поэтому и «каяние» — это не проклятие того иного князя, а плач о нем. Иноземцы «кают» князя Игоря, и это означает, что они скорбят о нем.

Не только «слово» Святослава Киевского, но и все «Слово о полку Игореве» — «со слезами смешено». И в том, и в другом «туга ум полонила».

Автор «Слова» объективирует свое отношение к людям и событиям в чувстве жалости, которое становится самостоятельным, распространяется не только по всей Русской земле, но и пронизывает собой все произведение, сказывается в отношениях людей друг к другу и природы к человеку. Чувство жалости охватывает братьев (Игоря и Всеволода), матери к сыну (к юноше Ростиславу), внуков и дедов, Святослава к Игорю. Сочувствие и жалость тянутся к городам и странам, охватывают деревья, травы, солнце и т. д.

«Слово» — это грандиозная по охватываемому его чувству поэма дружеских увещаний, скепсиса и печали о людях. Ее автор добр прежде всего. В нем нет чувства ненависти. Половцы «поганые», т. е. язычники; они не вызывают в нем чувства презрения и ненависти — только страх и ужас внушают их победа и набеги. Кончак и Гза мирно и «лукаво» беседуют друг с другом по поводу бегства Игоря.

Полнота и развернутость художественных образов в «Слове о полку Игореве» — это одна из самых существенных «скреп» текста. При всех сюжетных перебросках текст «Слова» удивительно однороден — однороден художественно, однороден по настроению (переход от мрачного настроения в начале и середине к светлому в конце совершается постепенно и мотивированно), однороден благодаря единой картине Русской земли, как бы увиденной из заоблачной высоты, однороден благодаря своеобразной объективации человеческих чувств (тоски, печали, радости и их выражении в пении, которые простираются в природе, по всей Русской земле), однороден по своей единой идее — идее единства Руси (идея единства переходит из «географической сферы» в характер художественного текста). Именно благодаря идее единства в «Слове» нет пристрастия ни к одной из ветвей княжеского рода рюриковичей, господствует тема любви (братьев, супругов, родных и т. д.), заботы, жалости, печали о положении страны, единения с природой. «Слово о полку Игореве» все «работает» как единое целое, в котором одна часть строго сцеплена с другой и ни одна часть не может быть изъята произвольно, переменена или переставлена по тем или иным собственным соображениям исследователя.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверинцев С. С. 60, 289, 290
 Адрианова-Перетц В. П. 34, 35, 106,
 115, 136, 160, 174, 228, 229
 Азбелев С. Н. 210
 Айналов Д. В. 166, 174
 Аксаков К. С. 154, 159
 Александр Ярославич (Невский), кн.
 273
 Алимпий, иконописец 12
 Алпатов М. В. 11, 127, 294
 Анастасевич В. Г. 99
 Ангелов Б. 79
 Андрей Юрьевич (Боголюбский), кн. 12,
 41, 141
 Андроников И. Л. 223
 Антокольский П. Г. 43
 Антоний, архиеп. 56, 57
 Аристов Н. В. 261
 Аристотель Фиораванти 150
 Арсений (Верещагин), архиеп. 48
 Арциховский А. В. 177
 Арцыбашев Н. С. 77
 Афанасьев В. А. 261
- Бабкин Д. С. 61
 Базавлук А. Ф. 47, 53
 Байрон Дж. Н. Г. 208
 Бакуменко В. 252
 Балашов Э. 162, 163
 Бальмонт К. Д. 173
 Бандке С. 101, 102, 103, 105
 Бантыш-Каменский Н. Н. 49
 Барановский П. Д. 143
 Барсов Е. В. 46, 77, 173
 Барсуков А. П. 161
 Басов-Верхоянцев В. 173
 Батый 42, 43, 215, 267
 Батюшков К. Н. 207, 210, 257
 Бекетов А. Н. 259
 Белавина А. К. 223
- Белевский А. С. 119, 120, 124
 Белинский В. Г. 126
 Белосельский А. М. 78
 Белоусов Р. Л. 81
 Бельский И. 54
 Берков П. Н. 50, 61, 62, 63, 85
 Бестужев А. А. 205
 Бисти Д. С. 233
 Благовидов Ф. В. 73
 Бланшард Н. 173
 Богатова Г. А. 25
 Богородский Б. Л. 35, 152, 159
 Болтин И. Н. 86, 87, 89, 92, 98, 100,
 103
 Борис Вячеславич, кн. 30
 Борис Годунов 257
 Бородин И. П. 259
 Ботвинник С. В. 173
 Бубрих Д. В. 212
 Букина Л. 233
 Бунин И. А. 14, 37
 Бунина А. П. 257
 Бурич В. 164
 Буслаев Ф. И. 26
- Вагнер Г. К. 14, 137, 294
 Ваденюк П. Е. 261
 Валк С. Н. 160
 Василий III Иванович, вел. кн. моск.
 64, 66, 91, 150
 Вельтман А. Ф. 173
 Веневитинов М. А. 174
 Вергилий Марон Публий 208
 Викторов Б. 105
 Виноградов В. В. 202
 Виноградова В. Л. 25, 35, 152, 169, 294
 Вирта Н. Е. 74
 Владимир Святославич (Красное Сол-
 ньшко), кн. 21, 91, 152
 Владимир Всеволодович (Мономах),
 кн. 8, 12, 13, 40, 41, 48, 53, 65, 70, 87,

- 89, 138, 139, 144, 146, 161, 263, 264, 273, 278, 284, 286, 291
 Владимир Глебович, кн. 18, 289
 Владимир Игоревич, кн. 59, 77, 138, 142, 265, 267, 283, 288
 Владимиров И. 252
 Воейков А. И. 259
 Воинов С. С. 74, 293
 Волович В. М. 246, 247
 Вольтер 208
 Воробьева Е. В. 140, 151
 Воронин Н. Н. 157
 Врбова Г. 122, 172, 175
 Врубель М. А. 21
 Всеволод Святославич, кн. 23, 24, 30, 37, 73, 128, 130, 167, 177, 182, 190, 194, 196, 264, 265, 266, 269, 270, 271, 273—275, 286—289, 291, 292
 Всеволод Мстиславич, кн. 27
 Всеволод Ольгович, кн. 69
 Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), кн. 10, 18, 20, 129, 137, 141, 142, 148, 149, 150, 198
 Всеволод Ярославич, кн. 27
 Всеслав Брючиславич, кн. 138, 139, 168, 274, 276, 284, 285, 286, 289—291
 Вяземский П. П. 175
- Гай Л. 123
 Ганка В. 118—120, 124, 172, 175, 208
 Гаттала М. 120, 124, 172, 175
 Геннадий, архиеп. 160, 169
 Георгий Амартол 155, 274
 Герасимов М. М. 17
 Гербель Н. В. 76, 173
 Гильфердинг А. Ф. 156, 160
 Глазунов И. И. 78
 Глинка Ф. Н. 43
 Глухов В. М. 261
 Гоголинский Н. А. 260
 Гоголь Н. В. 9, 21, 208, 260
 Годеский К. 117
 Голиков И. И. 81
 Головин Н. 77
 Гольшенко В. С. 115
 Гольцев В. В. 214
 Гомер 9, 10, 62, 208
 Гончаровы В. и Т. 47, 56, 58, 59
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 257
 Городецкий С. М. 16
 Горский А. В. 111, 115, 116
 Горький А. М. 81
 Грабар А. Н. 136
 Грамматин Н. Ф. 77, 173, 174, 175
 Гребенюк В. П. 47
 Гребнева Э. Я. 117, 173
- Греков Б. Д. 30, 35, 256
 Григорьев А. Д. 158, 160
 Гримм Я. 101, 105
 Гринченко Б. Д. 174, 175
 Гудзий Н. К. 47, 54, 173, 205, 210, 226, 227
 Гушалевиц И. 77
- Давид Ростиславич, кн. 137, 142, 143, 147, 179, 274, 289
 Давид Святославич, кн. 24, 281
 Дажин Д. 79
 Даль В. И. 21, 169, 170, 171
 Даниил Заточник 12, 38, 291
 Даниил-игумен (Даниил Паломник) 20, 167, 175
 Данти А. 31, 35
 Дашкова Е. Р. 50
 Двинянинов Б. Н. 80
 Дебольский Н. Н. 160
 Девриен А. Ф. 258, 266
 Де Костер Ш. 213
 Делакруа Э. 228
 Деларю М. Д. 173
 Державин Г. Р. 205, 206, 210
 Димитрий, царевич 257
 Диоклетиан, имп. 168
 Дмитриев Л. А. 27, 47, 49, 50, 53, 58, 61, 81, 116, 275
 Дмитрий Иванович (Донской), вел. кн. моск. 42, 43, 78
 Дмитровский Т. 122
 Добровский Й. 98—105, 117, 118, 119, 124
 Докучаев В. В. 259
 Домид 106, 107, 111—116
 Домнин А. М. 75, 254
 Доре Г. 213
 Достоевский Ф. М. 9, 10
 Дубенский Д. Н. 76
 Дурих Ф. 98, 99, 104
 Дылевский Н. М. 79
 Дьяченко Г. 166—174
- Евгений (Е. А. Болховитинов), митр. 50, 90, 99
 Евгений Булгар, архиеп. 52, 53
 Евгеньева А. П. 25
 Егоров Н. 246, 249
 Екатерина П 48, 52, 64, 75, 86, 87, 88, 91, 99, 103, 104
 Елагин И. П. 48, 61, 63, 65—73, 85, 87, 89—98, 100, 103
 Ермолин М. Р. 132
 Есенин С. А. 15

- Ефросиния Ярославна 15, 16, 20, 22, 23, 36, 37, 43, 44, 60, 130, 199, 224, 240—244, 249, 271, 275, 276, 278, 283, 288, 290
- Жинзифов Р. 121, 124
Жуковский В. А. 26, 43, 44, 50, 58, 170, 173, 207
- Заболоцкая Е. В. 216, 223, 224, 230
Заболоцкий А. А. 211, 212
Заболоцкий Н. А. 16, 17, 43, 44, 173, 211—230, 246
Заболоцкий Н. Н. 211, 294
Захаров Г. П. 81
Звягинцева В. К. 16
Зеленин Д. К. 154, 160
Зернов В. В. 53
Зимин А. А. 106, 115
Зичи М. А. 76
Зосима, игумен 112
Зуев А. С. 254
- Иван III Васильевич, вел. кн. моск. 64, 66, 67, 91, 95, 150
Иван IV Васильевич (Грозный) 64, 67, 91, 95
Иванов А. Б. 176
Иванов Б. Д. 80
Иванов В. В. 43
Игорь Рюрикович, кн. 63
Игорь Святославич, кн. 7—292
Изяслав Андреевич, кн. 12
Изяслав Василькович, кн. 276, 277, 289
Иларион, митр. 12, 19
Ильина Т. В. 108, 116
Ильинский Л. К. 78
Ингвар Ярославич, кн. 27, 274
Иностранцев А. А. 259
Иоиль Быковский 68, 85
Исаев Е. А. 36
Исаковский М. В. 15
Истрин В. М. 161
Италинский А. Я. 203, 208
- Каганский В. Л. 259
Калайдович К. Ф. 54, 55, 71, 90, 100, 208
Калита Н. И. 252, 253
Калугин В. И. 41, 293
Капнист В. В. 59, 61, 173
Крамзин Н. М. 9, 14, 26, 39, 48, 55, 56, 62, 86, 90, 96, 100, 104, 117, 119, 170, 173, 205, 207, 208, 210, 261
Каркадын 257
Карпов А. В. 79
- Каченовский М. Т. 204
Киреевский И. В. 209, 210
Кирилл Туровский 19, 20, 40
Киржевич В. Г. 252
Кирпичников А. Н. 177
Клушин А. И. 63
Клыкова Л. В. 217
Ключевский В. О. 26
Кобуладзе С. С. 214
Кобяк Карлыевич 140, 185, 284, 290
Козлов В. П. 48, 61, 63, 65, 66, 68, 69, 85, 100, 104, 210
Козлов И. И. 43
Колотило Т. И. 199
Кольчугин 50, 53
Коморовский Я. 122
Кончак 275, 283, 287, 288, 292
Кончаковна 288
Копитар Б. 103, 105, 124
Кораблев С. П. 77
Корзухина Г. Ф. 59, 61
Коркунов М. А. 203
Королюк В. Д. 252
Корсунский В. 56, 57, 58
Корсунский Н. 57
Корсунский Н. Н. 57
Костюхина Л. М. 115
Кочин Г. Е. 167, 174
Кравчинская В. А. 160
Красиньский А. 77, 119, 120, 124
Крашенинников С. П. 170
Крбец М. М. 104
Крылов И. А. 63
Кубка Ф. 104, 122, 174, 175
Кудрявцев И. М. 47, 49, 53, 54, 56, 60
Кудряшов К. В. 261
Кулиш П. А. 75
Купала Я. 43, 44, 172
Курбский А. М. 92
Курис Л. М. 253, 254
Кучкин В. А. 62
- Лазарев В. Я. 82
Ламанский В. И. 261, 266, 267
Лапо Г. 74
Ларин Б. А. 35, 152, 159
Латышев В. В. 262, 267
Лёвочкин И. В. 106
Ледяева С. Д. 173, 175
Ленц Э. Э. 193
Леонов Л. М. 9, 15
Лермонтов М. Ю. 16, 76
Леруа-Боме А. 259
Либертин О. 80
Лисенко Г. 54

- Лихачев Д. С. 14, 27—35, 58, 60, 80, 81, 137, 141, 144, 146, 149, 151, 152, 159, 170, 173, 174, 177, 185, 224, 225, 227, 228, 230, 232, 253, 254, 268, 294
- Лобанов М. Е. 208
- Логвин Г. Н. 145
- Логвин Н. Г. 138, 145, 150
- Ломоносов М. В. 80
- Лонгинов А. В. 261
- Лопата В. И. 246, 247, 252, 254
- Лотман Ю. М. 273
- Лоциц Ю. М. 38
- Львовский П. Д. 200
- Майков А. Н. 44, 81, 82, 170, 173
- Максимов Д. Е. 213, 230
- Максимович М. А. 26, 58, 61, 75
- Малиновский А. Ф. 49, 86
- Мальшев В. И. 80
- Мамай 42, 157
- Марьин В. А. 252—254
- Маяковский В. В. 237
- Медведев А. Ф. 200
- Меделец Н. 223
- Медич Д. 121, 123, 124, 173, 175
- Мей Л. А. 170, 173
- Менделеев Д. И. 259
- Мещерский Н. А. 59, 61
- Микловда А. И. 252
- Миклошич Ф. 121, 174, 175
- Миллер В. Ф. 154, 159
- Милов Л. В. 71
- Мильтон Дж. 208
- Минаев Д. И. 77
- Минин К. 257
- Мирный П. 77
- Миропольский В. П. 254
- Митус 13
- Мицкевич А. 6, 123, 124
- Моисеева Г. Н. 14, 48, 61, 85, 96, 98, 106, 115
- Молибоженко Ф. Д. 254
- Моор Д. С. 246
- Мстислав Владимирович, кн. 59, 63
- Мстислав Ростиславич, кн. 60
- Мусин-Пушкин А. И. 14, 48, 49, 51, 55, 56, 63, 64, 67, 68, 69, 71, 72, 78, 85—87, 89, 90, 92—94, 96—101, 103, 104, 106, 117, 173
- Мьльников А. С. 96
- Назаровы Ю. В. и Т. И. 47, 49, 53, 54
- Наполеон I 99
- Нарежный В. Т. 48
- Наровчатов С. С. 16, 43
- Насонов А. Н. 161
- Нахтигаль Р. 122, 124, 173, 175
- Невосструев К. И. 111, 115, 116
- НегOSH П. П. 121
- Нейштадт В. И. 56
- Некрасов Н. А. 16
- Неофит, архим. 57
- Нестор, летописец 12, 117
- Нидерле Л. 157
- Никифоров А. И. 17
- Новиков И. А. 58, 173, 223
- Овлур (Лавр) 266, 273
- Огоновский О. 174
- Одинцов Г. Ф. 165
- Озеров Л. А. 227, 230
- Олег, кн. Русский 190
- Олег Игоревич, кн. 59
- Олег Святославич («Гориславич»), кн. 138, 139, 274, 278, 283, 286, 289, 290, 291
- Орлов А. С. 26, 35, 54, 78, 160, 170, 173
- Осетров Е. И. 7, 254
- Оссиан 86, 206, 208
- Павел I 50
- Павлов Н. М. (Бицын) 173, 175
- Павлушков Л. С. 47
- Панич-Сурепа М. 122
- Паус И. В. 154
- Пекарский П. П. 77, 104
- Пеллико С. 208
- Перетц В. Н. 26, 167, 269
- Петр III 64
- Петров-Водкин К. С. 240
- Пиков М. И. 228
- Пимен, митр. 263
- Пини О. А. 252
- Плавильщиков П. А. 62, 63, 85
- Платон 20
- Плаутин С. 80
- Плетершник М. 121, 124, 173, 175
- Подъяпольский С. С. 142
- Пожарский Д. М. 257
- Пожарский Я. О. 173
- Позднеев А. В. 49
- Покровский А. А. 115
- Поляков В. 77
- Полян П. М. 257
- Поплавский Г. Г. 245, 246
- Попов Г. 79
- Попов Ю. Г. 223, 230
- Порохова О. Г. 170
- Потебня А. А. 26, 77
- Пресняков А. Е. 261, 267
- Прийма Ф. Я. 210
- Прозоровский Д. И. 166, 173, 174

- Прокофьев А. А. 16
 Протасьева Т. Н. 115
 Пулькин И. И. 47
 Пушкин А. С. 2, 9, 10, 14, 19, 38, 82,
 119, 202—210, 242, 260, 261
 Пшавела В. 214
 Рабле Ф. 213
 Раппопорт П. А. 142, 144, 151
 Расин Ж. 10
 Рахманинов С. В. 9
 Репин И. Е. 257
 Решетников А. 56
 Ржига В. Ф. 54, 173
 Рихтер И. 117
 Рихтер Ф. 148
 Родман Б. Б. 259
 Розенталь В. Ю. 254
 Роман Владимирович, кн. 185
 Роман Игоревич, кн. 190
 Роман Мстиславич, кн. 27
 Роман Святославич, кн. 63
 Романова Н. А. 166, 175
 Ростислав Всеволодович, кн. 275, 289,
 291
 Рублев А. 9, 10
 Рубрук В. 213
 Рубцов С. С. 253, 254
 Румянцев Н. П. 50
 Руставели Ш. 214, 215, 230
 Рыбаков Б. А. 21, 60, 61, 140, 147, 148,
 151, 177, 179, 185, 261
 Рыбников П. Н. 158, 161
 Рыленков Н. И. 16, 17, 44, 173
 Рюрик Ростиславич, кн. 137, 142, 143,
 147, 148, 179, 274, 289
 Сабашниковы, бр. (М. В. и С. В.) 60, 78
 Саввантов П. И. 154, 159
 Самойлович А. Н. 263, 267
 Сахаров В. И. 203
 Сахаров И. П. 58, 61, 154, 160
 Саянов В. М. 16
 Свифт Дж. 213
 Святополк Изяславич, кн. 54, 69
 Святослав Всеволодович, кн. 10, 18, 20,
 22, 25, 137, 140—142, 146, 148, 149,
 151, 254, 270, 271, 277, 278, 280, 282,
 286, 289—292
 Святослав Игоревич (Храбрый), кн.
 Русский 262
 Святослав Мстиславич, кн. 27
 Святослав Ольгович, кн. 75
 Святослав Ольгович (Рыльский), кн.
 177, 265
 Святослав Ярославич, кн. 63
 Северьянов С. Н. 161
 Селивановский С. А. 49
 Семенов В. В. 257
 Семенов В. Г. 257
 Семенов-Каркадьнов М. 257
 Семенов-Тянь-Шанский А. П. 257—259
 Семенов-Тянь-Шанский В. П. 257—261,
 266, 267
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 257—259,
 261, 266
 Скрыбина Т. Ф. 60
 Серапион Владимирский 43
 Сергей, игумен 158
 Серяков И. 173
 Синельников И. М. 213, 230
 Скалова И. 122
 Сволинский К. 122
 Сибилов М. Б. 261
 Смирнов С. И. 160
 Смирнов-Сокольский Н. П. 47
 Снегирев И. М. 208
 Соболевский В. Ф. 252, 253
 Соловьев В. С. 9
 Соловьев С. М. 116
 Софокл 10
 Софья Алексеевна, царица 257
 Сперанский М. Н. 116
 Срезневский И. И. 167, 175
 Сулейман Стальский 215
 Старицин Н. А. 47
 Стеллецкий В. И. 16, 58, 79, 163, 173,
 228
 Степанов А. 173
 Степанов Н. Л. 221, 230
 Столетов А. И. 150, 151
 Стоянов Л. 79, 122
 Тамерлан 42
 Тарловский М. А. 173
 Татищев В. Н. 91, 92, 100, 180
 Татьяничева Л. К. 16, 43
 Творогов Л. А. 78, 79
 Творогов О. В. 25, 27, 58, 79, 81, 152,
 159, 293
 Теребенина Р. Е. 210
 Тимковский Р. Ф. 100
 Тимофеев Л. И. 173
 Тихомиров М. Н. 47
 Тихонов Н. С. 225
 Тихонравов Н. С. 160, 173
 Тиц А. А. 140, 151
 Толстой А. Н. 250
 Толстой Л. Н. 9, 14, 282
 Тохтамыш 40
 Трубачев О. Н. 25
 Тувим Ю. 79, 120, 122, 124, 172, 175

- Тогуроқан 54
 Туманский Ф. О. 88
 Тургенев А. И. 50, 203

 Уваров К. А. 11
 Утешинович-Острожинский О. 121, 124
 Ухов П. Д. 154, 159
 Ушаков Д. Н. 169
 Ушинский К. Д. 75

 Фаворский В. А. 80, 134, 136, 228, 242, 243
 Фасмер М. 169, 171, 174, 175
 Федин К. А. 136
 Федор Крестьянин 9
 Федоров В. Г. 177, 179, 261, 267
 Филин Ф. П. 25, 171, 175
 Флавий (Иосиф Флавий) 166
 Формозов А. А. 210
 Францев В. А. 102, 105, 124
 Фурманов Д. А. 175

 Хаджич Й. 121, 124
 Херасков М. М. 48, 62, 85, 86, 96
 Хлебников В. В. 15

 Цветаева М. И. 60, 249

 Чаадаев П. Я. 206, 207, 210
 Челаковский Ф. Л. 123
 Чивилихин В. А. 188
 Чуванов М. И. 60

 Шайкович И. 122, 173, 175
 Шаликов П. И. 50
 Шаляпин Ф. И. 9
 Шамбинаго С. К. 78, 173
 Шаповалов Б. 246, 248
 Шатобриан Ф. Р. де 208
 Шахматов А. А. 261, 267

 Шевченко Т. Г. 44, 76
 Шевырев С. П. 208—210
 Шекспир У. 10, 208
 Шервинский С. В. 173
 Шилейко В. К. 53
 Шириев Ф. 57
 Шириева П. Г. 160
 Шишков А. С. 100, 103, 206, 210
 Шкляревский И. И. 58, 61, 238
 Шлецер А. 208
 Шолохов М. А. 9
 Шторм Г. П. 173, 223
 Штрумп Н. М. 259

 Щепкина М. В. 115, 116
 Щербатов М. М. 88, 89, 91
 Щурат В. Г. 78, 172, 175

 Эрбен К. Я. 77, 120, 124, 172, 175

 Югов А. К. 16, 43, 168, 169, 173, 174, 185, 226
 Юдина М. В. 230
 Юнган Й. 117—120, 124
 Юрий Владимирович (Долгорукий), кн. 75, 144

 Ягич И. В. 105
 Языков Н. М. 43
 Яковлев Л. П. 172, 174
 Якутович Г. В. 246, 254
 Ярослав Всеволодович, кн. 177
 Ярослав Владимирович (Мудрый), кн. 51, 63, 85, 89, 104, 139, 146
 Ярослав Владимирович (Осмомысл), кн. 18, 23, 137, 140—142, 146, 185, 274, 286
 Ярослав Святославич, кн. 265
 Ярославна (см. Ефросиния Ярославна)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ОСЕТРОВ (р. 1923)

Писатель. Автор книг о культуре и искусстве Древней Руси, а также о современной литературе.

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ (р. 1921)

Член-корреспондент АН СССР. Литературовед. Автор книг: «История первого издания „Слова о полку Игореве“», «Житийные повести русского Севера как памятники литературы Древней Руси XIII—XVII веков».

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ ТВОРОГОВ (р. 1928)

Доктор филологических наук. Литературовед. Его перу принадлежат книги: «Древнерусские хронографы», «Литература Древней Руси».

ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАЕВ (р. 1921)

Поэт. Лауреат Ленинской премии. Секретарь правления СП СССР. Автор поэм «Суд памяти», «Даль памяти», «25-й час», «Убил охотник журавля».

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛОЩИЦ (р. 1938)

Писатель. Его перу принадлежат книги: «Земля-именинница», «Григорий Сковорода», «И. А. Гончаров», «Дмитрий Донской».

ВИКТОР ИЛЬИЧ КАЛУГИН (р. 1943)

Писатель. Фольклорист. Автор книги «Герои русского эпоса» и работ по истории русской культуры.

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ГРЕБЕНЮК (р. 1945)

Кандидат филологических наук. Автор ряда статей по древнерусской литературе.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ КУЧКИН (р. 1933)

Доктор исторических наук. Старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

СВЯТОСЛАВ СВЯТОСЛАВОВИЧ ВОИНОВ (р. 1942)

Пермский библиофил. Автор статей, посвященных «Слову о полку Игореве».

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КОЗЛОВ (р. 1949)

Кандидат исторических наук. Ученый секретарь Отделения истории АН СССР. Автор книги «Колумбы российских древностей».

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА МОИСЕЕВА

Доктор филологических наук. Специалист по истории русской литературы. Автор книг: «Казанская история», «„Валаамская беседа“ — памятник русской публицистики» и др.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЕВОЧКИН (р. 1934)

Кандидат исторических наук. Его перу принадлежат работы по истории древнерусской литературы.

ЭЛЬГИРИЯ ЯКОВЛЕВНА ГРЕБНЕВА

Кандидат филологических наук. Автор статей, посвященных «Слову о полку Игореве».

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛПАТОВ (1902—1986)

Искусствовед. Действительный член АХ СССР. Его перу принадлежат многочисленные труды по истории русского и западного искусства.

ГЕОРГИЙ КАРЛОВИЧ ВАГНЕР (р. 1908)

Доктор искусствоведения. Лауреат Государственной премии СССР. Автор книг: «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси», «Скульптура Древней Руси» и др.

ВЕРА ЛЕОНИДОВНА ВИНОГРАДОВА

Доктор филологических наук. Лингвист. Составитель «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“».

ГЕННАДИЙ ФИЛЛИПОВИЧ ОДИНЦОВ (р. 1936)

Кандидат филологических наук. Лингвист. Автор статей, посвященных проблемам языка.

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ ИВАНОВ (р. 1932)

Журналист. Историк. Автор статей, теле- и радиосценариев, посвященных прошлому России.

ТАНАСИЙ ИВАНОВИЧ КОЛОТИЛО (р. 1952)

Преподаватель кафедры литературы Каменец-Подольского государственного педагогического института им. В. П. Затояского.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ САХАРОВ (р. 1946)

Критик. Литературовед. Кандидат филологических наук. Автор книг: «Обновляющийся мир», «Под сенью дружных муз», «Дела человеческие».

НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ (р. 1935)

Автор статей, посвященных творчеству Николая Заболоцкого.

ДМИТРИЙ СПИРИДОНОВИЧ БИСТИ (р. 1925)

Народный художник РСФСР. Лауреат Государственной премии СССР. Член-корреспондент Академии художеств СССР. Ректор народного университета «Искусство книги».

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ (р. 1906)

Литературовед. Текстолог. Академик АН СССР. Лауреат Государственной премии СССР. Ему принадлежат фундаментальные исследования «Слова о полку Игореве», литературы и культуры Древней Руси, книга «Поэтика древнерусской литературы» и др.

SUMMARIES

YEVGENY OSETROV **East-Slavic Iliad**

This volume of the Bibliophile Almanac is dedicated to "The Lay of Igor's Host". The introduction by the eminent Soviet writer outlines the subject matter of this book. "The Lay's" relation to earlier Russian literature is described. The introduction also covers text experts' research and recent findings pertaining to the great literary monument, its impact on further development of literature.

L. A. DMITRIEV, O. V. TVOROGOV **Dmitry Likhachev, Expert on "The Lay of Igor's Host"**

L. Dmitriev, Corresponding Member of the Academy of Sciences, and O. Tvorogov, Doctor of Philology, give a step-by-step description of the research that has been carried out by Academician Likhachev for decades.

YEGOR ISAYEV **A Monument to Infinity**

A popular Soviet poet portrays his feelings and thoughts evoked by the immortal poem.

YURI LOSHITZ **Many a Warrior Are in the Field**

A distinguished critic places the poem in the context of Russian culture.

VICTOR KALUGIN **"From the Kayala to the Kalka..."**

The article sizes up the poem's significance in Russian history, singles its motives in "Zadonshchina" and its impact on modern literature.

V. P. GREBENYUK **Maiden Copies of "The Lay" in Moscow Private Collections**

Copies of the maiden edition of "The Lay of Igor's Host" published in 1800 have become rarities. Histories of a few surviving copies are traced in this article.

V. A. KUCHKIN **Early Mentions of the Musin-Pushkin Copy of "The Lay of Igor's Host"**

The original copy of the poem that belonged to Musin-Pushkin was destroyed when Moscow was on fire in 1812. The analysis of early mentions of the copy authenticates it beyond the shadow of a doubt.

SVYATOSLAV VOINOV
One-Book Collection

A bibliophile from Perm presents his unique collection in which each article relates to "The Lay of Igor's Host".

V. P. KOZLOV
I. P. Yelagin: Proved by "The Lay"

The author's discovery radically alters our knowledge of the first mention of "The Lay" in literature.

G. N. MOISEYEVA
Czech Slavacist Josef Dobrovský and "The Lay"

G. N. Moiseyeva, Doctor of Philology and historian of literature, comments on the links between Russian and Czech literatures, concentrating on the works of J. Dobrovský, Czech Slavacist who presumably studied Musin-Pushkin's copy of "The Lay".

I. V. LEVOCHKIN
Domid, a Pskov Scribe, and the Apostle of 1307

A note made by a XIV century Pskov scribe on a page of the Apostle appeared to be a quotation from "The Lay of Igor's Host". The article identifies the scribe and reconstructs the circumstances in which the note was made.

E. Y. GREBNEVA
"The Lay of Igor's Host" and the Slavs

The article portrays "The Lay's" history in the Slavic world, its translations and studies on it since early XIX century.

M. V. ALPATOV
"The Lay" and Russian Art of XII—XIII centuries

A prominent art historian points out to some parallels in the poem and in Old Russian architecture and icons.

G. K. VAGNER
On the Style of Russian Architecture of the "The Lay's" Epoch
 The basic subject of the article is the epic monumental style in the poem as well as in Old Russian architecture.

V. L. VINOGRADOVA
Vocabulary of "The Lay of Igor's Host"

V. Vinogradova, Doctor of Philology and author of the reference book for the readers of "The Lay of Igor's Host", provides a linguistic analysis of some terms in the poem.

G. F. ODINTSOV
Struzhiye

After a profound linguistic and historic study of the word "struzhiye", the author proves that it was used in two meanings in the poem: the staff of the banner and the banner itself.

ANDREI IVANOV
"Open Quivers, Sharpened Sabres..."

The article catalogues various types of arms mentioned in the poem.

TANASI KOLOTILO
"O Wind, Blowing Wind!"

One of the causes of the defeat of Prince Igor's host is examined in the article.

VSEVOLOD SAKHAROV
"The Lay" in Pushkin's Poetic System

The article reveals the great Russian poet's concern with the poem and its influence on his works. It cites Pushkin's notes on the "The Lay" and his variants of its translation.

NIKITA ZABOLOTSKY
The Road to "The Lay"

The son of a popular Soviet poet and translator describes his father's work at the translation of the poem.

DMITRI BISTI
Unique World of "The Lay"

One of leading Soviet draftsmen presents his illustrations to a new translation of "The Lay" made for Detskaya Literatura Publishing House.

IVAN VLADIMIROV
"The Lay of Igor's Host" in Bookplates

A review of bookplates depicting scenes from "The Lay".

V. P. SEMENOV-TYAN-SHANSKY
"The Lay of Igor's Host": A Geographer's View

A famous Russian geographer traces the route of Prince Igor's host. The article has been borrowed from the geographer's archive and is published for the first time.

DMITRI LIKHACHEV
"The Lay of Igor's Host" as an aesthetic unit

Academician Likhachev examines aesthetic integrity of the early Russian monument, its poetic and imagine so which "The Lay's" unit and perfection is achieved. Graphic examples reveal the features making "The Lay" a work of art.

СОДЕРЖАНИЕ «АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»

Выпуски XI—XX

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Амирэджиби Чабуа.</i> Еще раз о добре в искусстве и жизни	XX—33
<i>Баруздин Сергей.</i> Автографы эпохи.	XIII—7
<i>Батлер Уильям.</i> Искусство книжного знака.	XV—76
<i>Бахтин Владимир.</i> «И связь времен нерасторжима...»	XIX—62
<i>Буковецкий П.</i> СССР—Никарагуа: страница дружбы.	XIX—51
<i>Ганичев Валерий.</i> Издание для народа.	XIV—7
<i>Гачев Георгий.</i> Путешествие по страницам.	XVI—33
<i>Грибачев Николай.</i> Наше жизненное кредо.	XII—7
<i>Грибов Юрий.</i> В книгах, как в жизни.	XVII—40
<i>Гусев Геннадий.</i> Летопись времени.	XVI—25
<i>Жаров Михаил.</i> Ни дня без книги.	XV—60
<i>Жилин П.</i> Великая Отечественная: История. Литература. Книга.	XVII—7
<i>Зуев Д.</i> Живая традиция.	XVIII—64
<i>Еременко Владимир.</i> Главное издательство писателей	XX—7
<i>Каверин В.</i> Чтение и стиль.	XVII—35
<i>Кириянов Владимир.</i> Энциклопедия нашего детства.	XVII—59
<i>Кожинов Вадим.</i> Воплощенное в слове.	XII—13
<i>Колесникова Наталья.</i> Советская книга за рубежом.	XVIII—80
<i>Колосов Михаил.</i> Созвучное с современностью.	XVI—7
<i>Кондратович Алексей.</i> Твардовский-книгогочей.	XV—26
<i>Корчагин Б. А.</i> Издательское дело в Обществе книголюбов.	XV—7
<i>Кравченко В. Ф.</i> Живые свидетели эпохи. О современной концепции факсимильной и миниатюрной книги.	XVII—254
<i>Крупин Владимир.</i> Каждая книга—помощник.	XVIII—62
<i>Кузнецов А.</i> Путешествие в Йокнапатофу. Советско-американская выставка «Уильям Фолкнер: рукописи и книги».	XVIII—84
<i>Куприяновский Павел.</i> «Хвалит Горький».	XIX—21
<i>Лазарев Владимир.</i> Лицо и душа культуры	XX—68
<i>Ласунский Олег.</i> Этот неугомонный Почтовик.	XIX—90
<i>Лесовой Владимир.</i> Путеводные книги.	XIX—98
<i>Лихачев Дмитрий.</i> Мост в будущее.	XI—7
<i>Лосев А. Ф.</i> Одно из самых глубоких наслаждений в жизни...	XIV—22
<i>Магидсон Светлана.</i> «Устная библиотека поэта».	XVIII—70
<i>Марин А.</i> ВОК в цифрах.	XVII—289
<i>Немировский Е.</i> Слово о книге.	XVII—76
<i>Огнёва Елена.</i> Рубежи.	XII—45
<i>Осетров Евгений.</i> Мир Михаила Сабашникова	XV—46
<i>Палькин Николай.</i> Родина песни.	XII—30
<i>Петрянов-Соколов И. В.</i> Служить людям.	XII—7
<i>Петрянов-Соколов И. В.</i> Обществу любителей книги—10 лет.	XVII—54
<i>Почтовик П.</i> Новая отрасль библиофильства. О собирательстве миниатюрных книг.	XIX—83
<i>Прохоров Александр.</i> Универсальный свод знаний.	XI—20
<i>Пузанов С.</i> Книга—птица	XX—98
<i>Романов Ал.</i> Истинно народные	XX—104
<i>Рябов В.</i> Сражающаяся книга.	XVIII—22

<i>Сахаров В.</i> Биографии русских писателей в «ЖЗЛ».	XV — 65
<i>Солоухин Владимир.</i> Память человечества.	XIV — 14
<i>Старшинов Николай.</i> Дорога к читателю.	XX — 88
<i>Трубачев Олег.</i> Книга в моей жизни.	XVI — 11
<i>Тудэв Лодонгийн.</i> Добрый ум и щедрая душа.	XI — 32
<i>Утков Виктор.</i> Будущее книги.	XIII — 29
<i>Феоктистов Константин.</i> К звездной мечте.	XVIII — 36
<i>Филин Федот.</i> К знанию ключ.	XIII — 36
<i>Цыбин Владимир.</i> Поверить в себя.	XVIII — 55
<i>Цыбин Владимир.</i> «Дни», которые никогда не кончатся	XX — 42
<i>Цэдэв Доджоогийн.</i> В поисках живой воды.	XVII — 25
<i>Чистяков Александр.</i> Все флаги в гости.	XIII — 32
<i>Шарапов Ю.</i> Личная библиотека В. И. Ленина.	XVIII — 7
<i>Шестинский Олег.</i> В мире книги русской и болгарской.	XIX — 53
<i>Шкловский Виктор.</i> Прошлое, настоящее и близкое будущее книги.	XIII — 15
<i>Шувалов С.</i> Общество пропагандистов книги.	XIX — 40

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Асоян А.</i> Книги Данте в библиотеках русских писателей	XX — 218
<i>Валмуш П., Романенко Н.</i> Собрание Александра Хиждеу.	XVII — 96
<i>Белоусов Роман.</i> «Упорный труд рождает мастера».	XVI — 69
<i>Белякова Галина.</i> Сокровища Хельсинкской коллекции.	XIV — 63
<i>Брыль М.</i> Первая в Киеве.	XI — 74
<i>Веселая Гайра.</i> Артем Веселый и книга.	XIII — 68
<i>Закревский Юрий.</i> Иван Розанов и его книги.	XVII — 110
<i>Злочевский Г.</i> Со времен Посольского приказа.	XVI — 77
<i>Иващенко Н., Коршунова Н.</i> Собиратель.	XVIII — 101
<i>Иващенко Н., Коршунова Н.</i> Собиратель. (Окончание.)	XIX — 125
<i>Ковалев Константин.</i> Всепоглощающая страсть.	XII — 57
<i>Кончин Евграф.</i> Спасенные сокровища.	XII — 37
<i>Купченко Вл.</i> Жемчужина Дома поэта.	XII — 45
<i>Ласунский Олег.</i> Письмо из Дрогобыча.	XIV — 49
<i>Ляско Ким.</i> Вечное движение. Три встречи с И. С. Зильберштейном.	XV — 89
<i>Македонская Е.</i> Спутник профессии.	XVI — 45
<i>Максимова Валентина.</i> Еще раз о личной библиотеке А. М. Горького.	XVII — 89
<i>Маркова Г.</i> Тихоокеанская картотека Сергея Маркова.	XIX — 107
<i>Поляков Александр.</i> Севастопольская Морская.	XI — 88
<i>Потешных А.</i> Собрание академика И. Г. Петровского	XIII — 59
<i>Разгон Лев.</i> Младший Рубакин	XI — 45
<i>Ротач П.</i> Из книг В. Г. Короленко	XI — 59
<i>Саакянц Анна.</i> Из книг Марины Цветаевой	XIII — 84
<i>Стишова Лидия.</i> Рассказ о Петре Заломове	XIII — 115
<i>Стыров Павел.</i> Уроки Адриана Топорова.	XIV — 37
<i>Шаховская Т.</i> Печерские раритеты.	XV — 83

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Алексеев Валерий.</i> Из истории русских календарей	XVI — 124
<i>Бабореко Александр.</i> Бунин — читатель Пушкина	XIV — 116
<i>Бабореко Александр.</i> «Златое древо жизни»	XII — 65
<i>Вышеславский Леонид.</i> Поэта неведомый друг	XVIII — 221
<i>Ерофеев Ю.</i> Об одной находке Демьяна Бедного	XX — 143
<i>Злочевский Г.</i> Библиотекарь главного архива	XX — 125
<i>Кабанов Вячеслав.</i> Жизнь, легендой не ставшая	XII — 142

<i>Кобзев Игорь</i> . Музей великой книги	XI — 108
<i>Ковалев Константин</i> . За шекспировской строкой	XI — 100
<i>Ковалев Константин</i> . Из архива П. И. Чагина	XVI — 91
<i>Коваль-Волков Александр</i> . Свое, родное	XVII — 151
<i>Кончин Евграф</i> . Загадки Шаевского изгнанника	XX — 161
<i>Лавров Валентин</i> . «В мире круга земного»	XIX — 214
<i>Левченко Виктор</i> . Казачко летописание	XIV — 79
<i>Романов Ал.</i> Двести лет спустя	XVII — 129
<i>Рудин Н.</i> Пропавшая книга	XIV — 134
<i>Сайкин О.</i> Ялтинский Смирдин	XII — 101
<i>Толстяков А. П.</i> Уникален ли «уникальный» сборник Тютчева?	XIV — 111
<i>Утков Виктор</i> . Ненаписанная книга Радищева	XI — 81
<i>Утков Виктор</i> . Живое и минувшее	XIX — 202
<i>Чистяков А.</i> «Библиотека „Огонька“»	XIX — 195
<i>Юшкин Юрий</i> . Этюды к Есениане	XII — 86

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Блюм А.</i> Писатель и книга	XII — 109
<i>Гринберг Михаил</i> . Московские книгопечатники в середине XVII века	XV — 142
<i>Еселев Н.</i> Светлый образ поэта	XIV — 139
<i>Зиман Леонид</i> . «Поэт, открытый Гоголем». Об одном эпизоде русско-итальянских литературных связей	XVIII — 197
<i>Зленко Григорий</i> . Альманах из неволи	XVI — 184
<i>Калугин Василий</i> . «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского	XV — 160
<i>Кирильчук Светлана</i> . Музей в Остроге	XVI — 179
<i>Ковалев Константин</i> . Борзнянский и русское книгопечатание	XIV — 167
<i>Коломинов Вячеслав</i> . Издательская деятельность Российской Академии	XIV — 182
<i>Конечный А.</i> Поездки Ф. М. Достоевского в Ревель	XV — 126
<i>Коча Леонид</i> . Издания «Истории России» С. М. Соловьева	XVI — 200
<i>Ларин А.</i> Гитара в России	XI — 142
<i>Лебедев Ю.</i> Судьбы книг С. В. Максимова	XIV — 151
<i>Линьков А.</i> Дело жизни Егора Егорова	XII — 165
<i>Ляско Ким</i> . Клио, или Кое-что об истории. В гостях у писателя-историка Натана Эйдельмана	XVIII — 147
<i>Мазидсон Светлана</i> . Последняя загадка Крылова	XI — 123
<i>Матусевич Владислав</i> . Муза чтения	XII — 123
<i>Мишин Олег</i> . Как создавалась «Калевала»	XIX — 157
<i>Мутанен П.</i> Народная книга Ларин Параске	XIX — 184
<i>Мюллер И.</i> Роман-стенограмма. Ф. М. Достоевский и создатель русской системы стенографии П. М. Ольхин	XV — 119
<i>Ониёва Елена</i> . А. Киппенберг — издатель Р. М. Рильке	XVI — 189
<i>Пенская Е.</i> Необъятный мир Гоголя. По залам выставки «Николай Васильевич Гоголь» в Литературном музее	XVIII — 189
<i>Сухоруков Константин</i> . «Великий хан литературы Англии». Сэмюэл Джонсон и книжное дело в его эпоху	XVIII — 206
<i>Тарасов Б.</i> Молодой Чаадаев: книги и учителя.	XVIII — 168
<i>Туганова Г.</i> Кавказские просветители	XV — 134
<i>Черняк К.</i> В парижском домике Онегина	XI — 154
<i>Чистяков Виктор</i> . Из котомки офени	XIV — 187
<i>Юфа Тамара</i> . Краски «Калевалы»	XIX — 172

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Александров Ю.</i> Старинные путеводители	XI—246
<i>Баглей А.</i> «Так проходит мирская слава...»	XVIII—268
<i>Бендик-Веров Борис.</i> Пламенное слово. Из истории рождения книги «Беларусь в огне»	XV—235
<i>Богатова Галина.</i> О русских исторических словарях	XIV—239
<i>Богомолов Н.</i> В зоревые годы	XII—255
<i>Боронецкий Игорь.</i> Издательские страницы	XIV—261
<i>Гаврюшин Н.</i> Первая российская «Логика»	XV—238
<i>Геризон Раиса.</i> В мире мини-книг	XII—249
<i>Гнедовский Михаил.</i> Экскурсия в необычный музей	XVII—205
<i>Зверева С.</i> «Стихиры» Федора Крестьянина	XIV—254
<i>Злочевский Г.</i> Венок на памятник Пушкину	XI—269
<i>Корыстин С.</i> Книга, не дошедшая до читателя	XV—243
<i>Купченко Вл.</i> При жизни Волошина	XI—239
<i>Лавров Вал.</i> Рукою Бунина	XI—258
<i>Лазарев Владимир, Тузанова Ольга.</i> Русские издания сочинений Вильгельма Поленца	XIX—274
<i>Петрицкий Велимир.</i> Судеб случайное сплетенье?.. Вопросы теории библиофильства	XVIII—271
<i>Письмо другу-библиофилу</i>	XII—268
<i>Сергеев С.</i> В гостях у библиофила-кулинара	XVII—214
<i>Хон Юрий.</i> В знак многолетней дружбы	XIV—258
<i>Черемисин Б.</i> «...Мой том давнишний». Книги и автографы К. М. Фофанова	XVIII—259
<i>Юниверг Л.</i> Из истории издания первых книг Л. М. Леонова	XIX—265

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

<i>Бейлинсон Яков.</i> Звездные сюжеты экслибрисов	XX—230
<i>Бисти Дмитрий.</i> Над чистым листом	XX—197
<i>Вакидин Виктор.</i> Счастье гравировать. Заметки художника	XVIII—242
<i>Ерохин Алексей. В. А.</i> Фаворский — иллюстратор	XV—177
<i>Ерохина Ольга.</i> В мастерской Владимира Вагина	XII—237
<i>Заушкевич Г.</i> Издательские марки начала века	XI—232
<i>Кизель Григорий.</i> К истории азербайджанского экслибриса	XV—207
<i>Кисараускас Винцас.</i> Традиции и новаторство в литовском экслибрисе	XVI—149
<i>Королев Анатолий.</i> Красноречивая графика. Заметки о судьбе и творчестве художника книги	XVII—184
<i>Котырев Андрей.</i> Талант доброты. Ксилографии Жерара Годана	XVII—170
<i>Левочки Валентина.</i> Рисовал Виктор Васнецов	XV—198
<i>Молок Юрий.</i> Книжная графика и ее собиратели	XVIII—231
<i>Мороз Дмитрий.</i> «Медный всадник» Александра Бенуа	XI—221
<i>Одноралов Н.</i> Медальон на переплете книги	XVII—179
<i>Панов М.</i> Книжная графика А. И. Кравченко	XIV—219
<i>Пистунова Александра.</i> Хаджи-Мурат	XII—201
<i>Пистунова Александра.</i> «В тишине грохота». Заметки о Маяковском-художнике	XIX—239
<i>Скорино Людмила.</i> Оружием сказки. Плакат, лубок, книга	XVII—159
<i>Соскин Л.</i> Издательские марки Ленинградского общества библиофилов	XVI—158
<i>Юниверг Л.</i> Кнебель и Нарбут	XII—226

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ КНИГ

<i>Белюсов Роман.</i> Муза Флобера.	XI — 194
<i>Белюсов Роман.</i> Кто же он, Жюльен Сорель?	XII — 186
<i>Белюсов Роман.</i> В гостях у знаменитого бахвала	XIV — 207
<i>Логвин Юрий.</i> Рулевой с «Олега» и «Авроры»	XI — 173
<i>Ломунова Маргарита.</i> «Растет в Волгограде березка...»	XI — 187
<i>Ломунова Маргарита.</i> «Я обязан искать свое...»	XII — 177

ВОКРУГ СВЕТА

<i>Александров В.</i> Лонгфелло о России	XV — 215
<i>Завалова О.</i> Словари Британии	XII — 277
<i>Коломинов В.</i> «Тебе, Юрий Венелин...»	XII — 273
<i>Макунин Юрий.</i> «Салон 100»	XV — 223

В СОДРУЖЕСТВЕ МУЗ

<i>Благов Юрий.</i> Ни дня без шутки	XX — 181
<i>Герчук Ю.</i> Книга в мире вещей	XX — 190
<i>Закревский Юрий, Осетров Евгений.</i> «Зайдем к Смирдину...»	XIII — 127
<i>Калуин Виктор.</i> «Древности» Ф. Г. Солнцева	XIII — 144
<i>Кузнецов А.</i> Поэтесса, художница, издательница	XX — 239
<i>Рязанов Эльдар.</i> Мой лучший собеседник	XX — 171

ПОЛЕМИКА

<i>Ломинадзе С.</i> Какой должна быть книга критика?	XV — 248
--	----------

ПУШКИНИАНА

<i>Гречихова Ю.</i> Современник Пушкина А. И. Левшин и его книга «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей»	XVII — 223
<i>Искрин Мих.</i> «Отрывки северных поэм». Об одной загадке Пушкина	XVI — 225
<i>Михайлова Н.</i> Судьба «Реторик» Н. Ф. Кошанского	XVI — 211
<i>Тархова Н.</i> «Благородный и простодушный труд Голикова...»	XVI — 229
<i>Тихомирова С.</i> Книга о войне 1812 года из библиотеки Липранди	XVII — 231

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Андерш Альфред.</i> Из серой черновой тетради, 1965—1975. Что такое книга? <i>Пер. Н. Тишковой</i>	XVII — 250
<i>Анушкин А.</i> Миниатюры на бересте	XIII — 218
<i>Белинский В. Г.</i> Причастный библиофильской теме. Из переводов. Публикация, предисл. и примечания <i>М. Фильштейна</i>	XV — 263
<i>Беньямин Вальтер.</i> Я распаковываю свою библиотеку. (Речь собирателя книг.) <i>Пер. Н. Тишковой</i>	XV — 288
<i>Гнедич П.</i> Книжная пыль. Публикация <i>А. В. Блюма</i>	XIII — 200
<i>Иванов Евгений.</i> Из книги «Красное крылатое слово». Публикация и предисл. <i>З. Милутиной</i>	XIII — 209
<i>Казин Василий.</i> Мои друзья и помощники	XIX — 291
<i>Канетти Элиас.</i> Заметки о книге. <i>Пер. Е. Кацевой</i>	XVII — 251
<i>Клышко Анатолий.</i> Франциск Скорина. <i>Пер. и предисл. К. Ковалева</i>	XX — 258
<i>Козьмин Борис. Г. Е. Благосветлов.</i> Предисл. и подготовка текста <i>М. Мохначевой</i>	XIII — 155

<i>Лесков Н. С.</i> Неугасимая любовь к книге. Малоизвестная статья. Публикация и предисл. А. Корнеева	XII — 283
<i>Львов Сергей.</i> Почему о художниках. Предисл. А. Туркова	XVI — 245
<i>Меаччи Мария-Летиция, Гуаспаро Мария-Бартолоцци.</i> Йохан Гутенберг. Пер. В. Ронина	XII — 299
<i>Мошков Ю.</i> Из тетради книголюбца	XIII — 220
<i>Мошков Ю.</i> Из тетради книголюбца	XIV — 267
<i>Нечаева Вера.</i> Мой труд многолетний... Предисл. Д. Благого (Нечаева)	XI — 277
<i>Пауэлл Лоренс Кларк.</i> Библиофильские новеллы. Пер. Викто- ра Ланчикова	XVII — 241
<i>Поре Шарль.</i> О книгах, в просторечии именуемых романами. Пер., предисл. и примечания М. Разумовской	XV — 278
<i>Рубакин Н. А.</i> Книгоноша. Публикация А. В. Блюма	XIII — 176
<i>Садовский Борис.</i> Конец книголюбца. Публикация Юрия Юш- кина	XII — 292

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Абашидзе Ираклий.</i> Сердце поэта	XX — 112
<i>Абрамов Герман.</i> Второе рождение.	XVIII — 167
<i>Андреева Елена.</i> Отец	XVI — 239
<i>Анненский Иннокентий.</i> Третий мучительный сонет. Строч- фы.	XIX — 154
<i>Балашов Э.</i> Три стихотворения	XIV — 33
<i>Бек Татьяна.</i> «Он списывал мысли в блокнот...»	XIII — 236
<i>Белый Андрей.</i> Под окном	XVII — 178
<i>Бобков Сергей.</i> Улисс	XX — 67
<i>Бобров Александр.</i> Книги собратьев	XVI — 261
<i>Богданович Максим.</i> Переписчик.	XVI — 176
<i>Британишский Владимир.</i> Комментарий	XI — 218
<i>Букина Людмила.</i> «Кожура абажура оранжевым светом пол- на...»	XI — 42
<i>Букина Людмила.</i> «Два часа стихотворных занятий...»	XVII — 220
<i>Букина Людмила.</i> Альтаир	XVIII — 54
<i>Букина Людмила.</i> Воточная картина	XIX — 104
<i>Бурич Владимир.</i> Ода библиографам	XX — 236
<i>Вашенцев Василий.</i> Надежда	XIX — 171
<i>Виноградов Юрий.</i> «На то оно и выдуманно, слово...»	XIII — 240
<i>Вышеславский Леонид.</i> Кос-Арал	XVII — 126
<i>Гаямова Людмила.</i> Аполлинеру	XI — 170
<i>Дашдооров Сормууниршийн.</i> Памятник Пушкину	XVIII — 280
<i>Дрилинг Антанас.</i> Две надписи на титульном листе книги Пабло Неруды	XVIII — 95
<i>Дудник Петру.</i> Читая Есенина	XII — 174
<i>Жамм Франсис.</i> Альманах	XV — 232
<i>Жиляев Александр.</i> Домашняя библиотека	XIV — 264
<i>Зобин Григорий.</i> «Как свиток разворачивался встарь...»	XVII — 213
<i>Крылов Георгий.</i> Сожженные книги	XVIII — 228
<i>Луик Виви.</i> Стихи — это все-таки проза	XX — 97
<i>Лунина Людмила.</i> Страница	XI — 78
<i>Махонина Ирина.</i> Спрошу себя	XX — 189
<i>Мельников Юрий.</i> Савкина горка	XII — 169
<i>Михня Паул.</i> Слово	XI — 119
<i>Озеров Лев.</i> Последний август, или Щепкин в Крыму.	XIX — 250
<i>Павлинов Владимир.</i> Книги	XIII — 238
<i>Палей А. Р.</i> Наши книги	XI — 73

<i>Палей А. Р.</i> «Поэт не просто сочиняет строки...»	XII — 106
<i>Палей А. Р.</i> Книгам.	XV — 197
<i>Палей А. Р.</i> «Я у себя. Здесь разнородность встреч...»	XIX — 236
<i>Романов Борис.</i> Летописец	XIX — 287
<i>Роя Инара.</i> «Целебен одинокий миг...»	XIII — 237
<i>Скворцов Анатолий.</i> Томик Пушкина	XI — 236
<i>Трофимов Александр.</i> «Смотрю душой внимательной вокруг...»	XIX — 89
<i>Унамуну Мигель де.</i> «Грамматика пейзажа...»	XIV — 24
<i>Фалеев Владимир.</i> Рожденный в землянке	XVI — 42
<i>Федотов Виктор.</i> Старое издание «Гайаваты». Московские книжники	XII — 28
<i>Фильштейн Михаил.</i> Картинки с выставки. Импровизация	XVIII — 248
<i>Хессе Герман.</i> Книги	XIV — 216
<i>Чевельча Петр.</i> Читая Пушкина	XVI — 208
<i>Эмин Геворг.</i> Первая книга	XV — 116
<i>Ющенко Олекса.</i> Сердце и слово	XII — 62
<i>Явуухулан Бгзийн.</i> Монгольская поэзия	XVIII — 278

НАША ПОЛКА

<i>Мануйлов В., Назарова Л.</i> Факсимильное издание «Стихотворений М. Лермонтова»	XX — 311
<i>Немировский Е.</i> Чудесная библиофильская редкость	XX — 306
<i>Соловьев А.</i> Книжный мир историка Забелина	XX — 313
<i>Утков Виктор.</i> В добрый путь!	XX — 303

СОДЕРЖАНИЕ

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЖИЗНЬ

<i>Евгений Осетров</i> . Восточнославянская Илиада	7
<i>Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов</i> . Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь «Слова о полку Игоре»	27
<i>Егор Исаев</i> . Памятник бесконечности.....	36
<i>Юрий Лоциц</i> . Не один в поле воин	38
<i>Виктор Калугин</i> . От Каялы до Калки	41

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В БИБЛИОТЕКАХ И У БИБЛИОФИЛОВ

<i>В. П. Гребенюк</i> . Экземпляры первого издания «Слова о полку Игоре» в некоторых частных московских собра- ниях.....	47
<i>В. А. Кучкин</i> . Ранние упоминания о мусин-пушкинском списке «Слова о полку Игоре»	62
<i>Святослав Воинов</i> . Собрание одной книги	74

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>В. П. Козлов</i> . Доказательство «Словом» И. П. Елагина.....	85
<i>Г. Н. Моисеева</i> . Чешский славист Йозеф Добровский и «Слово о полку Игоре»	98
<i>И. В. Лёвочкин</i> . Псковский писец Домид и Апостол 1307 го- да	106
<i>Э. Я. Гребнева</i> . «Слово о полку Игоре» и славяне	117

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА

М. В. Алпатов . «Слово о полку Игоре» и древнерусское искусство XII—XIII веков	127
<i>Г. К. Вагнер</i> . О стиле русской архитектуры эпохи «Слова о полку Игоре»	137
<i>В. Л. Виноградова</i> . Слово в «Слове». Из истории лексики «Слова о полку Игоре».....	152
<i>Г. Ф. Одинцов</i> . Стружие	165
<i>Андрей Иванов</i> . «Тули отворени, сабли изъострени...»	176
<i>Танасий Колотило</i> . «О ветре, ветрило!».....	199

СУДЬБЫ «СЛОВА»

<i>Всеволод Сахаров</i> . «Слово о полку Игоре» в художествен- ной системе А. С. Пушкина	203
<i>Никита Заболоцкий</i> . Путь к «Слову»	211

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

<i>Дмитрий Бисти. Единый мир «Слова». Беседу вела Людмила Букина</i>	233
<i>Иван Владимиров. «Слово о полку Игореве» в экслибрисе</i>	252

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. П. Семенов-Тянь-Шанский. «Слово о полку Игореве» — глазами географа. Публикация, предисловие и примечания П. М. Поляна</i>	257
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

<i>Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» как художественное целое</i>	268
--	-----

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Владимир Лазарев. Тайна Слова</i>	82
<i>Борис Викторов. Гул земли</i>	105
<i>Эдуард Балашов. Волхование Ярославны</i>	162
<i>Виктор Василенко. Памяти Владимира Стеллецкого. Ночь. Перед боем</i>	163
<i>Владимир Бурич. Перечитывая «Слово»</i>	251

<i>Именной указатель</i>	293
<i>Коротко об авторах</i>	299
<i>Резюме на английском языке</i>	301
<i>Содержание «Альманаха библиофила». Выпуски XI—XX</i>	304

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск двадцать первый

Редактор ВОК *Л. И. Антипова*. Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*. Художественный редактор *В. В. Ситников*. Технический редактор *А. З. Коган*. Корректор *Н. М. Весельницкая*

НК

Сдано в набор 13.02.86. Подписано в печать 10.09.86. А11501. Формат 60×84^{1/16}. Бум. офсетная № 1-70 г., офсетная 120 г. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,14+0,93. Усл. кр.-отт. 44,64. Уч.-изд. л. 19,16+0,60. Тираж 75 000 экз. Изд. № 4309. Заказ № 2229. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054, Москва, Валовая, 28.

Адрес редакции:

103009, Москва, Большой Гнезниковский переулок, д. 10,
«Альманах библиофила».

Телефон: 229-23-47.

Рукописи не возвращаются.